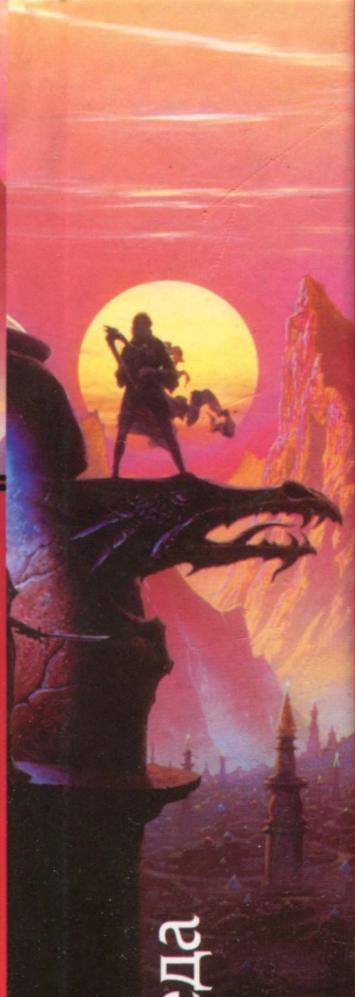

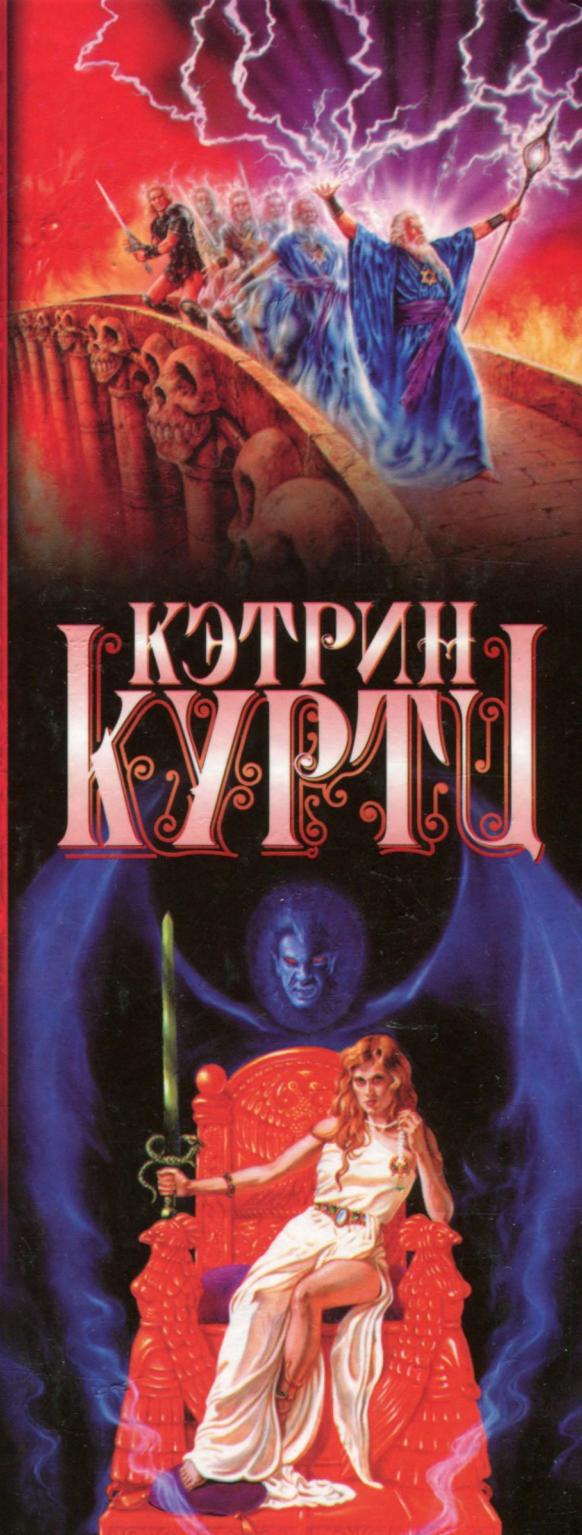
Скорбь Гвиннеда

Кэтрин
Курти

Скорбь Гвиннеда

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

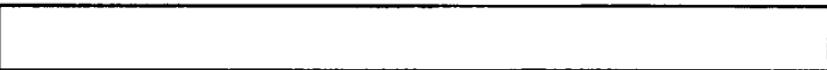
KATHERINE
KURTZ

**The Harrowing
of Gwynedd**

КЭТРИН

КУРТИЦ

Скорбь Гвиннеда

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва

2001

ББК 84 (7США)

К93

Серия основана в 1999 году

Katherine Kurtz

THE HARROWING OF GWYNEDD

1989

Перевод с английского Н. Баулиной

Серийное оформление А. Кудрявцева

Иллюстрации П. Кудряшова

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная Александром Корженевским.*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Оригинал-макет подготовлен издательством «Северо-Запад Пресс».

Подписано в печать 15.06.01. Формат 84×108^{1/1}.
Усл. печ. л. 29,40. Тираж 15000 экз. Заказ № 1044.

Куртц К.

К93 Скорбь Гвиннеда: Роман / К. Куртц; Пер. с англ. Н. Баулиной. —
М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 558, [2] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-009328-4

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «мечи и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магии за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенно — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ББК 84 (7США)

© Katherine Kurtz. 1989

© Перевод. Н. Баулина, 2001

© Оформление.

ООО «Издательство АСТ», 2001

© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2001

СКОРБЬ ГВИННЕДА

Пролог

**Восславим же людей великих,
и отцов наших, что зачали нас¹**

Сребристый магический огонек освещал путь Ивейн Мак-Рори по узкому, вырубленному в скале проходу. Он разгонял мрак впереди, бросая инеистые отблески на уложенные в косу золотистые волосы, но черное платье женщины поглощало остальной свет.

Сегодня поутру настроение у нее было таким же тягостным, как эта тьма вокруг. Она почти не спала с прошлой ночи, после того как они с Джоремом наконец закончили свою работу. Никто кроме них двоих не знал о тайне, сокрытой глубоко в недрах этого михайлинского убежища, которое они некогда называли домом,— двенадцать лет назад, когда отставали трон для ныне покойного короля. И знание это они намеревались сохранить любой ценой,— а возможности Ивейн и ее родных были очень велики, как имели в том возможность убедиться регенты нового правителя. И все же Ивейн миновала последний поворот с опаской и чувством смутной неловкости.

Входной проем был залит светом, мерцающим и прохладным, но одно движение руки — и сияние расступилось, подобно занавесу. Ивейн, распахивая

¹ Екклесиаст 44:1 (Апокриф.)

дверь, чуть заметно улыбнулась... безрадостно, попросту отмечая, что все в порядке; ибо то, что ожидало ее в крохотной комнатке, одновременно внушало надежду и страх.

— Я здесь, отец,— прошептала она, но подняла глаза лишь когда закрыла за собой дверь. Впервые за эти два дня, с тех пор как они с Джоремом привезли его из монастыря святой Марии, она осталась с ним наедине.

Оборачиваясь, она осенила себя крестным знамением, вновь испытывая душевную боль при виде неподвижного тела в синих одеждах, с головы до пят обернутого в белоснежный саван. Дрожащими руками отогнула ткань, скрывавшую любимое лицо, и аккуратно расправила ее. Но не заплакала. У нее больше не было слез, чтобы плакать.

— *Камбер. Камбер Кайрил Мак-Рори. Отец Камбер. Отец.*

Ивейн с любовью повторяла эти имена, опускаясь на колени перед мертвецом, прижимая пальцы к губам, чтобы унять дрожь.

О, отец, ты знаешь, что они сделали? Они называли тебя Элистером Келленом все эти двенадцать лет... и десять лет — святым Камбером. А теперь вознамерились опорочить оба этих имени. Они называют тебя предателем и еретиком, набивают свои сундуки, пользуясь властью при нашем юном короле.

Не сводя с отца глаз, она покачала головой, пытаясь утешиться мыслью, что теперь, по крайней мере, ему ни под кого больше не нужно подстраиваться, не нужно пытаться соответствовать чьим-то чаяниям. Двенадцать лет он носил личину Элистера Келлена, и остатки ее уйдут с ним даже в могилу. Коротко стриженные серебристые волосы были выбриты с тонзурой, как носил его альтер-эго; однако обоим нрави-

лось синее одеяние михайлинцев. Но гладкое, круглое лицо, освещенное теперь лишь магическим огнем, принадлежало только ему одному.

В смерти он казался куда более суровым, чем при жизни, даже по сравнению с Элистером, и все же любимое лицо выглядело умиротворенным, агония последних минут отступила, и те, кто близко знал его, даже могли углядеть в уголках губ потаенную улыбку.

— Что же, регенты в конце концов получат свою награду, если будет на то воля Божья, — подумала она. — Что знают об истине эти люди, привыкшие лгать и извращать правду по своей прихоти? Предателем и еретиком ты не был никогда, они твердят это лишь чтобы добиться своих грязных целей. Ты больше не Элистер Келлен, хотя священником останешься вовеки. Святой ли ты, я не знаю. Но ты был и остаешься моим отцом, наставником и другом.

Склонив голову, она прикрыла глаза, сожалея лишь, что не может точно также закрыться и от воспоминаний — не думать больше о том, как неделю назад обнаружила его мертвым, рядом с трупом Джебедии, на снегу, запятнанном их кровью, застывшей ледяной коркой.

Но хотя казалось, что жизнь покинула «Элистера Келлена» так же, как и Джебедию, Ивейн втайне была уверена, что он не умер по-настоящему, а лишь связан сильными, глубокими чарами, которые большинство колдунов считали легендой. Она была достаточно тренированным Дерини, чтобы не отдавать себе отчета в том, что подобные рассуждения могут быть лишь иллюзией, вызванной подспудным нежеланием примириться с фактом его гибели; но сердце любящей дочери, лишившейся недавно также мужа

и первенца, шептало в надежде: «А что, если это правда? Что, если...»

— *Помоги мне отец! Что мне делать?* — выдохнула она и подняла голову, чтобы вновь взглянуть на него, спустя несколько секунд. — *Я не знаю, где ты сейчас. Если ты и впрямь... ушел безвозвратно... тогда молюся всем сердцем, чтобы ты обрел успокоение в руце Божией, как того заслуживает твоя прекрасная душа.*

Но вдруг ты и правда не умер? Что это — просто моя любовь жаждет удержать тебя здесь еще хоть ненадолго, или и впрямь какая-то частичка тебя продолжает цепляться за жизнь, чтобы мы, смертные, могли каким-то образом вернуть тебя к нам?

Позади она ощутила колебание защитных пологов, затем услышала, как тихонько отворилась и закрылась дверь. Джорем опустил руку ей на плечо и встал на колени рядом с сестрой, вознося молитву за отца. Затем перекрестился, коротко, почти машинально, и в упор взглянул на Ивейн. Серые глаза встретились с синими.

— Ансель ждет, чтобы ты сменила его, — произнес он негромко. — Остальные дожидаются нас в Дхассе.

Ивейн со вздохом кивнула и встала; он также поднялся на ноги.

— Да, вероятно, пора заняться делом, — прошептала она. — Я слишком долго предавалась скорби.

Джорем натянуто улыбнулся.

— Не будь так строга к себе. Ты потеряла не только отца, но и мужа с сыном. Я первым сказал бы, что горевать слишком долго — эгоистично и пагубно для души, однако потерю надлежит оплакивать.

— Да, и я оплакала ее сполна. Теперь пришло время строить планы на будущее. Райсу с Эйданом я ничем не могу помочь, но что касается отца...

— Лучше бы ты не говорила мне об этом.

— Джорем, мы не раз уже все обсуждали...

— Но это не означает, что твой замысел мне по душе.— Он вздохнул, скрестив руки на груди.— Прослушай. Он прожил долгую, плодотворную жизнь под собственным именем. Затем, приняв облик Элистера Келлена двенадцать лет назад, прожил еще целую новую жизнь, в возрасте, когда большинство людей уже помышляют лишь о встрече с Творцом. Прости Господи, ему был семьдесят один год, Ивайн. Почему бы просто не оставить его в покое?

— А если он был не готов к смерти? — возразила она.

Джорем хмыкнул, горестно качая головой, и опустил взор на укутанное в саван тело.

— До чего похоже на отца — надеяться принять это решение вопреки Божьей воле!

— В чем же тут дерзость, если Господь сам дал ему средства к этому, и он никому не причинил зла? Труд его жизни не был завершен.

— Каждый человек, умирая, может сказать о себе то же самое. Чем он лучше всех нас?

Несмотря на всю серьезность их спора, она усмехнулась.

— А ты хочешь сказать, он ничем от нас не отличался?

— Ты сама знаешь ответ,— пробормотал Джорем.— Конечно, отличался. Но дело не в этом.

— А в чем же тогда?

Он вздохнул.

— Это тот же самый вопрос, что он задал себе, когда умирал Райс. К тому времени он был вполне уверен, что способен наложить эти чары — и мог бы удержать Райса среди живых, пока не подоспел бы Целитель.

И все же он опасался, что заклятье такой силы, способное заставить отступить саму Смерть, имеет столь огромную цену, что заплатить ее не сможет ни один из них. Собой он готов был рискнуть — но не взялся решать за другого человека, ставя под угрозу его бессмертную душу.

— Однако если отец наложил эти чары сам на себя, то тут, кроме него, никто не замешан, — напомнила Ивейн.

Джорем кивнул.

— Верно. Но, повторяю, это заклятье очень мощное. Если отец неким странным, таинственным образом все еще жив, кто может быть уверен, что он не предпочел бы, чтобы все осталось как есть? Кто мы такие, чтобы пытаться затянуть его назад?

Она покосилась на лежащее перед ними тело, затем вновь укрыла лицо белой тканью. Чуть ниже, под складками, угадывались очертания рук, не сложенные мирно на груди, как у Джебедии, а чуть заметно... скрюченные. Она не сомневалась, что он пытался вызвать чары, удерживающие Смерть. Но вот преуспел ли он в том, или нет, они не знают, пока не попытаются снять заклятье и вернуть его.

Однако она была уверена: он хотел, чтобы они попробовали сделать это.

— Джорем, я знаю, это нелегко, — произнесла она, не глядя на брата. — Но мы и не ждали простых ответов. На самом деле, вопрос даже не один, их несколько. Прежде всего, если он вызывал эти чары, но потерпел неудачу, тогда он сейчас мертв, и, что бы мы ни делали, это не имеет никакого значения — тогда нет и греха попытаться... А вот если он сейчас под действием заклятья, то тут есть три возможности. Либо мы снимаем чары и возвращаем его в наш мир — чего он, вероятно, и хотел, чтобы иметь

возможность продолжить дело своей жизни. Либо снимаем чары, и он умирает... тогда, по крайней мере, душа его вернется к нормальному циклу жизни и смерти. Либо, наконец, у нас ничего не выйдет, и все останется как есть... Но мы не имеем права оставить его вот так, не зная, могли ли мы чем-то помочь, и ничего не сделав. А вдруг он каким-то образом угодил в ловушку внутри этого тела? Как можем мы похоронить его, не будучи до конца уверенными?

С этим трудно было поспорить, и Джорем кивнул.

— Да, это неоспоримый довод,— согласился он.— Не могу представить, что может быть ужаснее, чем очнуться в могиле и понять, что тебя погребли заживо.

— Зато я могу,— прошептала Ивейн, не глядя на брата.— Еще ужаснее — оказаться прикованным к телу, которое действительно, по-настоящему умерло и... разлагается.

С содроганием, Джорем тряхнул головой.

— Слава Богу, этого пока нет и следа. И кстати, дело не только в том, что здесь холодно. Похоже, скорее, как если бы Райс... какой-то Целитель наложил на него охраняющее заклятье,— неловко поправился он.— Тело Джебедии выглядит... совсем по-другому.

— Да, равно как и тело настоящего Элистера Келлена, а на него-то налагали предохраниющие чары,— отозвалась она негромко.— Но мы проводили *считывание смерти* с Элистера и Джебедии. Мы точно знаем, что они мертвы.

Джорем вздохнул, опуская голову.

— Да, а с отца *считать* не сумели. Стало быть, он не умер. Или это работают установленные им блокировки, которые охраняли личину его альтер-эго...

— От нас? — перебила Ивейн. — Джорем, ведь дело не в том, что там нечего *прочесть*. Нам просто что-то мешает! Он точно знал, что мы скоро подоспеем туда. Зачем бы ему закрываться от нас?

— Незачем.

— Вот и я того же мнения. — Она как-то странно покосилась на брата. — Но тебя тревожит что-то еще?

Джорем с неловким видом откашлялся — ему явно не слишком-то хотелось произносить это вслух.

— Ну... Только пойми, что я сам в это не верю... — Он склонил голову набок, подыскивая нужные слова. — Помнишь, когда все решили, будто отец погиб, и хотели объявить его святым, мы не решались показать тело, из страха, что все узнают, что это, на самом деле, Элистер Келлен? Тогда епископы провозгласили, будто он был «телесно вознесен на небеса», и воспользовались этим доводом в пользу канонизации. Но если святой не возносится на небеса, что тогда происходит с телом?

— Его мощи не подвержены разложению, — выдохнула Ивейн. — Они остаются нетленными.

— Точно. И сейчас перед нами именно такое нетленное тело... по совершенно неизвестной нам причине. — Джорем покосился на мертвца с благоговейным страхом. — Ивейн, а что, если он, *и вправду*, святой?

Глава первая

Слушай слова мудрых, и сердце твое обрати к моему знанию¹

Должен признать, ничто в этой жизни не давалось мне так тяжело, как похороны этих троих,— часом позже поведал Джорем своим соратникам в Дхассе, тщетно стараясь не вспоминать о четвертом мертвеце, которого он оставил надежно укрытым в подземельях часовни, где упокоились первые трое.— Я понимаю, сейчас нам следует преодолеть гнев и негодование и, как они сами того, несомненно, желали бы, посвятить себя благотворному созиданию, но не стану делать вид, будто способен в одночасье позабыть о своем горе. Пока что придется просто стараться пережить это, день за днем... или даже от часа к часу, когда станет совсем тяжко.

Он расхаживал взад и вперед по покоям епископа Ниеллана в осажденной Дхассе, суровый и угрюмый, в черной монашеской рясе, вместо ставшего ныне слишком опасным синего михайлинского одеяния — хотя еще накануне он именно в этом плаще присутствовал на похоронах. Светлые волосы, выстриженные с тонзурой, как у обычного священника, вспыхнули золотистым ореолом под лучом солнечного света, пробивавшимся в восточное окно. Ниеллан, восседавший во главе длинного стола, при

¹Причи 22:17 (Апокриф.)

виде знамения, осенившего сына святого Камбера, едва удержался, чтобы не перекреститься, хотя и сам, подобно Джорему, был Дерини, и не из последних.

Остальные за епископским столом также были Дерини, все, кроме молодого человека слева от Ниеллана, облаченного в епископский пурпур. Дермот О'Бирн, низложенный епископ Кешиена, встал на сторону Ниеллана в то роковое Рождество, две недели назад, когда казалось, что у него просто нет иного выхода. Регенты, при активной поддержке молодого короля, напали на собор в Валорете, тем самым положив конец недолгому пребыванию Элистера Келлена на посту архиепископа Валоретского.

Теперь не осталось никакой надежды смягчить ненависть регентов к Дерини и остановить их растущее влияние на иерархов Церкви. Один из регентов занял престол примаса всего Гвиннеда и первым делом поспешил отлучить от Церкви обоих Дхасских епископов.

Той же каре подверглись и остальные священнослужители, нашедшие убежище у Ниеллана, за то что не отреклись от своего господина и не склонились перед назначенным ему преемником.

Справа от Ниеллана восседал его капеллан и личный Целитель, брат Рикарт, гавриилитский священник, чья белая ряса разительно контрастировали как с пурпуром одежд епископа, так и с траурными платьями остальных присутствующих. Рикарт был ровесником Ниеллана, но в его густых каштановых волосах, по обычаям Ордена, зачесанных назад и тугозаплетенных в косу, не пробивалось еще ни единого седого волоска, тогда как аккуратно подстриженные волосы и бороду епископа уже щедро припорошило инеем.

Другой Целитель, чуть помоложе, сидел напротив Рикарта, рядом с Дермотом, однако нынче в одежде ничто не выдавало его призвания. На нем была не-приметная бурая туника и такая же шерстяная на-кидка.

По возрасту он также был, казалось, слишком юн для Целителя, хотя еще всего пару недель назад неотлучно находился в этом качестве и как личный наставник при принце Джаване, хромоногом брате-близнеце и наследнике молодого короля. Одаренный, хотя порой и слишком своеольный Тавис О'Нилл прежде не входил в свиту епископа, однако Ниеллан дал ему пристанище, когда молодой человек был вынужден бежать из Валорета. Он оставался единственным из Дерини, кто имел возможность изредка общаться с принцем.

Кроме того, насколько им было известно, Тавис обладал редчайшим даром, в котором крылась их последняя надежда на возрождение расы Дерини в будущем — хотя цена спасения могла оказаться слишком велика.

Сейчас он сидел, склонив рыжеволосую голову, словно погруженный в глубокие раздумья; прозрачные глаза смотрели хмуро, а правая рука рассеянно потирала кулью левой, лишенной кисти.

На дальнем краю стола семнадцатилетний Ансель Мак-Рори угрюмо вертел в руках кинжал. Светло-золотистые волосы выдавали в нем близкого родича Джорема; но и без того собравшимся было известно, что он — его племянник.

По праву рождения, именно Ансель должен был бы стать теперь графом Кулдским, как наследник старшего сына Камбера, однако в глазах закона он теперь был не более, чем изгоем, подобно самому Джорему и всем остальным в этой комнате.

Остальные члены свиты Ниеллана сидели вокруг стола, среди них были его канцлер, ризничий и командир гарнизона, единственный, кто до сих пор носил синюю михайлинскую рясу с белым кушаком.

Ниеллан со вздохом покачал головой, не отрицая того, о чем говорил Джорем, а лишь в знак мрачного смирения.

— Да, это огромная потеря,— пробормотал он.— Элистер, Джебедия и Райс. И, увы, я опасаюсь, что нам предстоит пережить еще множество бед, пока ситуация не изменится к лучшему. Тот, кто не способен принять это, лишь подвергнется еще большим опасностям, чем до сих пор.

— Именно поэтому я и хочу, чтобы вы незаметно покинули Дхассу,— негромко заметил Джорем.

— Не буду даже пытаться возражать,— согласился Ниеллан,— но попробуй все же встать на мою точку зрения. Будучи епископом Дхассским, я был пастырем для всей епархии, без исключения. Верно, у меня есть обязанности перед Дерини, однако я не могу покинуть и простых людей, когда они больше всего нуждаются во мне.

— Верно, и все же нельзя ждать слишком долго и рисковать, что вас могут схватить,— возразил Джорем, опираясь о спинку стула Анселя.— Это никому не пойдет во благо, если не считать регентов, которые желают вам смерти.

С улыбкой Ниеллан покрутил на пальце епископский перстень с аметистом.

— Тогда я в хорошей компании,— заметил он небрежно,— Ибо за ваши с Анселим головы назначена еще более высокая награда, чем за мою. Но не тревожься, друг мой. У меня нет тяги к бессмысленному самопожертвованию. Я останусь в Дхассе, пока

смогу, но лишь с той целью, чтобы убедиться, что регентам в руки не попадет ничего лишнего.

— Включая самого Джасского епископа? — воскликнул Ансель.

— Включая Джасского епископа, — повторил Ниеллан, наградив паренька ласковой улыбкой. — но ты должен помнить, мой дорогой мальчик, что этот титул больше ничего не значит по отношению ко мне, теперь, когда один из регентов стал нашим новым архиепископом.

— *Моим* архиепископом Хьюберт Мак-Иннис никогда не будет, — коротко заметил Джорем, вновь принимаясь расхаживать по залу.

— Моим тоже, — согласился Ниеллан. — Однако он остается им в глазах всех тех, кому не ведомо, что избранию его на сей пост предшествовали горы лжи, измены и убийства. Для них он — старший архиепископ и Примас всего Гвиннеда... и горе пастве при таком пастыре!

— Если бы мог, я бы убил его! — впервые за все время подал голос Тавис О'Нилл.

— И предал бы обет Целителя? — поразился брат Рикарт, облекая в слова изумление, овладевшее многими из присутствующих.

— Что мне за дело до целительских обетов, если они защищают такого человека как Хьюберт Мак-Иннис! — рявкнул Тавис, сверкая голубыми глазами. — Я не гавриилит, чтобы покорно склониться перед убийцами. Я не собираюсь, подобно глупой овце, подставлять шею регентам, как твои братья в монастыре святого Неота. И не позволю, чтобы принц Джаван стал их следующей жертвой — пока у меня еще есть силы помешать этому!

— Ну, будет тебе, Тавис, уймись! — принял уверещевать его Джорем, садясь на стул рядом с Рикар-

том. Ниеллан с Дермотом также попытались утихомирить бунтаря. — Никто не требует от тебя ненужных жертв — и не упрекает, что ты плохо заботился о принце.

— Конечно, нет, — торопливо согласился Рикарт. — Принц Джаван — наша единственная надежда рано или поздно воспрепятствовать планам регентов. Но молю тебя, Тавис, не пытайся убить Мак-Инниса!

— Так значит, пусть наши братья останутся неотмщеными? — грозно вопросил Тавис.

Ансель и рыцарь-михайлинец на другом конце стола негромко пробормотали что-то про божественное воздаяние; Рикарт покачал головой.

— Мой дражайший друг, не сомневайся, Хьюберт Мак-Иннис поплатится за все свои злодеяния. За все те беды, что он причинил не только моим братьям гавриилитам, но и простым людям, павшим жертвой его алчности. Но не нам надлежит алкать мести, ибо Господь сказал: «Мне отмщение и аз...»

— Да, да, конечно, но Господь обычно действует посредством смертных, — вмешался Джорем, поднимая руку, чтобы привлечь внимание. — Пожалуйста, Рикарт, не надо нам сейчас теологических дебатов. Тавис не принадлежит ни к гавриилитам, ни к михайлинцам, поэтому вы спорите с разных позиций. Если вы двое желаете продолжить дискуссию позже, наедине, это другое дело. Но сейчас меня тревожат вещи куда более важные, и прежде всего — судьба принца, которого мы все стараемся защитить по мере сил и возможностей. Так что я хочу спросить, Тавис, ты должен встретиться с ним сегодня?

Слегка пристыженный, Целитель кивнул.

— Да. И ведь он еще не знает о смерти Элистера и Джебедии. По крайней мере, я ему об этом не говорил. Я сам узнал об этом вскоре после нашей по-

следней встречи и не хотел возвращаться сразу, чтобы не рисковать понапрасну.

— Сочувствую. Тебе придется нелегко — принести такие известия... — заметил Ниеллан.

Тавис пожал плечами и тряхнул головой.

— Возможно, кто-то другой уже сообщил ему. Такие новости разносятся быстро. Если об этом узнали в Валорете, можно не сомневаться, что регенты молчать не станут.

— Еще бы! — хмыкнул Ансель. — Да они будут на улицах плясать!

Джорем, знаком велев племяннику успокоиться, вновь обернулся к Тавису.

— Разумеется, реакция регентов нам очень интересна, — произнес он негромко, — но безопасность Джавана — важнее всего. Я так понимаю, если все будет в порядке, ты доложишь нам завтра утром?

Тавис молча кивнул.

— Что же, — вздохнул Ниеллан. — Тогда, полагаю, нам придется ждать до утра. Но ты правильно сделал, что не стал подвергать принца ненужному риску. Что бы ни случилось, мы должны охранять его. Однако я не уверен, что когда регенты узнают, что двое их основных врагов мертвы, это уменьшит их жажду крови. Возможно, что и наоборот.

Дермот с трудом выдавил улыбку.

— Скорее всего, они используют их гибель, чтобы возобновить поход против двоих других священников, которые так им досаждают. Полагаю, нам должно польстить такое внимание Рана и его солдат, под стенами Дхассы.

— Именно поэтому я и говорю, что нам не следует здесь слишком уж задерживаться, — подтвердил Ниеллан. — Так что давайте вернемся к вопросу о монастыре святой Марии. Джорем, как ты думаешь,

сколько времени должно пройти, прежде чем там вновь станет безопасно? Когда я буду готов уйти из Дхассы, мне понадобится убежище для всех моих людей.

— Тогда вам лучше отправлять их через новый Портал Грегори в Тревалге, — откликнулся Джорем. — Я скажу ему, чтобы на той неделе он передал вам координаты. Оттуда людям будет проще рассеяться в Коннаите; в тех краях народ куда лучше относится к Дерини, чем у нас.

— То есть пока, ты считаешь, в обители святой Марии слишком опасно? — спросил рыцарь-михайлинец.

Джорем вздохнул.

— Если бы Элистер с Джебедией не погибли в двух шагах от монастыря, все было бы куда проще. Не помню, говорил ли я вам, что одному из убийц удалось ускользнуть? Насколько мне известно, люди Манфреда Мак-Инниса сейчас прочесывают окрестности в поисках трупов — а значит, для Дерини в тех местах появляться слишком опасно. По правде сказать, я очень тревожусь, что Кверон отправился туда.

— А когда, ты думаешь, он должен приехать? — спросил Рикарт.

— Со дня на день, — отозвался Джорем. — Братья ожидают его, но они никому, кроме нас, не скажут ни слова. Мы с Ивейн, перед тем как уйти оттуда, сделали все необходимое. Конечно, это заклинание слабенькое и долго не продержится, но мы поставили на то, что пока в распоряжении Манфреда нет ни одного Дерини, который бы помог ему... и у него нет никаких поводов подозревать монахов в том, что они что-то скрывают.

Ниеллан хмыкнула.

— Бедняга Кверон отправился прямо в пасть ко льву. Думаешь, он знает?

Ансель невесело усмехнулся.

— Если и нет — то узнает. И очень скоро.

• • •

Действительно, Кверон Киневан уже знал, что солдаты разыскивают Дерини, хотя и не знал о причинах этих поисков. Вот уже несколько дней он избегал конных патрулей. В ночь накануне того дня, когда Джорем отчитывался перед собратьями в Дхассе, Кверон нашел убежище от солдат и надвигающейся снежной бури в хлипком дощатом овине, зарывшись поглубже в стог сена. Там его, свернувшегося в жалкий, дрожащий клубок, и застал рассвет, чуть тронувший свинцово-серое небо.

Он знал, что спит и видит сон, но не мог заставить себя пробудиться. Ни разу за последние две недели, с тех пор как начались эти кошмары, ему это не удавалось. Сновидения, подпитываясь воспоминаниями, от разу к разу становились все сильнее и ярче. И даже когда он пытался дремать днем, сны все равно приходили, душераздирающие реальные, как и ночью.

В видениях всегда были сумерки — сумерки того самого дня, две недели назад, когда во дворе Долбана наконец погасли костры. Отсюда, с вершины холма над аббатством, где наблюдал за происходящим застывший от ужаса Кверон, теперь можно было бы вообразить, будто ничего особенного и не случилось вовсе — ибо солдаты не тронули ни здания, ни постройки.

Но они не пощадили братию. И именно в этом была причина ссоры между Квероном и его юным

спутником. Первые языки пламени уже взметнулись к небесам, когда они с Реваном взобрались на вершину холма, преследуя распаленных виллимитов. Спускаясь по склону, те вразнобой затянули какой-то воинственный гимн, на все лады проклиная магию и призывая гнев Господень на нечестивцев-Дерини. Тогда как во дворе...

— Господи Иисусе, что они делают? — задохнулся Кверон, падая в снег на колени — по крайней мере, у него хватило здравого смысла не закричать в полный голос.

Ибо солдаты там, внизу, похоже, приняли песнопения виллимитов как руководство к действию. Во дворе в землю вбили несколько дюжин кольев, к которым теперь привязывали мужчин и женщин в окровавленных серых рясах, — и солдаты принялись избивать их бичами, с легкостью вспарывавшими одежду... и человеческую плоть. Кверон не верил собственным глазам, ведь он был аббатом у этих несчастных — в Ордене, который сам и создал, дабы почтить память святого Камбера. И лишь благодаря случайной удаче он сам не оказался там, среди этих людей, на третий день после Рождества 917 года, в праздник, так подходяще именуемый Днем Святых Невинных. Но он понял это лишь много позже...

Тем временем, солдаты пустили в ход ножи и щипцы, проливая реки крови; по счастью, Кверон был слишком далеко, чтобы видеть все подробности. Но достаточно близко, чтобы понять, что происходит, когда к подножьям столбов стали сваливать вязанки хвороста. Часть из них тут же подпалили, и отчаянные крики наполнили округу, далеко разносясь в холодном зимнем воздухе.

— Боже, это невозможно, — всхлипывал Кверон. — Реван, мы должны остановить этот кошмар!

Но молодой человек, не Дерини, необученный, и даже не благородного происхождения, лишь покачал головой в ответ, ибо здравый смысл, который часто утрачивают люди более образованные, говорил, что вдвоем они здесь совершенно бессильны.

— Мы ничем не сможем им помочь, сударь,— прошептал Реван.— Если мы пойдем туда, то только зря жизни положим. Вы, может, и хотите умереть, но на мне долг перед лордом Райсом и леди Ивайн. Ради них я готов всю кровь отдать, но не думаю, что они бы велели мне сделать это здесь, в Долбане.

Кверон, однако, не желал его слушать, ибо нечто сродни безумию охватило его при виде бесчинств, творящихся внизу.

— Я могу помочь! — шептал он.— Я испепелю их магией! Я дам им отведать гнева святого Камбера, из рук его слуги. Магия способна...

— Ну примените вы магию против них, и что тогда? — возразил Реван, хватая аббата за рукав и притягивая к себе.— Разве вы не понимаете, что тогда вы сделаете именно то, о чем твердят регенты? В чем они обвиняют Дерини?.. Вы этого хотите?

— Да как ты смеешь указывать мне? — рявкнул Кверон ледяным голосом— Руки прочь от меня, Реван, и отойди с дороги. Ну же!

Молодой человек без лишних слов повиновался, словно испугавшись. Но когда Кверон взмахнул руками, готовясь сотворить магическое заклятье, Реван поднял деревянный посох, который до сих пор держал под мышкой, и ловко огрел им Кверона, словно дубинкой, как раз за левым ухом. В глазах у аббата помутилось, и он беззвучно рухнул в снег, так что голос Ревана донесся до него словно из невообразимой дали.

— Простите, сударь, но это глупо — так жертвовать своей жизнью! — прошептал юноша, роясь в вещах Кверона в поисках целительских снадобий.— Гавриилит вы или нет, но я вам этого не позволю.

На этом спор и завершился. Благодаря успокоительному средству, что Реван дал ему с талым снегом, Кверон хоть и оставался в сознании, но был не в силах оказывать сопротивление. Тогда-то впервые к нему и пришли видения — он видел, как мучают и убивают его собратьев; красок и жизни этому кошмару добавляли крики, доносиившиеся из аббатства.

Постепенно удлинялись зимние тени... Через какое-то время душераздирающие вопли затихли, и слышалось лишь потрескивание сучьев в кострах, потом смолкло и оно, сменившись шелестом ветра и шепотом падающего снега, милосердно прикрывшего ужасное зрелище.

Сейчас ветер тоже завывал где-то снаружи, и Кверон, ворочаясь в стогу, едва слышно застонал. Он вновь попытался вырваться из цепких когтей кошмара, но тот крепко держал свою жертву. Он даже захныкал, словно ребенок, когда ужасный сон вновь увлек его в свои глубины, заставляя вспоминать то, что он узнал от Ревана, когда очнулся под вечер, на холме у аббатства.

— Все кончено,— произнес Реван негромко, тяжело опираясь на свой посох и озирая мир вокруг, подобно новоявленному Иоанну Крестителю. Кверон неожиданно поймал себя на мысли, что ничего не понимает в происходящем.

— Верно, это кажется нелепым,— согласился Реван, так, словно читал мысли аббата — хотя Целитель был уверен, что это невозможно.— Какой смысл, какой хотя бы намек на правосудие может быть в том, чтобы замучить до смерти шестьдесят мужчин и

женщин, лишь за то, что они поклонялись памяти человека, которого считали святым?

— И все же они сделали это, и именно по этой причине,— прошептал Кверон, и в глазах его вновь помутилось при виде почерневших столбов во дворе и солдат, что невозмутимо расхаживали между ними.

— Именно так.— Реван обернулся и в упор взглянул на аббата.— Пока вы спали, я говорил кое с кем из моих «братьев»-виллимитов. А они, в свою очередь, разговаривали с солдатами внизу. Судя по всему, приказ исходил от собрания епископов в Рамосе. Впрочем, вы сами можете узнать все подробности. Давайте, я не боюсь.

Реван, и правда, не испытывал страха, хотя любой другой на его месте испугался бы, ведь он напал на Дерини! Кверон легонько коснулся запястья молодого человека и, сосредоточившись, поразился его безоглядному доверию. Хотя в этот миг Реван, даже если бы пожелал, не смог бы воспротивиться ментальному вторжению, считавшему податливый разум всегда было легче.

Впрочем, Кверон быстро забыл свое удивление, когда узнал основное: что сам святой покровитель аббатства оказался невольно повинен в сегодняшней катастрофе. Ибо люди, что пришли к власти в Гвиннеде, регенты двенадцатилетнего короля Алроя, первым делом поспешили объявить, что покровитель Долбанского аббатства, Дерини Камбер — вовсе не святой, а еретик и предатель... именно тогда судьба обители была решена.

Отныне имя Камбера Мак-Рори было запрещено произносить в Гвиннеде, под страхом ужасающей кары. На первый раз виновного ожидало публичное бичевание, на второй раз — ему вырывали язык... от-

сюда ножи и щипцы в руках солдат, виденные Квероном. На третий же раз преступника ожидала казнь как худшего из еретиков.

Несчастные служители святого Камбера в Долбане никак не могли знать, что нарушают закон — впрочем, если бы и знали, это бы их не остановило, ибо их вера в своего святого покровителя была тверда и не знала сомнений вот уже десять лет. Эдикт, отменявший канонизацию Камбера и грозивший наказаниями за нарушение указа, был провозглашен лишь накануне, за много миль от аббатства, в Рамосе. Враги и не собирались предупреждать их заранее. Епископские солдаты немедленно устремились в обитель и стали захватывать пленных.

Несчастным, без сомнения, зачитали эдикт, начиная бичевания, и те успели в полной мере осознать грозившие им ужасы, когда палачи взялись за ножи и щипцы. Безъязыкие, осужденные не в силах были даже молить о пощаде, отречься или покаяться, когда солдаты принялись подносить вязанки хвороста к столбам и поджигать костры факелами.

Эта насмешка над правосудием, прикрывавшая самое изощренное варварство, так поразила Кверона, что он, покинув сознание Ревана, залился слезами, прикрывая лицо руками.

— Прости, что я так вел себя,— промолвил он наконец. Им повезло, что ветер дул в другую сторону и не мог донести звуки голосов до солдат под холмом... и, по счастью, не доносил больше запаха горящей плоти.— Ты был совершенно прав — магией тут не поможешь.

Утирая слезы тыльной стороной ладони, он набрался мужества смиренно поднять глаза на Ревана.

— Райс был тебе хорошим наставником,— продолжил он вполголоса.— Если бы я соображал получше,

то мог бы догадаться, что ты попробуешь оглушить меня. Но мне и в голову не приходило, что меня могут опоить моими собственными снадобьями!

Реван с трудом выдавил подобие улыбки, глядя на аббата своими светло-карими глазами.

— Скажите еще спасибо, что я не опоил вас мерашей. Вы бы до сих пор не пришли в себя. Но я же не мог отпустить вас на верную смерть, правда?

— Полагаю, что нет.

Кверон со вздохом потребил кончик своей седой косы, выбившейся из-под капюшона, в полной мере сознавая неизбежность болезненного решения.

— Боюсь, я слишком долго не возвращался в мой родной орден гавриилитов,— прошептал он наконец.— Слишком просто стало забыть о том, что я поклялся никогда не отнимать жизни. И это равным образом относится и к самоубийству — хотя там, внизу есть немало тех, кого я бы прикончил с огромной радостью!

Он покосился на полускрытый в сумерках монастырский двор, проследил взглядом за факелами стражей, расхаживавших между столбами с казнеными, затем вновь задумчиво посмотрел на Ревана.

— Скоро совсем стемнеет. Полагаю, для нас обоих будет безопаснее, если дальше я пойду один.

— Почему? — удивился Реван.— Никто же не знает, кто вы такой.

— С одной стороны, да,— согласился Кверон и вновь потребил свою косу.— Но когда увидят вот это, то будут знать, к какому ордену я отношусь, поскольку такие прически носят лишь гавриилиты и Слуги святого Камбера. Однако в этих краях, памятуя о случившемся в обители, сей символ может вызвать подозрения и привести к... опасным расспросам.

сам. Скажи, такой ли ты добрый цирюльник, как и лекарь?

Реван в изумлении покосился на аббата.

— Прошу прощения, сударь?

— Я хочу, чтобы ты обрезал мне волосы, Реван.— Кверон перебросил косу через плечо.— Я носил ее очень долго, и мне будет жаль с ней расстаться, но боюсь, теперь это слишком опасно, а преимуществ никаких. Основатели нашего ордена никогда не предполагали, что это украшение может привести когда-нибудь к гибели их последователей.

Реван, с трудом скрывая неловкость, извлек из-за пояса небольшой нож, которым резал хлеб и сыр, и неуверенно потрогал лезвие. Кверон повернулся к нему спиной.

— Ну, давай,— пробормотал Целитель.— Не старайся навести красоту. Просто отрежь, и дело с концом. Не тянуть же с этим до утра!

Он постарался расслабиться, чувствуя, как пальцы Ревана подбираются к основанию косы, ощущая удивление молодого человека, когда тот обнаружил, что коса сплетается из четырех прядей, а не из трех, как обычно; хотя тот и не стал ни о чем спрашивать.

— Такая коса у нас называется *‘дуда*,— негромко пояснил Кверон, натянутый, как катапульта, пока Реван перерезал густую массу волос своим ножом.— Четыре пряди наделены особым значением. Я не вправе объяснить тебе, каким именно, если не считать очевидной связи с четырьмя архангелами и четырьмя Силами Природы, но поскольку ты явно обратил на это внимание, было бы несправедливо не сказать об этом.— Он тяжело вздохнул, пытаясь одолеть охватившую его дрожь.— Никогда не касалась моих волос с того дня, как я принес первые обеты — а это было почти двадцать пять лет назад.

Косу полагается сжечь, с особым обрядом, когда позволят место и время.

Процедура эта причинила ему не только физическую, но и душевную боль, и сейчас во сне Кверон вновь переживал утрату. Он принялся ворочаться, застонал и наконец пробудился, машинально потянувшись к кошелью на поясе. Сердце его колотилось в груди, дыхание вырывалось тяжело и со свистом, но коса оказалась на месте, туга свернутая на дне кожаного мешочка.

Слава Богу!

Понемногу, слепая паника улеглась, сердце забилось ровнее, дыхание успокоилось. Немного погодя он принялся осторожно выбираться из стога, щурясь на солнце, отражавшееся в снежных сугробах, ибо «сарай», сберегавший сено, на самом деле являл собой лишь навес на четырех столбах, да и сама крыша не отличалась надежностью. Он знал, что скоро ему придется расстаться с *‘фулои*... и, вероятно, тогда кошмары прекратятся... но сейчас следовало прежде всего добраться до аббатства святой Марии. Добрая селянка, что подала ему, как нищему, ломоть хлеба и миску похлебки, сказала, будто где-то среди холмов неподалеку есть небольшой монастырь, но ни названия, ни точного места она не знала. Хоть бы это оказалась та самая обитель!

Если будет на то Божья воля, он все же отыщет аббатство святой Марии, сказал себе Кверон, с трудом выбираясь из горы сена, поплотнее запахиваясь в плащ и отряхивая налипшую шелуху. Однако это название оказалось весьма популярным в округе, даже чересчур, на его вкус, как бы почтительно ни относился к Святой Деве сам Кверон. С него уже хватало ложных надежд, коих было немало, с тех пор, как он отправился бродить по Кулди... и надоело то

и дело уворачиваться от конных стражей нового графа Кулдского. За те две недели, что он покинул Долбан, ему слишком часто приходилось покидать надежные убежища, чтобы избежать встречи со слугами регентов.

Он также не решался открыто пользоваться своим даром, чтобы как-то улучшить положение. В нынешние неспокойные времена даже просто *быть* Дерини казалось слишком опасно. Дерини могли убить, независимо от того, пользовался он магией, или нет.

Но, возможно, сегодня все будет по-другому. По крайней мере, снежная буря как будто выдохлась... Капюшон соскользнул с головы, пока Кверон бился в тисках кошмарных снов, и теперь он пригладил пальцами промокшие волосы, внимательно озираясь по сторонам. Ничто не нарушало первозданный покой этого утра, выпавший за ночь снег лежал нетронутым.

И вот, на миг пожалев об отсутствии бритвы, Целитель вновь покрыл голову и опустился на колени, дабы вознести благодарственную молитву, как делал это каждое утро. И, как всегда, он помолился также Камберу Кулдскому, прежнему владетелю этих земель, который, для Кверона Киневана, был и останется вовеки истинным Святым.

Глава вторая

**Они были убиты нечестивцами,
что завидовали им неправедно¹**

12 После обеда начался снегопад, но небо оставалось светлым. Ближе к воротам крохотного аббатства, Кверон еще глубже натянул капюшон и, заслоняя озябшей рукой в перчатке слезящиеся глаза от слишком яркого света, стал вглядываться в тонкие колечки дыма, поднимавшиеся над печными трубами.

По крайней мере, на насте он не заметил отпечатков лошадиных копыт, а значит, в округе не было солдат. А дымок означал, что, возможно, нынче он отведает горячего и сможет наконец отогреться. Блуждая по сугробам, Кверон едва не отморозил ноги, а на плаще наросла корка льда.

Если повезет, возможно, эта обитель и есть аббатство святой Марии, которое он так искал — но за последние дни он пережил столько разочарований, что уже не очень-то надеялся на это.

Лошадей не оказалось и во дворе аббатства: еще один добрый знак, что здесь он в безопасности. Кверон замер у калитки, мысленно прощупывая окрестности в поисках скрытой угрозы, и тут же к нему с поклоном приблизился пожилой монах в черном одеянии, как и подобает, прятавший руки в рукавах.

¹ 1-я Клемент 20:7 (Апокриф.)

— Да благословит тебя Всемогущий Господь, добрый путник,— обратился к нему монах.— могу ли я предложить тебе воспользоваться гостеприимством обители святой Марии?

Со вздохом облегчения — ибо, по крайней мере, название аббатства оказалось именно то, что ему нужно,— Кверон откинул капюшон на плечи и ответил на поклон, надеясь, что волосы его еще не настолько отросли, чтобы окончательно скрыть тонзуру.

— Благодарю тебя, брат,— вымолвил он.— Тот, кто дает милостыню непрошеным, дает вдвойне. Да пре-будет благословение Господне на доме сем. Не скажешь ли мне, как зовут вашего настоятеля?

Делая знак Кверону, чтобы тот следовал за ним, монах двинулся через двор по направлению к часовне.

— Имя нашего аббата — брат Кронин,— отозвался он.— Меня зовут брат Тирнан. А ты...

Кверон, которому прежде называли имена не- скольких здешних монахов, незаметно использовал Чары Истины, чтобы убедиться, что ему говорят правду, и лишь тогда окончательно успокоился. У дверей часовни он потоптался на деревянных ступенях, чтобы отряхнуть снег, облепивший сапоги.

— Меня зовут Киневан. Кверон Киневан. Мне ка- жется, вас должны были предупредить о моем приезде.

Обернувшись, монах встал спиной к дверям и испытующе уставился на Кверона.

— О, да, нам сказали, что должен приехать некий гавриилит, и навали его имя,— произнес он негромко.— Но я не вижу здесь гавриилитов.

— Не столь давно я был аббатом... другого орде- на,— прошептал Кверон, не желая поминать святого Камбера, пока окончательно не удостоверится, что

это безопасно.— И не ношу гавриилитскую рясу уже многие годы.

— Однако, насколько мне известно, гавриилитов отличает не только цвет их одежд,— продолжал настаивать монах.— Есть еще одна особенность, и пренебречь ею невозможно. Можешь ли ты иным образом доказать, что ты — именно тот, за кого себя выдаешь?

Кверон позволил себе кривую усмешку. А он смельчак, этот брат Тирнан! Не всякий человек решился бы подступиться с подобными требованиями к незнакомому Дерини. А монах желал узнать, что стало с его косой — тема, совершенно запретная вне Ордена... но, похоже, сейчас это было неизбежно.

— Полагаю, тебе ни к чему демонстрировать все, на что я способен,— тихо вымолвил Кверон, извлечекая из поясного кошеля свернутую косу,— И все же вот этого должно быть достаточно, чтобы успокоить тебя на мой счет.— Он показал свое сокровище онемевшему монаху.— Достаточно доказательств? Увы, но прическа могла выдать меня, сохранить ее не удалось. Прикасаться не советую — но поверь, это мои волосы.

Тирнан испуганно покосился на косу, словно поражаясь собственной дерзости, и затряс головой, спешно отступая на шаг, когда Кверон поднял ее повыше.

— Прошу вас, отец Кверон, войдемте внутрь, не надо стоять на морозе,— пробормотал он, отводя взгляд, и повернулся, чтобы открыть дверь.— Для вас оставили особые указания.

Внутри часовни было ненамного теплее, чем снаружи, и дыхание застывало клубами белого пара. Пряча косу обратно в кошель, Кверон проследовал за братом Тирнаном по центральному проходу

вглубь часовни. Крохотное помещение казалось больше и светлее, благодаря свежевыбеленным стенам. За деревянной загородкой, отделявшей северный придел церкви, слышался какой-то шум — там, похоже, трудились строители, но когда они приблизились к алтарю, все звуки отдалились и затихли. Красным огоньком теплилась единственная лампада...

— Прошу вас, подождите здесь, — попросил Тирнан, когда они остановились на ступенях алтаря, дабы почтить Божество, в честь которого горел этот огонь.

Зaintригованный, Кверон взглядел проследил за монахом. Тот поднялся по ступеням и открыл ключом замок. Из-за каких-то завернутых в ткань реликвий, он извлек маленький замшевый мешочек, не больше ладони. Спрятав его в недрах своей рясы, он знаком показал Кверону подняться с колен и следовать за ним к отгороженному северному приделу.

Через проход в загородке они прошли вперед, и при виде гостей несколько одетых в черное монахов поспешили попасть прочь от алтаря трансепта, перед которым зияла полоса голой земли. Безмолвно поклонившись, монахи принялись укладывать на место каменные плиты — непосвященному могло бы показаться, что они закрывают могилу, однако Кверон догадался, что это и есть тот самый Портал, который собирались построить Ивейн с Джоремом.

— Да благословит Господь ваш труд, — пробормотал Кверон, не желая говорить ничего более определенного, пока не будет знать точно, что за люди его окружают.

Мысленно прозондировав окружающее пространство, он тотчас ощутил знакомое покалывание — это и был Портал. Он осторожно двинулся

вперед и встал точно посередине — к очевидному изумлению зрителей,— но тут его ожидало горькое разочарование. Все усилия Кверона оказались тщетными, и никакой соседний Портал он так и не сумел нашупать. Либо те были слишком далеко, вне пределов досягаемости, либо уничтожены или заперты.

— Любопытно,— пробормотал он вполголоса.— А что, брат Тирнан, больше никаких указаний на мой счет вам не оставляли?

Коротким жестом монах велел своим собратьям удалиться. И лишь когда стихли шаги последнего из них, он приблизился и протянул Кверону мешочек из коричневой замши.

— Леди Ивейн велела, чтобы я вручил вам вот это, но лишь тогда, когда вы встанете на это самое место. Я... мне неведомо, что там внутри, и что произойдет, когда вы это возьмете...

— И все же я должен выяснить.— Кверон торопливо ощупал содержимое мешочка. Что-то плоское и круглое, возможно, металлическое... какой-то амулет?

— Забавно,— прошептал он.— А больше она ничего не просила передать?

Тирнан покачал головой.

— Нет, отче. Но я видел, как они все исчезли через этот Портал. Я знаю, что должно произойти, и не испытываю страха.

— Большая редкость для обычного человека,— заметил Кверон.— Тебе ведомо это, брат Тирнан?

Тот лишь пожал плечами в ответ.

— Я просто невежественный монах, отче, но я доверяю леди Ивейн и отцу Джорему. Ах, да... он сказал, вы узнаете эту вещь, и сразу поймете, что с ней делать.

— Так сказал отец Джорем?

— Да, отче.

— Тогда проверим, насколько он был прав.— Кверон расслабил завязки мешочка и заглянул вовнутрь.

— Так, и что же мы имеем? — Он потянул за тонкую зеленую шелковую ленту, к которой был привязан таинственный предмет.— Это медальон Целителя. Медальон Райса! — выдохнул он, уложив тусклый серебристый диск на ладонь.

На одной стороне было высечено имя Райса и год выпуска из монастыря святого Неота; и Кверон знал, что если перевернет медальон, то увидит герб Райса, увенчанный знаком Целителя — рукой со звездой.

— Но... Райс никогда его не отдал бы. Никому. Если только он не...

Кверон судорожно стиснул медальон в ладони, осознав наконец все значение этого послания. Похоже, он понял наконец, почему Ивейн хотела, чтобы он стоял именно тут, в центре нового Портала, когда развязает мешочек. Ибо что-то случилось с Райсом — скорее всего, молодой Целитель погиб,— и скорбь Кверона должна сыграть роль психического маяка, который поможет Ивейн с Джоремом отыскать его здесь.

Глотая слезы, он затолкал замшевый мешочек на дно своего кошеля и тщательно разгладил шелковую ленту, стараясь больше не смотреть на медальон,— так велико было его горе. Лишь сейчас он вспомнил, что брат Тирнан наблюдает за ним, испуганный и смущенный, и жестом велел ему удалиться.

Монах безропотно повиновался, бесшумно затворил дверь в перегородке, а затем направился к другому проходу, что вел, вероятно, в ризницу. И лишь когда Кверон удостоверился, что наконец остался один, он вновь решился взглянуть на серебристый диск.

Целительский медальон Райса Турина. Теперь герб и рука со звездой оказались вверху, но это ничего не меняло. Как ни крути его, но трагическое послание от этого не исчезнет... На душу Кверона камнем легла невыносимая тяжесть.

С глубоким вздохом сосредоточения, он накрыл диск рукой, закрыл глаза и отомкнул скрытое заклятье. Все оказалось даже хуже, чем он опасался. Мельком он ощутил психические подписи тех, кто вручал медальон Райсу — отца Эмриса и еще чью-то, незнакомую... А затем, пробивая все барьеры, которые Кверон мог бы возвести, чтобы защититься от ужасного знания — в его сознание лавиной хлынула информация. Картины побоища в Туриле, убийства Элистера Келлена и Джебедии, в мельчайших, ужасающих подробностях, которые он должен был запечатлеть в памяти, чтобы выжить.

* * *

Ивейн потеребила перо, затем покосилась на вдруг заволновавшегося младенца, что спал в корзине у нее под боком. Она почти завершила список, над которым корпела с самого обеда — ну, скорее, это был пока хороший черновик, — но как же ей не хватало сейчас Райса! С каждым днем она скучала по нему все сильнее.

Боже, до чего им было хорошо вместе! По другую сторону стола стоял стул, на котором он обычно сидел, и теперь Ивейн с легкостью могла себе представить, как будто он рядом, смотрит на нее своими янтарными глазами, легкомысленно постукивая пальцами по столешнице. На ее стороне была наблюдательность, внимание к деталям, образование и способности к языкам... зато он в полной мере наделен был уникальным даром интуитивного постиже-

ния, который зачастую проникал сквозь напластование проблем, отнимавших у нее недели и месяцы напряженного труда. Вместе с Райсом им не составило бы труда разобраться с древними рукописями, что она внесла сейчас в свой список.

Но Райса больше не было рядом, и никогда не будет, он может приходить к ней только во сне. Крошка-дочурка, что беспокойно заворочалась и загукала в своей корзинке, никогда не узнает отца, ибо он погиб за неделю до ее рождения. И хотя он был одним из величайших Целителей своего времени, Райс Турин ничем не отличался от прочих мертвцев, что нашли вечное успокоение в михайлинской часовне; и он тоже никогда не увидит свою дочь, наделенную, подобно их первенцу, священным даром исцеления. Даром, который не спас своего обладателя.

Он ведь даже на вид не казался мертвым, нахмурилась Ивейн, откладывая в сторону перо. Она возвела полные слез глаза к голубому куполу над головой, силясь отогнать непрошеные воспоминания. Сразу после гибели на него наложили предохраниющее заклятье, и казалось, будто он попросту заснул — хотя был мертв уже две недели, когда она наконец увидела тело. На теле не было ни ран, ни иных повреждений — лишь небольшая вмятина на затылке, скрытая выюющимися рыжеватыми волосами... но разве могла подобная мелочь погубить такого человека?!

И все же он погиб — по крайней мере, его плоть, ведь самого Райса уже не было здесь. Ивейн свято верила в то, что душа вечна и пребывает после смерти в ином мире, как всегда говорил ей отец. Тело служило прибежищем духу при жизни, но затем пре-

вращалось просто в пустую скорлупку, а душа продолжала свой бесконечный путь...

И все же она любила это тело точно также, как и душу, и его блестящий ум, и потому, прежде чем опустить его в одинокую ледяную могилу, она укутала его в ризу — княжеское одеяние цвета слоновой кости, из тончайшего расшитого шелка, достойное самого короля. Собственно, это и был королевский дар — Синхила Халдейна, ради которого все они столько претерпели за последние десять с лишним лет.

Но Синхил и сам скончался год назад, а за ним последовали и другие: архиепископ Джейфрай, епископ Давет Неван, Кай Дескантор, Джебедия... и вот теперь Райс. Ивейн не плакала, когда его хоронили, но она разрыдалась сейчас. Сама себе твердила, что слезы ни к чему, но они лились и лились по щекам, стекали по подбородку и капали на пергамент, размазывая чернила.

Именно это и привело Ивейн в чувство, ибо в ее записях была надежда хотя бы для одного из тех людей, кого она оплакивала сегодня.

Анналы Сулиена, — повторила она. *Протоколы Орина. Liber Sancti Ruadan. Манускрипты Лютерна и Джордевина Кешельского*. Ей было известно, что Камбер сам писал комментарии к некоторым из этих книг. И она даже знала, где их искать.

Вытерев слезы уголком рукава, Ивейн вновь взяла в руки перо и обмакнула его в чернила, сделав еще несколько пометок. Когда малышка Иеруша, проголодавшись, опять принялась хныкать, мать поднесла ее к груди, продолжая вести записи.

Из всех этих текстов можно было почерпнуть необходимые сведения. Часть книг она спрятала рядом с порталом в их имении в Шииле, когда им с Ансе-

лем пришлось срочно спасаться бегством вместе с детьми. Более редкие издания можно отыскать в варнаритецкой библиотеке в Грекоте — хотя попасть в книгохранилище будет непросто, учитывая, что новым епископом Грекотским стал племянник одного из регентов.

Кое-какие намеки содержатся, возможно, в древних развалинах под самой Грекотой. Ей самой там бывать не доводилось, в отличие от Джорема. Вполне возможно, что от древних Дерини, которые возвели, а затем покинули это поселение, осталась полезная информация. Именно они, кстати, построили в свое время и зал, где она сидела сейчас — и Ивейн предполагала, что коснулась лишь только самой верхушки сокрытых здесь тайн.

И все же было кое-что еще более важное — и именно поэтому она находилась здесь. Они ждали Целителя Кверона Киневана. Неожиданный союзник, чтобы не сказать больше, поскольку именно Кверон в свое время так рьяно настаивал на канонизации Камбера, к вящему негодованию Джорема. Поразительная ирония судьбы: ведь сейчас они уготовили Кверону роль в событиях, которая, несомненно, потрясет самые основы его веры в то, чему он посвятил последние годы жизни.

Со вздохом, Ивейн отложила в сторону список и, отодвинувшись от стола, уложила крошку Иерушу к себе на колени, с улыбкой проводя пальцами по пухлой щечке.

— Ну, как ты, малышка? — прошептала она девочке, просовывая руку, чтобы проверить пеленки. — Хочешь, чтобы мамочка тебя еще покормила, пока не вернулись остальные? Ты, вроде, пока сухая...

Но едва она успела поднести младенца к груди, как до нее донеслась мощная эмоциональная волна,

несущая ужас и скорбь — чужие чувства на сей раз, уже не ее собственные.

Это Кверон,— убедилась она, подняв глаза на хрустальный шар, подвешенный над столом, и мысленно проверяя на прочность установившуюся связь. *Что ж, давно пора!* И сосредоточилась, чтобы мысленно позвать остальных.

* * *

Кверон едва не лишился чувств в Портале аббатства святой Марии. Те картины, что вливались в его сознание через пульсирующий медальон, потрясли его как физически, так и эмоционально, он чувствовал себя совершенно опустошенным. Он не знал, как долгоостоял вот так, пытаясь совладать со своими чувствами; как вдруг внезапно осознал, что он уже не один.

Присутствие Ивейн он ощущал, даже прежде, чем она коснулась его, прежде чем открыл глаза и увидел ее перед собой. Вся в черном с головы до ног, она бережно взяла его за запястья и, не сводя с Целителя пронзительного взгляда синих глаз, тихим голосом попросила его расслабиться, отпустить медальон, который он все еще стискивал в кулаке.

— Вы порезались,— прошептала она, когда он раскрыл окровавленную ладонь.— Простите. Это было жестоко — чтобы вы узнали все таким образом, но я подумала, что, в конечном счете, будет милосерднее покончить с этим сразу и навсегда. Со мной все в порядке,— добавила она, ощущив, что теперь он тревожится о ней.

Он заморгал, со свистом выпустил из легких воздух, затем рассеянным жестом вытер кровь с медальона и протянул ей серебристый диск.

— Мне очень жаль, дитя,— прошептал он.— Я был бы рад принести добрые вести... впрочем, они немногим хуже твоих.

— Реван? — в голосе ее звучал испуг.

Он покачал головой, не чувствуя в себе душевных сил говорить о своей потере.

— Нет, с Реваном было все в порядке, мы расстались две недели назад. Дело в другом. Но давай лучше отправимся в путь, пока наше присутствие не поставило под удар добрых братьев аббатства святой Марии.— Порез на ладони был не более, чем царапиной, и, проведя по нему пальцами другой руки, он излечил рану, почти не думая об этом.

— Ладно,— чуть слышно отозвалась Ивейн. Глубоко вздохнув, она взяла Кверона за руку и придвинулась ближе.

— Сейчас мы перенесемся в зал Совета Камбера,— мысленно продолжила она.— В свете последних событий, вы, несомненно, станете его полноправным членом, так что я передам вам координаты Портала прямо сейчас. Готовы?

К этому он был готов очень давно, с того самого момента, как узнал о существовании Совета, но никогда и предположить не мог, что понадобится столько смертей, чтобы он мог попасть туда.

Однако сейчас было не до праздных размышлений, работа с Ивейн требовала всей полноты внимания. Да он и сам настаивал, чтобы они поскорее тронулись в путь. Закрыв глаза, он опустил свои барьеры и открыл перед ней, уравновешивая все сторонние влияния и внутренние порывы. В следующее мгновение — они оказались уже в совсем другом месте.

* * *

Большая восьмиугольная зала Совета практически не изменилась с той поры, как Кверон был здесь в последний раз, в качестве неофициального наблюдателя, зато изменились люди, даже те, кого он хорошо знал. Когда они с Ивейн прошли в большие, окованные бронзой двери, навстречу поднялся Джорем, сидевший во главе стола из слоновой кости; но это был теперь совсем другой человек, притихший, постаревший, выглядевший на все свои тридцать девять лет. Отчасти виной тому было черное монашеское одеяние, которое он носил теперь вместо синей михайлинской рясы, но морщины на красивом лице проступили отнюдь не из-за смены одежды. Да и седины на висках у Джорема Кверон прежде не замечал.

Грегори, стоявшему слева от Джорема, прошедшие месяцы, судя по всему, дались еще тяжелее. Хотя Кверону было известно, что бывший граф Эборский еще в октябре прошлого года бежал из своих владений и укрыл семью на западе, в Коннанте, так что физически он никак не пострадал от преследований, однако этот сорокадвухлетний мужчина сейчас казался почти стариком. От опытного взгляда Целителя не укрылась неестественная худоба Грегори. Он и прежде никогда не был толстяком, но теперь и во все сделался похож на призрак; жидкие волосы поредели еще больше и из рыжеватых стали почти бесцветными, а прозрачные голубые глаза горели лихорадочным блеском. Кверон взял себе на заметку не забыть позже осмотреть Грегори: тот явно был не здоров.

Джесс, сын Грегори, склонившийся над агукающей корзиной на другом краю стола, поднял голову

при появлении Кверона и Ивейн. Из бойкого паренька Джесс превратился в закаленного воина, хотя ему было лет семнадцать, не больше, насколько помнил Целитель. Руки, придерживавшие корзину, были все в мозолях, дочерна загорелые после летнего военного похода; лицо утратило юношескую округлость. Кверон помнил его угловатым и неловким, но молодой человек, стоявший сейчас перед ним, был стройным и крепким, грациозным, как хищник, уверенным в себе опытным бойцом. Он уважительно поклонился Целителю, а затем отступил на шаг и встал у незанятого кресла... где в былье времена восседал Элистер Келлен.

— Добро пожаловать, отец Кверон,— произнес Джорем, указывая на стул рядом с пустующим местом Райса.— Не желаете ли присоединиться к нам?

Лишь теперь Кверон заметил Анселя Мак-Рори, племянника Джорема и Ивейн, который держался в тени, у дверей, и молча наблюдал за ними. Светлые волосы сверкали в пламени закрепленного на стене светильника — когда Кверон виделся с ним последний раз, они были выкрашены темной краской; но в остальном он почти не изменился, все так же носил коричневый дорожный наряд и меч на боку. Поймав взгляд Кверона, Ансель кивнул ему и, по знаку Ивейн, запер за ними бронзовые двери, а затем также занял место за столом.

— В обители святой Марии все в порядке? — спросил Джорем, когда все наконец расселились.

Ивейн кивнула, подтягивая поближе корзину, в которой спал младенец.

— Да. Однако у отца Кверона есть новости, которые он хотел бы сообщить всем присутствующим — с тем, чтобы ему пришлось бы сделать это один-единственный раз. Это не касается Ревана,— до-

бавила она с трудом,— однако больше мне ничего не известно.

Кверон, не сводя взора со сцепленных перед собой рук, проронил коротко:

— Долбан.

— Долбан? — шепотом переспросил Джорем.

— Господи Иисусе! — выдохнул Грегори.— Слуги святого Камбера!

У Кверона вновь помутилось в глазах, и он повел плечами, уставившись в потолок. Благословенная тьма... Ему необходимо было вообразить себя сторонним наблюдателем, иначе он никогда не сможет поведать о происшедшем...

— Увы, да,— с деланным спокойствием проронил он.— О, сами здания не пострадали... Полагаю, вы еще не слышали об этом, но несколько недель назад в Рамосе была отменена канонизация святого Камбера. Более того, они объявили его еретиком и предателем. Прежде всего, это означает, что титул и все его владения отходят Короне... что едва ли имеет теперь значение, поскольку регенты уже захватили все, что можно, когда отправили в изгнание Анселя и лишили его законного наследства. В более широком смысле, регенты вознамерились расправиться также со всеми, кто поддерживал Камбера, завладев их имуществом. Так что строения и поля остались в неконосовенности — в ожидании новых владельцев.

— Но люди? — перебила его Ивейн.— Говорите же. Это не могло быть хуже, чем в Трурилле.

— Но и не лучше.— Кверон на миг прикрыл глаза.— Так, с чего же начать... Полагаю, нет смысла вдаваться в подробности. Даже не принимая во внимание то, что я скажу дальше, к этому моменту я уже трижды помянул святого Камбера. Согласно новому закону, принятому регентами, за первый раз я заслу-

живаю публичного бичевания. Платой за второй будет мой язык. Если я напишу его имя, то поплачусь рукой... Более серьезное нарушение закона — а вы можете представить, сколько раз его имя было упомянуто, изустно и на письме, в нашем ордене,— ставит преступника на одну доску с худшими из еретиков и с самим бывшим святым, которого несомненно сожгли бы на костре, если бы только смогли заполучить его тело. По счастью, Господь лишил их такой возможности, ибо телесно взял его на небеса. Однако добрым людям в обители святого Долбана не настолько повезло...

— Так значит... они сожгли их всех,— пробормотал Грегори.— Господи, упокой их души!

Кверон нахмурился.

— Аминь. Но я молюсь также, чтобы правосудие Его настигло тех, кто совершил это злодейство. За погибших я не страшусь, ибо ведаю, что ныне они обрели успокоение во славе Его, но тем, кто исполнил волю регентов, в моих глазах нет прощения! Кстати, это были епископские войска, а не только королевские. И Хьюберт Мак-Иннис лично за это в ответе.

— Да сгорит он в аду! — в ярости прошептал Ансель.

— Воистину так,— отозвался Кверон.— Но и это еще не все.

— Что еще? — изумленно выдохнул Грегори.— Что может быть ужаснее?

— Они не просто сожгли их,— выдавил Целитель, прикрыв глаза, чтобы отогнать встающие перед внутренним взором картины.— Людям Хьюберта этого показалось недостаточно. Перед тем как покарать несчастных за ересь, они... применили и первые два наказания тоже.

Юный Джесс побледнел под оливковым загаром.

— Вы хотите сказать... они сперва избили их... отрезали языки... и только потом сожгли?

— Это невозможно,— ровным голосом промолвил Ансель.— Это слишком чудовищно.

— Но не для них,— прошептал Кверон, дрожащими руками прикрывая лицо.— И меня ждала та же участь, если бы не Реван.— Он посмотрел на Ивейн.— Ваш друг — отважный юноша, это я могу вам сказать точно. Он оглушил меня, а затем опоил моими же собственными снадобьями — чтобы не дать мне кинуться туда и попытаться остановить их... как будто я мог что-то изменить... Разве что доказал бы, что Дерини, и впрямь, способны использовать магию против людей, как нас в том обвиняют,— пусть даже люди этого и заслуживали. По-моему, никогда прежде я не чувствовал себя таким беспомощным!

Ансель с Джессом, разделенные пустующим креслом святого Камбера, принялись перешептываться, многозначительно переглядываясь при этом; Джорем по-прежнему хранил молчание, а Грегори зарылся лицом в трясущиеся ладони. Ивейн побледнела и, поджав губы, устремила взор на брата, не опуская глаз, пока он не обернулся к ней и не прочел безмолвное послание в ее взгляде.

Джорем кивнул и с глубоким вздохом откинулся в кресле.

— Спасибо вам за рассказ, Кверон,— поговорил он вполголоса.— Мы все понимаем, как нелегко вам пришлось. Однако нет никакого смысла и дальше обсуждать случившееся: это нам ничего не даст. Рано или поздно, когда появится возможность, мы непременно сделаем все, что сумеем... Однако в настоящий момент нашей первой задачей остается простое выживание... В этой связи я вынужден отметить,

что из всех присутствующих лишь четверо являются членами нашего Совета. Это необходимо изменить. Ивейн, Грегори, Ансель, вы все согласны со мной? — Они закивали, и Джорем продолжил, — Отлично. Тогда у нас будет двое новичков. Джесс, отец уже, должно быть, объяснял тебе, о чем идет речь. Что же до вас, Кверон, то у нас еще будет возможность побеседовать наедине, но, полагаю, как в свое время и Джеффраю, вам понадобится время для дополнительной подготовки, чтобы клятва Совету не вошла в противоречие с гавриилитскими обетами. Впрочем, соблюдаете ли вы их до сих пор? Насколько я знаю, вы уже несколько лет как не считаетесь активным членом Ордена, но теперь, я вижу, вы также обрезали и косу...

Почти машинально Кверон потянулся к остриженным волосам — и улыбнулся.

— О, да, коса все еще должна была бы связывать меня, — пояснил он. — Однако сама по себе, она лишь символ, хотя и весьма важный. Когда символ преображается в помеху, его надлежит убрать. И поэтому я попросил Ревана остричь меня. Мне еще придется совершить особый ритуал в уединении... надеюсь, вы понимаете.

Джорем кивнул.

— Разумеется. Тогда мы проведем обряд для Джесса нынче вечером, как и собирались, а вы готовьтесь к завтрашнему дню. Тем более, все равно лучше принимать вас порознь. Джесс, тебя все устраивает?

Молодой человек, с интересом прислушивавшийся к разговору старших, церемонно кивнул.

— Я, как всегда, в полном распоряжении Совета, отец Джорем, — промолвил он осторожно.

— Благодарю. В некотором смысле, теперь, при сегодняшнем состоянии Совета, все это не более чем простая формальность, однако времена нынче такие, что осторожность не повредит... А когда вы оба станете полноправными членами, мы подумаем о том, стоит ли принимать седьмым Тависа О'Нила. У нас есть как минимум еще одна кандидатура, ведь епископ Ниеллан окончательно перешел на нашу сторону, однако в пользу Тависа есть один важный довод. Ему удалось научиться у Райса, как блокировать способности Дерини,— перед тем, как Райс погиб... Вы, скорее всего, не знали об этом, Кверон?

— Он, правда, сумел это сделать? — пробормотал тот.— Честно говоря, завидую белой завистью. Надо будет расспросить его поподробнее.

Джорем улыбнулся.

— Обязательно. И, думаю, вы будете удивлены, насколько он возмужал за последнее время.

Кверон добродушно хмыкнул.

— Весьма своевольный юноша — таким он мне запомнился с последней нашей встречи. Где он сейчас?

— Готовится к свиданию с принцем Джаваном — а потом вернется в наше убежище, в обители святого Михаила,— отозвался Джорем, поднимаясь с места.— Если хотите, можем отправиться туда вместе, а я по дороге расскажу, что вас ждет завтра вечером. И если вам нужна часовня для... каких-то обрядов, то на сегодня она в вашем распоряжении.

— Аббатство святого Михаила,— кивнул Кверон.— Понятно. Это там вы укрыли детей? — Он обернулся к Ивейн и также встал со стула.

Она улыбнулась.

— Да, а вместе с ними и мои слуги, а также все, кому посчастливилось уцелеть в Трурилле. Там же найдут приют часть людей из свиты Ниеллана и епи-

скопа О'Бирна, и мы надеемся разместить еще гавриилитов и михайлинцев из Джассы.

— Гавриилиты? — переспросил Кверон. — А кто там будет?

— Прежде всего, отец Рикарт, — начала перечислять Ивейн. — По-моему, еще отец Кенрик и отец Юрис, хотя тут я не уверена, они могли уехать в другое место.

— Все равно неплохо, — согласился Кверон, направляясь вместе с Джоремом к дверям, предусмотрительно распахнутым для них Анселем. — А как живает принц Джаван? Вы ведь должны знать — если Тавис теперь на нашей стороне?

— О, он пока остается в Валорете, — ответил Джорем. — Однако, когда вы увидитесь с ним, вас также ожидает сюрприз. Знаете, Кверон, он не просто поддерживает нас — он и сам почти уже стал Дерини.

— Вот как? — только и произнес Кверон, ступая вслед за своим провожатым в открывшийся Портал.

Глава третья

**Ибо не о мире говорят они,
но против мирных земли
составляют лукавые замыслы¹**

15 эти дни в Валорете регенты торжествовали победу — празднества не затронули лишь принца Джавана, который вынужден был скрывать свое отношение к Дерини, чтобы уцелеть. Парадный зал Валоретского замка был обустроен для большого банкета, который устроили в честь свадьбы нового графа Шиильского, одного из регентов. Нынче в полдень бывший барон Хортнесский, которого еще называли иногда Раном Беспощадным, обменялся брачными обетами с единственной дочерью Мердока Картанского, другого регента,— чей старший сын Ричард в этот же день взял в жены леди Лирин Удаут, дочь Коннетабля королевства. Обе супружеские четы восседали теперь за праздничным столом, по бокам от короля Алроя, разнаряженные не меньше, чем сам правитель, так что при взгляде на них любой решил бы, что перед ним — особы царских кровей. Короны, венчавшие голову Рана и его жены, стоили дороже, чем у братьев короля.

Однако не все сегодня устроилось по воле супругов, заметил про себя принц Джаван, делая вид, будто поглощен музыкой менестрелей, игравших в цен-

¹ Псалтирь 34:20

тре зала, в то время как сам исподтишка наблюдал за гостями. Молодому Ричарду Мердоку даже не позволяют пока уложить жену на брачное ложе — и едва ли за это он станет благодарить своего отца. Лирин Удаут сровнялось всего только двенадцать лет, она была даже младше, чем сам Джаван и король. Еще несколько лет девочка проведет в родном замке, под неусыпным материнским надзором, и ее брак останется чистой формальностью — денежным и политическим союзом — к вящей досаде Ричарда. Впрочем, он без сомнения найдет немало женщин, готовых согреть ему постель...

К сожалению — ибо Джаван всей душой ненавидел Рана Хортнесского, — самый молодой из пятерых регентов короля Алроя оказался куда более удачливым покупателем на рынке невест. Уж его-то супругу, горделиво красующуюся рядом с мужем за королевским столом, никто не осмелился бы отправить в детскую после церемонии! В свои восемнадцать весен Агнес Мердок вполне созрела для замужества. Не то чтобы брат короля был настолько хорошо посвящен в тайны супружеских покоев, но он не был и слепым — достаточно было лишь взглянуть на Агнес, чтобы понять: она ждет, не дождется наступления первой брачной ночи. Джаван еще сильно поспорил бы, сохранила ли она девственность до сего дня!

Чуть слышно хмыкнув себе под нос, — ибо он прекрасно сознавал, что в эти дни союзы заключались большей частью в политических целях, дабы скрепить узы, связующие регентов, — принц Джаван Халдейн нарочито медленно и осторожно поднес к губам кубок и сделал вид, будто жадно пьет. Затем поставил бокал и прикрыл глаза, словно захмелел от вина, исподтишка окидывая взором огромный зал.

Но он не был пьян. Более того, за весь вечер он не выпил почти ни капли, хотя вино вокруг лилось рекой; однако если кто-то вздумал бы наблюдать за ним, то наверняка убедился бы в обратном. Джаван сожалел лишь о том, что время тянется так бесконечно медленно, и еще слишком рано, чтобы он мог удалиться с этого лицемерного торжества. Сегодня должен появиться Тавис!

Но совсем недавно звонили к вечерне — колокольный звон донесся в сумерках, сквозь завесу снегопада,— а раньше заутрени нечего было и думать о том, чтобы отправиться на поиски Дерини. К тому времени большинство гостей будут настолько пьяны, что не заметят его ухода... по крайней мере, Джаван очень надеялся на это.

А пока он мило улыбался всем вокруг и делал вид, будто напивается в одиночестве. Это было несложно — на него мало кто обращал внимание. Снаружи уже сгостились сумерки, окна замка потемнели, и теперь в зеркалах отражались укрепленные в стенных скобах факелы и дюжины свечей из первосортного воска, расставленные на ломившихся от снега столах. В их свете серебро и латунь сверкали, как золото, и горели раскрасневшиеся лица пирующих. Если бы не ненависть, которую принц Джаван испытывал к окружающим, он не мог бы не признать, что все вокруг смотрится очень красиво.

Конечно, он ненавидел не всех! Братьев он очень любил; они-то, кстати, от происходящего явно не получали особого удовольствия. Алрой, по крайней мере, точно. Зажатый между двумя невестами, он сидел, одинокий, обреченно-скучающий... и очень, очень уставший — раздраженно теребя жесткий ворот расшитого парадного одеяния. По крайней мере, корону он снял еще раньше, так что она хотя бы

не грозила упасть в тарелку всякий раз, как бедняга пытался что-нибудь съесть.

Несчастный Алрой! Он никогда не отличался особым здоровьем; из троих братьев, несмотря на увечную ногу, Джаван был самым крепким. А в последнее время король выглядел особенно хрупким — хотя граф Таммарон, наименее отвратительный из регентов, когда Джаван осмелился спросить его об этом, заверил, что с братом все в порядке.

Но за последние дни у Джавана почти не было возможности поговорить со своим близнецом наедине — а если такое и случалось, он вскоре убеждался, что их очень многое разделяет. И дело не только в королевском сане — хотя если и так, то это отдало Алроя ото всех прочих смертных, а не только от родственников. Бесконечные церемонии, строгий этикет и всевозможные правила словно намеренно были придуманы, чтобы изолировать короля от обычных людей и привычного образа жизни; кроме того, Джаван не сомневался, что тому подмешивают в еду какие-то особые снадобья... в общем и в целом, Алрой все больше замыкался в своем одиночестве и все сильнее зависел от регентов.

Что касается одиннадцатилетнего Райса-Майкла, то он нынче вечером медленно, но верно напивался — впрочем, какая разница?! Вино, вообще, за последнее время сделалось его излюбленным прибежищем. Юный принц, сидевший на другом конце стола, оживленно щебетал о чем-то с леди Ниевой Фитц-Артур, супругой графа Таммарона. Сам граф тем временем рассказывал какую-то скабрезную историю архиепископу Хьюберту, разместившемуся одесную от Алроя, рядом с Раном и его женой.

Похоже, история его оказалась невероятно забавной. По ангельски-невинному лицу архиепископа катились слезы, двойной подбородок трялся от хохота. В довершение всего, у Таммарона его золотая канцлерская цепь из золотых звеньев в форме букв «Х» — символ служения династии Хаддейнов — перекосилась набок, и когда регент размахивал руками, висевшая на цепи печать то и дело попадала в блюдо с жарким... епископ Келлен никогда в жизни не допустил бы ничего подобного в свою бытность канцлером короля! Джаван кипел от ненависти, глядя на эту парочку и не мог понять, как жена Таммарона с ним уживаются. Она-то всегда была очень ласкова с юными принцами.

Впрочем, ей нельзя доверять, точно также как и всем остальным. Один из ее сыновей от брака с покойным графом Тарлетонским был Полин Рамосский, недавно ставший епископом Стэвенхемским — тот самый, что с таким жаром отстаивал анти-деринийские уложения, принятые за последние три недели в Рамосе. А Питера Синклера, нынешнего графа Тарлетонского, все называли восходящей звездой гвиннедского войска. Вместе с Раном он участвовал в осаде монастыря святого Неота — на чем особо рьяно настаивал его братец Полин.

Ничем не лучше был и старший сын графини от Таммарона. Два года назад, когда тот еще добивался для себя должности регента, Таммарон очень выгодно женил своего старшего отпрыска Фейна Фитц-Артура на одной из кузин жены от первого брака — принцессе Анне Квиннел Кассанской. Теперь молодой Фейн должен унаследовать почти весь Кассан, когда умрет его теща, поскольку у князя Эмберта нет сыновей. Кассан сделается гвиннедским герцогством, а Фейн — его первым герцогом и, разумеется,

будет во всем покорен воле отца. Да, настолько все запутано, что Джавану едва ли стоит любезничать с леди Ниевой.

Не большего доверия был достоин и другой гвиннедский герцог, сидевший слева от Джавана со своей хорошенкой юной женой; сейчас он внимательно слушал, что рассказывает Хьюберту Таммарон. Покойный Сигер, отец Эвана, герцога Клейборнского, был мудрым и благородным человеком, основателем новой династии, юный наследник кой — десятилетний Грэхем Мак-Эван — стал пажом на сегодняшней свадьбе; но сам Эван за последнее время показал себя не с лучшей стороны. Он был из тех, кто всегда плывет по течению и только ищет, где бы урвать кус пожирнее. Наравне с Таммароном, Мердоком и Хьюбертом, он нес ответственность за разграбление обители святого Неота и двух других михайлинских аббатств в канун рождества. Этого Джаван никогда ему не простит, хотя, если судить формально, то Эван самолично не участвовал в этом злодеянии.

Ну, и наконец Мердок Картанский со своей мерзкой женушкой — вот они, сидят рядом с сыном и леди Ниевой. Боже, до чего Джаван ненавидел Мердока! Этот его гнусавый голос, его набожные изречения и лживая душонка!.. Ведь именно Мердоку пришла на ум идея в Сочельник, напасть на бывшие обители михайлинцев, и Джаван точно знал, что тот во всем заодно с архиепископом Хьюбертом.

Впрочем, Джаван поспешил напомнить себе, что нельзя слишком долго думать об этом, а не то тщательно сдерживаемый гнев прорвется и все погубит. Вот уже целый год после смерти отца юный принц старался держатьсятише воды, ниже травы, играя роль недалекого простачка, незрелого мальчишки,

который ничего не смыслит и не интересуется политикой,— и самое главное, как можно реже попадаться регентам на глаза. Большинство людей почему-то считали, что физическая немощь идет рука об руку со слабоумием и были склонны не обращать на Джавана никакого внимания, и это было ему только на пользу. Хотя, с другой стороны, тут палка о двух концах: если с Алроем что-то случится, и Джавану придется отстаивать свои права на трон, ему нелегко будет заставить регентов признать себя, тем более если к тому времени он еще не достигнет совершенно-летия.

Последнее время, впрочем, регенты почти не замечали принца, особенно с начала года, после бегства Тависа, случившегося в тот самый день, когда Рамосский совет огласил свои последние указы, направленные против Дерини. Джаван по этому поводу закатил нелепую, совершенно ребяческую сцену, которая показалась убедительной всем, даже лорду Ориэлю, Целителю-Дерини, вынужденному служить регентам. С тех самых пор Джаван не упускал случая подчеркнуть, что побег Тависа воспринимает как личное оскорбление и что теперь он с куда большим недоверием относится ко всем Дерини вообще. ИграТЬ такую роль Джавану было не по сердцу, но Тавис убедил его, что в нынешних обстоятельствах небольшой обман простителен. И так, конечно, было безопаснее.

Таким образом, наследник гвиннедской короны утешал себя мыслями о грядущем воздаянии, мечтательно водя пальцем по ободку бокала. Шум и гомон пиршства едва достигали его, омывая сознание, подобно приливной волне, но ничуть не затрагивая разум, глубоко погруженный в себя самое. Подали новую перемену блюд — жареных лебедей, начи-

ненных орехами и лесными ягодами, во всем великолепии белоснежных перьев,— и мальчик покорно взял свою порцию, мечтая лишь о возможности сбежать отсюда поскорее. Однако вместо того появился новый персонаж — и сердце вмиг сжалось от недобрых предчувствий.

— Ваше королевское величество, ваши высочества, милорды,— провозгласил со всей торжественностью дворецкий,— лорд Манфред Мак-Иннис, граф Кулдский и барон Марлорский.

«Боже правый! — воскликнул про себя Джаван, подобно остальным присутствующим устремляясь взором к темной, закутанной в плащ фигуре старшего брата архиепископа, возникшей на пороге.— Этот-то что здесь делает?»

Манфред с улыбкой сбросил накидку и двинулся по зале, и эта улыбка очень не понравилась Джавану. По пятам за графом шагал рыцарь в ливрее цветов Мак-Инниса, со шлемом под мышкой, и вид у него был до крайности самодовольный. Замыкал небольшую процессию сын Манфреда Айвер, прыщавый юнец лет двадцати, которого принц возненавидел с первого взгляда, когда тот был в прошлом году впервые представлен ко двору. Джаван с отвращением заметил у Айвера белый рыцарский кушак и золотые шпоры — год назад их еще не было!

Когда Манфред со свитой приблизились к помосту, все разговоры стихли. Хьюберт поднялся с места, едва лишь брат вошел в залу, и незаметно перемещался влево, пока не оказался рядом с креслом Алроя. Он стоял, опираясь унизанной перстнями рукой о спинку, и именно ему, а отнюдь не королю, отвесил свой поклон Манфред Мак-Иннис.

— Я принес вести, которые порадуют всех собравшихся, ваше преосвященство, ваше величество...— С

этими словами граф распрямился и вытянул вперед руку, в которой сверкало что-то маленькое, на цепочке.— Можете считать это свадебным подарком лорду Рану и лорду Ричарду.— Он еще раз поклонился обеим парам.— Я принес вам распятие, которое еще недавно носил епископ-отступник Элистер Келлен, и счастлив сообщить, что он мертв, как и его сообщник Джебедия Алькарский!

Пиরующие радостно загомонили, и за всеобщим возбуждением Джаван с трудом сумел взять себя в руки, чтобы скрыть ужас и отвращение. Алрой не столь хорошо владел собой, и вид у него был донельзя испуганный. Райс-Майкл, который всегда восхищался Джебедией, еще когда тот не ушел с поста главнокомандующего, и вовсе готов был в любой миг разразиться слезами. Как могли они *оба* погибнуть?! Немыслимо! Наверняка, Манфред лжет.

Но тем временем новоиспеченный граф продолжал рассказ, не забывая должным образом нахваливать своего слугу, и Джаван со страхом осознал, что они все-таки говорят правду. Он даже осмелился, с минуту поколебавшись, прибегнуть к своим недавно обретенным способностям, чтобы удостовериться наверняка. Этот дар — определять истину в речах человека — принадлежал, по словам Тависа, всем Дериини, хотя Элистер Келлен намекал, что дело куда сложнее, и способности Джавана передал ему перед смертью отец, тесно увязав их с очередностью наследования. У него не все вышло, как он задумывал, и Джаван получил доступ к этому дару раньше, чем положено. Сегодня, впервые за все время, он пожалел об этом.

— Перед смертью они успели сразить троих моих рыцарей, а славный сэр Рондел на время упал без чувств, оглушенный,— рассказывал Манфред.— Но

он видел епископский перстень на пальце у Келлена. И точно описал обоих — так что сомнений быть не может.

— Так почему же ты не принес перстень? — требовательно вопросил Хьюберт, с подозрением уставившись на Рондела.— И кстати, почему не привез сами тела?

Рондел, немедленно преисполнившись почтительной угодливости, низко склонился перед архиепископом, прижимая руки к груди.

— Я так и хотел сделать, ваша милость, но уже темнело, а я был совсем один, далеко от друзей. И когда я стал укладывать труп на лошадь — а мне еще пришлось сперва ее поймать, животные словно взбесились от запаха крови! — так вот, когда я взвалил первый труп на лошадь, неподалеку послышался шум, и я увидел за деревьями факелы, не меньше дюжины. Уже наступила ночь, я не знал толком ни где я нахожусь, ни что это могут быть за люди, и потому решил, что разумнее будет скрыться, чтобы, по крайней мере, донести вам о случившемся. Кольцо у Келлена мне снять не удалось, а отрезать палец я не успевал, поэтому взял только крест.— Он мотнул подбородком в сторону распятия в руках у Манфреда, которое тот протягивал брату.— Пришлось даже цепь порвать, чтобы снять его.

Хмыкнув, Ран неспешно поднялся и потянулся через голову невесты, чтобы взять крест у Хьюберта, затем раздраженно повертел его на пальце.

— Манфред, это распятие могло принадлежать кому угодно. Откуда ты знаешь, что он говорит правду?

— Так ведь это легко выяснить, разве нет? — отозвался тот без обиды и колебаний.— Пусть его прове-

рят чтением мыслей. Хьюберт, у вас же тут есть цепной Целитель, Ориен, или как его там?..

— Ориэль,— поправил Ран. Он бросил крест на стол, и тот с легким стуком упал прямо перед Алроем, который впился в него взором, точно завороженный.— Но почему бы нам не попробовать моего *чтеца*? — продолжил регент.— Он, правда, не Целитель, но чтобы читать мысли, это ведь и ни к чему. Он мне очень пригодился в монастыре святого Нерта. Но пусть теперь подтвердит свою преданность и выступит перед всеми нами. Что скажете, милорды?

— Он покосился на приятелей.

Возражений не последовало, и Ран подал знак стражнику в дверях:

— Приведи Деклана Кармоди. И не смей говорить ему, в чем дело.

Джаван едва сдержал стон досады, когда стражник удалился, ибо Кармоди, подобно Ориэлю, был из тех Дерини, кого принудили сотрудничать с врагом, угрожая расправой их семьям. У Ориэля в заложниках оставалась жена и новорожденная дочь, у Кармоди — жена и двое детей. В отличие от Целителя, однако, Ран по-прежнему держал своего пленника в цепях: видимо, не слишком доверял ему.

На первый взгляд, впрочем, Кармоди едва ли мог представлять для кого-то угрозу: у него был вид совершенно сломленного человека, несмотря даже на возраст — не больше тридцати, самый расцвет... Но он казался больным и усталым — и Джаван понимал его, потому что сам чувствовал себя не лучше. Когда Дерини, закованного в легкие кандалы, ввели в зал, пленник лишь мельком покосился на Манфреда и двоих рыцарей рядом с ним: как видно, те не вызывали у него особого страха.

Главную опасность являл собой Ран — Ран, который держал в своей власти его жену и двоих детей, который уже не раз без всяких колебаний и угрызений совести лишил жизни других заложников, даже младенцев. В первые дни плена Кармоди немало пришлось повидать таких показательных казней, и он знал, что Ран не расточает угроз впустую.

Он покорно склонился перед регентом, пряча ненависть под маской тупой покорности. Ран встал рядом с Алроем и, безрадостно усмехаясь, небрежно оперся локтем о спинку кресла.

— Этот рыцарь говорит, что видел двух мертвцев,— заявил Ран, небрежно указывая на Ронделя.— Не переусердствуй с ним, поскольку, сдается мне, лорд Манфред ценит его услуги, но мы желаем знать, кто были эти люди.

Кармоди обреченно вздохнул и поджал губы. Джаван отметил про себя, как ловко повернул разговор Ран — чтобы Дерини не имел возможности просто повторить то, что им хотелось бы от него услышать. А поскольку Рондел говорил правду, никакая опасность ему не грозила.

Тем не менее, рыцарю все происходящее явно не пришлось по душе, и когда Ран поманил его пальцем, он подошел с весьма недовольным видом и не смог скрыть нервной дрожи от прикосновения Кармоди, который положил ему на лоб ладонь.

Рыцарь даже зажмурился, чтобы не смотреть на Дерини.

— Думай об этих людях,— прошептал ему Кармоди.— Представь их себе как можно отчетливее.

Похоже, Рондел повиновался, ибо почти сразу же Дерини отдернул руку и отшатнулся, словно в испуге. Глаза его широко раскрылись.

— Что ты видел, Кармоди? — потянулся к нему Хьюберт, сгорая от нетерпения.— Я вижу, ты знаешь, кто это такие. Говори!

Кармоди содрогнулся, но тут же овладел собой и, звеня кандалами, опустил руки.

— Элистер Келлен и Джебедия Алькарский, ваша милость,— промолвил он безучастно.

После чего Кармоди позволили удалиться, за ним ушел и Рондел, которого ожидал горячий сытный обед, ибо он с отцом и сыном Мак-Иннисами скакал почти без остановок три дня, чтобы скорее принести регентам радостную весть. Сам Манфред, однако, грязный и усталый с дороги, занял почетное место рядом с братом и Раном, ощущая себя героям дня. То и дело в последующие часы поднимались кубки за его здоровье — вся честь принадлежала ему одному, поскольку Рондел был его слугой,— и настроение в пиршественной зале было праздничным и торжествующим.

Джавана же известия Манфреда повергли в глубокое уныние, а наблюдая, как пьяный Айвер Мак-Иннис пристает без разбору ко всем придворным девицам, он с трудом подавлял тошноту. Он попытался не обращать на Айвера внимания, но тот вел себя настолько вызывающе, что не замечать его было попросту невозможно. От острых глаз Джавана не ускользнуло, что больше всего сын Манфреда увивается вокруг двух поразительно бесцветных девушек, едва ли старше его самого. Ни той, ни другой его ухаживания не доставляли особого удовольствия, и менее всего — даме средних лет, что сидела с ними рядом... да это же матушка Анселя Мак-Рори! — собразил вдруг принц.

Тогда получается, эти девочки — знаменитые наследницы Мак-Линов; при дворе только о них и го-

ворили, с тех пор как пришло известие о гибели их кузена Адриана Мак-Лина с сыном с Трурилле. Отец Адриана, Иен, шестой граф Кирнийский, был еще жив; но после смерти сына и внука его наследницами стали эти две девушки, дочери его погибшего сына.

Не удивительно, что Айвер Мак-Иннис так увлечен — хотя Джаван гадал, как тому удастся сделать выбор из двух сестер. Девочки должны были владеть своими землями совместно, и лишь после смерти одной из них вторая унаследует титул графини Кирнийской. Что если Айвер ошибется и выберет не ту?

Впрочем, Джаван был уверен, что Айвер не станет спешить женихаться — хотя Анселя, несомненно, следует предупредить, что племянник Хьюберта обхаживает его родственниц. Возможно, тот еще не знает, что девушки сейчас при дворе...

Когда под торжественные звуки труб и фанфар слуги внесли в зал следующее блюдо, принц решил, что эти сведения также постарается передать, вместе с трагической вестью о смерти Келлена и Джебедии. Вот только сможет ли он выдержать на этом пиршестве, пока не придет время встречаться с Тависом?..

• • •

Тавис, конечно, узнал о трагедии несколько дней тому назад. Он присутствовал на мессе, которую Джорем и епископы Ниеллан и Дермот отслужили в маленькой михайлинской часовне за упокой души Элистера, Джебедии и Райса, и видел, как их тела погребли в крипте.

В этой часовне он хотел ненадолго задержаться, чтобы поразмыслить в одиночестве, как делал обычно, перед тем как отправиться к Порталу на встречу

с Джаваном, но затем вспомнил, что именно сегодня Кверон намеревался провести какой-то загадочный гавриилитский обряд. Однако, проходя мимо часовни, с удивлением обнаружил приоткрытую дверь. Не удержавшись, он рискнул заглянуть вовнутрь.

— А, Тавис, я надеялся, что ты зайдешь, прежде чем я начну, — поприветствовал его Кверон, дружески помахав юноше рукой. У него за спиной, перед алтарем, был установлен небольшой столик. — Заходи, пожалуйста, и закрой дверь. Я хотел кое о чем попросить тебя.

Тависа это удивило, поскольку они с бывшим гавриилитом никогда прежде не общались наедине, однако он послушно вошел в часовню, притворив за собой дверь.

Он также с недоумением отметил, что на Квероне вновь гавриилитское одеяние с белоснежной нацидкой из тончайшей шерсти, сколотой на левом плече зелеными значком с изображением ладони со звездой — символ священника-Целителя.

— Сегодня я исполняю свой долг гавриилита, — пояснил Кверон, заметив вопрошающий взгляд Тависа; однако он по-прежнему старался держаться так, чтобы молодой человек не мог разглядеть столика перед алтарем, у него за спиной. — Если уж однажды вступил в Орден... — он пожал плечами. — Впрочем, я совсем не о том хотел с тобой поговорить. Мне... мне кажется, от Райса ты узнал, что у меня это так и не вышло. Я подумал, может, ты сумел бы научить меня?..

— Научить блокировать способности Дерини? — напрямик спросил Тавис. — Не знаю, получится ли у меня, если уж Райс не смог. Он был куда талантливее, чем я.

— И чем я тоже, по крайней мере, в этой области,— пробормотал Кверон.— Но я *должен* этому научиться, Тавис. Это очень важно! Пару недель назад я встретил очень храброго, но совершенно беспомощного человека на холмах близ Долбана. Я оставил его с фанатиками-виллимитами, которые смотрят на него как на пророка или на святого — а ведь он и впрямь мог бы спасти сотни наших сородичей, если мы сумеем укрепить их веру в него. Но чтобы добиться этого, нам нужен кто-то рядом с ним, способный делать то же самое, что и Райс. Если бы я научился, это бы ему очень помогло. И я готов пойти на любые жертвы ради такой цели.

— Вы намекаете, что я на это не готов? — негромко спросил Тавис.

— Конечно, нет.— Кверон покачал головой.— Но с тобой все... не так просто. Если не считать физического недостатка — твоей руки, есть и другая сложность. Все помнят, как близок ты был с принцем Джаваном. Из-за этого будет труднее оправдать твоё появление у виллимитов.

— Я понимаю,— отозвался Тавис, складывая руки на груди, так, чтобы пустой рукав поменьше бросался в глаза. Он досадовал на Кверона, что тот напомнил ему об этой утрате, и на себя самого — за то, что это так задело его.— И все же, никак не желая вас обидеть, скажу, что едва ли вы сумеете обучиться этому приему.

— Но ты дашь мне шанс? — продолжал настаивать Кверон.

— Что, прямо сейчас? Здесь?

Кверон пожал плечами.

— Никогда не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Или ты торопишься к Джавану?

— Нет, еще пара минут у меня есть,— пробормотал Тавис.— Но...

Вздохнув почти с раздражением, он неожиданно шагнул к Кверону, провел рукой тому по лбу и одновременно мысленно потянулся к той области сознания, о которой узнал от Райса. Кверон инстинктивно отпрянул, но недостаточно быстро. Осознав постигшую его утрату, он поник и даже не сделал попытки высвободиться, когда Тавис ухватил его за одежду, а изуродованной рукой уперся в шею.

— Знаете, а ведь я мог бы оставить вас вот так,— прошептал Тавис, впившись взором своих светло-голубых глаз в испуганные карие глаза старшего Целителя.— Конечно, я этого не сделаю, и даже не стану вторгаться в ваши мысли, чтобы выяснить, зачем вам все это понадобилось — но вы очень рисковали. Вы же меня почти не знаете!

— Но ведь ты мог бы сотворить такое и без всякого предупреждения,— заметил Кверон, сумевший даже в такой непростой миг быстро взять себя в руки.— С Райсом было то же самое. И даже когда я знал, чего ожидать, противиться было бесполезно. Он не рассказывал тебе, как мы с Эмрисом пытались однажды докопаться до истины? Это было в самый первый раз, когда они явились к нам с Элистром, чтобы показать, на что Райс способен. Это страшный дар, Тавис. Да смируется над нами Господь, что мы вынуждены использовать такое оружие против себе подобных!

— Да поможет нам Бог! — с тяжким вздохом отозвался Тавис. Опустив глаза, он в одно мгновение вернул Кверону его способности, однако не отстранился и руку не опустил.— Простите. Мне не стоило этого делать. Хотите взглянуть на ту область, где,

по-моему, это происходит? — Он вновь посмотрел на Кверона. — Хотя не думаю, что это что-то изменит.

Со слабой улыбкой Кверон поднял руки, легонько касаясь запястий Тависа.

— Если уж я не научусь и у тебя, так, может, хоть скажу себе, что это — не мое, и успокоюсь. Ты позволишь?

Расслабившись, Тавис прикрыл глаза и начал опускать защиты, чувствуя, что Кверон делает то же самое. Прежде он побаивался Кверона, ведь тот был почти легендой среди гавриилитов, одним из лучших, самых сильных и хорошо обученных Целителей... но теперь, познав его слабость, Тавис больше не испытывал страха. Он позволил собрату-Целителю войти в его сознание, мысленно прощупывая ту область, где происходило блокирование способностей, затем несколько раз воздействовал на нее в мозгу самого Кверона, к вящему изумлению гавриилита.

Когда они прервали контакт, и физический, и ментальный, Кверон мог лишь устало покачать головой, и Тавис понял, что тот наконец убедился в бесплодности своих попыток.

— Благодарю, — прошептал гавриилит, опуская глаза. — Я больше тебя не побеспокою, Тавис.

— Вы меня ничуть и не побеспокоили, — возразил молодой человек, в душе которого внезапно пробудилось сочувствие к старшему. — Мне остается лишь надеяться, что вы сами окажетесь для меня лучшим наставником, чем я для вас. Отец Элистер как-то сказал, что варнаритское образование, которое я получил, неполно, по сравнению с тем, как учат у гавриилитов и михайлинцев...

Его собеседник, уже вполне оправившись от недавнего разочарования, — и Тавис мог лишь сильнее уважать его за это, — отозвался с улыбкой:

— Что ж, у каждого из нас свои достоинства, я полагаю.— В голосе его не было зависти и почти не слышалось сожаления.— Господь не всегда награждает нас талантами, коими нам так хотелось бы обладать, но надлежит верить в Его высшую мудрость... По-моему, Элистер втайне всегда мечтал быть Целителем. Человек редко получает то, чего жаждет его душа...

— Это верно,— сочувственно улыбнулся Тавис, протягивая Кверону руку в знак примирения.— Ладно, мне пора на встречу с принцем Джаваном. Да и у вас, мне кажется, были какие-то важные дела, пока я не помешал. Но буду с нетерпением ждать наших занятий.

— А мне будет приятно иметь дело с таким способным учеником,— отозвался Кверон, дружески пожимая руку Тависа.— Да благословит тебя Бог, сын мой.

Тавис с благодарностью перекрестился вслед за старшим Целителем, а затем вышел из часовни, аккуратно прикрыв за собой дверь. Кверон же, оставшись один, задвинул засов и в задумчивости вернулся к столику перед алтарем, где его дожидалась небольшая жаровня, полная углей, маленький, острый, точно бритва, нож и свернутая гавриилитская коса — *т'дула*.

Глава четвертая

**Бот, они научат тебя,
скажут тебе, и от сердца своего
произнесут слова¹**

До́лько спустя час после вечерней службы Джавану удалось ускользнуть к Порталу, скрытому в недрах Королевской Башни. Спускаясь по винтовой лестнице в тускло освещенный коридор, он думал о том, что Тавис, скорее всего, уже несколько раз появлялся и уходил, не застав ни самого принца, ни послания от него. Вообще-то, у Джавана не было никакого оправдания своему присутствию в этой части дворца, так что оставалось лишь надеяться, что Тавис не заставит себя долго ждать — и принца не заметит стражи.

Впрочем, до цели оставалось рукой подать, и никто его пока не окликнул, так что, может, все обойдется... Он старался ступать как можно тише, однако, заслышав какой-то шум в комнатенке, где располагался Портал, невольно ускорил шаг. Джавана спасло только чудо: шестое чувство предупредило об опасности, и он затаился, вместо того чтобы подать голос, окликая Тависа. И вовремя! Потому что это оказался стражник, по своим делам заглянувший в уборную.

¹ Иов 8:10

Перепуганный принц начал было красться обратно в надежде, что останется незамеченным, но тут стражник развернулся — и уставился на Джавана.

— Ваше высочество,— пробормотал он в изумлении, спешно поправляя одежду и отвешивая принцу поклон.— Ох, а я-то думал, это наш начальник стражи... Застали вы меня врасплох, да уж... Чем-то вам могу помочь?

Это был крупный мужчина, вооруженный, в легких доспехах; на груди и на плече у него красовалась эмблема Рана Хортнесского — баранья голова на красном фоне.

Судя по виду, стражник пока не заподозрил ничего неладного, но Джаван прекрасно понимал, что едва он оправится от удивления, то, первое, о чем он спросит, это — а вы что здесь делаете, черт возьми?! По счастью, принц уже придумал подходящую отговорку.

— Да я... просто вышел ноги размять,— выпалил он.— Там, на улице, снег валит стеной, но мне уж больно хотелось немного пройтись перед сном... голову освежить.— Он потер лоб, изображая на лице глуповато-недоуменную улыбку.— Что-то слишком много вина я выпил на свадебном пиру.

— Вот оно что! — Судя по всему, такое объяснение вполне удовлетворило стражника.— Так ведь свадебка, она для того и есть. То бишь, я хотел сказать, даже нам, на карауле, обещали винца налить, когда сменимся, в честь праздника. Щедрый он хозяин, наш лорд Ран, то-то...

— Воистину, так,— пробормотал Джаван, мысленно честя на все корки этого болтливого глупца. Теперь он уж точно не отвяжется! Но что если испробовать на нем свой пробудившийся дар?.. В голову ему пришла удачная мысль.

— Ну, полагаю, мне не стоит больше задерживать... о, проклятье, что-то в глаз попало! — Он принялся тереть веки кулаком, часто-часто моргая. — Наверное, просто ресница, но — черт, больно-то как, словно камень угодил!

Стражник, похоже, заглотил наживку. С озабоченным видом он подхватил принца под локоть и подвел его к ближайшему факелу, затем стянул перчатки и заткнул их за пояс.

— Ничего, сударь, ничего, надо просто веко оттянуть, она со слезами-то и выйдет! Дайте-ка мне взглянуть. Моим ребятишкам то и дело что-то в глаз попадает...

Он поднял лицо Джавана к свету — и серые глаза наследника Хаддейнов впились ему в душу. Готово! Принц и сам поразился, насколько легко ему удалось потянуться мыслями и захватить власть, так что этот человек душой и телом внезапно стал принадлежать ему!

— Как твое имя, солдат, — спросил он негромко, убирая руки стражника со своего лица, но крепко держа за запястья, чтобы сохранить телесный контакт.

— Норрис, сударь, — прошептал тот в ответ.

— Отлично. Ступай спать, Норрис, и забудь обо всем, что здесь видел.

Однако, к вящему ужасу Джавана, глаза мужчины немедленно закатились, и он рухнул на колени. Задыхаясь от непосильной тяжести, подросток попытался опустить его на пол так, чтобы не загремели доспехи, но это ему не слишком-то удалось. Он судорожно пытался придумать, как бы вновь поднять этого бедолагу и все же отправить в казарму — как вдруг за спиной послышался шум.

Перепуганный, он рывком обернулся, готовый броситься наутек... но то был всего лишь Тавис, возникший в Портале.

— Боже правый, никогда больше так не делай! — выдохнул он.— У меня чуть сердце не разорвалось!

— А представь, каково бы пришлось твоему приятелю, если бы он проснулся и вспомнил, что ты с творил с *ним*! — Тавис опустился на колени рядом с Джаваном и положил руку на лоб незадачливому стражнику.— По счастью, поначалу ты все сделал правильно. Он бы не вспомнил о том, что ты был в этом замешан. Но как бы он объяснил своим товарищам, почему умудрился заснуть прямо здесь, в коридоре? Нам совсем ни к чему привлекать к этому месту внимание.— Он помолчал немного, судя по всему, оплетая спящего Норриса своими собственными чарами.

— Ну вот, порядок,— вымолвил он наконец и положил руку стражнику на плечо.— Давай-ка, поднимайся, приятель, пора на службу. Ну, вот и моло-дец...

Джаван отступил на шаг, но, как ни удивительно, мужчина, который с помощью Тависа поднялся на ноги, теперь словно бы и не замечал принца. Ему не понадобилось больше никаких указаний, и он даже не обернулся, а просто неторопливо зашагал по коридору — точь-в-точь как всегда ходит стража. Джаван в изумлении обернулся к Тавису, усмехавшемуся с довольным видом.

— Я просто довершил то, что ты начал,— с улыбкой пояснил Целитель и небрежно пожал плечами, указывая на Портал.— Ладно, пойдем отсюда, пока не наведался кто-то из дружков этого Норриса. Я внушил ему, что следует сказать им, чтобы они сюда не совались, но не стоит испытывать судьбу.

Джаван кивнул и вошел в Портал. В мозгу теснились десятки вопросов, которые хотелось бы задать, но он сдержался усилием воли, не желая мешать Целителю сосредоточиться перед путешествием.

— Мы отправимся в убежище михайлинцев, — прошептал тот на ухо принцу, отвечая, по крайней мере, на этот вопрос. Искалеченной рукой он уперся в затылок мальчику, а второй обнял его за плечи, пальцами прижимая особые точки на сонной артерии. — Ладно. Мне сделать все самому, или ты тоже хотел бы попробовать?

Закрыв глаза, Джаван глубоко вздохнул и медленно выдохнул, стараясь не замечать резких запахов уборной — видит Бог, что за странное место для Портала! — затем попытался сконцентрироваться. Ему до сих пор не давались перемещения через Порталы, а уж через этот — в особенности.

— Думаю, что смогу, но я не гордый. Помоги мне, если понадобится.

Тавис в ответ задышал равномерно, чтобы помочь Джавану глубже уйти в себя, и тот ощутил, как их связь с Целителем становится все прочнее, почувствовал слабое покалывание под ногами — то были силы Портала; и все же, по сравнению с Тависом, его реакция была слишком медленной.

Я только чуть-чуть тебя подтолкну на сей раз, — пришла мысль Целителя. — Нам нельзя здесь задерживаться.

Смирившись с неудачей, Джаван склонил голову и привычно нырнул в подступившую тьму, когда Тавис надавил на нужные точки у него на горле. Краешком сознания он ощущал, как Дерини собирает воедино энергетические потоки, и едва тот отпустил его, принц почти мгновенно пришел в себя, — уже

совсем в другом помещении, где не было этой ужасной вони.

— Отлично,— шепнул ему Целитель, толкая дверь, выходящую в тускло освещенный коридор.— Думаю, если бы не возня с твоим приятелем Норрисом, сегодня ты вполне сумел бы справиться и сам. Боже, ну что мне с тобой делать?!

Радостно ухмыляясь, Джаван вышел в коридор вслед за Тависом.

— Учить меня и дальше, и еще лучше, я надеюсь,— заявил он. И вмиг посерезнел, вспомнив, какие трагические известия он принес.— Хотя... боюсь, сегодня я не смогу заниматься. Ты знаешь, что регенты... они убили отца Элистера и Джебедию?

Тавис застыл, как вкопанный, посреди коридора, запрокинул голову, с силой втянул в себя воздух, а затем шумно выдохнул.

— Так значит, новости уже достигли Валорета? Держу пари, регенты были в восторге!

— А, так ты уже в курсе?

Тавис вздохнул, не глядя на принца.

— Мы похоронили их рядом с Райсом, пару дней назад. Ивайн с Джорем перенесли тела сюда, как только был закончен Портал в аббатстве святой Марии.— Он искоса взглянул на Джавана, все еще не в силах совладать с болью потери.— Ты хотел бы поклониться их могиле?

— Да, очень,— чуть слышно отозвался Джаван.

— Ладно. Только надо будет посмотреть, закончили Кверон свои дела в часовне. Он там совершил какой-то обряд, но полагаю, это ненадолго.

Дверь часовни оказалась нараспашку, и, когда они подошли ближе, Тавис не заметил никаких следов Кверона, а маленький столик у алтаря теперь

пустовал. Единственным источником света была лампада над алтарем и свечи по левую руку.

Тавис посторонился, чтобы дать Джавану дорогу, затем по кедицкому ковру провел его к трем мраморным плитам, вделанным в стену справа от алтаря. Над каждой в щель был вставлен пергамент. Затуманившимися от слез глазами — он плакал уже во второй раз нынче вечером — принц прочел на первом листе, почтительно развернув его и поднеся ближе к искорке магического света, созданной Тависом:

Райс Малахия Турин, Целитель, 877-917. «*Ибо исцеление исходит от Всевышнего*».

Вторая могила была Джебедии. На пергаменте значилось: Лорд Джебедия Алькарский, рыцарь и верховный магистр Ордена святого Михаила, 861-918. «*Рядом с благословенным архангелом восстанет он одесную от алтаря, на страже Света*».

— Еще не было времени высечь надписи, как положено, — негромко заметил Тавис. Искорка света последовала за принцем к третьему захоронению. — Да и сами тексты еще окончательно не обговорили.

Элистер Кайрил Келлен, архиепископ Валоретский, епископ Грекотский, канцлер Гвиннеда, верховный настоятель Ордена святого Михаила, Священник и Рыцарь, 838-918. «*Nunc dimittis, Domine...*»

— *Nunc dimittis*, — повторил Джаван вслух; он узнал эту цитату. — Господи, отпусти слугу Твоего с миром...

Тавис кивнул.

— Это предложил епископ Ниеллан. Ивейн тексты не слишком понравились, она хочет подыскать что-то более подходящее. — Он потупил взор. — Я... я оставлю тебя с ними на пару минут, если хочешь.

Джаван молча кивнул, не в силах вымолвить ни слова, и Целитель бесшумно развернулся и направился к выходу. Спохватившись, он загасил магический огонь, но принц не обратил на это никакого внимания. Рухнув на колени, Джаван разразился слезами, его хрупкие плечи тряслись. Тавис задержался в дверях, смущенный, не зная, стоит ли, действительно, оставлять сейчас мальчика одного, как вдруг обернулся, завидев Кверона, который молча наблюдал за ними с принцем.

— *Он только что узнал, да?* — Кверон сочувственно потрепал Тависа по плечу.

— *Да, — мысленно ответил тот. — Всего пару часов назад. Конечно, он знал насчет Райса и прежде, но вести о гибели Элистера и Джебедии лишь сейчас достигли дворца.*

— *Ясно. Тогда, пожалуй, не стоит ему мешать, пусть изоляет свою скорбь. Бедный парнишка, каково ему пришлось — услышать такую новость на виду у всех придворных! Понятно, что он никак не мог выдать своих истинных чувств... Видно, что на душе у него неспокойна.*

Иронически усмехнувшись, несмотря на все свое сочувствие к Джавану, Тавис увлек Кверона чуть дальше по коридору, а затем повернулся, в упор глядя на пожилого Целителя. Дверь в часовню он, впрочем, закрывать не стал.

— *Если он и неспокоен, так не только поэтому, — мысленно послал он. — Позволь, я покажу тебе, что он сотворил с бедным, ничего дурного не умышлявшим стражником, вся вина которого была в том, что он случайно оказался в коридоре, где Джаван дожидался моего появления.*

Когда смысл произошедшего — а Тавис все показал ему в мысле-образах — дошел до Кверона, пожи-

лой Целитель склонил голову и недоверчиво поднял брови.

— Но ведь это — чисто деринийские способности. Где, во имя всего святого, он мог научиться такому?

— Не совсем уверен, что святость имеет к этому отношение, — возразил Тавис, — но почему бы нам не спросить самого Джавана?

— Полагаю, именно так нам и следует поступить, — согласился Кверон.

Однако они не стали тревожить юного принца еще какое-то время — пока не увидели наконец, что он прекратил рыдать и, сидя на пятках, принял утирать глаза рукавом. Когда всхлипывания окончательно стихли, Тавис, деликатно покашляв, распахнул пошире дверь в часовню и вместе с Квероном вошел внутрь. Заслышав шум, мальчик вскинул голову и поспешил подняться на ноги, увидев, что Тавис идет не один.

— Вы... вы отец Кверон, да? — спросил принц, неуверенно косясь на белое одеяние новоприбывшего. — По-моему, мы уже встречались... как-то раз, в прошлом году, — закончил он смущенно, некстати припомнив, что тот визит Целителя состоялся как раз после нападения на Тависа, и тогда они оба до смерти боялись пожилого гавриилита.

Кверон улыбнулся ласково, тоже не желая заострять внимание на тех давних делах.

— Да, сдается мне, так оно и было, ваше высочество, — подтвердил он. — И, похоже, с тех пор многое изменилось; а кое-что — даже к лучшему.

Джаван уперся глазами в пол, благодарный за смену темы беседы, однако настроение его не улучшилось, и взгляд, когда он вновь поднял голову, оставался мрачен.

— Вот это было не к лучшему,— пробормотал он, указывая на мраморные плиты в стене часовни.— Я только сегодня узнал. Не взыщите, если вам покажется, что я слегка растерян.

— Растерянность в подобных обстоятельствах объяснима и простительна, ваше высочество,— ответствовал Кверон.— И тем не менее, насколько я могу судить, вы ничуть не растерялись нынче вечером, когда пришлось столкнуться с некоей... неожиданностью?

Джаван удивленно покосился на Тависа; похоже, ему показалось, что старый друг предал его.

— Ты все ему рассказал, да? — обвиняюще воскликнул он.

— Я должен был так поступить,— отозвался Тавис.— Он... он с нами в одной команде, особенно теперь, когда не стало Райса и других... Я хочу, чтобы ты доверял ему. Я — доверяю.

— В самом деле? — с легким смешком послал ему Кверон, ничуть не изменив при этом выражения лица.

— Но...

— Тебе нужно научиться работать сообща с другими.— Тавис ободряюще обнял мальчика за плечи, одновременно продолжая мысленный диалог с Квероном: — У меня нет иного выхода, особенно после того, как сегодня вы доказали мне свое расположение... хотя нынче, учитывая, что я унаследовал сомнительный дар Райса, не думаю, что вы сумели бы навредить мне, даже если бы пожелали. Вас не смущает столь необычная основа для доверия?

Кверон покачал головой, одновременно отвечая обоим собеседникам.

— Давайте оставим мертвцевов в покое,— предложил он, указывая на дверь.— Возможно, кто-то еще пожелает прийти и поклониться могилам, а мы мо-

жем продолжить наш разговор и в другом месте... возможно, в твоих покоях, Тавис, поскольку у меня пока нет своей кельи? Джеван, я обучал многих юных Дерини. Возможно, я сумею помочь и вам тоже?

— *Кстати, Тавис,— продолжил он уже мысленно,— мне только сейчас пришла в голову одна мысль. Интересно, а как сомнительный дар Райса подействует на способности Джавана? Я не жду ответа прямо сейчас, но подумай об этом на досуге.*

— *Подумать о чем? — парировал Тавис на выходе из часовни.— Я трудался, как проклятый, стараясь развить его способности, а вы предлагаете отнять их у него?!*

— *Просто подумай.— повторил Кверон спокойно.— Я лишь хотел бы, чтобы ты поразмыслил над возможными последствиями.*

Тавис думал об этом всю дорогу до бывшей михайлинской кельи, где теперь располагалось его жилище. Удивительно, что прежде эта мысль даже не приходила ему в голову; да, собственно, и никому другому тоже. Жаль, он слишком мало знает о том, что сделали Джорем и остальные с юными принцами в ту ночь, когда умер король Синхил. Что бы это ни было, в том обряде явно крылся источник нынешних способностей Джавана.

Но почему этот дар раскрылся лишь у единственного из братьев, а не у Алроя или Райса-Майкла? Особенno странно, что Алрой его как будто начисто лишен, а ведь король — именно он. Вот бы удалось как-нибудь добраться до него и лично убедиться в этом!.. Но все-таки — возможно ли блокировать нарождающиеся способности Джавана?

— Я думаю, первое, что мы должны сделать, это позволить отцу Кверону *считать* тебя,— предложил принцу Тавис, указывая ему, чтобы тот присел на

койку. Сам он тем временем затворил дверь и магическим усилием возжег огонь в жаровенке у изголовья постели.

Джаван неуверенно опустился на кровать, поерзав на комковатом матрасе. Присутствие Кверона, неподвижно застывшего в изножье койки, подобно бледному призраку, явно смущало мальчика, и во взглядах, что он искоса бросал на Тависа, читалось недоверие. Кажется, он все еще считал, что его предали.

— Я... не уверен, готов ли я к этому,— прошептал он наконец.— Отец Кверон, я никоим образом не хотел бы задеть или оскорбить вас, но... Тавис, мне, правда, обязательно делать это?

— Мне кажется, это было бы полезно для тебя,— отозвался тот, прислоняясь к двери.— Разумеется, насилию он ничего делать не станет, но было бы неплохо, если бы ты позволил ему прочесть свои мысли. Во многих отношениях он куда лучше, чем я, подходит, чтобы научить тебя тому, что ты должен знать и уметь.

Ему неприятно было так напирать на Джавана, однако вопрос Кверона отрезвил его, заставив признать очевидное: другим тоже необходимо знать о способностях принца — о том, откуда они возникли и как развиваются,— чтобы наилучшим образом приступить к обучению.

— Но ведь я... я прежде ни для кого не опускал свои защиты — кроме как для тебя,— протянул Джаван.

— Верно, но однажды ты опустил их для меня, а через меня твои мысли считывали Элистер, Джорем и Джебедия,— возразил Тавис.— Кверон работал со всеми троими, и он Целитель и, изначально, гаврии-лит. Неужели ты думаешь, он мог бы повредить тебе

или нарушить свои обеты? И неужели ты думаешь, я бы позволил ему сделать это?

— Наверное... нет.

— Тогда ложись на спину, и давай покончим с этим,— поторопил его Тавис.— Ну же, Джаван, обычно ты не ведешь себя, как капризный ребенок!

— Нет, он не капризничает,— вмешался Кверон, присев у постели, чтобы не возвышаться слишком сильно над мальчиком.— Есть разница между простыми капризами и разумной опаской. И несмотря на то, что для своего возраста он очень возмужал, перед нами все же двенадцатилетний отрок, не вполне еще успевший свыкнуться с тем, что довелось ему пережить за последние месяцы. Могу ли я предложить кое-что?

— Разумеется.

— Почему бы тебе не поработать с ним немного, как вы это делаете обычно, а затем уже я присоединюсь к вам? Будем двигаться постепенно. Нам ведь ни к чему путать его еще сильнее — правда, ваше высочество? Я понимаю, что вы чувствуете сейчас, так что не решился бы даже настаивать, чтобы мы неизменно сделали это сегодня, однако опасаюсь, что другого шанса может и не представиться. С каждым разом вам будет все сложнее вырываться сюда по ночам, так что нам лучше использовать отпущенное время с наибольшей пользой.

— Это звучит... разумно,— неуверенно согласился Джаван.

— Ну вот, видишь? — Кверон обратился к Тавису за поддержкой, и тот поспешил кивнуть.— Тогда почему бы вам не лечь, как предложил ваш друг, и пусть все происходит точно так же, как обычно, когда вы встречаетесь и обмениваетесь информацией. Заранее скажу: я готов к тому, что, судя по расска-

зам Тависа, меня ждет большой сюрприз, так что не бойтесь оказаться не на высоте.

Джаван умудрился даже выдавить слабое подобие улыбки, укладываясь на неудобную кровать. Чувствуя себя слегка глуповато, точно его выставили на всеобщее обозрение, он поправил пояс и кинжал. Тавис тем временем опустился на колени у изголовья. Он прекрасно понимал, что должен чувствовать сейчас Джаван, поскольку ему и самому не так давно пришлось демонстрировать свои способности перед Квероном, чья репутация среди Дерини была неоспорима. Он подозревал также, что и Райсу было не по себе, когда он впервые рассказывал Эмрису и Кверону о своем новом таланте.

— Ладно, что делать дальше, ты и сам знаешь, не хуже моего,— с усмешкой пробормотал Тавис, откидывая со лба мальчика прядь черных волос. Затем он коснулся его в обычных местах — у виска и за левым ухом. — Вдохни пару раз поглубже, чтобы расслабиться. Закрой глаза. Вот так. Я с тобой. Расслабься и начинай сосредотачиваться. Так, а теперь опускай защиты. Вот. Хорошо... отлично!

Он закрепил их связь, сглаживая нервозность Джавана, затем принял его мысленный отчет обо всем, что происходило при дворе за эти пять дней, и, в свою очередь, передал тому все свои новости; он сделал бы это вне зависимости от Кверона. Все это они проделывали уже не раз, и Джаван справился отлично... так что мальчик почти не обратил внимания, когда Тавис подсоединил к их связи и пожилого Целителя, а затем сам отстранился, приняв роль простого наблюдателя. Джаван слегка дернулся, осознав наконец, что произошло, но Тавис по-прежнему был здесь, он не оставил его, и вскоре он смог начать спокойно работать с Квероном.

Гавриилит вновь уступил место Тавису, когда пришла пора прервать контакт и вернуть мальчика к реальности, и лишь сидел неподвижно, пристально взирая на принца, пока тот не открыл глаза.

— Впечатляет,— пробормотал Кверон. Джаван смущенно заморгал.— Думаю, мне стоит поговорить с Ивейн и Джоремом, чтобы узнать, с чего это все началось... если, конечно, они пожелают мне сказать. Ведь, насколько я понимаю, вам они пока не поведали всей правды?

— Тут... все дело в наследовании,— неуверенно пробормотал Джаван.— Но мне ведь не обязательно что-то объяснять, да? Вы уже и сами знаете все, что мне об этом известно.

Кверон с серьезным видом кивнул.

— Очень удобно, не правда ли? Не нужно тратить время на долгие разговоры... Я буду с нетерпением ждать возможности еще поработать с вами.

— В самом деле?

— В самом деле. Но сейчас, думается, лучше бы Тавису вернуть вас обратно в Валорет, пока вас не хватили.— Он поднес руки к груди, затем протянул ладони Джавану.— Всегда готов служить вам, мой принц.

Робко, почти благоговейно, мальчик сжал руки Целителя в своих — древний, как мир, жест, означавший, что повелитель принимает службу вассала,— затем со смущенным смехом попытался усесться на продавленной постели, и Тавису с Квероном пришлось помочь ему.

— Вы правы, мне пора возвращаться. А... я долго пробыл здесь, у вас? Всегда теряю счет времени, когда мы работаем с Тависом!

Засмеявшись, тот покачал головой, про себя восхищаясь спокойствием принца.

— Не слишком долго, нет. А твой добрый друг-стражник проследит, чтобы в подземелье не забрели посторонние. Но в следующую нашу встречу я покажу тебе, как это сделать правильно — на тот случай, если тебе вновь придется столкнуться с Норрисом или его товарищами. Кверон, нам еще нужно это обсудить.

— Да, непременно, — кивнул тот, провожая взглядом принца и его друга. — Мы непременно обсудим все это.

Глава пятая

**Ибо что-то странное
влагаешь ты в уши наши;
посему хотим знать, что это такое?**¹

На следующее утро Кверон не вышел из своей кельи, поскольку Джорем посоветовал ему провести весь день в уединении,— ведь вечером ему предстоял непростой обряд посвящения. Тем не менее, когда Совет Камбера собрался, чтобы выслушать отчет Тависа о его встрече с принцем Джаваном, вопрос о Квероне обсуждали горячо и заинтересованно, ведь он был первым человеком, помимо Тависа, кто вступил с принцем в прямой мысленный контакт.

Однако не Кверон и не Джаван стали причиной того, что собрание затянулось далеко за полдень. Тревожные известия, сообщенные Тависом, заслуживали внимания и сами по себе, так что обсуждение растущих способностей принца отошло на второй план. То, как регенты обошлись с пленным Декланом Кармоди, ясно указывало, что отныне опасность грозит любому Дерини, оказавшемуся в подобном положении, а возвращение ко двору матери Анселя с семьей еще больше усложняло ситуацию. Решение принять требовалось незамедлительно.

¹ Дания 17:20

— Предатели — это для нас не новость,— подыто-жил Джорем, когда Тавис закончил рассказ о Кармоди.— Мы уже несколько месяцев знали, что регенты насилино вербуют себе в помощь Дерини. Несколько из них были с Раном в аббатстве святого Неота. Кажется, отец Юрис говорил, что видел там и Кармоди?

— Да, Кармоди был с ними,— подтвердил Тавис.— И еще один, по имени Ситрик, хотя тот обучен куда хуже. Они оба вернулись с войсками Рана после резни в монастыре святого Неота, но лично я ни с тем, ни с другим не общался. Джаван говорит, что Кармоди сопротивлялся дольше остальных — поэтому его до сих пор и держат в кандалах. Он не сдался сразу, как тот же Ориэль, регентам пришлось здорово надавить на него. Боюсь даже подумать, что случится, если он все же сломается.

Джесс вопросительно посмотрел на Тависа. Его загорелое безбородое лицо выражало смятение.

— Но ведь нет ничего слишком сложного в том, чтобы читать мысли обычного человека, особенно если тот не противится,— произнес он.— Это ведь не то, как если бы они заставили его взломать защиты другого Дерини или... или проникнуть в сознание мертвеца.

— Пф-ф! — Грегори презрительно хмыкнул, покосившись на Джорем и Ивейн.— Это только вопрос настойчивости, сынок. Только вопрос настойчивости.

— Верно,— кивнул Тавис.— Если смотреть на вещи совершенно объективно — хотя сомневаюсь, что кто-либо из нас сейчас на это способен,— то все это выглядит довольно безобидно. Разумеется, Джавану все представилось в несколько ином свете, но нельзя забывать, насколько важным для него было то, что

удалось узнать с помощью Кармоди. Ведь именно тогда он впервые услышал о гибели Элистера и Джебедии.

После этих слов в зале воцарилось неловкое молчание, и наконец подал голос Ансель:

— Разумеется, это сыграло свою роль, но, вспомните, он же видел Ориэля за работой... Кстати, Тавис, ты и сам не столь давно был в том же положении, что и Ориэль с Кармоди.

— У меня были на то причины! — с жаром воскликнул Тавис.

— Ну, разумеется, никто с этим не спорит, — нетерпеливо отозвался Джорем. — Однако, полагаю, ты должен признать, что изначально тобой двигали не только альтруистические мотивы... было ведь еще и желание отомстить тем, кто искалечил тебя.

Стиснув ладонью увечную руку, Тавис опустил голову.

— Мне неприятно вспоминать о тех днях, — произнес он чуть слышно.

— Мы это понимаем сынок, — заметил Грегори со вздохом, метнув предостерегающий взгляд на Джорема. — И точно то же самое можно сказать о Кармоди с Ориэлем: едва ли они довольны и счастливы своей новой службой. Но как и ты, в конечном итоге, оставался во дворце, чтобы помочь принцу Джавану, так и они всего лишь пытаются защитить тех, кто им дорог.

Тавис горестно кивнул, не поднимая взора.

— Мне не в чем их упрекнуть. Но Джаван говорил, что у Кармоди был такой... запуганный вид... Боже, как ему, наверное, тяжело!

— И мы все сочувствуем Кармоди, — негромко сказала Ивейн. — И все-таки... Конечно, можно помечтать о том, чтобы проникнуть в замок и вызво-

лить всех Дерини, что там находятся, но поскольку это невыполнимо, то, полагаю, нам стоит поразмыс- лить о том, что мы реально можем сделать сейчас.

— Отлично,— поддержал ее Ансель.— Давайте по- говорим о том, что можно сделать для моей семьи.

— Для твоей семьи? — удивленно переспросил Джорем.

— Ну да. Они же не могли вернуться туда по соб- ственной воле!

— Разве?

— Нет! — рявкнул Ансель.— Когда прошлой осе- нью после гибели Девина Джейми забрал их всех в Кирни, он сказал, что они намерены там и оставать- ся, подальше от всего этого безумия. А если сынок Манфреда заинтересовался девочками...

Грегори, чей интерес и энциклопедические позна- ния в генеалогии были общеизвестны, задумчиво кивнул.

— Ах, да. Сестры Мак-Лин. Кажется, несколько лет назад Синхил поручил опекунство над ними Элинор и Джейми Драммонду, верно? После смерти их отца?

— Да,— подтвердил Джорем.— Они приходятся племянницами Иену Мак-Лину, и наследуют наравне с ним, теперь, когда прямая линия рода угасла.

— Прямая линия не угасла! — резко возразила Ивейн, и гнев вспыхнул в ее синих глазах.— Нет, вы- слушайте меня! — продолжила она, не обращая вни- мания на попытки брата успокоить ее.— Это очень важно. Я понимаю, о чем вы говорите, но об этом нельзя забывать! Никогда! Сын Адриана жив, за его жизнь мой сын заплатил своей гибелью. Камлин — наследник Адриана. И когда умрет дедушка Камли- на, то именно он станет графом Кирнийским!

Потрясенные ее словами, все притихли, и лишь Ансель произнес, печально качая головой:

— Тетя Ивейн, прости. Никто не забыл, как дорого стоила жизнь Камлина. Неужто ты думаешь, я мог забыть об этом?! Я видел, что они сделали с Эйданом, приняв его за Камлина.— Он вздохнул сочувственно, и все же продолжил: — Однако Камлин не станет графом после смерти деда, и ты сама это знаешь. Камлину не быть графом Кирнийским, как и мне — графом Кулдским. Радуйся и тому, что регенты считают, будто Камлин погиб, ведь если они усомнятся в этом, то будут искать его до тех пор, пока не отыщут и не исправят эту ошибку... точно также как они ищут меня. Нет, когда дед Камлина мирно скончается — или примет смерть в результате какого-нибудь несчастного случая, подстроенного регентами,— Гизела и Ричедис Мак-Лин унаследуют Кирни. И потому нет ничего удивительно, что прыщавый сынок Манфреда крутился вокруг них на свадебном пиру.

— Но они же еще совсем дети,— прошептала Ивейн со слезами на глазах.— Им же всего лет двенадцать или тринадцать?

Тавис хмыкнул.

— А сколько дочери Удаута, которую вчера отдали за этого щенка, сына Мердока?

Джорем со вздохом покачал головой.

— Значит, сынок Мак-Инниса щупает почву. Полагаю, нам стоит теперь задаться вопросом, можем ли мы что-то предпринять в этой ситуации. И хотим ли мы что-то предпринимать?

— Хотим ли мы?..— Ивейн задохнулась.— Но, Джорем...

— Нет, послушай меня. Возможно, все мы упускаем нечто очень важное. Мы обсуждали чисто полити-

ческие аспекты: кто в конце концов получит Кирни? Однако, сколь бы ни была отвратительна мысль о том, что графство окажется в лапах Мак-Инниса, он все же получит его через брак с Мак-Линами... а в конечном итоге все же было бы предпочтительнее, чтобы Кирни владела семья, в которой есть хоть часть крови Мак-Линов. Куда хуже, если род угаснет окончательно, а земли отойдут к Короне, и титул передадут человеку совершенно постороннему, как это уже случилось с Кулди.

Юный Джесс покосился на старших и нахмурился.

— По-моему, в словах Джорема есть смысл. Однако сразу же встает другой вопрос. Захочет ли Манфред Мак-Иннис, при братце-регенте, да еще и архиепископе Валоретском, породниться с семьей, где сильны деринийские корни? И кстати, насколько, вообще, Мак-Лины — Дерини?

— Очень малая часть крови,— отозвался Джорем.— Только со стороны Эйслини, сестры моего отца, погибшей в Трурилле. Ричелдис и Гизела — ее внучки, а Камлин — правнук. При столь дальнем родстве способности Дерини сильно размыты. Учитывая финансовые выгоды, Мак-Иннис может и не обратить на это внимания. А еще через одно поколение...— Он пожал плечами.

— По-моему, этого недостаточно.— Тавис поморщился.— Насколько я понял, Анселя беспокоит, насколько эта кровь проявляется в поколении девочек. У них есть защиты? Способность читать мысли? Могут ли они вызывать огонь? Наводить простейшие чары? Ансель, ты что-нибудь знаешь об этом?

Тот покачал головой.

— Я их уже много лет не видел. Тавис, я понятия не имею, на что они способны. Я тревожусь за ма-

тушку. И за сводных брата и сестру, которые еще моложе, чем эти девочки.

— Ладно, тогда расскажи нам о них,— продолжал настаивать Тавис.— Нет сомнений, что твоя мать связана с Дерини: вдова сына святого Камбера, мать графа-отступника, который погиб при попытке покушения на братьев короля...

— Девин никого не убивал! — Ансель стукнул кулаком по столу.— Он пытался защитить Джавана и Райса-Майкла!

— Да, знаю, я ведь был там, если помнишь,— перебил его ничуть не смущенный Тавис.— И я это знаю, и ты знаешь, однако регентам было выгодно выставить дело в совсем ином свете — и именно поэтому ты и стал изгояем. Так насколько же твоя мать — Дерини, Ансель?

Молодой человек заставил себя медленно вдохнуть и выдохнуть, изгоняя гнев.

— Не настолько, чтобы это имело какое-то значение,— признал он наконец.— Она родом из Хоувеллов, а Хоувеллы никогда не были сильными Дерини. У нее есть защиты. Она немного умеет читать мысли. По-моему, все.

— Значит, против регентов она бессильна,— осторожно заметил Грегори, бросив взгляд на Тависа.— К счастью, они это знают. А твой отчим?

Ансель вздохнул.

— Пожалуйста, не примите мои слова за критику в адрес Джейми, потому что я очень признателен ему за то, что он подарил матушке еще один шанс найти свое счастье, когда отец... ну, полагаю, мне нет нужды вдаваться в подробности... Но из всех способностей Дерини Джейми может разве что ставить защиты. Я знаю, три поколения назад кровь Драммондов была очень сильна — когда роды Мак-Рори и

Драммондов впервые соединились... но в семье Джейми с тех пор были только браки с людьми. У моих сводных брата и сестры, вообще, почти нет дерринской крови — еще меньше, чем у Гизела и Ричелдис.

— Значит, их всех едва ли можно считать настоящими Дерини, а стало быть, и беспокоиться особо не о чем, — сказал Джесс. — Правда, у них нет и защиты от регентов, но, в другой стороны, у тех нет и особых причин вредить им.

— Все зависит от того, как настроены регенты по отношению к Дерини. Сегодня у них одно на уме, завтра — другое, — промолвила Ивейн. — Вдруг они надумают приказать Ориэлю или Кармоди прощупать всю семью и всплынет нечто такое, чего никто из нас не ожидал? Мы все знаем, какие странные фокусы порой выкидывает наследственность Дерини через несколько поколений...

Тавис вздохнул.

— Я понял, к чему вы клоните, — произнес он не громко. — Ансель, если ты хочешь, чтобы я заблокировал их способности, то почему бы тебе не сказать об этом в открытую?

После этих слов в зале воцарилось напряженное молчание. Впервые за все это время было высказано вслух предложение использовать открытую Райсом возможность — которой теперь владел один лишь Тавис О'Нилл. Все присутствующие безмолвно устремили взоры на Анселя.

— Ансель, — окликнула его Ивейн. — Ты этого хочешь?

Молодой человек кивнул.

— А ты подумал о том, что твоя мать может и не согласиться? — продолжила Ивейн. — Как давно ты с ней говорил в последний раз?

Ансель повесил голову.

— Осенью, когда погиб Девин,— прошептал он.— Она не желает меня видеть. Джейми сказал, она винит нас — всех нас — в том, что мы использовали Девина и впустую пожертвовали его жизнью.

— А ты тоже считаешь, что Девин погиб напрасно? — спросила Ивейн.

Сморгнув слезы, юноша покачал головой, однако так и не поднял глаза.

— Нет.

— Понятно.— Ивейн обвела взором остальных — Джорема, Грегори, Джессса... и Тависа. Молодой Целитель чуть заметно кивнул, встретившись с ней глазами, и она вновь посмотрела на Анселя.

— Ты не ответил на мой вопрос,— заметила она негромко.— Если Совет дозволит то, о чем ты просишь — учитывая, что Тавис единственный Дерини среди нас, кто обладает способностью блокировать чужие способности,— если мы дозволим это, готов ли ты сам рискнуть жизнью, чтобы помочь ему исполнить задуманное? И прежде чем дать ответ, подумай еще о том, что Джейми и Элинор могут не согласиться. Готов ли ты пойти против воли матери и отчима?

Со вздохом Ансель отозвался:

— На сегодняшний день и она, и Джейми, и дети в смертельной опасности, и с каждым днем угроза нарастает. Напрямую она ничем не сможет нам помочь, даже если бы пожелала. Если их всех лишить способностей Дерини, то они хотя бы останутся целы и невредимы, и никто из них не сможет повредить нам.

— И все же ответь, Ансель,— продолжала настаивать Ивейн.— Готов ли ты применить силу против

родной матери, чтобы помочь Тавису сделать то, что необходимо? Готов ли ты подчиниться ему во всем?

Усталым, очень усталым голосом Ансель отозвался:

— Готов. И да поможет нам Бог.

— Верно. И да поможет нам Бог.— Ивейн перевела взгляд на свои руки, затем посмотрела на Тависа.— Насколько я понимаю, ты готов взяться за это?

— Да, если Совет позволит. Я сознаю, что на сегодняшний день мои способности уникальны среди Дерини, но это будет отличный случай проверить их в деле. И во дворце все же это будет проще, чем потом, с Реваном и виллимитами. Кроме того, у меня есть опыт как приходить и исчезать незамеченным из валоретского замка. Думаю, мне там опасность не грозит — а семья Анселя под ударом.

— Звучит благоразумно. Джорем, что ты об этом думаешь?

Ее брат кивнул.

— А вы, Джесс, Грегори?

Отец с сыном также ответили кивком.

— Что же, отлично. Ансель, детали вы позже обсудите с Тависом.

— Согласен,— поддержал Целитель.— Ах, да, я знаю, что час уже поздний, но есть еще одна вещь, о чем я хотел бы сказать, прежде чем покину вас. Сегодня я заметил, как нервничают все присутствующие и дают волю чувствам — похоже, все мы еще не вполне оправились после вчерашнего. Я приношу свои извинения, если своими словами или поступками еще больше обостряю напряжение.

— Извинения приняты,— отозвался Джорем.— О чем еще ты хотел поговорить?

Тавис поднялся с места.

— Ну, это касается Кверона, вчера вечером... Напрямую к рассказу Джавана не относится, и все же связано с ним...

— И тебе не хотелось бы это обсуждать,— улыбнулась Ивейн,— но все же тебе кажется, что ты должен сделать это.

Тавис смущенно потупился.

— Я так и полагал, что рано или поздно об этом зайдет речь, но... в общем, Кверон задался вопросом, способен ли я применить блокирующие способности к Джавану, хотя он и не Дерини.

Заметив, что собравшиеся уставились на него с изумлением он поспешил продолжить:

— Нет, не надо смотреть на меня, как на какое-то чудовище! Вы знаете, на что я способен, я каждому из вас это показал! И я вполне сознаю, какую ответственность налагает на меня обладание таким талантом. Мне и в голову не пришло бы с легкостью распоряжаться им! Бог свидетель, последнее, чего я бы желал, это лишить Джавана его дара, когда он только-только обрел его, и именно это может стать его спасением в грядущие дни. Но... вопрос в том, возможно ли нечто подобное — в принципе? — Он испытывающее посмотрел на Ивейн, затем на Джорема.— Я просто хотел, чтобы вы поразмысляли над этим.

Ивейн, прикусив нижнюю губу, посмотрела на Джорема удивленно и чуть испуганно. То, что предлагал Тавис, могло коснуться не только Джавана, но также Алроя и Райса-Майкла. Рано или поздно им с Джоремом придется выяснить, что именно известно молодому Целителю о том, что произошло с тремя принцами Халдейнами — но не здесь и не сейчас, не раньше чем они примут решение сделать его полноправным членом Совета и он принесет клятву хранить все услышанное в тайне.

— Ты верно заметил, Тавис,— сказала она наконец.— Последствия такого шага могут быть очень серьезны. И ты совершенно прав, сегодня нам предстоит трудная ночь, и сейчас нет времени серьезно задумываться над этим. Возможно, к этому стоит вернуться завтра, когда все мы как следует выспимся и отдохнем.

Тавис был разочарован, но едва ли мог возражать, ведь он единственный не участвовал в вечерней церемонии — как бы сильно ему того ни хотелось.

— Как скажете,— произнес он, слегка поклонившись.— С вашего позволения, я тогда вернусь на ночь в Джассу. Епископ Ниеллан приглашал меня для дополнительных занятий, когда будет время.

— Разумеется,— согласилась Ивейн.— Пожалуйста, передай ему привет.

Когда Тавис ушел, Грегори шумно выдохнул.

— Все это весьма неловко. Почему бы вам не принять его в Совет, да и Ниеллана тоже — и покончить с этим! У вас же было восемь членов в самом начале.

Ивейн вздохнула, а Джорем покачал головой.

— Возможно, рано или поздно придется поступить именно так. Видит Бог, сделать выбор почти невозможно — опыт и уравновешенность Ниеллана против энтузиазма и уникальных талантов Тависа...

— Да, и все же...— Ивейн зевнула,— Говорить об этом можно будет лишь после того, как мы примем в свои ряды Кверона — но если мы не закончим все приготовления вскорости, то этому так и не суждено будет случиться. Так что давайте, господа, спустимся в *кииль* и займемся делом, чтобы ночью урвать хоть пару часов сна.

Все потянулись к выходу, и Ансель, догнав Ивейн, молча стиснул ее руку в знак благодарности за принятое решение касательно его семьи.

Глава шестая

Ибо воздвиг он огонь и воду пред тобой: и протяни руку, куда пожелаешь¹

Но зже вечером, убедившись, что все остальные обитатели аббатства святого Михаила отошли ко сну, а Тавис, как и обещал, отбыл в Дхассу, Ансель отправился наконец за Квероном. Молодой человек застал священника-Целителя в часовне, коленопреклоненным перед саркофагами, где покоялись тела тех троих, чье место в Совете должны были занять Джесс, сам Кверон и неизвестный пока третий Дерини. Отороченный зеленым белоснежный плащ гавриилитского Целителя скрывал простое серое одеяние ордена святого Камбера; ноги же Кверона были босы.

— Отец Кверон, нам пора,— негромко окликнул его юноша.

Кверон со вздохом поднялся и с чуть заметной улыбкой приветствовал внука Камбера.

— Я готов,— промолвил он.— Могу лишь надеяться, что буду хотя бы вполовину столь же полезен Совету, как эти трои. Да наставит меня святой Камбер на путь истинный, как наставлял он этих людей.

Ансель ничего не ответил, хотя, конечно, заметил медальон святого Камбера на груди у Кверона, ря-

¹ Екклесиаст 15:16 (Апокриф.)

дом с печатью Целителя. Стараясь не встречаться с Квероном взглядом, он жестом показал на открытую дверь часовни. В молчании они достигли комнаты, где был установлен Портал, и лишь на пороге Ансель мысленно заговорил со своим спутником, предупреждающе тронув того за плечо:

— Место, куда мы направляемся, это не тайна, но вы должны следовать за мной вслепую, — предупредил он. — Не делайте ничего, не помогайте мне и не чините препятствий. Согласны?

— Конечно.

В знак согласия Кверон немедленно зажмурился, чтобы физическое зрение не могло ему помешать, и принял дышать глубоко и равномерно, одновременно снимая все защиты, чтобы передать контроль над своим внутренним Зрением Ансели.

Ему понравилось то, что юноша, похоже, совсем не смущался, в отличие от многих других Дерини, которые почему-то испытывали перед Квероном странный трепет.

Молодой человек медленно, но уверенно спеленал его в тенетах своей воли — и момент переноса прошел так гладко и неощутимо, что Кверон лишь в последний миг осознал, что они переместились в другой Портал. Он открыл глаза, чтобы удостовериться в этом.

— Оставьте мне нить контроля, — попросил его Ансель, когда они оказались перед высокими бронзовыми дверями, ведущими в зал Совета. Свободной рукой юноша вызвал магический светошар. — Следуйте за моим огнем. Мы спустимся по винтовой лестнице. Не торопитесь, она очень крутая. Я буду держаться за вами.

Часть стены отодвинулась в сторону, когда светошар коснулся ее, и обнаружилась деревянная лестни-

ца, о существовании которой Кверон прежде не знал, хотя и подозревал, что таковая должна быть, поскольку Джорем говорил ему накануне, что киль — тайное святилище — находится прямо под залом Совета.

Ансель тронул его за плечо, указывая путь; юноша по-прежнему удерживал связь между ними. Очень способный паренек... Левой рукой Кверон держался за ось лестницы, левоночко опираясь другой рукой о каменную стену, мысленно чутко прислушиваясь к происходящему вокруг. У подножия лестницы, несколькими ступенями ниже, светошар Анселя замер у другой двери, также бронзовой, но одиночной, гораздо ниже, чем та, наверху, но богато украшенной древней резьбой со спиральными мотивами, которые некогда именовались звездными.

— Теперь я вас отпущу, — предупредил Ансель, тронув Кверона за локоть, — Но не поднимайте защиту. — Свободной рукой он словно впечатал свой светошар в верхнюю оконечность спирального узора, и резьба засверкала, точно расплавленное серебро. — Проработайте первый звездный узор. Это заклятье для сосредоточения. Я пройду его с вами.

Кверон кивнул и с глубоким вздохом повиновался. Он хорошо знал этот мотив — скорее всего, куда лучше, чем молодой, неопытный Ансель, хотя теперь уже ничего нельзя было утверждать с уверенностью. Поэтому он заставил себя выполнить упражнение очень медленно, не срезая углов, наслаждаясь снисходящим ощущением покоя и равновесия, по мере того, как взор его скользил по запутанному лабиринту узора. В центральной точке, возведя заклятье, он на миг зажмурился и вновь глубоко вздохнул, затем медленно выдохнул и открыл глаза, ожидая дальней-

ших указаний. Постепенно сияние погасло, и Ансель толкнул дверь, давая Кверону пройти.

Киль оказался круглым, а не восьмиугольным, в отличие от зала наверху. По периметру комната была выложена каменными плитами, достаточно широкими, чтобы мог пройти человек, а посередине находилось круглое возвышение — семь серо-черных ступеней, чьи тени и выступы, казалось, поглощали весь свет четырех факелов, установленных по углам зала. В центре возвышения их уже ждали остальные — у алтаря, по грудь высотой, напоминавшего уложенные в два слоя большие кубы Защиты, белые и черные вперемешку. Колонны толщиной в руку — две белых и две черных — поддерживали над кубами купол из белоснежного камня; все это сооружение было установлено на плите из черного обсидиана.

Кверон не мог разглядеть, что лежит на алтаре, поскольку одетые в черное Джесс и Грегори, стоявшие бок о бок у северной стороны, загораживали обзор, но в свете магического шара он разглядел у противоположного, южного края фигуру Джорема. Ивейн, хрупкая и словно неземная в своем белоснежном платье, стояла с запада. Голова ее была склонена, и распущенные золотистые волосы рассыпались по плечам.

— Сюда, пожалуйста, — шепотом направил его Ансель и подтолкнул почему-то налево, а не вверх по ступеням.

Они миновали два грубо высеченных каменных столпа, обрамлявших вход, и в полумраке Кверон разглядел по периметру комнаты другие такие же на половину вделанные в стену колонны, расположенные так близко, что между ними едва мог разместиться человек. К одной из этих ниш Ансель и подвел его, но по пути Кверон успел произвести не-

хитрые подсчеты: всего столпов было двенадцать, а значит, и дюжина ниш, считая ту, где дверь — подходящее устройство для места, где творится магия.

Но об этих тонкостях у него еще будет время размыслить на досуге. А пока Ансель все время держался рядом, и мысленно, и физически; подхватив Кверона за запястье, он достал из кармана туники моток тонкой веревки.

— Пожалуйста, дайте мне руки.— С этими словами юноша сноровисто опутал запястья Целителя.— Это символ тех обязанностей, что связывали вас до сего дня,— пояснил он.— Чуть позже вам предложат самому разорвать эти путы, чтобы освободить себя для принятия новых обетов. А пока стойте здесь, у стены.

Ансель чуть подтолкнул его в грудь ладонью, и Кверон покорно отступил на шаг. Пол под босыми ногами был холодным и шершавым, пространство между колоннами — узким, напоминавшим склеп, а ледяной холод от стены пробирался даже под шерстяной плащ.

Ему также пришлось не слишком по душе, когда Ансель встал перед ним и, подняв руки, развернул их ладонями к колоннам, начав творить какие-то чары. Воздух задрожал вокруг — особенно неприятно для Кверона, чьи защиты были опущены, делая его проницаемым для чужой магии,— и он догадался, что юноша творит обездвиживающее заклинание, возможно, того же толка, что устанавливают иногда в Порталах против незваных гостей: и те остаются в ловушке, пока хозяин не придет разобраться, как с ними поступить.

Но Ансель преподнес очередной сюрприз. Вместо того чтобы наложить на Кверона чары неподвижности, которые лишили бы его на время способ-

ности пошевелиться, он вызвал стазисную вуаль. Магическое полотно затянуло края ниши, где стоял Кверон, полонив его в некоем подобии переливающегося пурпурного пузыря. На вид ткань вуали казалась невесомой, почти бесплотной — но отнюдь не была таковой, как Целителю пришлось в том скоро убедиться. Эта магия не только лишила Кверона возможности пошевелиться; она также не пропускала внутрь ничего, кроме света и звука — даже воздух! Эти путы были куда действеннее, чем веревка на запястьях, порвать которую Целитель мог бы в любой момент... очень мощная магия! Осознание этого подействовало отрезвляюще: хотя Кверон, в общем-то, доверял своим новым товарищам, но он не ожидал, что они подвергнут его доверие столь серьезному испытанию — и так скоро!

Ему казалось, что воздух уже стал заметно тяжелее, и сердце колотилось бешено, он чувствовал это, прижимая к груди связанные руки... но все же заставил себя расслабиться. Он добровольно подвергся этому обряду; и прежде чем ночь сменится рассветом, его ждут куда более серьезные испытания. Если дышать редко и неглубоко, он спокойно прятанет, пока его не освободят.

И все же только после нескольких ровных вдохов и выдохов он сумел заставить себя поднять глаза на Анселя, который невозмутимо взирал на него по ту сторону мерцающей стазисной вуали. Несколько секунд юноша пристально смотрел на него, словно желая убедиться, что с Квероном все в порядке, затем уважительно поклонился и медленно направился по ступеням к своему месту на возвышении, точно напротив северной двери. Кверон, чтобы поменьше думать о своем положении, принял решение как можно внимательнее наблюдать за происходящим вокруг.

Вуаль приглушала даже свет и звуки, и все же он достаточно хорошо мог разглядеть, что творится в киане.

Увиденное вызывало уважение — тем более, что он хорошо понимал скрытый смысл действия. Вот Ансель замер на ступенях, обернулся и поднял за концы темную, почти невидимую во мраке веревку. Он затянул узел, замыкая тем самым кольцо вокруг возвышения — почти забытая ныне традиция, отметил Кверон про себя, но вполне соответствующая торжественности момента. Покончив с этим, Ансель в последний раз взглянул на Целителя, а затем занял свое место у восточной стороны алтаря.

В общих чертах последовавший обряд был знаком Кверону, хотя в деталях наблюдались незначительные отличия. Первой задачей любого магического обряда было установить границы рабочего пространства, очистить его, а затем возвзвать к присутствию и покровительству надлежащих Защитников. Поэтому его не удивило, когда Ивейн начала обходить алтарь с востока, по движению солнца, окропляя круг святой водой, в то время как Джорем читал Псалом Пастыря, делая остановки в южной, западной, северной и восточной точках для положенных поклонений. Факелы, горящие по углам, символизировали четырех великих архангелов, которые будут призваны позднее; помимо этого в зале не было никаких источников света.

Затем Джорем воскурил благовония с восточной стороны. Кверон отметил, что михайлинец для сегодняшней церемонии облачился в традиционное синее одеяние своего ордена: видимо, этот привычный наряд давал ему уверенность в своих силах.

Вновь читая псалом, Джорем продолжил обход алтаря; цепочка кадила мелодично позвякивала в

такт его словам. Дым благовоний струйкой поднимался и неподвижно повисал в воздухе, все выше и выше с каждой новой остановкой, однако запах не мог проникнуть сквозь стазисную вуаль.

Когда Джорем наконец завершил обход и поставил кадильницу на алтарь, Грегори взял в руки меч, чтобы замкнуть круг. С решительным лицом он повернулся к востоку.

Там он на миг опустился на одно колено, склонил голову к крестовине оружия, затем поднялся, по-военному отдал честь и изящным движением упер клинок в каменные плиты. Повернувшись, он единым взмахом очертил острием меча круг. Там, где металл касался камня, оставался серебристый след, пролегший по верхней ступени возвышения, рядом с черным вервием.

Содеянное Грегори повергло Кверона в изумление: Целитель не мог и предположить, что тот так силен в ритуалах. Но Грегори прочертит круг с великолепной точностью, ни разу не взглянув за его пределы, не задержавшись ни на миг, пока не замкнул черту на востоке. А затем сделал нечто такое, от чего Кверон едва не лишился дара речи.

Серебристая лента еще сверкала там, где прошел клинок,— и вдруг Грегори застыл на мгновение, а затем, обернувшись к югу, поднял меч, а затем широко взмахнул им над головой с востока на запад, словно следя за солнцем.

И светящаяся лента поднялась в ответ, как будто Грегори сумел привязать ее к клинку,— и растянулась у них над головами сверкающим пологом. Серебристый треугольник расширился и медленно опал, окутывая людей у алтаря, подобно лунному куполу. Кверон не верил своим глазам.

Но невозмутимый Грегори словно ничуть не удивился содеянному. Он выждал несколько биений сердца, держа меч неподвижно, а затем вытянул клинок прямо перед собой, с запада на восток: он замкнул купол в сферу у них под ногами! — внезапно осознал Кверон. И наконец Грегори повернулся в последний раз к востоку и поднес рукоять меча к губам, после чего вновь отдал честь... и почти небрежным жестом уложил оружие обратно на алтарь, между собой и Джессом.

Все это время Кверон сдерживал дыхание, не смея поверить тому, чему стал свидетелем. То, что делал с этим мечом Грегори, было невероятно, он никогда не слышал ни о чем подобном! Он с трудом мог осознать, что это означало — особенно, когда купол был замкнут в сплошную сферу под ногами. Какие же еще неожиданности готовятся нынешней ночью, если простое сотворение круга стало событием, полным сюрпризов?!

Он испытал нечто похожее на облегчение, когда Ансель, Ивейн, Джорем и Джесс одновременно повернулись и отошли к краям возвышения, каждый лицом к своей стороне света — хотя это и означало, что скоро ему самому придется принять участие в обряде. Сейчас они будут призывать Хранителей круга — правда, теперь Кверон боялся и подумать, в какой форме сие будет совершено. Он лишь в этот миг начал осознавать, сколь глубоки были знания, накопленные Советом из древних рукописей, и дрожал от возбуждения при мысли, что вскоре и сам получит к ним доступ.

— Обрядом древним и могущественным приготовили мы место сие, — негромко произнес Грегори, касаясь пальцами меча на алтаре, но не беря его в

руки.— Теперь же древним молением призываем мы великих архангелов.

На восточной стороне Ансель запрокинул голову и молитвенно воздел руки. Юношеский голос звенел, наливаясь уверенной силой:

— Во имя Света восходящего, призываем мы тебя, Рафаил, Исцелитель, Страж Воздуха, Ветра и Бури, дабы хранить собравшихся здесь и засвидетельствовать принесенные обеты. Приди, великий Рафаил, почти нас своим присутствием.

С этими словами он создал магический огонь. Золотистый огненный шар вырос у него над головой, а затем устремился вверх, под купол *кимля*, где слился с восточным факелом в золотисто-белой вспышке.

Потрясенный, Кверон, который никогда прежде не видел ничего похожего, не сразу ощутил присутствие архангела из-за стазисной вуали, но по лицу Анселя понял, что тот видит его.

Но вот и Кверон ощущал чье-то могучее присутствие в *кимле*, приглушенный рокот, слышимый отнюдь не слухом телесным. У него волосы встали дыбом на затылке, по спине пробежал холодок, а ледяной холод от стены пронизал до костей — с такой силой он вжался в свою нишу, стараясь стать как можно незаметнее. Тем временем Ансель опустил руки, и вперед выступил Джорем.

— Во имя Света исполненного, призываем мы тебя, Михаил, Защитник, Владыка Огня, Князь Небесных Легионов,— разнесся по *кимлю* его голос. Джорем запрокинул голову.— Приди, дабы хранить собравшихся здесь и засвидетельствовать принесенные обеты. Приди, великий Михаил, почти нас своим присутствием.

Светошар Джорема устремился к южному факелу, стремительный, как молния, ослепительный, как небесный огонь. Когда зрение вернулось к Кверону, он увидел, что свет факела сделался багровым; и присутствие архангела стало ощутимым для всех чувств, кроме телесных, и даже сквозь магическую вуаль он чувствовал его появление за спиной Джорема. Но времени раздумывать о том, как возможно подобное, не было, ибо теперь вперед выступила Ивейн, призывая Гавриила, его небесного покровителя.

— Во имя Света нисходящего,— провозгласила женщина,— мы призываем Гавриила, Владыку Воды, Небесного Провозвестника, принесшего благую весть Благословенной Деве. Приди дабы хранить собравшихся здесь и засвидетельствовать принесенные обеты. Приди, великий Гавриил, почти нас своим присутствием.

Мягкий зеленовато-голубой свет сотворенного Ивейн огненного шара точно пролил бальзам на душу Кверона, и он вознес безмолвную благодарность, что глаза его не видят приближения Гавриила. Он прошептал беззвучно слова молитвы и приветствия своему хранителю и на пару мгновений прикрыл глаза, чувствуя, как нисходит в сердце покой, теперь, когда Гавриил был здесь и даровал ему свою поддержку.

Последнего свидетеля обряда призвал Джесс — самый младший из них из всех и самый малоопытный, но такой же уверенный в своих силах.

— Во имя Света возвращающегося, мы призываем тебя, Уриил, Темный Владыка Земли, хранитель Мира Иного,— разнесся по залу голос юноши.— Спутник всех тех, кто жертвует жизнью во благо других, приди, дабы хранить собравшихся здесь и засви-

действовать принесенные обеты. Приди, великий Уриил, почти нас своим присутствием.

В тот же миг изумрудно-зеленый светошар Джесса слился с факелом над головой Кверона, и оперенные мраком крыла коснулись стазисной вуали с другой стороны. С судорожным вздохом Кверон склонил голову перед этим Великим — осознав внезапно, что, возможно, предстанет и будет держать ответ перед ним еще до исхода ночи. Теперь он ясно понимал, насколько знания Совета превосходят даже тайное искусство его собственного ордена — а ведь гаврииллы считались непревзойденными мастерами магии. Этой ночью жизнь его висела на волоске не только в символическом смысле.

С дюжину ударов сердца он стоял, содрогаясь от этой мысли, ощущая присутствие четырех Великих Сил за пределами круга, в котором творили обряд смертные.

А ведь ему придется пройти мимо них, чтобы просить открыть ему доступ в убежище круга. Теперь понятно, зачем нужна была защита стазисной вуали — но что он будет делать, когда эту преграду снимут?!

— Мы вне времени, вне мира,— донесся до него голос Ивейн. Эти слова были ему хорошо знакомы по древним обрядам.— Подобно тому, как делали наши предки до нас, мы соединяемся и становимся одним.

Джорем воздел руки, отвечая положенными словами на призыв сестры:

— Во имя Твоих благословенных евангелистов святого Матфея, Марка, Луки и Иоанна, во имя всех Твоих святых ангелов, во имя сил Света и Тени, мы вызываем к Тебе, дабы Ты сохранил нас от всякого

зла, о Высочайший. Так было, и так будет во все времена. *Per omnia saecula saeculorum.*

Остальные отзвались: «Аминь», сотворяя знак креста, и Кверон, как сумел, перекрестился со связанными руками. Затем несколько минут все молчали, пока тишину не прервал голос Ивейн. На сей раз слова были незнакомы Кверону:

— Теперь мы едины. Теперь мы соединились в Свете. Обратите взоры на Древний Путь. Мы не последуем ему. Да будет так.

— Да будет так,— в унисон отзвались остальные.

После чего Грегори вновь взял в руки меч и встал у северной стороны, и все выстроились за ним полукругом. Он опустился на колени и коснулся острием ступеней. Затем осторожно, чтобы не задеть сверкающий купол, Грегори поддел лезвием веревку. Развязав узел, он аккуратно уложил концы ее на ширину прохода и, вновь подняв меч, описал клинком полукруг слева направо, образуя арку. Там, где прошло острие, остался серебристый след, превратившийся во врата в куполе.

Грегори ступил в проход, удерживая меч горизонтально за рукоять и лезвие, и Кверон понял, что тот идет за ним. И по мере того, как Грегори медленно спускался по ступеням, сверкающая полоса света опускалась от меча и ложилась на пол, подобно серебристой дорожке. На нижней ступени он застыл, в нескольких шагах от Кверона, и протянул меч, касаясь стазисной вуали. Магический клинок пронзил ткань заклятъя, прежде чем Целитель даже попытался вскинуть руки для защиты.

Невозможно! Такого просто не могло быть!

Кверон в смятении застыл, ибо теперь острие меча упиралось прямо ему в грудь, напротив сердца, и

от него не было спасения. Оно жгло плоть, как раскаленный лед.

Но угроза меча была ничто — ибо *оны* были здесь. Он почти мог видеть *их*, теперь, когда исчезла вуаль, — Хранителей круга... грозное присутствие, заполнившее весь зал от купола до колонн. Лишь серебристая дорожка, проложенная Грегори, дарила убежище... но Кверона отделяла от нее настоящая пропасть, хотя физически расстояние там было не больше двух шагов.

— Кверон Киневан, зачем ты явился сюда? — вопросил Грегори, и его грозный голос вернул Кверона к действительности, и он вновь ощутил касание магического меча у самого сердца. Синие глаза Грегори смотрели пристально, рука уверенно сжимала оружие, и Кверон понял, что если ответ его не удовлетворит вопрошающего, тот вполне способен поразить соискателя на месте, будь то самим клинком, или пугающей силой, действующей через меч волею Грегори.

— Я пришел... дабы связать себя узами крови, духа и жертвенности с теми, кто собрался здесь, в служении Свету, — отозвался Кверон негромко.

— Явился ли ты по доброй воле? — задал Грегори новый вопрос. — Готов ли ты отринуть все прежние узы и обязательства и, если будет нужда, отдать жизнь во имя Света?

— Да. — Кверон кивнул.

Он с облегчением увидел, что Грегори опустил оружие, хотя это отнюдь не означало, будто опасность миновала.

— Знай же тогда, — продолжал тот, — что ты стоишь перед Великой Бездной, этой темной ночью души, которую каждый из нас должен пересечь, и пересечь в одиночку, хотя бы единожды в жизни. Ис-

тинный посвященный пересекает ее многажды, в самых разных обличьях. И никому не легче от того, что прежде ему уже доводилось ступать по сему пути.

— Ты выдержал первое испытание мечом,— продолжил Грегори. Встав на колени, он положил меч между ними, так что рукоять его легла на первую ступень, а острие — к ногам Кверона.— Но главное еще впереди. Меч Справедливости по праву именуют Мостом через Бездну. Здесь, в этом месте, Бездна есть символ тех уз, что нынче тебя просили отринуть, и многие из них держат крепко. По мосту под силу пройти тому, у кого достанет отваги. Однако знай, что Путь этот куда опаснее, чем кажется.

Не сводя взора с меча, Грегори повернул его режущей кромкой вверх, так что теперь перед Квероном была лишь серебристая линия лезвия, в нить толщиной.

— Только отрекшись от всех прошлых привязанностей и посвятив себя служению Высшему ты сумеешь достичь безопасности убежища.— Грегори вновь поднял взгляд на Кверона.— Так готов ли ты целиком и полностью предать себя Свету?

— Готов,— выдохнул Кверон.

— Тогда опусти правую ногу на Мост Меча,— велел Грегори.— И пусть решимость и вера вознесут тебя над всеми земными опасностями и искушениями.

Глава седьмая

**И пронзит меч самое сердце твое,
и помыслы сердца выйдут наружу¹**

Дост, узкий, как лезвие меча, лежал перед Квероном,— символ внутреннего испытания, которое необходимо превзойти всякому адепту на стезе постижения истины. Путь этот был нелегок, и то, что Целиителю не раз в прошлом уже доводилось пересекать подобные Бездны, ничего не меняло сегодня, ибо каждый переход сопряжен был со своими трудностями.

Он знал, что никто и не ожидает от него в буквальном смысле ступить по острию клинка, но ныне его ожидало испытание, поопаснее простой стали. Он никогда не думал, что боится высоты, однако та пропасть, что зияла сейчас под ногами, вмещало не физическую бесконечность, а нечто куда более страшное. Все его худшие страхи, несовершенства и пороки смотрели на него из клокочущего водоворота, с воем клубившегося внизу, готового поглотить и разодрать в клочья его душу при малейшем неверном шаге. Неудача, возможно, и не привела бы к телесной смерти, но причинила бы неизмеримые душевные страдания, оправиться от которых не удастся и за целую жизнь — а возможно, и дольше.

¹Никодим 12:5 (Апокриф.)

Но он не позволил себе задумываться об опасности. Внутренняя сила и вера в правоту их общего дела должны придать ему силы и отвагу проделать сей путь. Он возложит все слабости на алтарь своего сердца, и пусть поглотит их пламя Испытания. Ощущая на себе пронзающий взор бессмертных, равно как и смертных наблюдателей, он опустил правую ногу на сверкающую полоску стали, моля Небо дать ему силу и поддержку.

Как он и предполагал, меч убрали у него из-под ног, прежде чем он успел на него наступить, но тончайшая серебристая линия осталась, ничуть не менее пугающая, чем сам клинок. Он шагнул раз, потом другой, неловко балансируя связанными руками, чтобы удержать равновесие. Грегори тем временем поднялся с колен, отступил на пару шагов и теперь стоял, положив меч на правое плечо, готовый протянуть руку помощи Кверону,— но лишь после того, как тот преодолеет свою часть пути через Бездну.

Каждый шаг был испытанием. Серебристая линия жгла босые ноги, подобно раскаленному металлу. И хотя в глубине души он сознавал, что ступает по каменным плитам, ощущение зияющей пропасти было настолько сильно, что все внутри у него сжималось от ужаса... и кто знает, какое восприятие было ближе к истине?

Но он не отступал, несмотря на леденящий сердце страх, и наконец добрался до конца Моста. Грегори поддержал его под локоть и ввел в круг — теперь уже как почетный эскор特,— и облегчение Кверона не знало границ. Он с благодарностью пересек границу купола, лишь на пару мгновений прикрыв глаза, чтобы отдохнуться, пока Грегори мечом замыкал врата.

Затем Грегори вновь вернулся и встал слева от него. Впереди стояли Ивайн с Джоремом, за ними —

Ансель и Джесс. Выражения их лиц были столь суровы, что Кверон даже усомнился, а выдержал ли он испытание.

— Кверон Киневан,— произнес Джорем негромко,— Мы принимаем вас в круге и приветствуем ту отвагу, что помогла вам пройти сей путь. Однако вы до сих пор связаны иными обязательствами и клятвами, а мы требуем безграничной веры — исключая лишь тайну исповеди, которая остается нерушимой, ибо священное писание гласит: «Священником ты пребудешь вовеки». Итак, за сим единственным исключением, готовы ли вы отречься ныне от всех иных пут и обетов, даже от клятвы Целителя и члена ордена святого Гавриила, подчинив их новому служению?

Кверон долго и горячо молился, размышляя над этим требованием, ибо заранее знал, что оно придет. Думал он об этом и накануне, когда совершал обряд над своей *’дуйой* — ибо это тоже была связь с прошлым. Подобное же символическое значение имело и освобождение от гавриилитской рясы; и хотя в тот момент он был не готов скинуть плащ Целителя, теперь тот давил Кверону на плечи, напоминая, что сей обет также связывает его... хотя, конечно, что бы ни случилось с ним, он никогда не перестанет быть Целителем, как не перестанет быть и священником.

Однако на сей раз, перейдя через Бездну, он вдруг осознал, что вполне способен отринуть все лишнее, кроме самого сокровенного ядра своего призыва. С радостью готов он был пожертвовать всем ради служения Свету. И будто двигаясь по собственной воле, связанные руки его поднялись и ослали застежку плаща на шее. Плащ Целителя с шелестом скользнул вниз, и Кверон ощущил невероятную легкость. Он подумал также снять медальон святого

Камбера и целительскую эмблему, но они более не весили ничего, и никак его не связывали.

— Я готов,— произнес он недрогнувшим голосом, уверенно глядя Джорему в глаза.

— Тогда избавься от пут, что связывают твоё тело, так же, как ты рассек путы, связывавшие дух,— велела Ивейн, и Грегори поднес меч поближе.

Вервие распалось, стоило Кверону лишь провести руками над лезвием — и это оказалось куда легче, чем расстаться с внутренними путами. С миром в душе Кверон смотрел, как Джорем собирает обрезки веревки, а затем вслед за Ивейн обошел алтарь по направлению движения солнца и остановился с ней рядом на западной стороне. Остальные также вернулись на свои места, Джорем уложил обрывки вервия в курильницу, еще дымившуюся на юге, и в воздух поднялся резкий запах горелой шерсти. Наконец Кверон смог бегло рассмотреть предметы на алтаре.

Сперва ничто не показалось ему необычным. Курительницу и кропило он уже видел, равно как и меч Грегори. Кроме того здесь имелся ковчежец с благовониями, глиняный бокал с водой и небольшая чаша с солью, а кроме того маленький серебряный кинжал, который, кажется, он прежде видел у Ивейн. Все эти предметы лежали на чистом белом алтарном покрывале.

Однако прямо посреди алтаря стояло нечто — не то чтобы странное, но просто неожиданное в подобном месте. Хотя сверху предмет был покрыт тканью, насколько мог судить Кверон, это был ящичек, или шкатулка в две ладони шириной и в ладонь высотой. Сверху на ней горела свеча, накрытая тонким стеклянным колпаком. Вот Джесс убрал светильник, Джорем снял и сложил ткань, и Ивейн, положив левую руку на крышку ларца, обернулась к Кверону.

— Вы уже выдержали самое трудное испытание этой ночи,— сказала она ему.— Но теперь предстоит самая торжественная часть обряда. Здесь, в этом ларце, хранятся предметы, что отдали в залог все прошлые члены Совета Камбера. Именно на этих реликвиях, освященных преданностью тех, кто стоял на этом месте до вас, мы и попросим вас принести клятву. Со дней пятерых основателей — то были я, Джорем, Райс, Элистер и Джебедия — все члены давали такой обет, и гармонично сплетали его с предыдущими.

С этими словами она откинула крышку, и Кверону показалось, он видит какие-то пурпурные веревочки, и еще что-то серебристое. Выяснилось, что это кольцо, на которое повязаны переплетенные тесемки.

— Это кольцо принадлежало отцу,— пояснила Ивейн, выложив его на ладонь.— Считать его святым или нет, тут мнения расходятся даже у нас в Совете...— Она улыбнулась.— Однако мы сделали это в память о нем, о его высоких целях и мечтах, что однажды Дерини и люди смогут жить в мире и трудиться сообща, на благо всех. Эти веревочки были повязаны прошлой ночью, когда клятву приносил Джесс, но теперь мы проделаем это заново, и каждый из нас вновь повторит свои обеты, с вами заодно.

Положив кольцо обратно в ларец, Ивейн достала из-под ткани длинную пурпурную тесьму и вручила ее Кверону.

— Для этого сперва мы просим вас повязать эту ленту себе на лоб, в знак новых обязательств, что вы принимаете нынче разумом, духом и телом. Это будет вашей связью с учениями древних, и со Светом, коему мы все желаем служить.

— Помните, что пурпур издавна был символом совершенства,— продолжила она, помогая затянуть узел на затылке, в то время, как остальные повязали себе такие же.— В этом сообществе сия лента заменяет также епитрахиль священника и приравнивает все услышанное в стенах Совета к тайне исповеди, которая должна соблюдаться неукоснительно.

Она надела тесьму и себе, затем указала на ларец.

— Теперь, положив руки на эти реликвии, произнесите слова клятвы. И помните, что те, кто были тут прежде, даже покинув нас, пребудут здесь вовеки. И, может статься, этот обет будет самым важным из всех, что вы дадите в этой жизни.

У Кверона во рту пересохло, и лишь прижав ладони к крышке ларца, он смог унять их дрожь. Он закрыл глаза, ощущая на себе пристальные взоры собравшихся — и они также протянули руки и коснулись шкатулки кончиками пальцев. Ладонь ему холодило кольцо Камбера — в нем по-прежнему была магическая сила! — и Кверон глубоко вздохнул и сосредоточился в поисках контакта с ушедшими, а затем расслабился, ибо почувствовал, что он и впрямь способен принести эту клятву без всяких оговорок.

— Клянусь тем, что для меня наиболее свято — моей любовью к Господу, моим призванием Целителя и священника, моей честью — что буду верен и предан собравшимся здесь и, если придет нужда, пожертвую жизнью, честью и даже бессмертием души ради спасения нашего народа в Свете, если только это не причинит зла невинным. В том я клянусь как скромный служитель Света, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь. Да будет так.

Когда он открыл глаза, остальные чуть отодвинулись, и лишь Ивейн осталась рядом, накрыв его ладонь своей.

— Хорошая клятва, Кверон Киневан,— сказала она.— Теперь, когда все слова сказаны, согласитесь ли вы открыть душу и сердце нам, своим братьям, как последний знак доверия, удержав при себе в тайне лишь то, что касается вашего долга священника?

— Согласен,— отозвался Кверон чуть слышно, склоняя голову, и тут же опустил свои защиты.

Он ожидал такой просьбы, ведь он принес им клятву и не мог отказать ни в чем. Он ощутил, как чужие сознания касаются его разума, овладевают им. Так обнажать душу ему не доводилось с очень давних, еще ученических времен, да еще изредка — с любимыми и самыми доверенными друзьями... но сейчас в его сердце не было ни страха, ни отторжения.

Они уводили его все глубже и глубже,— он и сам уже перестал понимать, насколько глубоко. В душе его не осталось сокрытым ни уголка, и они могли бы проникнуть повсюду, куда пожелали. Однако это не было насилием — и вскоре они уже поднялись на те уровни, что позволяли мысленное общение на равных — удовольствовавшись, должно быть, доброй волей и доверием Кверона.

Теперь они сами предоставили ему право выбирать, и согласились, когда он указал, что желал бы внимательнее изучить магический оттиск содержимого ларца, ибо то, воистину, было самое сердце Совета Камбера. Серебряное кольцо притягивало Кверона, словно бабочку на огонь, он разумом потянулся к нему, и все прочие отступили на время, а с ним остались лишь Джорем и Ивейн.

И вдруг, отчетливо, словно в лучах полуденного солнца, своим внутренним взором Кверон узрел святого Камбера. Серебристо-серые глаза уставились прямо на него.

Кверон готов был закричать, что это невозможно, что он лишь раз или два видел Камбера Мак-Рори при жизни — много-много лет назад — но в сердце своем он не сомневался, что это именно он.

Да и чему удивляться, если деринийский святой явил свой лик тому, кто только что принес обеты верности сообществу, носящему его имя? В этот миг Камбер вскинул руки — то ли благословляя, то ли зовя за собой, и Кверон ощутил изумление и испуг его дочери и сына, единственных, кто мог узрел это видение вместе с Целителем.

Кверон не чувствовал страха, да и Джорем с Ивейн тоже; впрочем, Камбер ведь был их отцом. И все же они казались встревожены; последовал стремительный обмен мысленными репликами, смысла которых Кверон не уловил.

Затем образ святого исчез, и Ивейн попросила его ничего пока не рассказывать остальным:

— Такое порой случается. Мы с Джорем уже привыкли, но остальным это может смутить, и мы не сможем закончить начатое. Это видение предназначалось лишь для вас одного. Позже мы еще поговорим, что сие могло означать.

Он согласился в смущении и восторге, и они втроем начали возвращаться в телесный мир, к привычному сознанию и ощущениям. Наконец единение разумов распалось, и Кверон бросил последний взгляд на серебряное кольцо, одновременно проводя быструю проверку всего организма, как заведено у Дерини после каждого ментального контакта.

— Добро пожаловать, отец Кверон, — приветствовал его Джесс, возвращая Целителя к реальности. Когда тот поднял глаза, еще не вполне прийдя в себя после пережитого, то неожиданно заметил в руках

юноши маленький кинжал. Судя по всему, тот и понятия не имел о случившемся только что чуде.

— Теперь, воистину, вы связаны с нами душой и разумом,— продолжал Джесс.— Позвольте же теперь нам взять вашу кровь, чтобы окончательно скрепить клятву, и как символ той жертвы, что, возможно, однажды вам придется принести.

Кверон вздохнул, устало и одновременно с облегчением, поскольку это была самая простая часть обряда, и протянул Джессу левую руку.

— Возьмите же ее, в залог моей верности — и веры.

Он даже не шелохнулся, когда юноша ловким движением уколол острием кончик безымянного пальца. Ивейн тем временем, не встречаясь с ним глазами, сняла у Кверона с головы повязку и смочила кровью узел на ней, после чего Джесс подставил чашу с водой, и еще одна капля крови упала туда. Она расплылась мгновенно, невидимая взору, однако Кверон был уверен, что там уже была кровь остальных, и чаша эта еще сыграет свою роль в обряде.

Но не сразу. Сперва они собрали у всех повязки, и Джорем с Ивейн сплели из этих веревочек особый узор. Кверон узнал в нем древнюю магию плетельщиков — однако не сумел точно определить эти чары. Он слизнул кровь с пальца, но не стал тратить силы, чтобы исцелить его, решив дать ранке зажить естественным образом, дабы она служила памятью о происшедшем. Затем Ивейн сняла с кольца прежнее плетение и заменила на новое, уложила все вместе в ларец, закрыла крышку и расправила ткань.

— Вот пред нами соль, символ земли, что очищает, и сохраняет, и изгоняет всякое зло,— произнесла она, указывая на блюдо.— В чашу с нашей кровью кладем мы эту соль, в знак тех слез, что можем про-

лить при исполнении данных обетов.— С этими словами она высыпала туда щепотку соли.

— И как соль растворяется в воде, пусть так же Свет растворится в нас, когда мы изопьем из чаши, умножив и очистив Свет внутри нас, дабы мы сделались его совершенными служителями. Да будет так. Аминь.

— Да будет так. Аминь,— повторили остальные, и Ивейн поднесла чашу к губам.

Они все отпили по очереди, пока Джорем наставлял их помнить тех, кто был с ними прежде, и хранить их союз. Джесс, сделав глоток, прошел на север и развязал веревку, замыкавшую круг, в знак того, что ныне Совет Камбера полон, и обряд свершился. Ансель помянул своего брата, отдавшего жизнь за общее дело, хотя он и не был членом Совета. Джорем сказал, что пьет во имя Элистера Келлена, Джебедии Алькарского и Джеффрая Керберийского, своих собратьев-михайлинцев.

Последним из чаши отпил Кверон, поминая мучеников обитель святого Неота и святого Камбера в Долбане, и самого святого Камбера. В воде не чувствовалось вкуса крови из-за соли, но значение обряда от этого было не менее ясным. Со слезами на глазах Кверон перевернул опустевший сосуд и поставил его на алтарь.

Затем, после недолгой медитации, они стали закрывать круг. Кверону не пришлось ничего делать, ибо он и без того был совершенно истощен. И даже когда все было кончено, никто не говорил лишних слов. Ансель отправился проводить Кверона в его келью, а когда удалились также Джесс и Грегори, Ивейн покосилась на брата.

— Это он, Джорем,— объявила она негромко.

— Он — кто?

— Кверон — тот, кто должен нам помочь вернуть отца. Думаю, именно поэтому он и явился нам сегодня.

С усталым вздохом Джорем опустился на ступеньку возвышения, сматывая веревку, оставленную Анселем. Ивейн села рядом, но он не смотрел на нее.

— Ты все также полна решимости, да?

— Да.

— Но почему ты думаешь, что он согласится? Ивейн, он же до сих пор уверен, что отец был святым! Ты видела на нем медальон? Он его не снял, даже когда скинул плащ Целителя у врат круга.

— Полагаю, это скорее в знак почтения к святыму, в честь которого назван наш Совет.

— В честь которого он основал религиозный орден!.. И только мы одни знаем, какая все это ложь.

— А знаем ли мы это, Джорем? — возразила она. — Ты и сам утверждал обратное две недели назад. Только потому что официальная канонизация полагалась на иллюзию, на ложное истолкование... это ничего не меняет в том, каким человеком он был — возможно, даже и святым, если того пожелал Бог!

Джорем усмехнулся, не скрывая горькой иронии.

— Вот как? Теперь ты будешь говорить, что тебе известна воля Божья?

— Конечно, нет! Но дело ведь не в том, святым он или нет. Да, собственно, и орден, основанный Квероном, значения не имеет. Не так давно все его члены были казнены, а канонизация отца отменена. Тем не менее, Кверон сегодня поклялся в верности Совету, носящему имя Камбера. Не могу представить, чтобы он отказался помочь нам.

Ее брат со вздохом принялся крутить в руках моток веревки.

— И ты собираешься поведать ему всю эту жуткую историю?

— Позволь ответить тебе вопросом на вопрос. Учитывая, что Целитель нам необходим, чтобы вернуть отца в мир живых, хочешь ли ты иметь дело с тем, кто будет работать вслепую, не зная всей правды? Вспомни, речь ведь идет не просто о том, чтобы залечить телесные раны.

Джорем хмыкнул.

— Да, это я знаю. И то, что отец явился нам сегодня,— несомненно, знак с его стороны. С этим я не спорю.

— Так с чем же ты тогда споришь?

— Сам не знаю! — выпалил ее брат.— Кверон меня пугает. Даже после того как сегодня мы слились с его сознанием, одна лишь мысль о том, чтобы противостоять ему...

— Ну, знаешь, рано или поздно тебе придется одолеть этот страх перед ним! — отрезала Ивейн.— Это у тебя просто какое-то наваждение. Все равно мы будем вынуждены открыть ему то, что так долго скрывали.

После недолгого молчания Джорем вдруг засмеялся.

— А ведь ты права. Если я сам все ему расскажу, мне не придется все время бояться, что будет, когда он узнает. Двенадцать лет мы от него таились, а теперь...

— Да.

— Но учти, мне все равно это не по душе,— продолжил Джорем.— Я еще должен свыкнуться с этой мыслью. Но ты права, Целитель нам необходим — а никому другому я не верю настолько, чтобы открыть всю правду. И нет больше никого с его талантом и опытом.

— Верно,— согласилась Ивейн.— Конечно, остается Тавис, но он слишком занят другими делами, чтобы втягивать его еще и в это. И без того скверно, что придется посыпать его в Валорет с Анселем.

Джорем устало потер глаза.

— Да, это меня также тревожит. Последнее, чего бы мне хотелось, это блокировать Элинор и ее семейство — однако сейчас нет другого выхода, чтобы они уцелели.

— Воистину так.— Ивейн встала и протянула брату руки, чтобы помочь подняться.— Но если все пройдет хорошо, для Тависа это будет отличная тренировка перед работой с Реваном. И мы не будем даже *думать* о том, что все может кончиться плохо.

— С этим я спорить не буду.— Обняв сестру за плечи, Джорем повел ее вниз по ступеням.— Что касается этой затеи, над ней пусть ломают голову Тавис с Анселем.

Глава восьмая

**Чужим стал я для братьев моих
и посторонним для сынов
матери моей¹**

15 ольше недели ушло у Тависа на то, чтобы вместе с Анселем разработать план действий и согласовать детали с Джаваном. Принц с готовностью согласился им помочь, лишний раз подтвердив опасения молодых людей: регенты, похоже, проявляли нешуточный интерес к сестрам Мак-Лин. Но творилось также что-то и помимо этого — однако Джаван не сумел вызнать ничего наверняка, одни лишь туманные намеки на то, что затевается нечто весьма серьезное.

— Понятия не имею, в чем там дело, — взволнованно сообщил принц Целителю, когда они встретились в последний раз перед намеченной операцией. — Даже Райс-Майкл не в курсе, а уж он всегда ухитряется выяснить, что задумали регенты.

Тавис вздохнул.

— Что же, тогда нам придется полагаться только на свои силы и уповать, что все пройдет по плану. А что другие Дерини в замке — они не общались с девочками?

Джаван задумчиво склонил голову.

¹ Псалтирь 68:9

— Нет, ничего такого я не заметил. И кстати, если уж на то пошло, я, вообще, в последнее время не видел во дворце никого из Дерини. Ситрика и Кармоди, насколько мне известно, Ран забрал с собой на какие-то зимние учения, но когда они должны вернуться, мне неведомо.

— Вот и ладно, хотя бы об этих двоих можно не беспокоиться,— ответил Тавис.— А что Ориэль?

— Должен на неделе отбыть в Рамос вместе с Хьюбертом. Хотя мне говорили, он тут слег с жесточайшей простудой.

— А что там такое в Рамосе?

— Некое религиозное сборище, полагаю. Мердок с Таммароном тоже туда собирались. Видимо, хотят использовать Ориэля, чтобы держать остальных в подчинении. Ах, да, у Манфреда теперь тоже есть ручной Дерини, его зовут Урсин О'Кэррол, но о нем я ничего не знаю.

— Зато я знаю,— пробормотал Тавис.— Целителя из него не вышло, но маг он довольно сильный. Мы с ним вместе обучались у варнаритов.

— Так ты с ним знаком?

— Да. Не настолько хорошо, чтобы предугадать, как он поступит, но достаточно, чтобы он узнал меня при встрече.

Джаван предложил, и Тавис согласился отложить выполнение их плана, пока Хьюберт со товарищи не отбудут в Рамос. И вот ночью двадцать первого числа, около полуночи, Тавис осторожно выглянул из уборной в подвале Королевской Башни, где располагался дворцовый Портал. Ансель прятался у него за спиной. Джаван уже поджидал их, скрываясь в тени, за первым рядом факелов. Стражников не было видно.

— Нам повезло,— прошептал Джаван, и его спутники наклонились к нему поближе, чтобы лучше слышать.— Сегодня в Валорете не осталось никого из регентов. Хьюберт со своими прихлебателями отбыл вчера, как и собирался, и даже Манфред и его прыщавый отпрыск уехали в Кайрори. Этого Урсина О'Кэрролла они тоже взяли с собой, а недавно прислали гонца, что останутся там на ночь и вернутся только завтра к полудню.

Ансель хмуро кивнул.

— Ладно. А что моя мать?

— Они с лордом Джеймсом рано удалились к себе. Их покой в самом конце восточного крыла, над Галереей Королевы. Справа от них комнаты твоих младших братьев и сестер, а в соседних апартаментах разместили сестер Мак-Лин.— Джаван тронул за руки своих спутников, разом передав обоим точный ментальный образ.— На самом деле, лучшего места регенты не смогли бы подыскать, даже если бы очень постарались. Та часть дворца не слишком хорошо охраняется. Вы должны суметь пробраться туда, а затем ускользнуть незамеченными. В столь поздний час там едва найдется и пара стражников.

Они вообще не увидели ни души по дороге в восточное крыло, но Тависа это встревожило куда сильнее, чем если бы весь дворец кишел охраной. Отослав Джавана к себе со строгим наказом немедленно лечь спать, они с Анселем незаметно прокрались в нужную часть замка, крадясь по темным коридорам, ныряя из ниши в нишу, почти неразличимые в своих темно-серых одеждах. Никто даже не окликнул их. У дверей в покой Ансель остался на страже, пока Тавис магией вскрывал замок. Щелчок щеколды прозвучал, точно гром, для обостренного деринийского восприятия, но они успели влететь в

опочивальню и принялись задергивать тяжелые шторы, прежде чем сонный Джеймс успел приподнять голову над подушкой.

— Что...

Больше он ничего не успел сказать. Прежде, чем Джеймс успело потянуться за висевшим в изголовье мечом, Тавис оказался рядом, мгновенно лишил мужчину его слабых магических способностей и погрузил в глубокий сон без сновидений. В тот же самый момент Ансель зажал матери рот рукой, навалился на нее, пытаясь удержать в неподвижности, и одновременно установил привычный контакт с ее сознанием.

— Матушка! Это я, Ансель! — прошептал он, пытаясь завладеть ее вниманием.— Мама, перестань. Это я! Мы никому не хотим зла!

Она обмякла и прекратила сопротивление, одновременно воздвигнув на диво сильные ментальные защиты. Но когда она заметила Тависа рядом с неподвижным телом мужа, то вновь начала вырываться, как бешеная, с ужасом взирая на Целителя.

— Все в порядке! — Ансель встряхнул ее, удерживая за плечи, пока Тавис зажигал магический светошар, чтобы она могла разглядеть их лица.— С Джейми все в порядке, Тавис его попросту усыпал. А теперь — ты обещаешь не кричать, если я тебя отпущу?

Глаза ее по-прежнему яростно сверкали, и все же она кивнула. Ансель осторожно убрал руку, освобождая ее рот.

— Извини, матушка, что так вышло. Но я должен был увидеться с тобой.

Она негодующе хмыкнула, но ответила так же шепотом:

— Ты не подумал о том, что это совершенно не-
обязательно означает, будто я желаю тебя видеть? И
что вы сделали с Джейми?

— Я же сказал, Тавис усыпал его. Мы не могли
рисковать, чтобы он поднял тревогу.

— И правильно сделал бы, если учесть, что мой
сын-изгнаник прокрался ко мне в опочивальню,
точно какой-нибудь бандит с большой дороги. Мне
ничего тебе сказать, Ансель!

— Мне горько это слышать, матушка,— прошеп-
тал Ансель в ответ,— Но зато я должен сообщить те-
бе нечто очень важное. Зачем вы вернулись ко дво-
ру?

Поморщившись, она отвернулась от них с Тави-
сом. Густые белокурые волосы разметались по по-
душкам.

— А разве у нас был выбор?

— Говорилось ли что-нибудь о детях? — продол-
жил Ансель. — Мне известно, что сын Манфреда
Мак-Инниса стал ухаживать за сестрами Мак-Лин.

Она на миг прикрыла глаза.

— Тебя это не касается, Ансель. Просто оставь нас
в покое.

Молодой человек покачал головой.

— Не могу. А что с моей младшей сестренкой?
Как там Микаэла?

— Говорю же, это не твоя забота. Я не желаю об-
суждать это с тобой.

Однако Ансель продолжал настаивать:

— Кто-нибудь из Дерини во дворце проявлял к
ним особый интерес? Матушка, это очень важно, ты
должна мне сказать!

— Да, и что же это изменит? Мало тебе того, что
брат твой погиб, заклейменный как изменник, сам
ты идешь по той же дорожке, так еще надумал унич-
тожить и всю семью?!

На последних словах она повысила голос до крика, и Анселью пришлось вновь зажать матери рот, к ее пущей ярости.

— Не уничтожить, матушка, нет. Наоборот, я намерен применить единственное известное мне средство, чтобы спасти ее.— Бросив взгляд на Тависа, он неохотно кивнул.— Прости меня.

Она заметалась в тщетной попытке высвободиться и все же позвать на помощь, но Тавису было довольно лишь коснуться ее — и дело было сделано. Защиты исчезли, и Ансель мысленно устремился в открывшееся сознание. Дела обстояли еще хуже, чем он думал... Регенты намеревались отдать его сводную сестру, десятилетнюю Микаэлу, на воспитание в дом Мак-Иннисов; восьмилетний Катан должен был стать пажом при Райсе-Майкле, а что касается девочек Мак-Лин...

Ансель в ужасе отпрянул, и лишь сейчас заметил, что Тависа уже нет в комнате: он пошел в соседние покой, чтобы совершить необходимый обряд над его сводными братом и сестрой. Теперь это было особенно важно, в свете того, что почерпнул Ансель из мыслей матери. Он поспешил стер из ее сознания все воспоминания о сегодняшнем происшествии, а также память о способностях Дерини, которыми некогда владела Элинор. Хотя бы здесь они успели во время, поскольку ни Элинор с Джейми, ни дети не попали в поле зрения придворных Дерини с момента приезда в замок.

Но сумеют ли они помочь и девочкам Мак-Лин? Ансель покинул сознание матери как раз в тот момент, когда в комнату вернулся Тавис, победно улыбнувшись своему спутнику.

— Они ни о чем не вспомнят. Даже не шелохнулись. Ну что, двинемся дальше?

Ансель поделился с Тависом своей тревогой насчет девочек по дороге в прихожую. Здесь, у двери, ведущей в коридор, им пришлось немного подождать, ибо снаружи послышались чьи-то тяжелые шаги: скорее всего, стражники, которых до сих пор им повезло не встретить на пути. Прижавшись ухом к двери, до предела обострив деринийскую чувствительность, молодые люди рассыпали, как где-то недалеко открылась и закрылась дверь, а затем до них донесся топот удаляющихся солдат. Выждав еще несколько минут и убедившись, что опасность миновала, они осторожно выглянули в коридор. Пусто.

— *Пойдем*, — мысленно передал Ансель.

С помощью магии они закрыли один замок — и с той же легкостью отперли второй. Проколзнув в опочивальню, Ансель остался караулить у двери, тогда как Тавис проник в полутемную комнату, чтобы совершить все необходимое. Во мраке, который едва разгонял слабый свет луны, темными пятнами виднелись очертания двух узких постелей, где спали девочки. Вот Целитель склонился над одной из них, задержался на несколько секунд, двинулся к другой... И там застыл, точно громом пораженный.

— *Ансель, сюда!*

Тотчас, не тратя времени на лишние вопросы молодой человек метнулся к своему спутнику. Тавис откинул покрывало, и Ансель в ужасе уставился на неподвижное, по-детски пухлое лицико, которое едва-едва лишь начало приобретать черты прекрасной женственности.

Вот только стать взрослой ей отныне было не суждено, поскольку Гизела Мак-Лин была мертва.

— Боже мой, что случилось? — выдохнул Ансель и опустился на колени у ложа, не смея коснуться тела.

— Я тут ни при чем,— отозвался Тавис, нажимая пальцами на шею в тщетной попытке отыскать биение пульса.— Понятия не имею, что произошло. Она умерла... и, похоже, совсем недавно.

— А оживить ее ты не сможешь? — Ансель знал, что порой Целители способны вернуть умершего к жизни, если смерть наступила только что, и тело не получило необратимых повреждений.

Тавис опустил руку на правый висок девочки, а покалеченной рукой коснулся горла. Затем покачал головой.

— Вернуть ее я не смогу. Но прошло не так много времени, полагаю, я сумею узнать точно, что тут произошло. Ниеллан показал мне пару любопытных приемов за последние пару месяцев...

— К черту Ниеллана! — пробормотал Ансель, однако не стал мешать Тавису в его работе.

Целитель тем временем склонился над мертвей девочкой и глубоко вздохнул, дабы войти в глубокий транс, потребный для Чтения Мертвых. Слабое трепетание в области солнечного сплетения подсказало ему, что он достиг нужного состояния, и Тавис вознес безмолвную мольбу, что предсмертные мучения Гизели были не слишком велики. Наставники на славу обучили его, ибо очень быстро ему удалось погрузиться в последние воспоминания девочки — и заново пережить их вместе с ней.

Сперва ей снился отец — счастливые, незамутненные воспоминания раннего детства, прежде чем смерть унесла лорда Джейфри Мак-Лина во время несчастного случая на охоте. Гизеле было тогда всего шесть лет.

Но затем сон превратился в кошмар — яркие образы мучений и гибели ее кузена Адриана, как она представляла их себе по торжествующим рассказам

негодяев, похвалявшихся при дворе своим злодейством.

Эти ужасные картины вырвали ее из объятий сна — но тут ее поджидал куда худший ужас. Вся дрожа и задыхаясь, она открыла глаза — и увидела огромную фигуру, во мраке нависшую прямо над ее постелью. Она не успела даже закричать... заметила лишь грубое бородатое лицо, кожаные доспехи и руки в перчатках — которые прижали ей к лицу что-то мягкое, удручающее...

Она пыталась высвободиться, отбивалась, запутавшись в меховых покрывалях, но мужчина уперся ей в грудь коленом и все сильнее и сильнее прижимал к лицу подушку, а воздуха у нее оставалось все меньше, и тьма подступала, подступала... Сознание постепенно покинуло застывшее тело, на смену ужасу пришла умиротворенность, а затем исчезло даже это...

Тавис так толком и не сумел осознать, когда ушла Гизела Мак-Лин, просто в какой-то момент ее не стало, и все. Он глубоко вздохнул и открыл глаза, смахивая слезы. Ее тело стремительно остывало под его касанием, и когда Целитель прижался губами к ледяному лбу девочки, то слезинка упала ей на лицо.

— Что произошло? — шепотом спросил Ансель.

Тавис вздохнул, чувствуя себя совершенно опущенным.

— Ее убили. Задушили. Чтобы казалось, будто она умерла во сне. С детьми такое бывает, сам знаешь.

— Но...

Покачав головой, Тавис взял своего спутника за руку и, прежде чем Ансель успел засыпать его вопросами, мысленно передал все то, что успел узнать о последних минутах жизни Гизели.

— Господи Иисусе! — Ансель в ужасе задохнулся.

Но Тавис не мог позволить, чтобы тот совсем расклеился. Сейчас не время для скорби!

— Разве ты не понимаешь, как тщательно все было спланировано? — прошептал он.— Вероятно, именно поэтому все регенты именно сегодня надумали покинуть дворец. Чертовски удачное совпадение, ты не находишь? Особенно для Мак-Иннисов... если кто и заподозрит, что дело нечисто, они всегда будут все подозрений!

— Но зачем? — Ансель никак не мог понять очевидного.— Чем двенадцатилетняя девочка заслужила такое...

— Просто тем, что она была жива, Ансель! Подумай сам. Теперь ее больше нет, ее сестра одна наследует Кирни — какая удача для молодого Айвера Мак-Инниса! А я-то все гадал, как они намерены решать вопрос с двумя наследницами... Но мне и в голову прийти не могло, что они решатся убить ребенка.

Ансель рывком обернулся к мирно спящей Ричелдис.

— Давай тогда похитим ее! Хотя бы в этом сорвем их планы!

— Не городи чепухи! — отрезал Тавис.— Если мы это сделаем, она, как и ты сам, будет объявлена вне закона, а земли Кирни отойдут к Короне сразу после смерти старого Иена Мак-Лина — и можешь не сомневаться, умрет он очень скоро. А Айвер Мак-Иннис все равно получит Кирни. Эту партию мы проиграли, Ансель. Так что давай, пойдем отсюда, пока мы сами не попались.

— Но...

В одно мгновение Тавис мысленно устремился к своему спутнику и коснулся особой точки в сознании Анселя, заставив того вмиг лишиться всех способностей Дерини и полностью подчинив своей воле.

— Прости, Ансель, сейчас не время спорить, нам нужно спешить,— велел он.— Давай быстрее!

Ослушаться тот не мог, хотя Тавис и вернул своему спутнику его способности, едва лишь сумел подчинить своей воле. Невластный над собственным телом, тот осторожно, но без промедления двинулся к выходу,— но в мозгу Анселя бушевала ярость, ибо Тавис полностью сохранил ему все воспоминания о случившемся. Словно связанные, двое мужчин неслышно двинулись по коридорам замка к Королевской Башне, где скрывался Портал. Им почти удалось достичь цели — как вдруг, за последним поворотом, они угодили прямо в руки двоих изумленных стражников.

Все четверо на мгновение застыли. Тавис успел отвернуться, чтобы солдаты не сумели разглядеть его лица, и тут же схватил за горло того, что стоял ближе к нему. Лишившись чувств, стражник осел на каменные плиты, не успев даже извлечь меч из ножен.

Но Анселя повезло меньше. Вооруженный одним кинжалом, он отчаянно размахивал им, тщетно пытаясь уклониться от атакующего меча. Первый удар ему удалось отразить, сталь лязгнула так, что шум разбудил, должно быть, весь Валорет. Но второй удар пришелся в цель — с отвратительным хрустом, как топор мясника входит в плоть. На левом бедре Анселя зияла ужасающая рана.

Он не смог даже вскрикнуть. Удар был такой силы, что едва не лишил его чувств — но затем тут же пришла острая, жгучая боль; раненая нога подломилась под весом тела, и кровь фонтаном хлынула из разреза. Ансель ухватился обеими руками, тщетно пытаясь соединить разъятую плоть, и липкий от крови кинжал выпал у него из пальцев. Он даже не за

метил, как Тавис ринулся вперед и обезвредил его противника с помощью магии Дерини.

— Господи, давай скорее выбираться отсюда! — воскликнул Целитель. Он в испуге и изумлении взорился на покалеченную ногу своего спутника, затем подхватил его под мышки и заставил подняться.— Ну же, давай! — Он провел по лбу Анселя, одновременно блокируя его способности Дерини и лишая возможности чувствовать боль.— Забудь, что ты ранен! — велел он.— Ты должен идти за мной, чего бы это ни стоило! Я помогу! Пойдем.

Боль, и правда, отступила, однако с перерезанными сухожилиями Ансель все равно едва мог ковылять. С огромным трудом они добрались до винтовой лестницы, что вела в недра Королевской Башни. Тут раненый, как видно, на время лишился чувств, потому что, придя в себя, обнаружил, что сидит в луже собственной крови, у ног Тависа, рядом со входом в Портал. Тавис прижал к себе его голову, попросил расслабиться... и Ансель был рад поддаться. Тревога исчезла вслед за болью,— осталась лишь спасительная тьма.

Глава девятая

Возложат руки на больных, и они будут здоровы¹

Лто-нибудь, позовите Целителя! — крикнул Тавис, едва выбравшись из Портала в обители. Он сгибался под тяжестью тела Анселя.— Кверон! Отец Рикарт! На помощь! Кто-нибудь, скорее, позовите сюда еще одного Целителя! Мне нужен помощник!

Где-то вдалеке послышались взволнованные голоса и топот множества ног, но сейчас ему было не до того: молодой человек опустился на колени перед потерявшим сознание Анселем. Все это время он как мог зажимал его рану рукой, но теперь, стоило лишь взглянуть, как он с ужасом осознал, что ранение еще более серьезное, чем показалось сначала. Требовалось срочно унять кровь или хотя бы замедлить кровотечение, пока не подоспеет помощь, иначе Анселю конец. Они и без того оставили за собой ужасный кровавый след во время бегства из Валорета, и теперь кровь продолжала хлестать, заливая весь Портал.

Обрубком руки Тавис с силой прижал нужную точку в паху, а пальцы здоровой руки как мог глубоко погрузил в рану. Это было непросто: входное отверстие оказалось слишком узким, он не мог толком ни сделать ничего, ни даже разглядеть, так что вся

¹ Марк 16:18

надежда была на то, что помочь подоспеет вовремя. Не тратя времени на обычные подготовительные процедуры, он с головокружительной быстротой погрузился в целительский транс и попытался оценить серьезность ранения.

Порез оказался глубоким, дошел до самой кости, и кость тоже была повреждена, но пока Тавис не стал сосредотачиваться на этом. Главное — разобраться с кровотечением. По счастью, основная артерия, кажется, не задета, иначе Анселя уже не было бы в живых, но перерезаны часть крупных сосудов, если судить по тому, как быстро скапливается кровь, даже после того, как Тавис пережал паховую область.

— Да где же Целитель! — закричал он вновь, не на шутку встревоженный, ибо теперь ему пришлось еще раз отвлечься: сердце раненого начало биться с перебоями.

— Нет, не смей! Оставайся со мной, Ансель!

Внезапно вокруг сгрудилась целая толпа, руки друзей протянулись, чтобы бережно поднять Анселя и перенести его в комнату рядом с Порталом, где Тавису было посвободнее работать. Молодой Целитель не отставал, постоянно поддерживая контакт с раненым. Было огромным облегчением, когда Ивейн подоспела ему на помощь.

— У него шок. Джесс, скорее за Квероном! — распорядилась Ивейн. Они уложили юношу на пол, и голову его она взяла к себе на колени. — Грегори, разрежь на нем штаны, чтобы Тавису было видно, что делать, и пережми артерию.

Насквозь промокшая ткань с треском разорвалась в окровавленных руках Грегори, и едва Тавис отодвинулся, чтобы дать тому место, как кровь вновь захлестала из раны. Слева чьи-то руки погрузились в рану, и чужой разум умело соединился с соз-

нанием Тависа, погружая их обоих на глубинный уровень транса, чтобы можно было начать излечение.

— Все в порядке,— услышал он голос.— Теперь я помогу. Меня зовут Сильвен.

Имя показалось Тавису смутно знакомым, но с этим разумом он никогда прежде не вступал в контакт. Судя по всему, у этого Сильвена был большой опыт с подобными ранениями. Военный хирург?

— *Совершенно верно*,— мысленно отозвался тот.— *Посмотрим, удастся ли нам привести его в норму. Займись костью, пока я попытаюсь остановить кровь.*

Разделить задачу таким образом было вполне разумно, ведь у Сильвена было две здоровых руки, а у Тависа — всего одна, так что он без возражений взялся за дело.

Кто-то — краем глаза Тавис заметил, что это Фиона Мак-Лин,— полил теплой водой на разрез, чтобы очистить его, но все равно работать приходилось практически вслепую.

И даже с помощью Сильвена, который занялся кровотечением, задача оказалась совсем не простой. Меч нападавшего повернулся в ране и отколол куски кости, хотя, по счастью, до перелома не дошло. Тавис сумел сделать все необходимое, стараясь не мешать Сильвену, но усталость и все переживания этой ночи брали свое, лишая способности действовать эффективно. Он с облегчением уступил место подоспевшему новому Целителю — это оказался не Рикарт и не Кверон, но какой-то гавриилит, знакомый Сильвена.

Предоставив им заниматься раной, Тавис соединил свое сознание с Ивейн, помогая той поддерживать на должном уровне энергетические запасы юноши. Хотя его состояние и стабилизировалось, но он

был чрезвычайно слаб. Некоторое время он еще пытался поддерживать второй канал для связи с Целителями, если тем вдруг понадобится помочь, но усталость была слишком велика, и потому он не стал возражать, когда они полностью отстранили его от этой задачи: фальшивая бравада была бы сейчас неуместна, они прекрасно чувствовали, что в своем нынешнем состоянии он мало на что способен.

Внезапно чьи-то руки легли ему на плечи и чужое сознание потянулось к нему, выполненное сочувствия. Кверон... Он оттащил почти лишившегося чувств Тависа прочь. Глаза молодого Целителя закатились, он еще успел поймать исполненный сострадания взгляд Кверона и с облегчением расслабился, повинувшись мысленной команде старшего, чтобы тот мог наложить на него самого исцеляющие чары. Через несколько мгновений чужая сила заструилась у него по жилам, и Тавис вновь открыл глаза. Частью сознания Кверон продолжал поддерживать его, оставив канал связи между ними открытым, но Тавис видел, что его помочь больше не требуется Целителям, и потому отвлекся на пару мгновений, чтобы осмотреться по сторонам.

Разумеется, Джорем и Джесс также были здесь, наблюдая за происходящим со стороны, чтобы не мешать; Грегори тоже остался рядом, а Ивейн по-прежнему держала голову Анселя на коленях.

Фиона — он вспомнил, что видел ее раньше — как раз ставила в ногах раненого таз с теплой водой. Она вся раскраснелась от напряжения, пряди мокрых от пота волос прилипли к щекам.

Кого он совсем не ожидал увидеть, так это детей, — хотя, если вдуматься, то удивляться тут было особенно нечему. Ведь они же живут здесь и едва ли могли мирно спать в этой суете, после того как он

так громко взывал о помощи. У Фиона за спиной Райсил Турин, дрожащая, с расширенными от страха глазами, прижимала к груди чистые полотенца, сама бледная, как полотно. А чуть дальше у стены, сидя на корточках, двенадцатилетний Камлин прижимал к себе перепуганного Тиега Турина, не то успокаивая, не то удерживая малыша на месте.

Конечно, Тиег не мог не прибежать, когда услышал, что зовут Целителя. Как никак, он был сыном Целителя, да и у него у самого обнаружились великолепные задатки, хотя обычно целительский дар раскрывается у подростков лишь после полового созревания. В возрасте трех с половиной лет ни о каком обучении Дерини еще и говорить не приходится, однако способности мальчика были столь очевидны, что отрицать их было невозможно,— и Камлин не так давно имел шанс убедиться в этом на собственном опыте. Хотя в тот раз Ивейн направляла поток силы, но источником ее, несомненно, был сам Тиег.

— Все будет хорошо,— ободряюще сказал ребенку Тавис.— Мы справились. Он выздоровеет.

И точно, незнакомый гавриилит уже убрал руки от раны, хотя и продолжал касаться Сильвена, чтобы поддержать того своей энергией. Склоненного лица монаха Тавису было не разглядеть, но волосы, заплетенные в косу, оказались светло-русыми, без нити седины. Скорее всего, он не старше самого Тависа. И каким-то образом он ухитрился не замарать кровью свое белоснежное одеяние — что особенно поразило молодого человека, поскольку у всех остальных был такой вид, точно они поработали на бойне.

Это касалось прежде всего самого Сильвена. Как и сам Тавис, он был с головы до ног перепачкан кровью. Его тонкую зеленую тунику, аккуратно вы-

шитую целительскими знаками по рукавам и вороту, уже, скорее всего, никогда не удастся привести в порядок; и даже чисто выбритое лицо было замарано кровью. Глядя в профиль, ему можно было дать лет тридцать, может, немногим больше, но трудно определить точно, когда не видишь глаз, а веки Целителя были сейчас прикрыты. Собственно, Тавис видел в основном лишь его коротко, «под горшок» остриженные каштановые волосы...

Тем не менее, свое дело он знал отлично. На глазах у Тависа рана Анселя затянулась, и остался лишь длинный влажный рубец, да и тот, скорее всего, очень быстро рассосется. С тяжелым вздохом облегчения Сильвен открыл глаза и, прежде чем Тавис успел каким-то образом этому помешать, протянул окровавленную руку, чтобы коснуться горла раненого. Ничего удивительного, что Целитель тут же застыл в изумлении и уставился на Ивейн.

— Ты что, каким-то образом закрываешь его? — спросил он. И тут же потянулся другой рукой, чтобы установить еще более глубокий контакт — в поисках признаков Дерини, которых сейчас у лежащего перед ним человека не было и в помине.

— Боже правый, да нет же, ты тут совсем ни при чем, — прошептал он. — Но мне показалось... ты говорила, что это Ансель Мак-Рори? Но он ведь даже не Дерини! Аврелиан, посмотри!

Молодой гавриилит немедленно присоединился к нему, и оба Целителя тут же инстинктивно подняли свои защиты, как всегда перед лицом неведомой опасности. И в этот момент маленький Тиег, незнамо как ускользнувший из-под опеки Камлина, устремился к ним и, прежде чем кто-то успел удержать его, пухлыми ручонкам вцепился в раненого.

— Не трогайте дядю Анселя! — пискнул он гневно, с возмущением глядя на мать, которая пыталась ласково обнять его и оттащить прочь.

— Нет! Не трогай Тиега! Мама, почему он говорит, что это не дядя Ансель? И почему дядя Ансель чистый? Если я закрою глаза, я его совсем невижу!

Пораженный, несколько мгновений Тавис был не в состоянии мыслить ясно. Похоже, Тиег сумел проникнуть в сознание Анселя и увидел, что у того нет защиты... возможно, даже убедился в отсутствии магических способностей! Прямо здесь, перед этими двумя незнакомцами!

Он почувствовал, как встревожились остальные, особенно Кверон, и еще больше — эти двое Целителей... наверняка, они были из тех, кого привели Грегори с Джессом, чтобы проверить, не обладают ли они способностью блокировать дар Дерини. Он метнул испуганно-вопрошающий взгляд на Джорема и понял: им и впрямь еще ничего не известно.

Условия едва ли были самые подходящие для пространных объяснений, тем более, что эта тема требовала особого подхода и подготовки, учитывая их долгосрочные замыслы с Реваном. От молодого гавриилита едва ли стоит ожидать какой-то агрессии, ведь все члены его ордена приносят особый обет не-насилия; однако с Сильвеном будет сложнее — военный медик явно нервничал, чувствуя смутную угрозу. Тавису необходимо было срочно принять решительные меры, да еще и сделать это таким образом, чтобы посторонние не заподозрили недадного.

— Успокойтесь, господа, — произнес Тавис негромко, незаметно придвигаясь ближе и касаясь запястья Анселя. Взглядом он попросил Ивейн взять на себя малыша Тиега, чтобы тот, с его детской непосредственностью, не испортил все дело. Джорем

тем временем подошел поближе к молодому гавриилиту.— Это на самом деле Ансель Мак-Рори, и он — Дерини. Ивейн, тебе не помешает, если я восстановлю его сейчас?

Та покачала головой.

— Ничуть. Я уже дала его сознанию установку спать, а затем во всем слушаться лекарей, пока не восстановит силы.— Она выдавила из себя улыбку, крепче сжимая Тиега в объятиях.— Хотя мой племянник ужасный упрямец и всегда норовит все сделать по-своему, думаю, на первых порах он будет образцовым пациентом.

— Что ж, вот и отлично.

Необходимый телесный контакт Тавис уже установил, взяв Анселя за запястье, и сейчас с легкостью скользнул по ментальному каналу, незаметно производя в сознании раненого нужные сдвиги — и так же легко вышел обратно. Задохнувшись от изумления, гавриилит склонился над юношем. Сильвен также уставился на больного в полном изумлении — и это яснее всего говорило о том, что они вновь потерпели неудачу в своих поисках.

— Что за...

— Этого не может быть!

Но Тавис не обратил ни малейшего внимания на их вполне предсказуемое изумление. Ловким, незаметным движением он зажал шею Сильвена правой рукой и искалеченной левой — с другой стороны, мгновенно подчинив того своей воле, и прежде чем Целитель успел хоть что-то сообразить и оказать сопротивление, он погрузился в глубокий сон. В то же мгновение рванулся вперед Джорем, заломив молодому гавриилиту руки за спину, и в игру вступил Кверон, тотчас ухвативший юношу за запястья — все это произошло так быстро, что обмякшее тело Силь-

вена не успело еще даже коснуться пола. Тавис поднялся, препоручая того заботам Грегори, чтобы заняться в свою очередь гавриилитом, и вопросительно покосился на Кверона. Тот кивнул.

— Отец Аврелиан, да? — сухо спросил Кверон, отвлекая внимание молодого человека от действий Тависа. — Не пугайтесь, брат мой. Никто не причинит вам вреда, как и вашему другу Сильвену. Уверяю, с ним не сделали ничего плохого. Но для всех будет проще, если вы не станете нам сопротивляться.

Впрочем, воспротивиться Аврелиан не смог бы, даже если бы захотел. Мгновенно заблокировав его способности, Тавис установил контроль над его телом и — после краткого мгновения страха и изумления, гавриилит лишился чувств и рухнул на руки Кверону с Джоремом. Он лишь дернулся сильнее, когда Тавис направил по связавшему их каналу поток силы, позволяющий глубже проникнуть в сознание.

— Жаль, что пришлось действовать таким образом, — заметил вполголоса Кверон, наблюдая за Тависом с любопытством и едва ли не с завистью. — Я помню этого Аврелиана по аббатству святого Неота — многообещающий юноша. Он принял сан как раз перед тем, как я оставил орден.

Занятый своим делом, Тавис лишь кивнул в ответ на эти слова, и убрал блок в сознании гавриилита; затем опустился на нижние слои сознания в поисках подобной же способности. Он и не ожидал обнаружить ее, а потому не испытал и сильного разочарования. Он повернулся к Кверону.

— Боюсь, он такой же, как и все остальные. О, он вполне оправдал ваши надежды как Целитель и очень помог нам сегодня — с Анселем, но, увы, он не обладает тем даром, который мы ищем. Так что

давайте я пока займусь вторым, а вы внушите ему необходимые ложные воспоминания о том, что сейчас случилось.

Кверон кивнул со вздохом и занялся порученным делом, а Тавис, поднявшись, перешагнул через Анселя и склонился над вторым Целителем, распростертым в объятиях Грегори.

— Это Сильвен О'Салливан, мой домашний врач, прежде он был Целителем в армии.— Грегори пристально наблюдал за Тависом, когда тот, касаясь висков Сильвена, начал с ним работать.— Эх, как бы мне хотелось толком разобраться, что ты с ним делаешь!

— Мне тоже этого хотелось бы.— Тавис невесело усмехнулся.— Хм, он обучался у варнаритов, как и я сам. Жаль, что сходство, скорее всего, на этом и заканчивается. Но... сейчас я верну ему его способности и посмотрим, на что он годен.

К несчастью, убрав блок со способностей Сильвена и прощупав его сознание, Тавис и впрямь убедился, что общего у них двоих было немного. В отличие от Тависа, Сильвена учили именно на военного Целителя, именно поэтому Грегори и взял его на службу. Помнится, Камбер счел, что варнариты куда меньше дали Тавису в плане теоретической и философской подготовки, чем он мог бы получить у гавриилитов или у михайлинцев, однако образование Сильвена было в этом плане еще более ограниченным. Эзотерические учения совершенно не интересовали его, в отличие от большинства тех, в чье сознание Тавису довелось проникнуть за последние дни в поисках нужного дара. Да и что касается чистой силы Дерини, тут Сильвен без боя уступил бы тому же Райсу Турину... хотя им с Райсом пару раз и довелось работать вместе.

Но когда Тавис вернул Сильвену его способности — пока не торопясь вернуть того в сознание — и прошел глубже сквозь опущенные защиты, он внезапно обнаружил искомый дар у Целителя! Тавис был уверен в этом настолько же, как и в своей собственной власти лишить способностей любого Дерини без исключения.

— Боже правый, есть! — прошептал Тавис, переводя взгляд с Грегори и Ивейн на Джорема с Квероном. В глазах и в голосе его читалось благоговение.— Подумать только, что все это время он был здесь, совсем рядом с нами...— Он с усилием сглотнул.— Господи Иисусе, поверить не могу! Скажем ему сейчас, или подождем?

Джорем, сидевший на корточкам рядом с Квероном и спящим гавриилитом, поднялся на ноги.

— Сперва давайте-ка уложим спать нашего доброго отца Аврелиана. Ни к чему ему знать лишнее. Мы уже исправили ему воспоминания, но второй раз лезть бедняге в сознание мне бы не хотелось.

— Согласен,— поддержал его Кверон.— Все необходимое, чтобы он забыл этот досадный случай, я сделал. Если его оставить в покое, утром он будет в полном порядке.

— Тогда я оттащу его в комнату,— предложил Джесс.— Или лучше вы сами?

— Нет, сделай это,— согласился Джорем, прежде чем Кверон успел вставить слово.— Кверон, если не возражаешь, то лучше займись пока Анселем. Я понимаю, тебе хотелось бы понаблюдать за Сильвеном, когда мы приведем его в чувство, но, мне кажется, кто-то из Целителей обязательно должен оставаться с раненым, пока мы не будем уверены, что опасность миновала... а Тавис будет занят. Я сейчас пришлю

кого-нибудь, чтобы помогли перенести его в комнату.

Кверон нехотя кивнул и отступил на шаг. Джорем помог Джессу поставить Аврелиана на ноги.

— Тогда я займусь Анселим, раз это действительно необходимо.— Целитель проводил взглядом Аврелиана с Джессом.— Главное сейчас проследить, чтобы он соблюдал полный покой и получал как можно больше жидкости, дабы восполнить потерю крови. По счастью, у нас имеются кое-какие снадобья, чтобы ускорить выздоровление. Уверен, Тавис хорошо с ними знаком.

Молодой Целитель кивнул, не отрывая взора и рук от распростертого перед ним Сильвена.

— Обещаю все в подробностях рассказать вам Кверон,— вполголоса произнес он.— Я знаю, как сильно вам хотелось бы оказаться на его месте...

Кверон пожал плечами.

— Мы редко получаем те дары, каких жаждем.— Он поднял взгляд на ожидавшую поодаль Фиону.— Могу ли я просить вас о помощи, сударыня? Если мы обмоем раненого прямо здесь, то не придется оставлять кровавый след по всем коридорам. И без того Джесс уже наследил в Портале Совета, когда пришел за мной, да и Джорем тоже...

Джорем с отвращением покосился на вымазанные кровью подошвы, а Ивейн окинула оценивающим взглядом комнату и всех, кто в ней находился.

— Нам всем надо привести себя в порядок,— предложила она, поднимаясь на ноги.— Заодно, Тавис получит небольшую передышку, прежде чем нужно будет продолжить работу с Сильвеном. А мне пора уложить детей спать! — Она взяла малыша Тиега за руку, многозначительно уставившись на Райсил, возмущенно выглядывавшую из-за кипы полоте-

нец.— Вам всем тут совершенно нечего делать, даже тебе, Камлин, и не думай, что я не вижу, как ты прячешься у Джорема за спиной... впрочем, полагаю, если ты готов скрести полы, то можешь остьаться.

Камлин вздернул подбородок со всей надменностью двенадцатилетнего отрока, которого взрослые почему-то все еще ошибочно считают ребенком.

— Думаете, я слишком гордый для этого? — воропил он.— Это ведь кровь моего кузена Анселя, разве не так... А он-то не погнулся вымыть за мной там, в Трурилле. И кроме того, у него в жилах течет кровь святого Камбера, и сегодня он пролил ее за всех нас. Конечно, я готов скрести полы!

— Я тоже хочу помочь,— прозвенел голосок Райсил.— Мамочка, ну пожалуйста! Обещаю, я сразу пойду спать, когда мы закончим...

— И я, мамочка,— пискнул Тиег.— Я тоже...

— Вы еще слишком маленькие — и один, и вторая.

— Мама, мне уже почти восемь! — возразила Райсил.

— Тебе семь исполнилось только в ноябре.

— Ну и что. Я уже взрослая, все равно. А мне никто не дает...

— Райсил!

Фиона, улыбаясь, несмотря на все отчаянные попытки сохранить серьезный вид, обняла девочку за плечи.

— Пусть она поможет, Ивейн,— попросила она— Малышка видела вещи и пострашнее... и у нее хватит сил, чтобы подносить воду и полотенца. Я пролежу, чтобы она легла, как только мы закончим. Еще одна пара рук нам не помешает. И это куда проще, чем дальше пререкаться.

Ивейн вздохнула.

— Ну, ладно. Но уж Тиег точно слишком мал и отправится спать немедленно.— Она подхватила на руки возмущенного кроху.— Грегори, ты сможешь проследить за Сильвеном, пока Тавис приведет себя в порядок — а через полчаса все соберемся в часовне.

Она вынесла извивающегося и вопящего Тиега из комнаты. Грегори покосился на Тависа, придерживая бесчувственное тело Сильвена.

— Ты заблокируешь его способности перед уходом? Пожалуй, так мне будет проще, если вдруг что...

Тавису почти невыносимо было расстаться с Сильвеном хоть на мгновение — теперь, когда он нашел его, но он установил блок и без лишних слов передал контроль Грегори, заставив себя вообще не думать больше о Целителях.

Вместо этого он думал о крови — все то время, пока скидывал измаранную накидку, верхнюю тунику и стаскивал сапоги. Свои вещи он оставил Камлину, хотя и сильно сомневался, что с обувью удастся что-то сделать,— но, по крайней мере, он не оставит пятен в коридоре. В одних носках он отправился к себе, чтобы вымыться и переодеться.

Да, а вот в Валорете они с Анселем наследили изрядно... Сейчас уже солдаты наверняка прошли весь путь, до самого Портала — единственного в замке, который оставался прежде доступен Тавису. Теперь никто не усомнится, что Дерини были во дворце.

Господи, хоть бы никто не заподозрил в соучастии Джавана! Тавис знал, что никаких прямых улик, связывающих принца с ночных гостями, не было, но зато не оставалось сомнений, что на Дерини возложат ответственность за гибель юной Гизелы Мак-Лин. А если по возвращению регентам придет на ум допросить с помощью своих ищеек-Дерини

всех обитателей Валоретского замка, включая Джавана...

И кстати, еще кое-что... До чего же удачное совпадение — если только совпадение и впрямь имело место, — что нынче ночью во дворце не оказалось ни самих регентов, ни верных им Дерини... никого. Очень удачно, если вспомнить о судьбе Гизелы Мак-Лин. После ее смерти, сестра оставалась единственной наследницей вожделенных земель.

Но на все эти вопросы у Тависа не было ответа — по крайней мере, пока. И сколько ни ломай голову, это не приблизит к цели... особенно, если и сами вопросы неясны. Сейчас важно было лишь одно: найден второй Дерини, обладающий даром блокировать чужие способности... а это влекло за собой массу вопросов, никак не относящихся к регентам.

Вернувшись к себе в келью, Тавис, переодеваясь в чистое, думал об одном только Сильвене О'Салливане и о том, как тот воспримет свалившиеся на него известия.

* * *

Ивейн также думала о Сильвене всю дорогу, пока несла Тиега в спальню — точнее, пыталась думать. Ибо хотя малыш перестал вырываться, едва они покинули зал Портала, зато принялся реветь во все горло, а это было еще хуже.

— Тиег, перестань, ты огорчаешь маму, — сказала она.

— Ну и что! — всхлипнул ребенок. — Тиег хочет на пол! Не хочу идти спать! Почему Тиег не может помочь?

Покачав головой, Ивейн распахнула дверь кельи, отведенной под спальню Райсил с Тиегом, и вызвала

магический огонь, чтобы запалить небольшой масляный светильник на столике, стоявшем между лежанок. Тиег хныкал и вырывался, пока она наконец не запихнула его в постель.

— Так, довольно, молодой человек,— строго промолвила она, вытягивая из-под ребенка меховое покрывало и прижимая его к подушке.— Ты еще слишком маленький, чтобы не спать в такой поздний час, и спорить больше не о чем.

Обиженно выпятив нижнюю губу, мальчуган отвернулся, веснушчатое лицо к стене с крайне недовольным видом, свернулся калачиком и до подбородка натянул покрывало.

— Я не маленький,— пробормотал он.— И не хочу спать!

— Я знаю, что не хочешь, милый, но у нас не всегда получается все так, как хотелось бы.— Она села на лежанку рядом с ним, поглаживая закаменевшую от обиды спинку. У него были мягкие, шелковистые волосы, совсем как у нее, но рыжеватого оттенка, а не золотистого — отцовское наследство.

— Послушай меня, мой мальчик,— сказала она.— Я понимаю, как ты расстроен. Я знаю, ты очень испугался, когда увидел кузена Анселя раненого, но ты был очень храбрым. Мама очень тобой гордится.

Тиег зашмыгнул носом, но не расслабился ни на йоту.

— Тиег хотел помочь,— упрямо повторил он.

— Но ведь ты и помог,— возразила Ивейн, терпеливо продолжая растирать ребенку спину.— Ты нам очень помог уже тем, что был там, пока Тавис и другие Целители лечили Анселя.

Тиег вновь шмыгнул носом, но на сей раз чуть-чуть обернулся лицом к матери.

— Тиег помог?

— Ну, конечно, милый.

Она чувствовала, как он вертит эту мысль в своей головке... даже повернулся, чтобы посмотреть Ивейн в глаза. И лишь спустя несколько секунд позволил себе едва заметно улыбнуться.

— Смешно.

— Что смешно, мой дорогой?

— Дядя Ансель был чистый.— Он нахмурил тонкие брови.— Почему он чистый, мама?

Ивейн вздохнула. Она так надеялась, что Тиег не вспомнит об этом. Как объяснить трехлетнему ребенку все о блокировании способностей Дерини, когда он и о самих этих способностях не имеет представления?

— Тебя встревожило то, что ты мог видеть его только глазами? — спросила она, пытаясь понять, в чем истинная причина его интереса.

Тиег сморщил лицо в усиленных раздумьях.

— А Анселю было больно, что он чистый?

— Не-ет,— ответила Ивейн честно.— Это Тавис его сделал чистым, чтобы Целителям удобнее было лечить Анселя. У него очень болела нога, но Тавис не делал ему больно.

— Хм-м, хорошо,— с серьезным видом протянул мальчуган, но затем вдруг не выдержал и шаловливо захихикал.

— Что такого смешного?

— Ничего. Но Тиег тоже так может,— объявил он гордо.

Сердце Ивейн забилось с перебоями.

— Что может? — выдавила она.

— Делать людей чистыми.— Он надул губы, заметив ее изумление.— Мама не верит Тиегу?

— Милый, не в том дело, что я тебе не верю, но просто ты едва ли сам понимаешь, что говоришь,—

пробормотала она.— Делать людей чистыми — это очень сложно.

На что ее сын уверенно тряхнул головой.

— Ничего не сложно. Тиег умеет.

— Но...

— Тиег умеет! — настаивал он.— Показать тебе, мама?

— Ты хочешь сказать, что можешь сделать маму чистой? — выдохнула она.

— Угу.— Он кивнул.

— Тиег, ты знаешь, это не игра.

— Не игра. Тиег умеет.— И прежде чем она успела хоть что-то возразить, он протянул пухлую ручонку к ее щеке — и Ивайн ослепла.

Глава десятая

**Посему ночь будет вам вместо
видения, и тьма
вместо предвещаний¹**

и

ок был столь силен, что Ивейн в первый момент едва не лишилась чувств — настолько тяжело далось осознание, что она разом, в единое мгновение перестала быть самой собой.

Боже правый, Тиег сказал, что может сделать ее «чистой» — и выполнил свое обещание. Крошка Тиег, которому только в августе будет четыре года, сумел сделать то, что не под силу большинству взрослых, отлично обученных Целителей... а у него это вышло так же просто, как мог бы иной ребенок его возраста продемонстрировать, как ловко он умеет ходить колесом, прыгать на одной ножке, или как складно читает вечерние молитвы. Интересно, он хоть сам понимает, что это значит?!

Впрочем, Ивейн и сама пока не в состоянии была толком осознать происшедшее, и даже просто поверить, и лишь взирала на сына широко распахнутыми глазами, не зная, пугаться ей или радоваться. Она понимала, что сейчас необходимо уверить ребенка, что с ней все в порядке — хотя, на самом деле, то бы-

¹ Михей 3:6

ло далеко не так! Она была слепа, как крот, в своем сознании! Кто бы мог подумать, что Тиег...

— Мама теперь чистая,— будничным тоном заметил тот, слишком довольный собой, чтобы ощутить неладное.— Как кузен Ансель, видишь?

— Да, милый, вижу,— отозвалась она, сама не понимая, что говорит.

Что-то в голосе сына внезапно напомнило ей о Райсе. Она позволяла ему блокировать свои способности много раз, когда он впервые обнаружил в себе этот дар и нужно было срочно разобраться в его действии и применении. Это состояние умственной слепоты по-прежнему оставалось одним из самых неприятных, что ей только доводилось испытывать в жизни... как и для любого другого Дерини, кому пришлось бы это пережить. Вероятно, ей стоило догадаться, что талант Райса перейдет по наследству его сыну — однако мысль о том, что этим даром будет способен овладеть трехлетний малыш, не сознавший последствий собственных действий, была слишком пугающей.

Впрочем, не более пугающей, чем сам по себе тот факт, что целительские способности Тиега проявились едва ли не с рождения и были так велики, что самой Ивейн, которая отнюдь не была Целительницей, удалось использовать его силу, чтобы излечить распятого Камлина на руинах Трурилла. Нет, конечно же, нет. В этих способностях ничего страшного не было. Внушало опасения лишь то, что ими владеет ребенок, еще не способный держать свой дар под контролем.

Теперь же это означало, что у них есть целых три Целителя, способных блокировать чужую силу — хотя пройдет еще немало лет, прежде чем Тиег, должностным образом обученный, будет вправе использовать

то, чем владеет, на практике. Более того, возможно, пока ей и не следует сообщать остальным о своем открытии... а то ведь вполне может случиться, если что-то пойдет наперекосяк, то от отчаяния они решат задействовать ее сына в работе с Реваном! Нет уж, пусть он пока вернет ее способности на место, а потом она расширит зону внутреннего контроля, которую в свое время установил Райс в сознании сына, чтобы тот не смог больше использовать свой новый дар по собственной воле — и никому ни о чем не будет говорить!

Приняв такое решение, Ивейн кивнула самой себе и вновь посмотрела на ребенка. Хотя она молчала не так долго, но на лице, должно быть, отразились следы внутренней борьбы, поскольку Тиег внезапно сел на постели, и в распахнутых карих глазах мелькнул испуг.

— Мамочка, ты в порядке? — прошептал он.— Тигр не сделал маме больно?

Он был слишком юн и не получил нужного воспитания, чтобы считывать ее мысли — даже сильные Дерини должны особым образом обучаться этому, и не раньше лет восьми-девяти, — но отсутствие защиты у матери, видимо чувствовал, как и то, что она больше не в состоянии таить от него свои эмоции, хотя причины и не понимал. Ивейн как могла постаралась скрыть от него свое беспокойство и пару раз глубоко вздохнула, после чего широко улыбнулась сыну.

— Нет, ты не сделал маме больно,— ласково промолвила она. Ей пришлось сглотнуть, прежде чем пересохшее от волнения горло позволило ей продолжать,— И я очень горжусь, что ты научился делать людей чистыми. Однако сейчас мне бы этого не хотелось.

— Не хочешь быть чистой? — Тиег вопросительно склонил набок головку.

— Нет, милый, не сейчас. Как ты думаешь, у тебя получится вернуть все, как было? У мамы очень много дел. Надо проверить, как там твой кузен Ансель. И тебе и в самом деле уже пора спать.

Малыш опять надул губы.

— Тиег не хочет спать. Тиег хочет помочь.

— Конечно. И лучше всего ты поможешь, если сделаешь так, чтобы я не была больше чистой,— отозвалась Ивейн, искренне надеясь, что ребенок не вздумает вновь начать пререкаться, и ей не придется заставлять его силой.— Ну, давай, сделай это, а потом мама уложит тебя спать. А когда ты проснешься, уже будет утро, и можно будет навестить Анселя. Он тоже сейчас спит, ты знаешь?

Поразмыслив над этим, Тиег с серьезным видом кивнула.

— Ладно.

— Вот и хорошо. Давай, сделай это.

Он потянулся ручонками к ее вискам, сонным взглядом уставившись матери в лицо. Она прикрыла глаза — и стала ждать.

И ждала, ждала... как вдруг он отпрянул с испуганным возгласом и отдернул руки. Открыв глаза, она увидела, что пухлое лицико исказилось от страха.

— Тиег, что такое? — Она ласково обняла его за плечи.— Ну же, малыш, в чем дело?

— Т-тиег забыл,— выдавил он с трудом.— Н-не могу!

— Конечно, можешь,— попыталась она уверить сына. Но внутри ее липким комком застыл страх — а вдруг, и вправду, не сумеет?! — Помнишь, как Тавис это делал? Ты ведь у него научился. Просто сделай все, как Тавис. Попробуй, миленький!

Но он не хотел даже и пытаться и только тряс головой, а затем разразился рыданиями, когда мать прижала его к груди.

— Из-звини, мама,— всхлипывал он.— Извини. Не сердись на Тиега.

— О, Тиег, я ничуть не сержусь,— бормотала она, укачивая малыша и одновременно в панике пытаясь сообразить, что же ей делать теперь.— Ну же, милый, не плачь. Я пойду к Тавису, и он сделает все, как надо.

Но первым делом надо убедиться, что Тиег больше никого не сможет ненароком сделать «чистым» — ибо лишь сейчас в первый раз к ней пришло осознание, что Тавис, вполне возможно, и не сумеет ей помочь. Что если снять блокировку может лишь тот, кто ее установил? Всего час назад у них имелся один-единственный человек с такими способностями, так что не было никаких шансов это проверить. А вдруг Тиег способен лишь блокировать силу, но не может высвобождать ее?

— Пойдем, милый,— прошептала Ивейн, поднимаясь и подхватывая малыша на руки.— Сегодня ты будешь спать со мной вместе. Хочешь?

Впрочем, она не стала дожидаться от него ни согласия, ни возражений. Продолжая шептать ласковые слова, чтобы не встревожить ребенка, Ивейн, поймав себя на том, что тщетно пытается вызвать магический огонь, подхватила маленький светильник. Продолжая что-то бормотать сыну, она перенесла его в свою комнату, и к тому времени, как удалось уложить его в постель, Тиег уже начал улыбаться и даже хихикать.

Она немного поиграла с ним в медвежат — любимое развлечение перед сном, чтобы он уж точно позабыл о всех тревогах. Пока они шалили и балова-

лись, она испробовала пару точек, нажатие на которые должно было бы погрузить мальчика в сон; но она не могла подкрепить их импульсами силы, и у Ивейн ничего не вышло... а пока Тиег бодрствовал, она не могла рисковать и идти к другим за помощью. Не приведи Господи, он сотворит с кем-то еще то же самое, что с матерью. По счастью, оставалась еще одна возможность.

Теперь перед нею вновь был прежний радостный, смеющийся и шаловливый мальчуган; он благополучно превозмог недавний испуг — и Ивейн наконец решилась сказать ему, что пора заползать под меховые покрывала и отправляться баиньки. Воспользовавшись тем, что он, играя, шмыгнул под одеяло, прячась от матери, Ивейн открыла небольшой сундучок стоявший у изножия кровати. Там, под свернутой накидкой Целителя, лежала сумка Райса, где тот хранил свои лекарства. На ощупь она перебрала несколько пузырьков и склянок, пока наконец не выбрала нужное снадобье в крохотном темно-синем пузырьке и запечатанный воском глиняный кувшинчик размером с ладонь.

Тиег, рыча по-медвежьи, высунул взлохмаченную голову из-под покрывала, когда мать села рядом, но тут же прекратил баловаться, стоило ему лишь завидеть у нее в руке кувшин — и синюю склянку, которую Ивейн с деланной небрежностью поставила на столик у кровати.

— Это что? — Мальчик неодобрительно сдвинул брови и в этот момент сделался до боли похож на отца.

— Это одно из папиных снадобий, чтобы помочь тебе заснуть, — правдиво ответила она. — У тебя выдалась нелегкая ночь, и я подумала, что самому тебе за-

снуть будет очень трудно, а маме нужно срочно сходить и проверить, как там кузен Ансель.

— Лекарство! Фу! — Тиег сморщил носик. — Тиег не любит лекарства.

— Да, я знаю, милый, но иногда нам приходится их пить, даже если очень не хочется. — Незаметным жестом она чуть ослабила пробку в кувшине, но пока не стала вытаскивать ее до конца. — Честное слово, это лекарство совсем не противное, оно сладкое, почти как варенье. Помнишь, как ты сосал цветочки клевера прошлым летом, какие они были вкусные? А это даже пахнет клевером.

— Клевером?

Недоверчиво косясь на мать, Тиег приподнялся на постели и вытянул шею, чтобы получше разглядеть кувшин в руках Ивейн.

— Вкусный?

— Да, очень. Хочешь понюхать, как приятно пахнет?

С этими словами, она убрала пробку и придвинула кувшин ему под нос, очень надеясь, что он сделает глубокий вдох. Так и случилось. Мальчик поднял на мать вмиг затуманившиеся глаза.

— Мм-м, правда, вкусно.

— Вдохни еще раз, как следует, — прошептала она, сама стараясь не дышать. Ей пришлось другой рукой поддержать его за спину и подставить кувшин к самому лицу, чтобы он точно успел вдохнуть еще пару раз, прежде чем пары снадобья выветрятся окончательно.

Наконец он обмяк у нее на руках, глаза закатились, и лишь тогда Ивейн заткнула кувшин пробкой и смогла перевести дух. Оставив первое лекарство, она взяла в руки синюю склянку. Кровь стучала у нее в висках — но было ли то действие сонного сна-

дobbyя, или просто волнение, она не могла бы сказать; впрочем, стоило распахнуть дверь, и тут же стало полегче. Не дожидаясь, пока Тиег придет в себя, она заставила его выпить содержимое синей склянки.

Дрожащими руками она заткнула пузырек и поставила его рядом с кувшином. У нее не было опасений по поводу действия лекарства: она часто видела, как Райс применял эти два снадobbyя точно таким же образом, особенно, когда имел дело с детьми, которые крайне недоверчиво относятся ко всевозможным лекарским назначениям. Увы, лишенная своих способностей Дерини, она не могла стереть из памяти Тиега свой обман, как это сделал бы Райс, однако этим можно будет заняться, как только Тавис вернет ее дар... либо, если это невозможно, то Тавис сам позаботится о Тиеге.

С самого первого мгновения мысль эта не переставала тревожить Ивейн — и даже больше из-за сына, чем из-за себя самой. Потому что если Тавис не справится — и Сильвен тоже, — то им придется копаться в сознании Тиега, чтобы вызвать к жизни его способности. И даже если будет риск повредить Тиегу, она знала, что они все равно пойдут на это, ибо Ивейн представляет для них ценность куда большую, чем необученный ребенок. А она, лишенная своих способностей, ничем не сможет им помешать. Теперь даже мысль о том, что Тиега могут использовать в замыслах Ревана, казалась не столь ужасной, как все это.

Но, может статься, она тревожится на пустом месте. И в любом случае, тянуть бесполезно. Пытаясь ни о чем не думать, чтобы не рвать себе сердце понапрасну, Ивейн подхватила на руки спящего сына, завернула его в меховое покрывало и направи-

лась к часовне. Там, должно быть, уже все гадают, где же она подевалась. Оставалось лишь надеяться, что они успели уже рассказать Сильвену все необходимое, и теперь он тоже сможет помочь.

Новый Целитель был в сознании, но вид у него был смятенный и потрясенный. Сгорбившись, он сидел на каменной скамье у южной стены часовни, неподалеку от усыпальницы Райса. Он уже снял заляпанное кровью одеяние Целителя и надел черную монашескую рясу с капюшоном. По обе стороны от Сильвена сидели Тавис и Грегори, держа того за запястья.

Что касается Джорема с Джессом, то они расположились напротив, подтянув поближе деревянную скамью. Оба поднялись, завидел женщину, но вид у брата был укоризненный: он явно пенял Ивейн на ее опоздание. Однако, разглядев ее ношу, оба кинулись к ней навстречу.

— Что случилось? — воскликнул Джорем. Они с Джессом попытались забрать у нее спящего ребенка, однако Ивейн яростно затряслась головой.— Что такое? Тиег болен? Зачем тебе понадобилось тащить его сюда?

— Посмотри на мои защиты, и сам поймешь.— Ивейн слабо улыбнулась, когда брат послушался — и отшатнулся, потрясенный. Такое же изумление отразилось на лицах Джесса и всех остальных.

— Ради Тиега, и ради себя самой, я искренне уповаю, что Тавис сумеет все исправить,— продолжила она, за легким тоном пытаясь скрыть тревогу. Не сводя глаз с молодого Целителя, она шагнула к нему... все еще страшась в душе, что он *не сумеет* исправить содеянное Тиегом.— Чем бы дело ни кончилось, Тавис, Тиегу нужно будет установить глубинную защиту, чтобы он никогда больше не смог слу-

чайно добраться до этой своей способности — потому что вернуть все на место он пока не в состоянии. Мне остается лишь молиться, что важно само действие, а не тот, кто его производит... но ведь мы же не знаем этого наверняка, не так ли?

По их испуганным лицам она вмиг поняла, что такая возможность никому прежде в голову не приходила. Сделав еще шаг, Ивейн вдруг споткнулась, и лишь тогда позволила Джесссу забрать у нее Тиега; тот постарался поудобнее уложить мальчика на полу и сам сел рядом.

— Грегори, пусть там отец Аврелиан сменит Кверона у ложа Анселя, а Кверона срочно позовите сюда, — велел Тавис, понемногу, ласковой приливной волной принимаясь нагнетать спокойствие в сознание Ивейн. — Конечно, сам он не способен блокировать, но хорошо изучил этот дар, пожалуй, даже лучше меня самого. Ивейн, расслабьтесь, пожалуйста, теперь это наша забота, а не ваша. Я даже и пытаться пока не буду разблокировать вас, мне только хочется посмотреть, что именно сотворил Тиег. Закройте глаза.

Она слышала, как ушел Грегори, но ей было все равно. Со вздохом она опустилась на скамью рядом с Джоремом, и брат обнял ее за плечи. Сбоку присел Тавис.

— А теперь мысленно вернитесь к тому, что случилось, и представьте себе все как можно яснее. — Тавис осторожно коснулся ее виска, убрав прядь волос за ухо, а покалеченной рукой уверенно притронулся к шее. — Вот так, все по порядку. Чтобы мне не пришлось впустую рыться в ваших воспоминаниях. И не волнуйтесь, что пришлось усыпить Тиега. Это было самое разумное в таких обстоятельствах.

Слегка успокоившись, Ивейн расслабилась и лишь чуть слышно застонала, когда Тавис перешел с уровня сознательного на более глубокий, куда страх не имел доступа и не ощущалось течение времени.

Придя в себя, первое, что Ивейн почувствовала, это что усталость ушла,— зато все ее способности вернулись, как прежде. С небывалым облегчением она наскоро проделала все привычные упражнения, которые Дерини осваивают в самом начале обучения, и убедилась, что все в полном порядке.

— О, слава Богу! — выдохнула она и с благодарностью взглянула на Тависа.— И спасибо тебе. Я так боялась, что убрать блок может лишь тот, кто его поставил...

С лукавой усмешкой Тавис покосился на виновника переполоха, мирно дремлющего в меховом покрывале на руках у Джесса.

— К счастью, ложная тревога... однако вы верно оценили другую опасность. Если бы ему удалось застать также меня и Сильвена...

Быстрым движением, прежде чем Ивейн успела что-то сказать, он нагнулся и взял мальчика за запястье. Джесс не шевельнулся.

— Но об этом нам можно больше не тревожиться, верно? — Тавис приподнял брови.— Он не сможет никого блокировать — равно как и исцелять, или иным образом проявлять свой дар, пока я или Сильвен не позволим ему это... А мы снимем свой блок, после того как вы установите ему надежные защиты — я правильно понял, что вы бы предпочли заняться этим сами?

Совершенно верно... и Ивейн тут же сделала это, за считанные секунды, ибо защиты, призванные помешать маленьким Дерини причинить вред себе и окружающим, были давно разработаны и знакомы

ей. Тавис был прав, поставив блок до той поры, Ивейн полностью поддерживала это решение.

Покончив с защитами, она получше закутала Тиега в покрывало и вновь опустилась на скамью, испустив вздох облегчения. Грегори тем временем вернулся с Квероном, и оба сели по бокам от Сильвена, который по-прежнему не пришел в себя от происходящего. Кверон сочувственно и понимающе улыбнулся Ивейн: видимо, Грегори успел рассказать ему всю историю; и она расслабилась настолько, что даже позволила себе зевнуть — Ивейн подавляла это желание с того самого момента, как пришла в себя.

— Ну вот, по крайней мере, эту проблему с Тиегом мы решили, — заметила она со смешком. К ней уже вернулось привычное спокойствие и уравновешенность. — Тавис, можешь разблокировать моего ужасного отпрыска, когда пожелаешь — хоть через год, если думаешь, что урок пойдет ему на пользу.

— Он не хотел ничего дурного, — заметил Тавис. С той же легкостью, с какой он лишил мальчика его дара, он вернул его способности, одним легким касанием. — Он просто хотел похвалиться перед мамой — чтобы она им гордилась, какой он взрослый. Ему не плохоается наблюдать за тем, как действуют Дери-ни. Тогда, когда он помог вам исцелить Камлина, все было точно также?

Ивейн с улыбкой пожала плечами.

— Видимо, да. Мне трудно это описать словами, но тогда нам всем горячо пришлось... — Она бросила смущенный взгляд на Сильвена. — О вас ведь можно сказать то же самое, да? Хотя Тавис никогда не причинил бы вам вреда... Но это настоящее боевое крещение, по-иному не скажешь. Насколько я могу судить, они успели вам рассказать все, что нужно, прежде чем я обрушилась со своими проблемами?

Джорем кивнул, а Целитель выдавил слабую усмешку.

— Боюсь, я еще не успел до конца осознать, насколько все это важно,— неуверенно произнес он.— Но, конечно, я сделаю все, что в моих силах. Так рад вновь свидеться с вами, леди Ивейн! Жаль только, что Райс... — Он покраснел и в смущении опустил голову.— Извините. Боюсь, у меня еще мысли путаются. Все это так... непривычно.

— Да, правда.— Она медленно вдохнула и выдохнула, стараясь не смотреть налево, где стояли три саркофага, и не думать о Тиеге.

— Но не стесняйтесь вспоминать Райса,— продолжила она уверенно.— Я тоскую о нем сильнее, чем могла бы передать словами, но это не значит, что я принимаюсь рыдать, как только слышу его имя. Именно благодаря ему мы ищем теперь у Целителей тот дар, которым обладаете вы... и полагаю, он был бы рад, что именно вы оказались наделены этой способностью.

Что касается Тиега, Ивейн сомневалась, что сия весть обрадовала бы Райса, но об этом она ни с кем говорить не станет. В уголке сознания — и Тавис, без сомнения, прочел эту мысль,— таилось опасение, что они вздумают использовать Тиега в своих замыслах с Реваном, если Тавис по каким-то причинам не подойдет... хотя, впрочем, теперь эту роль может сыграть Сильвен!

Грегори хмыкнул.

— А ведь первым-то Райс опробовал свой талант именно на мне!.. Хотя еще раз повторю, если бы мы с самого начала сказали Сильвену правду, то сберегли бы массу времени и усилий. Но всем так хотелось поиграть в таинственность...

Хмыкнув, Джорем похлопал Грегори по плечу.

— Ладно, все мы задним умом крепки. Ты и сам знаешь не хуже меня, почему мы держали наши поиски в секрете. Если регенты хоть что-то пронюхают, мы лишимся последнего шанса спасти нашу расу.

— Раз уж вспомнили о регентах, давайте поговорим о том, что случилось в Валорете,— резко перебил его Кверон.— Понятно, что всех отвлекла история с Тиегом, но вы не догадались ввести Ивейн в курс дела. Она знает, что случилось, помимо ранения Анселя?

Посмотрев на их лица Ивейн поняла, что самого худшего еще не слышала. Она обернулась к брату, и тот со вздохом накрыл ее ладони своими, отвечая мысленно... так было легче, нежели облекать это в слова:

— Задача была выполнена, пять из шести, однако возникли непредвиденные сложности. Не задавай лишних вопросов; просто посмотри, что произошло.

Не зря, ох, не зря, дурные предчувствия терзали ее сердце. Войдя в контакт с Джоремом, она торопливо считала информацию и с ужасом узнала о хладнокровном, безжалостном убийстве Гизелы Мак-Лин. И о том, что теперь всю вину за это преступление неминуемо возложат на Тависа с Анселем, поскольку скрыть следы пребывания Дерини во дворце невозможно, и кровавый след приведет преследователей прямо к Порталу...

— Я уверен, что меня не узнали,— произнес Тавис, когда Ивейн наконец вышла из транса и открыла глаза.— Но вот Ансель... И конечно, осталось столько крови... Теперь уже никто не усомнится, что уборная в подземелье служила и иным целям.

Грегори упрямо покачал головой и уперся руками в колени. Глаза его, покрасневшие от усталости, горели яростным огнем.

— Дерини в замке! Да регентов удар хватит! Теперь ясно, кого станут винить в убийстве бедной девочки.

— Но зачем Дерини убивать ее? — возразила Ивайн.— Какая им выгода? И почему пощадили ее сестру? В этом нет никакого смысла.

— Ну, регентам и не понадобится его искать. По их словам, Дерини вершат свои злодейства без всякого мотива и оправданий,— пояснил Джорем.— Так что об этом никто и задумываться не станет. Равно как и о том, насколько удачно все сложилось, что именно в эту ночь никого из регентов не оказалось в Валорете — так чтобы их уж точно нельзя было уличить в убийстве, хотя как раз у них-то повод для этого имелся, и еще какой! Одному Богу известно, как они планировали скрыть свое злодеяние, если бы нас не угораздило вмешаться.

— Скорее всего, просто заявили бы, что девочка умерла во сне,— предположил Тавис.— Это порой случается, это всем известно. Но, увы, тут подоспели мы и предоставили им куда более выгодное объяснение.— Он вздохнул и, упираясь локтями о колени, принялся тереть виски здоровой рукой и покалеченной.— Боже, вот незадача! Даже если бы мы старались изо всех сил им угодить, и то не придумали бы ничего лучше!

— Ну, вы могли бы позволить себя схватить,— мягко возразил Джесс. Тавис вскинул голову, потрясенный, и молодой человек криво усмехнулся, поднимая брови.— Конечно, неудачная шутка. Но ты не должен судить себя так строго. Вы же не могли предположить, что все так получится. И никто здесь не думает обвинять вас в случившемся. К тому же, вам удалось заблокировать способности Ричелдис и всех остальных. Это большое дело.

Делая над собой усилие, чтобы в это поверить, Тавис кивнул и скривил губы в жалком подобии улыбки — впрочем, ему никого не удалось этим обмануть, даже себя самого.

— Я мог бы возразить, что все прошло бы иначе, если бы мы меньше времени потратили на Джейми и Элинор, или первым делом пошли бы к девочкам... Но что толку махать кулаками после драки.— Он ударил покалеченной рукой по ладони, затем безвольно опустил руки и поник головой.— Интересно, как долго они сочтут возможным ждать, прежде чем выдадут Ричелдис за этого ублюдка Мак-Инниса?

Ивейн передернуло при мысли об этом, ведь Тавис был совершенно прав. Девочка тринадцати лет от роду была обречена... хотя она, по крайней мере, останется в живых.

— Боюсь, что в ближайшие месяцы мы еще не раз услышим эту историю в пересказе,— прошептала она.— О том, как наследница Дерини вышла замуж за фаворита регентов. И о том, как убийцы Дерини пробрались тайным ходом в замок, чтобы убить сестру Ричелдис — и прикончили бы и ее тоже, если бы не бравые дворцовые стражники, которые не дали свершиться злодейству...

— Да они нас заметили совершенно случайно, уже у самого Портала,— возмутился Тавис.

— Конечно, но регенты представляют эту историю совсем в ином свете,— возразил Джорем.— И даже если никто не опознал Анселя, все равно, Дерини это не поможет. Они заявят, что убийцы Дерини пытались сбежать тем же путем, что пришли, и кровавый след привел верных стражников к самому их дьявольскому Порталу, о существовании которого никто доселе не подозревал.

— И теперь у нас не осталось никакой возможности попасть во дворец,— добавил Джесс.

Тавис кивнул.

— Использовать Портал сейчас равносильно самоубийству. Готов поручиться, что там поставили не меньше дюжины человек охраны. И если их Дерини и не сумеют разрушить этот ход, то, по крайней мере, регенты заставят их перекрыть к нему доступ. Как бы то ни было, для нас теперь этот Портал не существует, а значит, не может быть и никаких контактов с Джаваном.

— Кстати, насчет Джавана,— вмешался Кверон.— Не догадаются ли регенты о его участии вочных событиях?

Тавис тряхнул головой.

— Нет, не думаю. Конечно, все зависит от того, насколько широко они используют своих Дерини, когда допрашивают людей. Но он обещал, что немедленно отправится спать и останется у себя. Если он послушался, то у них не будет повода ни в чем его заподозрить.

— Боже, надеюсь, что ты прав,— пробормотал Джорем.— Нелегко ему придется ближайшие пару дней!

— Да, бедный паренек,— согласилась Ивейн.— Теперь он остался совсем один.

Глава одиннадцатая

**Ибо можешь ты быть владыкой
над неправедными, но не властен
ты над тем, что я сужу праведным,
будь то в речах или в действиях¹**

Аиночество, стоит заметить, менее всего тяготило Джавана в тот момент, когда его друзья Дерини в монастыре святого Михаила тревожились о судьбе принца, ибо он еще не имел представления о том, какие последствия будут иметь для него события этой ночи. Подобно большинству принцев, он привык быть один — или в окружении свиты и прислуги, что, в общем-то, одно и то же.

Они с братьями очень рано лишились матери; их воспитанием занимались суровые наставники и слуги преклонных лет. Конечно, все трое наслаждались обществом друг друга, и все же их детство нельзя было назвать счастливым. Король Синхил никогда не был щедр на изъявления чувств; к тому же после смерти супруги ему еще труднее было проявлять интерес к детям, самое существование которых казалось ему насмешкой над его прежним монашеским саном — более того, хромоту Джавана отец считал явным знаком гнева небес, что он оставил свое истинное предназначение. Куда проще было предosta-

¹4-я Маккавеев 2:58 (Апокриф.)

вить посторонним людям заботы о детской и о том, чтобы подготовить ему достойного наследника — это хотя бы оправдывало *его* появление на свет — а других держать как бы про запас, подальше от людских глаз, чтобы пореже напоминали Синхилу о его несложившейся жизни.

С годами король помягчел к сыновьям, и все же общение с посторонними для них было весьма ограниченным и проходило под строгим надзором. Лишь незадолго до смерти Синхила сыновья регентов стали приходить в классную комнату и занимались вместе с принцами, а прежде им даже не позволялось встречаться с другими детьми. Дружба, свя-завшая Джавана с его Целителем Тависом О'Нилом, была единственной в своем роде. Синхил был уверен, что действует сыновьям во благо, ограждая их от любых жизненных тягот, поскольку сам втайне страшился того мира, куда его насиливо заставили вернуться; он никогда не сознавал, на какое одиночное, замкнутое существование обрек своих детей.

Положение принцев мало изменилось после смерти отца, хотя мальчики уже были достаточно взрослыми, и соображения безопасности не требовали столь строго изолировать их от всех и вся. Две самых неприятных стороны королевской жизни — отсутствие личной жизни и настоящих друзей — были подчеркнуты особенно явно, когда регенты постановили, что у каждого из троих братьев отныне должен быть свой двор. «Дабы они могли скорее повзросльть», — так объяснил это на совете архиепископ Хьюберт своим проникновенным, насквозь фальшивым тоном, который Джаван так возненавидел за последние месяцы.

На самом же деле — Джаван отлично понимал это, и его друзья Дерини были согласны — регенты

старались как можно надежнее оградить мальчиков от стороннего влияния и не позволить им обсуждать что бы то ни было между собой, как они привыкли. Так они никогда не смогут стать независимыми, не сумеют даже взбунтоваться. После коронации Алроя это стало еще более очевидно. Как только близнецам сравнялось двенадцать и, по обычаю, они закончили учебу, постепенно из дворца исчезли их прежние наставники и даже случайные соученики, а всех Дери-ни сменили придворные из семейств регентов и их фаворитов, которыми теперь, казалось, кишит вся столица. Джаван почувствовал себя самым одиночным после Рождества, когда Тавису пришлось бежать из дворца — ибо только с ним он мог изучать свои открывшиеся способности. Регенты прикончили бы его, если бы узнали...

К тому же, изоляция отнюдь не означала настояще одиночество. Наоборот, Джаван теперь никогда не оставался один. На тех официальных мероприятиях, где требовалось его присутствие, их с братьями всегда сопровождал кто-то из регентов и целая толпа придворных. Вечерняя трапеза чаще всего проходила в большом зале дворца, с огромным числом гостей.

Редкие вылазки на природу, ради охоты или просто прогулки, тоже были обставлены церемонно и не обходились без участия регентов или их соглядатаяев. Личная свита Джавана сплошь состояла из людей, подобранных регентами, включая личного исповедника принца, который, в свою очередь, приходил на исповедь к архиепископу Хьюберту.

И всякий раз, когда Джаван был поглощен общественными обязанностями, специально придуманными, дабы создать иллюзию, будто он участвует в управлении страной, или пытался занять свое

бодное время чем-то не вызывающим подозрений регентов, рядом с ним неотступно находился Карлан, юный оруженосец, смекалистый и неглупый, но навязчивый до такой степени, что буквально путался под ногами. Карлан прислуживал ему за столом, подавал одежду, помогал совершать утренний туалет, занимался фехтованием, играл в кардунет и другие настольные игры и спал на подстилке у кровати принца. Даже в часовню он следовал за Джеваном, а ведь прежде это было единственное место, где тот мог хоть пару минут побывать в одиночестве!

Впрочем, молитвы у регентов не вызывали неудовольствия, и даже наоборот, как вскоре понял Джеван, они это приветствовали. Они полагали, что Джеван идет по стопам отца и склоняется к монашескому призванию, а это было им очень по душе. Если средний сын затворится в обители, он не сможет претендовать на корону; а Райс-Майкл был для регентов куда предпочтительнее — на случай, если Алрой умрет, не оставив наследника.

Джеван не торопился их разочаровывать. Он извлекал много пользы из ежедневных богослужений и старался посещать все службы, какие только мог — но отнюдь не ради того, чтобы молиться, как были уверены регенты. И порой Карлан тоже получал кое-что, чего совсем не ожидал... вынужденная неподвижность во время службы, сковывавшая равно принца и оруженосца, давала, как в том скоро убедился Джеван, великолепную возможность покопаться у Карлана в сознании.

О, Джеван не имел ничего против Карлана лично, раз уж все равно без регентского соглядатая ему было не обойтись; молодой человек был всего на пару лет старше принца и обладал легким, смешливым нравом. Он был также неплохо образован и всегда в

курсе последних дворцовых сплетен — и охотно делился ими с молодым хозяином.

Но так же охотно Карлан сообщил Джавану, что каждую неделю советник графа Мердока допрашивает всех троих оруженосцев в присутствии ищейки-Дерини под заклятьем правды. Значит, все то, что говорит или делает Джаван при Карлане, он с тем же успехом мог бы делать и на глазах у регентов, независимо от того, насколько сам оруженосец лично предан принцу. Единственной возможностью было слегка подправлять его воспоминания — именно так Джавану и удавалось скрыть свои встречи с Тависом. В этом искусстве Джаван даже достиг определенных успехов... хотя Тавис и предупреждал, что использовать свою силу без нужды было глупо и опасно и что принцам не к лицу хвастаться властью, хоть политической, хоть магической. Джаван ему верил.

Впрочем, ни та, ни другая власть не позволила бы Джавану выяснить точно, что же произошло той ночью с Тависом и Анселем. Он очень скоро понял, что случилось неладное, ибо слышал отдаленный звон мечей в Королевской башне, вскоре после полуночи, и был уверен, что его друзья каким-то образом в этом замешаны, хотя и не осмеливался выказать свою тревогу. Еще целый час после этого в коридорах замка слышались взволнованные крики и топот сапог стражников. Один раз он рискнул приоткрыть дверь и спросить пробегавшего охранника, в чем дело, но в ответ услышал лишь вежливую просьбу — или, скорее, приказ — вернуться к себе и лечь в постель. Мол, все в порядке...

Карлан преуспел не больше, когда спустя какое-то время принц послал его на кухню добыть какой-нибудь еды; а ведь оруженосец был таким же любопытным, как и его господин. Он вернулся и принес хле-

ба, сыра и эля — и ничего более. Стражники едва не оборвали ему уши, за то что осмелился сунуться куда не прошено. За дверями опочивальни принца тем временем обосновались два охранника, что косвенно подтверждало правдивость Карлана. Джаван опять попытался что-то разузнать, но хмурый сержант лишь еще раз, на сей раз почти грубо, повторил, чтобы он шел спать и что в замке все в порядке... а если Джаван вздумает и дальше настаивать и не отправится спать, то его возьмут под арест, будь он хоть десять раз брат короля!

Джаван и не думал скрывать возмущения, однако повиновался. Позже он узнал, что был не один, и с братьями его обошлись точно таким же образом, и все равно почувствовал себя оскорбленным. Все это означало, что дело крайне серьезное, и перепуганный дворцовый гарнизон попросту тянет время, пока не вернутся регенты, за которыми, наверняка, первым делом послали. Джаван подозревал, в чем причина переполоха, и потому не тревожился ни за братьев, ни за себя, но зато сходил с ума при мысли, что неладное случилось с Тависом или Анселем; он лег подремать лишь под утро, по настоянию Карлана.

Хоть какие-то намеки на происшедшее он получил лишь ближе к полудню, когда их с братьями призвали в приемный покой регентов, рядом с главным залом. Причем без всяких объяснений. И, что хуже всего, оруженосцу было велено ждать принца в его апартаментах. К чему бы это?

— Ну, расскажи мне хоть что-нибудь! — попросил Джаван стражника, который сопровождал его по замку. В это утро он вырядился нарочито скромно, во все серое, а когда они вышли на улицу, был вынужден поднять меховой воротник плаща.

— Коннор, пожалуйста, не торопись. Ты шагаешь слишком быстро, а камни скользкие. Ну же, будь другом, расскажи мне, что стряслось!

Коннор, крепкий веснушчатый парень, которому не исполнилось еще и двадцати, смущенно покосился на принца и замедлил шаг, чтобы тому легче было поспевать за ним. Обычно он с симпатией относился ко всем троим братьям, но сегодня, похоже, получил особые указания.

— Вы же знаете, мне не велено, ваше высочество, — пробормотал он. — Да вы и сами скоро все узнаете.

— Так тогда какая разница, чуть раньше, или позже? Коннор, я просто лопаюсь от любопытства. Ну, пожалуйста!

Стражник добродушно хмыкнул, и Джаван понял, что тот колеблется. Они же почти пересекли заснеженный двор и оставалось лишь подняться по обледеневшим ступеням, ведущим в главную башню. На скользкой лестнице Коннору пришлось поддержать принца под локоть — и тот немедленно воспользовался этим, мысленно оказав на стражника чуть заметное давление.

— Ну же, Коннор, расскажи мне! — зашептал он горячо. — Хоть намек! Я что, под арестом, или это что-то случилось ночью?

Коннор пугливо огляделся по сторонам и, шмыгнув носом, утер лицо рукавом. И воспользовался этим, чтобы пробормотать:

— Не, ты тут ни при чем, парень. Это ночью была тревога. Это все Дерини, и еще кого-то убили. Больше я ничего не знаю. Но от меня ты ничего не слышал!

Джаван сделал вид, будто отступил, чтобы скрыть свою реакцию на эти слова. Облегчение, что

сам он в безопасности, тревога за друзей... И все же он сумел улыбнуться Коннору, ухватившись за его руку.

— Я ничего и не слышал. Ты разве что-то говорил?

В парадном зале тревога за Тависа с Анселем вспыхнула с новой силой — ведь именно сюда, в этот зал, четыре месяца назад принесли труп брата Анселя. Боже правый, только бы не Ансель и не Тавис!

К счастью, вокруг он не заметил никаких мертвцев — хотя вид Джейми Драммонда, распостертого в кресле, сперва изрядно напугал Джавана. Присмотревшись, он обнаружил, что тот дышит, хотя и без сознания, а поскольку Целитель Ориэль стоял рядом с невозмутимым видом, значит, причин для тревоги не было. Джаван слегка расслабился.

Однако ему совсем не понравилось, с каким видом взирал на Джейми священник, державшийся чуть поодаль. Ему было чуть за сорок, черные проницательные глаза; слева на груди рясу украшала незнакомая Джавану эмблема — замысловатое переплетение алых и золотых линий. Такого ордена принц не знал. Он мог бы предположить, что это очередной Дерини-ищейка, но регенты указом запретили Дерини принимать священный сан... В любом случае, этот тип ему очень не нравился!

Еще больше не по себе принцу стало, когда он увидел, что в зале присутствует также леди Элинор, мать Анселя. Она была вся в черном, с кружевной вуалью на волосах, и рыдала, не переставая. Ее кресло стояло в центре комнаты, спиной к Джейми, а рядом держался стражник, чтобы помешать женщине обернуться к мужу. Деклан Кармоди, ищейка-Дерини, тоже был здесь, уже не в цепях, с кубком в руке;

он нервно переводил взгляд с женщины на архиепископа Хьюберта. Интересно, вспомнил Джаван, успел ли Тавис, как собирался, заблокировать способности Элинор... а то уж больно подозрительный вид был у Хьюберта. Впрочем, у него всегда был такой вид.

Позади держались Мердок и Таммарон, а также Манфред Мак-Иннис и его прыщавый сын Айвер,— все сгрудились вокруг парадного кресла, предназначенногого, видимо, для Алроя. Манфред что-то горячо доказывал Таммарону, но тут же замолк, едва завидев Джавана. Все четверо небрежно поклонились принцу. В самом дальнем углу залы, у камина, стоял Райс-Майкл. На нем был синий с белым парадный наряд, и похоже, мальчик от души наслаждался происходящим.

— А, ваше высочество,— приветствовал Джавана Мердок и указал ему на стул рядом с Райсом-Майклом. Хьюберт тоже повернулся к нему и поджал розовые губки.— Полагаю, вам не терпится узнать, зачем мы пригласили вас сюда. Простите, что держали все в тайне. Похоже, прошлой ночью мы разоблачили заговор Дерини. Сейчас, как вы скоро поймете, мы пытаемся разобраться, что же произошло. Жаль, что с нами нет вашего Тависа О'Нила. Он мог бы помочь тем своим сородичам, которые поставили свой проклятый дар на службу людям!

Боже, неужто они *знают*? Они схватили Тависа или Анселя прошлой ночью, а теперь проверяют Джавана? А если Тавис в плену, хотел ли бы он, чтобы принц отстаивал его любой ценой, даже в ущерб собственной безопасности?

— О'Нил? — Джаван постарался вложить в это имя максимум презрения и горечи и заковылял к своему стулу, всячески подчеркивая хромоту, хотя на

самом деле до такой степени нога у него никогда не болела, даже в самые плохие дни. Он заранее ненавидел себя за те слова, что сейчас должен будет произнести.— Я ему поверил, а он бросил меня! Ну и скатертью дорога!

К счастью, с появлением Алроя разговор прервался, и никто не оспорил речей Джавана, тем более, он знал, что регенты давно надеялись услышать от него именно это. Кроме того, раз никто больше ничего не сказал, значит, Тавис не схвачен и не убит... Когда вошел король, все встали, кроме Джейми, который был не то болен, не то под действием каких-то снадобий. Элинор была так плоха, что Кармоди пришлось поддержать ее под руку.

Заметив это, Алрой бросил на Хьюберта хмурый взгляд. Вообще, вид у него был недовольный,— большая редкость для Алроя. Он был в пурпурной мантии Халдейнов, на бедре висел меч, клацнувший по креслу, когда он сел, однако правитель не потрудился надеть корону. Волосы у него были взъерошены, а под глазами залегли темные круги. Похоже, он почти не спал этой ночью.

— Не соизволит ли кто-нибудь объяснить мне, что происходит,— начал он.— Похоже, нынче я ни от кого не могу добиться прямого ответа.— С недовольным лицом он посмотрел на съежившуюся на стуле Элинор.— Прошлой ночью был страшный шум, но никто не говорит мне, что стряслось. Почему леди Элинор в таком состоянии, и что вы сделали с Джейми Драммондом? Надеюсь, вы не осмелитесь утверждать, будто они двое в чем-то виноваты.

Хьюберт, качая головой, подошел к Алрою, чтобы поцеловать ему руку.

— Я все объясню, государь. Некие Дерини проникли ночью во дворец через неизвестный нам Пор-

тал. Не знаю, что еще они натворили, но они убили юную девушку.

— Что?

— Поскольку у нас есть основания полагать, что одним из преступников был Ансель Мак-Рори, сын леди Элинор,— продолжил Хьюберт,— то мы сочли необходимым допросить их обоих — и заодно убедиться, не представляют ли они угрозы как Дерини. Это следовало сделать сразу, как они вернулись ко двору. Они всегда утверждали, будто у них почти нет деринийской крови, но кто знает...

Джаван постарался не выдать охватившей его паники, но в душе его все кипело.

Боже, Анселя узнали! Хотя, видимо, не сумели схватить, судя по словам архиепископа. И Тавису, слава Богу, похоже, также удалось спастись!

Но что же это за девушку убили? И кто? Уж конечно, не Тавис с Анселем! Учитывая, что в комнате присутствовали также Кармоди с Ориэлем, возможно было всякое... в том числе, его самого могли начать допрашивать! Он постарался сделаться как можно более незаметным в глазах обоих Дерини.

Но кого же все-таки убили? Может, Райс-Майкл знает, ведь он раньше него пришел сюда. Оставалось надеяться, что никто не заподозрит неладного, если Джаван обратится к нему.

Наклонившись к младшему брату, Джаван толкнул его под ребра и прошептал, почти не шевеля губами:

— Кого убили?

— Леди Гизелу Мак-Лин,— отозвался тот едва слышно.— Говорят, ее задушили подушкой... скорее всего, Ансель.

— Он ее задушил? — Джаван дернулся, но, поймав на себе цепкий взгляд Таммарона, тут же застыл.

По счастью, на него больше никто не обратил внимания, поскольку Алрой вдруг вскочил с таким видом, словно вот-вот лишится чувств.

— Что вы сделали с леди Элинор и ее супругом? — воскликнул король. — Вы... не причинили им вреда? Эта женщина всегда была добра ко мне, и я никогда не сомневался в преданности лорда Джейми!

Манфред хмыкнул презрительно:

— Сир, право же! Ваша дражайшая леди Элинор прежде была замужем за сыном еретика Камбера. Ее сын Девин погиб как предатель, а второй сын, похоже, последовал по его стопам. Точно могу сказать, нынче он оставил за собой кровавый след при побеге. Да сядьте же наконец, сир! И успокойтесь.

Значит, Анселя ранили. Боже, только бы не слишком серьезно! Алрой рухнул в кресло, потрясенный дерзостью Манфреда — которому Джаван в этот миг желал худшей из смертей — но принц не мог не восхищаться братом за то, с какой горячностью тот встал на защиту леди Элинор и Джейми.

— Я... я не могу поручиться за Анселя, — воскликнул меж тем король. — По-моему, я не видел его со дня коронации. Но разве эта женщина может отвечать за действия взрослых сыновей? Я так понял, они не общались в последнее время — она порвала все связи с семейством Мак-Рори, с тех пор как вышла за Джеймса Драммонда.

Мердок с невеселой усмешкой обошел кресло и оперся о спинку — заставив Алроя изогнуться, чтобы посмотреть на него.

— К счастью для леди Элинор и ее второго супруга, мастер Деклан подтвердил, что они, действительно, не виделись. — Мердок был почти разочарован. — А поскольку ваше величество так высоко ценит их обоих, то я рад сообщить, что ни у одного из них не

обнаружилось ни капли крови Дерини, которая могла бы подтолкнуть их к мятежу. Отец Лиор и его орден неплохо навострились распознавать скрытых колдунов!

С этими словами он указал на незнакомого священника, который почтительно склонился перед королем, прижав к груди правую руку; однако Алрой лишь молча, немигающе смотрел на него.

— Я повторяю свой вопрос: что вы сделали с ними,— прошептал он.— И кто такой этот отец Лиор, способный отличить, кто Дерини, а кто нет. Мне незнакомо его одеяние.

— И правильно, государь,— отозвался Хьюберт,— однако вы все узнаете в свое время. Отец Лиор, приведите леди Ричелдис и приступайте. Мы должны успокоить короля.

Священник вышел из комнаты, и Джаван напрягся. Теперь этот загадочный человек нравился ему еще меньше, и оставалось лишь гадать, кому еще суждено сегодня подвергнуться допросу. Он тревожился также, успел ли Тавис отыскать всех тех, чьи способности Дерини собирался заблокировать. Судя по всему, для дознания использовались какие-то снадобья, вместе с чарами правды, поскольку Ориэль в своем углу смешивал что-то в высоком бокале. Вероятнее всего, в состав напитка входила мераша — наркотик, который действовал лишь на Дерини, а обычных людей просто погружал в сон, но что там было еще, Джаван не имел понятия.

Что бы то ни было за снадобье, Элинор и Джейми оказались в безопасности. Оставалось лишь надеяться, что на Ричелдис напиток также не действует — равно как и на маленьких Микаэлу и Катана Драммондов, если регенты доберутся и до них... и

что самого Джавана никому не придет в голову подвергнуть подобному испытанию.

Он постарался ничем не выдать своих чувств, когда двое стражников оттащили стул с обмякшей Элинор поближе к спящему Джейми, и даже зевнул при виде отца Лиора, который вместе с еще одним священником наконец вернулся, ведя за собой перепуганную Ричелдис Мак-Лин.

Но Ричелдис ли это? Джаван не поверил своим глазам. Он никогда прежде не обращал на девочку особого внимания, но она, похоже, здорово вытянулась за последнее время и мало чем напоминала того пухлого подростка, каким запомнилась ему со дня последнего пиршества во дворце. Отчасти в этом винно было черное платье и прическа: волосы девушки аккуратно зачесали назад и заплели в косу, уложенную на затылке. Голову покрывала темная кружевная вуаль, мешавшая разглядеть черты лица, но Джавану она показалась почти хорошенькой... хотя, конечно, ее портили покрасневшие, распухшие от слез глаза.

Джаван был не единственным, кто заметил произошедшие в облике Ричелдис перемены. Мердок и Таммарон буквально пожирали ее глазами, когда девушка присела в поклоне перед королем, а у манфредова сына Айвера был такой хозяйски-самодовольный вид, что Джаван вдруг задался вопросом, а не имеет ли тот прямого отношения к смерти второй сестры.

А если и не сам Айвер, то кто-то другой. Ведь после смерти Гизелы Ричелдис стала единственной наследницей графства Кирни и всех титулов — а на пиру Айвер явно ухаживал за обеими сестрами.

— Соболезнуем вашей утрате, миледи, — сказал ей Алрой, откидываясь на спинку кресла. Вообще, сего-

дня он проявлял редкую для него самостоятельность.— Если это будет в моей власти, можете быть уверены, что убийцы вашей сестры понесут заслуженную кару.

Испуганная девушка ничего не ответила и лишь побледнела еще больше, когда заметила, в каком состоянии находятся ее опекуны. Хьюберт щелкнул пальцами, и стражник вынес стул на середину комнаты. Она села, стиснув руки на коленях, но когда отец Лиор убрал вуаль с ее лица, гордо вскинула голову, несмотря на то, что подбородок у нее дрожал от непролитых слез. Ориэль приблизился с кубком в руках, а второй священник отошел к Деклану и Драммондам.

— Миледи Ричелдис, я должен задать вам несколько вопросов,— заявил отец Лиор.— Вы уже дали клятву отцу Бартону, что будет отвечать правдиво...— Он указал на своего собрата.— Напомню, что если солжете, вы погубите свою бессмертную душу, и кара настигнет вас уже в этом мире, прежде чем вы предстанете перед небесным Судией, если в ваших словах мастер Ориэль различит хоть тень умолчания или неискренности. Вы понимаете меня?

Из темных глаз ручьем заструились слезы, но она нашла в себе силы кивнуть.

— Отлично. А теперь расскажите нам все, что вы помните о прошлой ночи. Когда вы легли спать?

Она с трудом слотнула, косясь на застывшего неподвижно Ориэля.

— Это... это было вскоре после вечерни, отче,— прошептала она.— Мы... мы с сестрой помолились, как всегда, а потом легли.

— И когда же вы проснулись?

— Я... я точно не знаю.

— Тогда что вас разбудило?

— Шум в коридоре. Я испугалась, бросилась к двери, но там были солдаты, они бежали по коридору, и никто не захотел мне сказать, что случилось. А потом сестра...

— Продолжайте. Что было с вашей сестрой?

Ричелдис всхлипнула.

— Она... не проснулась. Я подошла, пытаясь разбудить ее, а она...

— Да?

— Она не дышала.

Разрыдавшись, Ричелдис закрыла лицо ладонями, но Лиору этого показалось мало. Дав знак Ориэлю, он взял у него из рук кубок. Целитель отвел руки девушки и пристально уставился на нее, не обращая внимания на слезы — Джаван понял, что он читает ее мысли... а затем покачал головой и, опустившись на одно колено, сочувственно обнял Ричелдис.

— Она ничего не скрыла, — произнес Ориэль, с отвращением глядя на священника. — Она ничего не знает об убийстве сестры — клянусь! Ричелдис проснулась. Ее сестра — нет. И она не Дерини, в этом я совершенно уверен.

— Осталось последнее испытание, — возразил Лиор, протягивая обратно кубок.

— Так ли это необходимо? — взорвался Алрой. Джаван давно уже не слышал от брата столь резкого тона — Если Ориэль говорит, что она не Дерини, значит, она не Дерини.

— Я предпочел бы убедиться в этом иным способом, ваше величество, — парировал Хьюберт. — В конце концов, она приходится внучкой сестре Камбера Мак-Рори. Ориэль, чашу.

Со вздохом Ориэль принял кубок и вновь обратился к Ричелдис, которая, дрожа, возвзрилась на чашу у него в руке.

— Выпей это, дитя,— попросил Ориэль; но она попыталась оттолкнуть его руки.— Прошу тебя, малышка. Мне это совсем не по душе, но тебе придется выпить это, раз уж его милость так решил. Клянусь, тебе нечего бояться. Это просто успокаивающая настойка. Тебе хорошо будет поспать, после всего, что случилось. Вот и хорошо,— похвалил он ее, когда она наконец перестала сопротивляться и поднесла кубок к губам.— Пей маленькими глотками, до дна. Ты храбрая девочка.

Пустую чашу он вернул Лиору, а сам обнял Ричелдис, рыдавшую у него на плече.

Через пару минут он поднял глаза на священника и покачал головой. Тогда, по знаку Лиора, подошел Деклан и опустил руки на плечи девушки. Она уже перестала плакать и сидела смирно.

— Мастер Ориэль прав,— подтвердил Деклан с ничего не выражаящим лицом.— Она знала многих Дерини, поскольку они были в ее родне, но у нее самой нет ни капли их крови. Она ни в чем не может угрожать вашим планам.

— Поберегись, Кармоди,— осек его Хьюберт.— Мы не нуждаемся в том, чтобы ты тут выказывал нам свое неодобрение.

— О каком неодобрении вы говорите, ваша милость,— мягко отозвался Деклан, не обращая внимания на предостерегающие знаки Ориэля.— С какой стати мне быть недовольным тем, что мои способности используют в нечистоплотных целях алчные люди, которые боятся и завидуют моему дару?

— Попридержи язык, если тебе дорога твоя семья!— воскликнул Мердок.— Ты зашел слишком далеко в своей дерзости!

— Если бы не семья, вот тогда вы бы еще узнали, что такое дерзость! — с ненавистью парировал Дек-

лан.— Как вы думаете, Мердок, долго ли человеку под силу терпеть такое? Или вы считаете, что у нас нет чести и гордости, если ваши епископы утверждают, будто все Дерини прокляты от рождения?

— Кармоди! — рявкнул Таммарон.— Прекрати болтать! Ты же знаешь приказ: если хоть одному из нас будет причинен вред от твоей руки, вся твоя семья будет казнена страшной смертью. Ты готов пожертвовать ими ради этого?

На какой-то миг Джавану показалось, что Деклан готов именно на это — и в душе почти понадеялся, что так и случится — но тут Дерини тяжело вздохнул, склонив голову, и уронил руки.

Ориэль, все еще стоявший на коленях рядом с Ричелдис, съежился от страха, опасаясь, как бы гнев регентов не пал на него.

А регенты явно были не удовлетворены.

Мердок выступил из-за кресла короля, скрестив на груди руки. Алрой выглядел испуганным, и Райс-Майкл тоже. Что до Джавана, то ему очень не нравился ледяной взгляд Мердока, каким тот смерил Деклана.

— Я требую извинений, Дерини,— процидил регент.

Деклан не поднял глаза, то ли в знак вызова, то ли неуверенный, что сумеет сдержать себя в руках.

— Считайте, что вы их получили, милорд,— бесцветным голосом произнес он.

— Нет, ты попросишь прощения на коленях.— Мердок ткнул пальцем перед собой.— Ты подползешь ко мне и будешь умолять о пощаде, и подставишь шею мне под ногу, в знак полного подчинения. Если же нет...— Голос его сорвался на визг. Деклан с бешенством уставился на него.

— Если же нет,— повторил Мердок уже спокойнее,— то последствия для твоего семейства будут ужасны. Для твоей жены. И для сынишек. Да, полагаю, моим солдатам доставит удовольствие такая забава. Как ты думаешь, Кармоди?

Глава двенадцатая

**Кто восстанет за меня
против злодеев?**

**Кто станет за меня
против делающих беззаконие?**¹

Деклан побледнел, затем побагровел и покачнулся, с силой втянув воздух сквозь стиснутые зубы. Руки его сжались в кулаки, а взгляд был такой, какого Джаван был бы рад никогда больше ни у кого не видеть. На миг ему даже показалось, что в волосах Дерини проскакивают голубые искорки, точно крохотные молнии.

— Мердок, ты слишком рискуешь, — прошипел Таммарон.

— Нет, это он рискует, — рявкнул Мердок в ответ. — Он забыл, насколько шатко его положение.

Столь невероятное высокомерие было отвратительно, и Джавана передернуло от ненависти. Поразительно, до чего глуп может быть Мердок! А регент тем временем по-хозяйски положил руку на спинку кресла Алроя, а другой рукой незаметно ухватился за кинжал — как будто столь смехотворное оружие могло помочь против Дерини! Алрой же в этот миг напоминал перепуганного мышонка, попавшего между бешеной кошкой и разъяренной змеей. Один из

¹ Псалтирь 93:16

стражников поспешил прочь, за помощью, а Хьюберт с остальными предусмотрительно попятались, чтобы оказаться как можно дальше от Мердока. Даже отец Лиор со своим собратом предпочли отступить, и лишь Мердок не двинулся с места.

— Ну же, Кармоди,— презрительно бросил он.— Поднимешь на меня руку, и живым ты отсюда не выйдешь! — Словно чтобы подкрепить эту угрозу, на пороге зала столпились с поддюжиной лучников с оружием наготове.— И семья твоя тоже погибнет.— Он угрожающе ткнул пальцем в Ориэля.— Тебе тоже несдобровать, если ты его не остановишь! А теперь — на колени, Кармоди... и ползи! Давай!

Деклан весь дрожал, он явно уже не владел собой.

— Деклан, оно того не стоит,— прошептал Ориэль, и шепот его раздался громче крика в комнате, ставшей внезапно очень, очень маленькой.— Не надо, Деклан. Не губи себя. Сделай, как он сказал.

Деклан, однако, словно и не слышал его. Тишина сгущалась, поглощая все звуки. Прижавшись к стене, Таммарон, а за ним и Манфред принялись осторожно подавать знаки королю и принцам, чтобы те отошли подальше — они были слишком близко от Мердока. Если Дерини все же сорвется... Айвер спрятался за стулом Джейми, который по-прежнему был без чувств, не сознавая нависшей опасности.

Райс-Майкл наконец понял, чего от него хотят, осторожно поднялся с места и отступил к стене, поближе к регентам, однако Алрой как будто застыл в своем кресле. Джаван, тревожившийся за обоих Дерини сильнее, чем за собственную безопасность, остался сидеть, на расстоянии вытянутой руки от Мердока. Ему казалось, он видит слабое свечение, окутавшее фигуру Ориэля и Кармоди.

— Послушай его, Деклан,— повторил Ориэль.— Ты заплатишь слишком дорогую цену. И мне тоже придется расплачиваться за тебя. Прошу тебя, Деклан. Я не хочу идти против своего собрата — я и так уже немало причинил им зла...

Еще несколько бесконечных мгновений... Джавану показалось, все в комнате затаили дыхание. Неужели Мердок не понимает, что играет со смертью? А этот надменный глупец все так же стоял перед своим противником, словно дерзость могла спасти его, если Деклан все же утратит власть над собой. Джавану никогда не приходилось видеть, чтобы Дерини обрушился на врага всей мощью своей ярости, и он от души надеялся, что этого не случится и теперь — даже если бы жертвой и должен был стать этот негодяй Мердок!

По счастью, все обошлось. Лицо Деклана внезапно исказилось, он всхлипнул беззвучно и рухнул на колени с закрытыми глазами, а затем застонал, почти как раненый зверь, от гнева и боли. Какое-то время он так и стоял на четвереньках, тряся головой, словно сам не мог поверить в происходящее. А затем рывками пополз к Мердоку.

Единственными звуками, нарушавшими густую, как смола, тишину, было хриплое дыхание Дерини и шорох его одежды. Вот он уперся лицом в начищенные сапоги регента... Лишь теперь Джаван позволил себе перевести дух; а за ним и остальные. Ориэль, за стулом Ричелдис, как будто молился. Лучники у двери, по знаку Хьюберта, опустили оружие, в изумлении следя за Декланом взглядами.

В эти мгновения мельчайшие детали отпечатались в сознании Джавана. Он не отрываясь смотрел на шпоры Мердока — золотые колесики, блестевшие в

свете факелов... Все вновь затаили дыхание, когда Деклан протянул руку к правой лодыжке регента.

— Сперва скажи то, что должен,— велел Мердок, прежде чем Деклан коснулся его.

Дерини застыл, уронив голову. Рука его вновь сжалась в кулак. Он всхлипнул, и Мердок слегка пнул его носком сапога.

— Я жду!

— Я... приношу... свои извинения...— выдавил на конец Деклан.

— Ты прощен,— отозвался Мердок.— А теперь исполни, что велено.

Деклан вслепую потянулся к сапогу регента, надеясь лишь как можно скорее покончить с унижением, однако Мердок, судя по всему, теперь задумал кое-что иное. Он поднял ногу, однако недостаточно высоко, чтобы поставить ее на склоненную шею... по крайней мере, пока Деклан оставался на четвереньках.

Дерини мгновенно понял, чего хочет от него Мердок — и Джаван осознал это в тот же миг. С жалким стоном Деклан опустился на локти, подтянул колени... и пригнулся до самой земли. Наконец Мердок поставил ногу ему на шею. Он продержал ее так до счета десять; шпора золотом вспыхнула в каштановых волосах... а затем с презрением отступил на шаг. Деклан не шевельнулся.

— А теперь поднимайся,— негромко велел регент.— И если посмеешь еще раз спорить со мной, клянусь, ты пожалеешь, что родился на свет!

Однако Деклан так и не встал. Он мешком повалился на бок и, трясясь всем телом, сжался в комочек, одной рукой защищая голову. Он как будто не слышал воплей Мердока, приказывавшего ему под-

няться, и не чувствовал, как тот принялся пинать его ногой.

— Не надо! Вы причиняете ему боль! — взмолился Ориэль, подползая к своему товарищу.— Деклан? Деклан!

Но даже Ориэлю не под силу оказалось привести Дерини в чувство, вырвать из мира сумеречного отчаяния, куда тот погрузился. Мердок и впрямь зашел слишком далеко, хотя и не в том смысле, как предупреждал его Таммарон.

— Что с ним такое? — спросил Мердок. Остальные регенты собрались в кружок, боязливо косясь на человека на полу.— Почему он не отвечает?

Ориэль с поджатыми губами покачал головой и знаком велел одному из священников, чтобы тот подал ему сумку с лекарствами.

— Он не может, милорд.

— Что значит, не может? — зазвенел голос Хьюберта.— И что это ты такое делаешь, даже не спросив ни у кого дозволения?

— Прежде всего, я дам ему сильное успокоительное,— отозвался Ориэль, роясь в сумке, которую вручил ему Лиор.— Он ушел глубоко в себя, чтобы спастись от того, что вы заставили его совершить. Если я погружу его в еще более глубокий сон, прежде чем он совсем сломается, то, возможно, он сумеет пробудиться, когда снадобье перестанет действовать.

— Мастер Ориэль,— мягким голосом протянул Мердок,— Похоже, я улавливаю в вашем тоне... э-э... тень неодобрения?

Дерини тем временем извлек на свет склянку синего стекла и вытащил пробку.

— Если вам что-то и послышалось, милорд, то это отнюдь не то, что я в действительности имел в виду.— Поморщившись, он принялся разжимать зубы

Деклану, чтобы влить ему в рот успокоительное.— Но сейчас вам придется меня извинить. Чтобы лечение возымело действие, я должен проникнуть в его сознание. В это время мне не под силу поддерживать разговор...

— Эй, послушай-ка! — воскликнул Манфред.

Но Ориэль, не дожидаясь разрешения продолжать, обеими руками сжал виски Деклана и закрыл глаза. Голова его клонилась все ниже и ниже, он вошел в целительский транс. Никто не осмелился помешать ему.

Джаван наблюдал за ним с любопытством, регенты — с опаской и раздражением. Манфред наконец велел стражникам унести из комнаты Ричелис и погруженных в сон Драммондов, поскольку ясно стало, что Ориэль закончит не скоро. Чуть позже, когда стражники привели двоих младших детей Драммондов, Ориэль все еще стоял неподвижно над телом Деклана. Испуганных, хватающихся друг за друга, малышей солдаты препоручили заботам отца Лиора и Бартона. Завидев их, Таммарон отвел в сторону Хьюберта, но Джаван не мог разобрать, о чем они говорили.

— Да нужно ли это? — пробормотал Таммарон, косясь на хнычувшую Микаэлу.— Эти крохи, конечно же, ничего не знают.

Хьюберт, бросив взгляд на Ориэля, нахмурившись, уставился на Таммарона.

— Вы предлагаете, чтобы мы не допрашивали этих детей?

— А чего ради? — возразил тот.— Они явно ничего не видели и не слышали.

— Вероятно, так,— согласился Хьюберт.— Но я предпочел бы в этом убедиться. И нужно проверить, чистая ли у них кровь.

— Кровь? — хмыкнул Таммарон.— Ну, это уж слишком! Вы и правда, считаете, что они могут быть Дерини? Вы же видели их родителей!

— Мы видели, как проверили их мать и ее супруга,— поправил Хьюберт.— Если только Джеймс Драммонд, на самом деле, их отец.

Закатив глаза, Таммарон демонстративно вздохнул.

— А у вас есть основания считать, что это не так?

— Ни малейших. Более того, я думаю, это весьма маловероятно. Но это не невозможно. А Дерини коварны. Я бы не хотел, чтобы их отродье затаилось среди нас.

— Тогда пусть Лиор проверит их с помощью мераши, и покончим с этим,— вмешался Манфред.— Если они невиновны, то от этого снадобья они попросту погрузятся в сон.

— Хм, верно. И можно обойтись без помощи Ориэля.— Хьюберт задумчиво посмотрел на дрожащих детишек, а затем поманил их пальцем. Десятилетняя Микаэла, храбро вскинув головку, взяла брата за руку и подвела его к архиепископу. Девочка старательно присела в поклоне, а мальчуган нагнулся.

— Прошу вас, ваша милость, скажите, что случилось с нашими родителями,— спросила Микаэла.— нам никто ничего не говорит, а всю ночь вокруг были стражники...

— Не тревожься об этом, дитя,— пробормотал Хьюберт. Он погладил ее по голове, затем потрепал по щеке мальчика.— Ваши родители живы и здоровы. Вы с ними увидитесь чуть позже, когда ответите на наши вопросы.

— Какие... вопросы, ваша милость?

— Очень простые, дитя мое,— ласково отозвался архиепископ.— И мне нужны простые ответы. Если вы будете говорить правду, вам нечего бояться.— Потеребив украшенный самоцветами крест на широкой груди, от спросил,— Скажи мне, Катан, сколько тебе лет?

— Восемь, ваша милость,— ответил тот.

— Отлично. А ты уже прошел Первое причастие?

Мальчик кивнул, и Хьюберт тоже закивал, поджав розовые губки.

— Хорошо. Твоя сестра, я знаю, тоже, а это значит, что вы оба способны отличать добро от зла и знаете, что Господь накажет вас, если вы будете говорить неправду.— Его голубые глаза впились в Микаэлу.— Ты ведь знаешь, что бывает с маленькими лжецами, дитя?

Микаэла шумно слглотнула, нижняя губа ее задрожала, а синие глаза налились слезами.

— Они... они попадают в ад на веки вечные, ваша милость.

— Да, это правда,— с грустью подтвердил Хьюберт.— Но если вы скажете правду, вам ведь нечего бояться, верно?

— Да-да, ваша милость.

— Хорошо. А теперь, положив руку вот на этот крест, отвечайте на мои вопросы.— С этими словами он взял каждого из них за правую руку и прижал ладошки к своему кресту.— Помните, что вы поклялись на святых мощах, и если вы солжете, ангелы будут рыдать. Понимаете?

Мальчик и девочка робко кивнули.

— Отлично. Тогда вот мой первый вопрос. Вы знаете, что случилось прошлой ночью с вашей кузиной Гизелой?

Дети переглянулись, затем посмотрели на архиепископа.

— Она... умерла,— сказала Микаэла.

— А вы знаете, как это случилось? — продолжал Хьюберт.

Катан кивнул, распахнув глаза.

— Ее задушили подушкой,— произнес он заговорщически, тоном ребенка, который не вполне понимает, что такое смерть.

— Задушили подушкой, да? — повторил Хьюберт.— А откуда вы это узнали.

Микаэла шмыгнула носом.

— Мы... мы слышали, как стражники говорили об этом. Они сказали, что это сделал наш брат. Но Ансель никогда бы так не поступил! Это плохо! Очень плохо!

— Верно,— согласился архиепископ.— Полагаю, ни один из вас ночью ничего не видел и не слышал?

Конечно же, нет. Джаван был в этом уверен, как если бы читал мысли детей под чарами правды — хотя никогда не осмелился бы проделать такое, пока в комнате был Ориэль. По счастью, все вопросы Хьюберта лишь подтвердили их полную невиновность.

— Что ж, очень хорошо, дети мои. Ваши ответы меня полностью удовлетворили.— он сладчаво улыбнулся, отпуская их ручонки и осеняя обоих крестом.— Отец Лиор, полагаю, эти юные души достаточно настрадались за сегодня, к тому же, ночью им почти не пришлось спать. Мне кажется, вам следует дать им какое-нибудь снадобье, чтобы они могли отдохнуть?

Лиор с поклоном поднес два заранее наполненных кубка и протянул их детям. Микаэла застыла, покровительственно обнимая за плечи, и Катан вопросительно покосился на сестру. Губы девочки за-

дрожали, и она перевела взгляд со священника на архиепископа.

— Прошу вас, ваша милость, я не хочу спать, пока мы не увидим родителей,— прошептала она.— Если мы увидим, что с ними все в порядке, это будет куда лучше любых снадобий.

Улыбка мгновенно стерлась с лица Хьюберта.

— А мне бы хотелось, чтобы вы выпили лекарство, которое отец Лиор любезно приготовил для вас. Надеюсь, мне не придется заставлять вас силой?

— Но вы же сказали, что мы сможем увидеть родителей,— прохныкала Микаэла в слезах.— Вы обещали...

— Я говорил, вы увидитесь с ними позже,— ледяным тоном возразил архиепископ и, взяв кубки у отца Лиора, попытался вручить их детям.— И я сам решу, когда это будет. А теперь делайте то, что вам велят.

Джаван не смел шевельнуться, молясь про себя, чтобы Микаэла не вздумала закатить истерику. Но в этот момент его младший брат решил вмешаться.

— Не будь такой глупой, Мика.— Райс-Майкл взял кубки у архиепископа и сам протянул их детям.— Это для вашего же блага. Ты тоже выпей, Катан. Вы просто заснете ненадолго. Я видел ваших родителей. С ними все в порядке. И я вам обещаю, что вы с ними увидитесь, когда проснетесь — не позднее, чем завтра утром. Не так ли, ваша милость? — он обернулся к архиепископу.

К вящему изумлению Джавана, архиепископ лишь поклонился в ответ, но непонятно было, то ли он и впрямь предпочел уступить, то ли решил продемонстрировать Райсу-Майклу, что тот якобы имеет какую-то власть над регентами. О том, что, возможно, его младший брат теперь перешел в лагерь реген-

тов и действует с ними заодно, Джаван предпочитал не думать.

Впрочем, вне зависимости от того, что двигало Райсом-Майклом, с его помощью Хьюберт добился своего: хотя маленькие Драммонды морщились и прятали глаза, но все же взяли у принца бокалы и выпили настойку. Еще какое-то время принц дружески болтал с ними, но затем детишек явно начало клонить в сон; никаких других эффектов снадобья заметно не было. Как только они заснули, стражники, по приказу архиепископа, подхватили Микаэлу и Катана и отнесли в детскую. К этому моменту Ориэль, бледный и изможденный, как раз закончил с Декланом. Джаван заметил, что он побледнел еще больше, заметив, как стражники уносят прочь детей.

— Я избавил вас от нудного допроса младших Драммондов, — возвестил Хьюберт, которому явно не понравилось, как Дерини смотрит на него. Все остальные присутствующие также воззрились на Целителя и неподвижную фигуру у его ног. — Как там Кармоди? Он придет в себя?

Ориэль с глубоким вздохом скрестил на груди руки — и все равно заметно было, как они дрожат.

— Думаю, что да, ваша милость, однако я бы предпочел подержать его на сильных успокоительных еще пару дней. И прошу вас не поручать ему работы, как сегодня, еще хотя бы с неделю. Мы не можем выполнять подобные задачи до бесконечности, это слишком большое напряжение.

Манфред хмыкнул.

— А за себя ты не просишь, Ориэль? Боже правый, у тебя такой вид, что краше в гроб кладут!

— Я... прошу прощения, если мой вид оскорбляет ваши чувства, милорды, — пробормотал Целитель, не мигающим взглядом уставившись на сапоги Мердо-

ка.— М-мне нужно передохнуть. То, с чем я имел дело сейчас... это было очень нелегко.

— Капризничашь, Ориэль? — рявкнул Мердок.
Тот сглотнул.

— М-милорд, простите, но у меня еще осталась тень профессиональной гордости. Вы никогда не видели, чтобы я уклонялся от исполнения своих прямых обязанностей, когда они касались моего призыва Целителя. Однако...

Он потряс головой и сцепил руки под подбородком, пытаясь овладеть собой.

— Надеюсь, вы понимаете, милорд, в какое положение поставили меня, ведь если бы мне не удалось добром заставить Кармоди подчиниться, мне пришлось бы употребить силу, чтобы остановить его. Вы же ясно дали понять, что ожидает меня в том случае, если я не сумею его остановить, не так ли? И я был готов пойти на это!

— Таков твой долг,— невозмутимо отозвался Мердок.— точно также твоим долгом является исполнять все то, что приказывают тебе регенты, в обмен на лучшее отношение, нежели то, какому подвергаются остальные твои сородичи. Ты, как-никак, у нас на службе, и это был твой добровольный выбор.

— Да, милорд,— прошептал Ориэль.— Ибо лишь таким образом я мог обеспечить относительную безопасность своей семьи. Кроме того, я реалист. И я понимаю, что вы все равно нашли бы кого-то из Дерини для выполнения той работы, которую поручаете мне... но, возможно, он справился бы куда хуже. Я невластен над тем, как вы распоряжаетесь информацией, которую получаете с моей помощью, однако в моих силах проследить, чтобы, пока этим занимаюсь именно я, данная информация была по-

лучена от ваших подданных с наименьшим для них ущербом... насколько это возможно, милорд.

— Вот как, Ориэль,— прошипел Мердок, и глаза его недобро блеснули.— Если тебя что-то не устраивает в твоей работе...

— Да оставь же его в покое! — с раздраженным вздохом проворчал Таммарон, скрестив руки на груди.— По мне, так Ориэль на сегодня вполне доказал нам свою преданность, и при весьма скверных обстоятельствах. Ты разве не видишь, как он измотан? Довольно и того, что ты довел Кармоди до срыва!

— Кармоди это заслужил,— возразил Мердок,— а Ориэль, как я погляжу, тоже начал дерзить...

— А я сказал — довольно,— перебил его Хьюберт.— Невзирая на вашу стычку с Кармоди, мастер Ориэль показал, что верен нам, и мне все равно, что им двигало в тот момент. С нашей стороны было бы мелочно и недостойно требовать от него чего-то сверх этого, просто чтобы доказать нечто, что в доказательствах не нуждается. Ориэль, ты можешь быть свободен до конца дня, и я прослежу, чтобы на той неделе тебя использовали пореже. За это время ты должен привести в чувство мастера Кармоди. И я хочу, чтобы ты докладывал мне дважды в день, как он себя чувствует. К концу недели мне нужно, чтобы вы были оба готовы приступить к работе.

— Благодарю вас, ваша милость,— пробормотал Ориэль с низким поклоном.— Я сделаю все, что в моих силах. Но... должен сказать, я не обещаю, что к этому времени Кармоди до конца оправится.

— А я прослежу, чтобы это случилось,— резко парировал Мердок.— Если Дерини неспособен исполнять свои обязанности, он нам не нужен, да и семье от него мало проку...

— Милорд...— Ориэль пришел в ужас.

— И довольно пререкаться,— отрезал Мердок.— Архиепископ Хьюберт и без того был слишком щедр. Стража, помогите мастеру Ориэлю оттащить Кармоди в его покой.

На том все и закончилось. Стражники, Ориэль и Деклан покинули комнату. Джаван, съежившись, застыл на своем стуле, рядом с Алроем, тревожно косясь на Райса-Майкла, беззаботно болтавшего со священниками; регенты собирались кучкой посреди залы, что-то оживленно обсуждая. Алрой был бледен и изможден, казалось, он вот-вот лишился чувств. Джаван, наблюдая за архиепископом, который принял расхаживать взад и вперед по комнате, постарался сделаться как можно незаметнее.

— Полагаю, вы все отлично понимаете, что у нас есть заботы посерьезнее, чем просто выяснить, каким образом и отчего умерла эта Мак-Лин,— произнес наконец Хьюберт, и что-то в его голосе дало Джавану понять, что архиепископ доподлинно осведомлен о причинах ее смерти.— Больше всего меня тревожит то, что Дерини ухитрились беспрепятственно проникнуть во дворец. Одному Богу ведомо, как давно это могло продолжаться.

— Ну, по крайней мере, через этот Портал они больше не пройдут,— объявил Мердок, присаживаясь на ручку кресла короля с небрежно-хозяйским видом, от чего Джаван пришел в бешенство; впрочем, Алроя этот жест, похоже, никак не задел.— Я поручил каменщикам полностью заложить весь коридор. Если какой-нибудь Дерини попытается туда проникнуть, его ждет потрясение... надеюсь, смертельное.

Джавана передернуло при мысли, что могло бы случиться, если бы Тавис или кто-то еще и впрямь попробовали воспользоваться Порталом. Таммарон добавил задумчиво:

— Гм-м, все это очень хорошо, но как мы можем быть уверены, что этот ход был единственным? Мы знаем, что был еще один в кафедральном соборе, и Дерини сами уничтожили его, но вдруг остались и другие Порталы?

Хьюберт кивнул.

— Именно об этом я и подумал. И поэтому предлагаю, как только погода переменится, чтобы мы переместили двор в Ремут. Этот дворец очень старый, государь, — добавил он, заметив, как скривился Алрой. — Пять деринийских королей правили здесь во время Междуречия, а с ними еще невесть сколько колдунов... Кто знает, какой древней зловещей магией напичкан весь этот замок? К тому же, в Ремуте нам будет гораздо удобнее, ведь работы там уже почти подходит к концу.

Да, регентам там, конечно, будет удобнее, подумал Джаван, слыша, как радостно те перешептываются при этих словах архиепископа. Однако ему эта мысль не пришла по душе. Конечно, в Ремуте тоже могут быть Порталы, но он понятия не имел, где именно.

Впрочем, тот единственный Портал, что еще оставался в Валорете, тоже был бесполезен, поскольку находился в апартаментах Хьюберта. Тавис рассказывал, что ему пришлось воспользоваться этим ходом для бегства в тот ужасный день, когда погиб Райс. Но Джаван не знал ни его точного местоположения, ни, вообще, способен ли он задействовать Портал в одиночку. Да и вообще, мысль о том, чтобы проникнуть во дворец архиепископа в поисках Портала, граничила с самоубийством. Если его обнаружат, он может лишиться свободы, места в престолонаследии, или даже самой жизни. Ведь из всех принцев он был самым ненужным, тем, кем легко можно пожертвовать.

вать... а если он станет чинить слишком много проблем регентам, те не колеблясь избавятся от него.

— И как скоро мы отправимся в путь? — спросил Алрой.— Снег еще очень глубокий.

— Через месяц-полтора,— отозвался Хьюберт.— Уж конечно, до Великого Поста. Времени как раз хватит, чтобы подготовиться к переезду.

— Меня это вполне устроит,— с улыбкой поддержал его Мердок.— На юге охота куда лучше.

Джаван был уверен, что он говорит не только об охоте на диких зверей.

— Верно,— согласился Таммарон.— Признаюсь, мне порядком поднадоело в Валорете, а в Ремуте, и в самом деле, гораздо удобнее. Моя жена будет в восторге.

Манфред откашлялся, пряча усмешку.

— Ах да, супружеская гармония... И кстати, если уж мы заговорили об этом... неплохо бы узаконить еще некоторые решения в течение ближайших месяцев. Давайте поговорим о леди Ричелдис.

— Что ты имеешь в виду,— поинтересовался Хьюберт. Айвер вмиг подобрался и отлепился от стены, подходя поближе.

— Ну, при обычных обстоятельствах я не стал бы торопиться еще год-другой, поскольку девочке всего двенадцать лет, но, полагаю, события прошлой ночи ясно доказали, что опекуны не сумели обеспечить своим воспитанницам должную безопасность... пусть даже мы и удостоверились, что они лично неповинны ни в каких злодеяниях.

Таммарон поднял брови.

— Ты предлагаешь передать опекунство кому-то другому?

— Не только опекунство, но и ее руку,— поправил его Манфред.— Вы наверняка заметили, как сильно

мой сын привязался к этой малышке.— Айвер, по крайней мере, сумел изобразить смущение, когда отец приобнял его за плечи.— Предлагаю, чтобы свадьбу сыграли незамедлительно, как только это будет возможно, чтобы земли Мак-Линов перешли в те руки, которые смогут их надежно удержать.

— Но ведь ее дядя еще жив,— выпалил Алрой, нахмурившись.— И по-моему, такая спешка неприлична, ведь ее сестра только вчера скончалась!

— Ого, сир, да вы, похоже, сами на нее глаз положили? — Мердок гнусно захихикал, и Алрой побагровел от досады.— Я и не знал, что вы так серьезно настроены.

Айвер подавился смешком, а Хьюберт закашлялся.

— Ладно, все это еще успеется,— пробормотал архиепископ.— Впрочем, я согласен, что свадьба должна состояться лишь после того, как пройдет положенное время траура. Возможно, это событие стоит сделать нашим первым празднеством по переезде в новую столицу? Полагаю, ваше величество не станет возражать?

После тех насмешек, которым он только что подвергся, Алрой, конечно же, не решился сказать ни слова поперек. Промолчал и Джаван, хотя был без тени сомнения уверен, что либо сам Айвер, либо, скорее, его отец, приложили руку к гибели Гизелы... или еще кто-то из регентов. О, конечно, не самолично — грязную работу выполнил кто-то из слуг, пока его покровители благополучно удалились из замка, но тем не менее, именно семейство Манфреда оказалось в выигрыше.

Бедняжка Ричелдис, которой придется вступить в брак с этим негодяем Айвером Мак-Иннисом. Но

Джаван никому не выдал своих подозрений, хорошо понимая, чем рискует в таком случае.

Вот почему он промолчал и открыл рот, лишь чтобы вежливо поздравить Айвера Мак-Инниса с грядущим торжеством. Ему очень хотелось узнать, о чем беседовал с отцом Лиором архиепископ, когда все остальные разошлись для дневной трапезы. Он узнал об этом через неделю — когда регенты провернули самый крупный переворот в истории страны, если не считать того дня, когда они сместили Элистера Келлена с поста архиепископа. Регентами был учрежден новый религиозный орден, призванный заменить михайлинцев.

Глава тринадцатая

Горе им, творящим законы неправедные и насаждающим беззаконие¹

Архиепископ Хьюберт говорит, это будет замечательный орден,— возбужденно сообщил Райс-Майкл брату на входе в собор, в это промозглое февральское утро.— Михайлинцы рядом с ними поблекнут. Погоди, ты еще узнаешь все подробности!

Джаван, в свою очередь, был бы рад понять, откуда эти подробности заранее стали известны его младшему брату, но не решился расспрашивать его и молча последовал за Райсом-Майклом и Алроем по центральному нефу церкви. Регенты с семьями толпились вокруг, в любопытством прислушиваясь к разговору братьев, за ними следовали полдюжины пажей, большинство из которых, Джаван знал, также хранили верность регентам, а не принцам, своим хозяевам.

Впрочем, чего-то подобного давно следовало ожидать. Эти алые с золотом пояса он видел и раньше, обладатели их попадались на глаза все чаще за последнее время, и они явно были в чести у архиепископа.

¹Притчи 10:1

— Где же они собираются всех разместить? — шепотом спросил Алрой, когда они прошли на хоры, где было отведено место для короля и его братьев.

Окидывая взором толпу в соборе, Джаван мог лишь пробормотать:

— Хороший вопрос.

Это вызывало надежду, что вновь создаваемый орден окажется очень немногочисленным.

— По крайней мере, у нас лучшие места, — бодро отозвался Райс-Майкл, преклоняя колена рядом с Алроем и косясь на алтарь. — Церемония должна быть очень пышная. Но, похоже, будет тесновато.

В самом деле, по ряду причин праздник Сретения Господня — на который приходилось также торжество Очищения Святой Девы — мало подходил для создания нового религиозного учреждения. Во-первых, в этот день служба была гораздо длиннее, но должны были еще благословлять свечи на весь будущий год, а это очень изматывающий обряд, требующий много места и времени. Джаван сильно сомневался, что все это закончится хотя бы к полудню. За алтарем, в коробках и связках уже лежали сотни свечей, от высоких и изящных, для украшения алтаря, до самых простеньких, какие возжигали у образов молящиеся. Их медовый аромат наполнял всю церковь.

Мердок, Таммарон, их жены и дети восседали напротив принцев и не спускали с них глаз. Там же находился и Ран Хортнесский с молодой супругой, вернувшись наконец из путешествия; с ними сидела также темноглазая девушка, кажется, его дочь от первого брака. Новоявленный граф Шиильский, казалось, был гораздо больше занят своей женой, нежели происходящим в соборе, но Джаван был уверен, что

от его внимания мало что может ускользнуть. Да, с возвращением Рана все еще более усложнится...

В рядах королевских пажей, окружавших принцев, Джаван заметил юного Катана Драммонда; за ними разместился Манфред с семейством, и Микаэла Драммонд была в свите его жены леди Эстеллан. Родителей же Катана и Микаэлы нигде не было видно. Похудевшая и печальная Ричелдис Мак-Лин, все еще в трауре, сидела, зажатая между будущей свекровью и своим нареченным: об их грядущей свадьбе официально было объявлено в прошлое воскресенье.

По ходу службы ничто не намекало на то, что сегодня должно состояться некое торжественное событие, однако Джаван ощущал присутствие большого числа людей в боковом приделе, за алтарем. Рассвет едва проник в окна собора, когда в свои владения вступил пышно разряженный архиепископ Хьюберт, в сопровождении епископа Эйлина Мак-Грегора и нескольких других священников, которых Джаван не знал в лицо. На Хьюберте была пурпурная риза, богато расшитая золотом. Мак-Грегор почти не уступал ему в богатстве облачения. Остановившись перед алтарем, архиепископ затянул начальную молитву.

— *Dominus vobiscum.*

— *Et cum spiritu tuo,* — отозвался хор.

— *Oremus. Domine sancte, Pater omnipotentes, aeterni Deus, qui omnia ex nihilo creasti...* Святый Боже, Отец Всемогущий, Господь вечный, все из ничего сотворивший, твою волею стал этот воск... нижайше молим тебя... благослови эти свечи на службу людям... Сделай так, чтобы их свет разогнал тьму ночную, и пусть так же сердца наши горят огнем Духа Святого, очищенные от всякого греха...

Моления о благословении свечей были долгими и повторялись трижды. Джавану казалось, все это тягнется уже целую вечность, но еще более он страшился того, что должно последовать дальше. Когда Хьюберт закончил молиться, он трижды обрызгал свечи святой водой, а хор затянул *Asperges me*. Потом архиепископ трижды воскурил свечи, и пронзительный аромат благовоний смешался с запахом меда, вызывая у Джавана неодолимое желание чихнуть.

Ненадолго воцарилось молчание: Хьюберт передал кадило и на время поменялся местами с Мак-Грегором, который взял в руки одну из больших освященных свечей. Ее, под пение хора, он поднес архиепископу, и тот зажег свечу с помощью кресала, поднесенного дьяконом, а затем принялся совершасть поклоны алтарю.

После этого Хьюберт с Мак-Грегором принялись оделять свечами клир рангом пониже. Все священники поочередно преклоняли колена перед архиепископом и целовали свечи, а затем возжигали их от той, что в руках у Мак-Грегора.

Однако затем, вместо того чтобы удалиться торжественной процессией, священники выстроились за епископским троном. Он сел, похожий на статую в своем негнущемся облачении, и капеллан возложил ему на голову митру, сверкавшую в огнях мириадами самоцветов.

Вперед выступил распорядитель церемоний, в ризе попроще; в руках он держал свиток, на котором болталось с полдюжины восковых печатей на разноцветных шнурах. За ним на хоры потянулись из бокового придела одетые в черное монахи. Их возглавлял высокий сухопарый человек лет пятидесяти, шествовавший босиком, и также весь в черном. Он распростерся у ног Хьюберта, а вся братия опусти-

лась за ним на колени. Джавану лицо этого мужчины показалось смутно знакомым, но он никак не мог вспомнить точно, где его видел, зато отца Лиора и Бартона среди прочих опознал безошибочно.

По-прежнему стоя на коленях, монахи слушали, как церемониймейстер начал читать свою грамоту:

— *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti, Amen. Salutem in Domine, omnes gentes...*

Начало было совершенно невинным, со всеми положенными латинскими словами, которые открывали любой официальный документ, однако вскоре тон изменился.

— Итак мы, Хьюберт Джон Уильям Валериан Мак-Иннис, архиепископ Валоретский и примас всего Гвиннеда, в соответствии с волей и пожеланиями нашего Совета в Рамосе, дозволяем, учреждаем и основываем новый религиозный орден, под нашим особым покровительством. Именем ордена будет *Custodes Fidei* — Защитники Веры, и цели его будут триедины.

Во-первых, дабы учение Матери-Церкви передавалось в соответствии со священным писанием и церковным уставом, и не запятнала его ересь, в особенности, ересь Дерини, Ордену будет поручен надзор за образованием по всей стране — от младших школ до университетов и семинарий — под личным покровительством и надзором Старшины ордена.

Во-вторых, дабы сохранить чистоту рядов священства и не дать проникнуть деринийской заразе, как указано в Рамосских уложениях, ордену будет поручено вести прием кандидатов во все прочие религиозные ордена и использовать любые доступные средства для утверждения доброй воли послушников. С этой целью все семинарии и учебные заведения для священников и прочих служителей церкви

передаются под начало *Custodes Fidei*, и временно прекращается рукоположение в сан по всей стране, на период не более шести месяцев. За это время новый орден должен будет привести обучение во всех семинариях в точное соответствие с Рамосскими уложениями, дабы уже к следующему Празднеству урожая, во второй год правления нашего владыки короля Алроя, могли быть восстановлены одобренные семинарии и обучение священников возобновилось к вящей славе Божьей.

В-третьих, дабы Мать-Церковь не оказалась лишена защиты своих христианских рыцарей, действующих во славу Господа, как длань его на этой земле, мы учреждаем под-орден рыцарей *Equites Custodes Fidei*, которые будут жить по монашеским установлениям и подчиняться непосредственно Примасу, через главу ордена и верховного настоятеля.

В знак особой расположенности к новому ордену в глазах Короны, милостью короля *Custodes Fidei* было даровано право носить двойной алый с золотом пояс, цветов Хаддейнов, как символ единства власти мирской и церковной. И хотя все члены ордена будут носить черные рясы в знак того, что они мертвы для всего земного, накидки их будут алыми, дабы все помнили о том, что им покровительствует сам владыка Гвиннеда.

Символом же ордена станет *gules*, крылатый золотой лев, *sejant guardant*, окруженный золотым ореолом, держащий меч в протянутой лапе, в знак того, что орден обязуется зорко стоять на защите святой Веры...

...Было еще много чего, большей частью, перечислялись земли и владения, отходящие новому ордену, но Джаван уже не вслушивался. Теперь он начал понимать, каким образом регенты намеревались пре-

творить в жизнь рамосские постановления, в особенности что касалось запрета для Дерини принимать священный сан.

По одному члены нового ордена стали приносить клятву архиепископу, и первым Хьюберт поднял с колен их главу — Полина Рамосского, который прежде был епископом Стэвенхемским, но сложил с себя полномочия ради того чтобы возглавить *Custodes*. Не удивительно, что лицо его показалось Джавану столь знакомым.

Поверх пояса из переплетенных золотых и алых шнурков архиепископ повязал ему пурпурный кушак. На плечи надели черный плащ на алоей подкладке, с застежкой в виде львиной головы на горле; такой же знак красовался у него и на левом плече. Золотой лев также украсил собой жезл, символ власти главы ордена, и Джавану подумалось, что меч в лапе хищника столь же смертоносен, как и сам Полин. Никаких сомнений, уж если он решился оставить пост архиепископа ради нового назначения, это могло означать лишь то, что в будущем орден обретет огромную власть.

Вслед за Полином принесли обеты и все прочие. Некий Марк Конкенон стал канцлером, ведающим всеми семинариями; этот человек, как всем было известно, ненавидел Дерини. Высокий тощий монах, брат Серафин, сделался главным инквизитором, а отец Лиор — его помощником. Джаван содрогнулся, увидев это.

Во главе рыцарей ордена Полин поставил своего брата, бывшего графа Тарлетонского, бывалого воину, который всего пару дней назад уступил графский титул своему сыну и принял сан под именем Альберта.

К присяге привели затем членов ордена рангом пониже: около сорока человек монахов и не меньше сотни служилых людей дали обет бедности, целомудрия и послушания. Все они стали рыцарями *Custodes* и получили черные плащи с алым крестом и головой льва, а также белые кушаки, на концах окрашенные алым. Джаван подумал невольно, что это выглядит так, будто пояса их испачканы в крови — насмешка над самыми святыми принципами рыцарства. К тому же, в своих черно-алых плащах *Equites* донельзя напоминали хищных птиц.

И наконец, ни малейших сомнений в целях и задачах нового ордена не осталось, когда Хьюберт призвал рыцарей преклонить колена и произнес над ними Благословение Меча, тем самым заранее даря прощение за все грехи. Обычно подобное благословение давалось воинам во время войны и означало, что они могут безнаказанно убивать врагов на поле боя, и это не будет считаться грехом. В мирное время подобное было неслыханно, и, по мнению Джавана, могло означать лишь подстрекательство к расправам над Дерини — ибо в глазах регентов именно они являлись единственным истинным врагом державы и средоточием зла.

К несчастью, предотвратить все это Джаван был не в силах. Он попробовал заговорить об этом с Алроем, пока новоиспеченные рыцари получали из рук архиепископа свои свечи, но король искренне не мог понять, что же так тревожит его брата. То же самое и Райс-Майкл... впрочем, едва Джаван обратился к нему, как Манфред тут же зашикал на него, и принц тут же присмирел, застыв на месте. Однако мысли его продолжали бурлить.

Тем временем, *Custodes* удалились не в боковой придел храма, где стояли прежде, а выстроились в

две шеренги по центральному нефу, образуя нечто вроде почетного караула,— ибо прерванный обряд благословения свечей теперь возобновился, и ожидалось, что миряне, начиная с короля и принцев, теперь подойдут к алтарю, дабы также получить свечу из рук архиепископа.

Джаван знал заранее, что ему придется пройти через это и готовился преодолеть отвращение, целуя пухлую розовую руку Хьюберта, но вот к чему он оказался совершенно не готов, так это к тому, насколько тяжело ему дался путь к алтарю, между двумя рядами *Custodes*, буравивших его взглядами. Разумеется, они не могли знать, как он относится к ним, однако когда глаза инквизитора брата Серафина остановились на нем, Джавану показалось, что еще немного, и он лишится чувств. С огромным трудом он дохромал до алтаря и опустился на колени у ног архиепископа.

Рука Хьюберта была влажная и мягкая, да еще он вздумал возложить ее каждому из принцев на голову в знак благословения, после того как они совершили лобзание и приняли свои свечи, и Джавану с трудом удалось скрыть отвращение. Тем не менее, он искренне попытался настроиться на благочестивый лад, когда епископ Мак-Грегор зажег его свечу; но на обратном пути сделал вид, будто чихает, чтобы иметь возможность вытереть рот и нос рукавом... символическое очищение после того, как пришлось дотронуться до Хьюберта.

Вернувшись на место, он опустился на колени, и пока бесконечный поток верующих тянулся к алтарю, Джаван попросил прощения у Господа за то, то мог проявить непочтение к его дарам... но не к дарителю! Вслушиваясь в песнопения монахов, он попытался впустить в свое сердце свет веры.

— *Exsurge, Domine, adjuva nos: et libera nos propter nomen tuum...* Восстань, Господи, и освободи нас, во славу Твою...

Но даже это не могло даровать покой душе Джавана. Он не сводил глаз с Полина, помогавшего Хьюберту служить мессу, и с рыцарей, преклонивших колена в центральном нефе. Привычный обряд на сей раз показался ему пустым и лишенным смысла, и он пожалел, что вынужден подойти к причастию, ибо был сейчас явно не в том состоянии духа, чтобы получать Святые Дары. Сердце его было объято гневом.

Потом, когда служба наконец закончилась и Алрой со свитой покинул собор, чтобы присутствовать на пиршестве во дворце архиепископа, стало еще тяжелее, поскольку пришлось притворяться, будто он, подобно всем окружающим, одобряет происходящее. Женщины не допускались на торжество, и из мирян присутствовали лишь король с братьями.

День тянулся бесконечно. У Джавана ныли ноги, ведь он все утроостоял на коленях. За столом его усадили между Таммароном и канцлером нового ордена. Ни тот, ни другой не уделяли принцу внимания, он выпил поневоле слишком много вина, и потому у него еще и разболелась голова.

Единственное, что можно было найти во всем этом хорошего, так это лишь то, что он сумел посетить во дворце архиепископа те покой, где никогда не бывал прежде — это было жизненно важно, если он все же надумает рискнуть и отправиться на поиски Портала... о существовании которого сам Хьюберт даже не подозревал. События сегодняшнего дня были настолько важны, что Джавану стало жизненно необходимо связаться со своими союзниками-Дериини — прежде чем его отправят в Ремут.

Увы, сегодня это не представлялось возможным, однако в мозгу Джавана уже начал созревать некий план, как получить доступ во дворец и, самое главное, в апартаменты Хьюберта. Следовало все хорошенько обдумать и взвесить. Возможно, опасностью, действительно, стоило пренебречь...

Глава четырнадцатая Ибо сила твоя в праведности¹

бо всем этом Дерини, друзья Джавана, разумеется, не имели пока ни малейшего представления. Из-за убийства Гизели Мак-Лин они лишились доступа к единственному Порталу, благодаря которому могли встречаться с принцем, однако на сегодняшний день это казалось им не самым важным. Убедившись, что Ансель вне опасности и разрешив проблему с Тиегом, ближайшие две недели они посвятили подготовке Сильвена О'Салливана к его миссии — ибо теперь именно от него зависел успех всего замысла с Реваном.

По счастью, как только Сильвен пришел в себя от изумления после всех недавних открытий, он оказался способным и старательным учеником. С ним занимались не только Тавис и Кверон, но и Джорем, Ниеллан и даже Ансель, так что его познания в Целительстве, равно как и в прочих дисциплинах, значительно углубились и возросли. Это было огромным достижением для Целителя, который прежде занимался лишь практическими задачами и работал исключительно с ранеными на поле боя.

— Значит, Ревану уготовлена просто роль приманки, — спросил однажды Сильвен у Кверона на одном из первых занятий. Они как раз сделали перерыв по-

¹ Мудрость Соломона 12:16 (Апокриф.)

сле утомительной тренировки и отдыхали за кувшином подогретого вина, которое принес Кверон.

Тот протянул Сильвену дымящуюся чашу.

— Верно, однако нельзя недооценивать, какое влияние на окружающих может иметь одаренный человек. Тем не менее, именно вам с Тависом придется поддерживать его во всем, поскольку Реван способен выдержать любой допрос — а вы нет.

— Ты говоришь о мераше?

— Да. Похоже, сейчас она стала излюбленным испытанием у наших противников. Уверен, что *Custodes Fidei* за многое придется держать ответ, когда они наконец предстанут перед Господом. Тем не менее, от мерashi мы никак не сможем вас защитить, если только не заблокировать ваши способности.

— Но тогда Ревану от нас не будет никакого про-
ку, — возразил Сильвен.

— Вот именно. Поэтому мы бы предпочли, чтобы вы держались в тени и не попадались на глаза власть предержащим — в том числе и Реван. Ибо помимо мерashi и других снадобий, я не удивлюсь, если *Custodes* с готовностью прибегают и к более простым способам — например, к пыткам, если это требуется им для достижения цели.

Сильвен поморщился.

— Ну, с этим я могу справиться, если нужно. Куда больше меня тревожит эта аналогия с Иоанном Крестителем. Боюсь, мы тут впадаем в святотатство... если, вообще, не в ересь. Конечно, мне недостает образования, чтобы спорить с тобой или Джоремом, — он дружески ухмыльнулся собрату-Целителю. — За последние пару дней вы наглядно доказали мне, насколько ущербно образование, которое дают варвары, во всем, что не касается чисто практических задач. И все же мне представляется, что с религиоз-

ной точки зрения мы идем на огромный риск, прикрывая идеями крещения блокирование Дерини.

Кверон с улыбкой подул на вино, чтобы остудить его.

— Если смотреть на это как на замену христианского крещения, то ты совершенно прав. Однако само понятие крещения не является чисто христианским. Нам известно, что во времена Христа этот обряд совершали множество сект. И далеко не всегда он имел столь же сакральный смысл, что и в наши дни.

— Как так?

Кверон пожал плечами.

— Ну, я мог бы процитировать тебе целый ряд первоисточников, часть из них знакома даже варнритам... но лучше поверь мне на слово. Как один только пример — пророк Нафан предписывал совершать крещение для очищения. Это во Второй Книге Царств. И все четыре евангелия говорят о крещении Иоанна, почти одними и теми же словами, как о символе внутреннего покаяния и отпущения грехов.

— Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное,— поспешил процитировать Сильвен.

— Верно,— поддержал его Кверон.— Браво, варнриты! И еще Иоанн сказал: Я крещу вас в воде, но Идущий за мной сильнее меня, он будет крестить вас Духом Святым и огнем.

— Значит, мы просто пока избегаем крестить Святым Духом и огнем? — усмехнулся Сильвен.

Хмыкнув, Кверон приветственно поднял свой кубок.

— Что-то в этом роде — хотя, согласен, это очень тонкое равновесие. С одной стороны, нам требуется вернуться к древнейшим традициям и создать некий обряд, который не вызвал бы неприятия и у самых

консервативных иерархов Церкви, а с другой, заставить людей поверить в его благотворное воздействие. Теперь понимаешь, почему леди Ивейн столько просиживает над древними манускриптами?

Благодаря этому разговору, у Сильвена развеялись последние сомнения, и он со всей душой отдался их замыслам. Он и сам теперь высказывал новые идеи, а однажды предложил, чтобы именно ему работать вместе с Реваном — поскольку Тавис, с его покалеченной рукой, уж очень приметная фигура.

— Ты хоть понимаешь, как сильно рискуешь, — спросил его Тавис, когда новобранец повторил свое предложение в третий или четвертый раз. — Пока ты еще свободен и можешь вернуться в Тревалгу с Джессом и Грегори. А если примешь участие в нашей затее с Реваном, и соглядатаи регентов выведут нас на чистую воду, тебя ждет смерть, как и всех нас.

Сильвен лишь засмеялся в ответ.

— А почему ты решил, что один имеешь право рисковать собой? К тому же, я попаду в отличную компанию. Ради этого, Тавис, можно и пойти на смерть.

... Что касается Ивейн, то, помимо забот с Тависом, Сильвеном и другими, она наконец нашла время заняться и своими делами, о которых не знал никто, кроме Джорема. По счастью, теперь она была уверена, что Сильвен исполнит отведенную ему роль, и никому не придет в голову задействовать Тиега; кроме того, малыш теперь не представлял опасности, ибо нежелательные способности его были под надежным замком — так что Ивейн получила небольшую передышку и занялась поисками в архивах каких-либо сведений, что могли бы помочь дочери Камбера вернуть отца в мир живых.

Логичнее всего было начать с тех документов, что остались в Шииле. Они с Анселем успели спрятать там множество самых ценных манускриптов перед бегством в монастырь святой Марии. Их необходимо было забрать оттуда, прежде чем новый владелец замка въедет в свои владения. Пока что Ран Хортнесский был в Валорете, поглощенный празднествами и молодой женой, а в Шииле оставался лишь небольшой гарнизон верных ему рыцарей. Ивейн не сомневалась, что им и в голову не придет занять хозяйские апартаменты — а именно там и находился Портал и были спрятаны искомые фолианты.

Как только Ансель вполне оправился после ранения, они вдвоем отправились туда в самый темный час после полуночи, когда большинство обитателей замка погрузились в сон, а стража, наверняка, утратила бдительность. Как они и надеялись, в комнатах не было ни души. Правда, пришлось пережить пару неприятных секунд, когда в коридоре внезапно раздались шаги и кто-то подергал дверь... но никто не вошел. Пока Ансель доставал из тайника манускрипты, Ивейн стояла на страже, готовая отразить любую опасность. Одновременно она отмечала, как многое изменилось здесь в угоду новому хозяину. Теперь это было совсем не то место, где они были так счастливы с Райсом.

Исчезли тома по медицине, которые он заботливо собирал столько лет, особенно те, что касались Целительства. Не было также больше и книг Дерини — сборников поэзии, исторических трактатов, сочинений Паргана Ховиккана, драгоценного свитка лэ лорда Ллевелина... в общем, ничего, имевшего хоть какое-то отношение к Дерини. Пепел в очаге, как Ивейн убедилась, хранил свидетельства того, что стались с этими сокровищами, — вид обуглившегося пе-

реплета тончайшей кожи заставил ее глаза наполниться слезами, ибо для Ивейн сжечь книгу, любую книгу, было худшим из грехов.

Но сейчас было не время предаваться скорби и негодованию. Ансель уже окликнул ее. Тайник был вновь надежно закрыт, а содержимое надежно уложено в мешок. У Ивейн ушло несколько недель, чтобы разобраться со спасенными сокровищами, в то время, пока остальные были заняты обучением Сильвена.

Неоценимый вклад внес также епископ Ниеллан, который вынужден был навсегда покинуть осажденную Дхассу, и привез с собой несколько сундуков бесценных томов, посвященных искусству Дерини, которые непременно попали бы в огонь, когда войска регентов взяли бы город. Большинство текстов были давно знакомы Ивейн, однако нашлось и нечто неожиданное: ряд манускриптов, посвященных первым дням существования варнаритской школы в Грекоте. Часть касалась повседневной рутины и представляла лишь небольшой интерес, однако там имелись и выдержки из лекций известнейших грекотских ученых, включая и самого Орина. И еще один сверток на самом дне, с зеленой восковой печатью, вокруг которой было что-то написано...

— Посмотри, Джорем,— с восторгом воскликнула Ивейн, бережно придерживая находку кончиками пальцев.— Похоже, к нему никто не прикасался долгие годы... если не века.

Джорем, помогавший сестре составлять каталог находок, придвинулся ближе.

— Что это за печать? Ты знаешь?

— Не уверена. Надпись выглядит как-то странно — ах, нет, она перевернута. Может, отпечаток монеты?

Джорем провел по печати пальцем, затем взглянул поближе.

— Хм, по-моему, ты права. Напоминает одну из тех странных монет-медальонов, одна из которых в свое время помогла нам отыскать Синхила. Будь у меня возможность попасть в обитель святого Лиама, я бы посмотрел там в архиве.

— По краю какая-то надпись,— заметила Ивейн. Она потянулась за кувшинчиком, где хранились сухие кисти и сощурилась, пытаясь разобрать латынь.— Может, это нам позволит понять, с чем мы имеем дело. Ты не подашь мне кисть?

Под пристальным взором Джорема она счистила слой пыли со свитка, и теперь стала видна надпись, сделанная выцветшими коричневыми чернилами, образовывавшая два кольца вокруг зеленой печати.

Hoc est sig Jod Carneddi fil luc soc Orini mag. In hoc sig minist altissimi sacra sum. Dmna ang ora pro me.

— О, Боже,— выдохнула Ивейн.— Тут говорится, что сия печать принадлежит... да это же Иодота Карнедская, Джорем! Да! «Дочь Света, помощница Великого, или Мастера, или Мага...» это зависит от того, прочитаем ли мы *mag* как *magni* или *magi*... Господи, неужто это она сама написала?

Джорем улыбнулся.

— Так тебе наконец попало в руки нечто от твоего кумира детских лет? Я рад за тебя.

— Не только за меня,— весело отозвалась Ивейн, продолжая переводить надпись дальше.— Иодота была Целительницей, как будет и Иеруша. Какое наследие для моей малышки!

— Надеюсь, ты осознаешь, что там внутри вполне может находиться список покупок для управляющего, с указанием, сколько покупать хлеба, и сколько

эля сварить к ужину? — подколол ее Джорем, хотя видно было, что и он вполне разделяет восторг сестры.— Что там дальше?

— Джорем Мак-Рори, это не список покупок,— торжественно объявила она и широко улыбнулась.— Так, посмотрим... «Сим знаком я была служению Высочайшему...» *sacratu*... связана? Обручена?

— Скорее, это означает «посвящена», по-моему,— отозвался Джорем.— А что там в конце? «Владычица Ангелов, молись за меня». Хм, так она была религиозна?

Ивейн, сосредоточившись, потерла виски.

— Насколько мне известно, нет — но ведь мы толком ничего не знаем ни о ней, ни об Орине. По крайней мере, ничего не известно, занимал ли кто из них какие-то посты в иерархии Церкви.

— Давай посмотрим, не прольет ли содержимое какой-то свет на все эти загадки,— предложил Джорем.

Они попытались снять печать, не повредив ее, однако края тут же начали крошиться, и им пришлось прерваться, пока Джорем зарисует ее целиком на память,— и правильно, потому что воск рассыпался окончательно, когда они наконец сняли его, чтобы развернуть сверток. Внутри оказались записи нескольких лекций, прочитанных Иодотой в варнаритской школе, а также собственноручно написанный ею документ, под которым красовалась печать ныне давно забытой школы Целителей в Портре.

— Однако для наших нынешних поисков тут нет ничего полезного,— сообщила Ивейн разочарованно.

Позднее, при более тщательном изучении документов, они обнаружили намеки на то, что все самые ценные книги варнаритской библиотеки были спрятаны в каком-то скрытом месте, когда школа

перебралась в Грекоту. Но нигде не обнаружилось даже самого туманного указания, где же искать этот тайник. Джорем перечертил изображение печати со свитка в перевернутом виде, так что теперь они увидели, как выглядела эта загадочная монета — и Кверон уверенно заявил, что знак этот принадлежит *Templum Archangelorum*, давно разрушенному аббатству, имевшему очень древние корни и занимавшемуся самыми тайными науками. Однако Джорем с Ивейн до сих пор не решились посвятить Кверона в свою тайну и потому не рисковали расспрашивать его подробнее.

Тем временем Кверон и Тавис продолжали работать с Сильвеном, оттачивая свое искусство и приемы блокирования, и вот наконец к середине февраля объявили, что готовы встретиться с Реваном, дабы передать ему последние указания о том, в какой именно форме должен будет проходить обряд крещения. Учитывая, что Кверона месяц назад уже видели с Реваном и потому братья-виллимы не примут его за чужака, то послали именно его.

— Мне очень не нравится, что нужно блокировать твои способности перед дорогой, — сказал ему Джорем, когда они с Сильвеном, Анселим и Тависом собирались у дверей Портала, чтобы проводить Кверона в путь. — Конечно, даже пешком и по снегу ты должен добраться от Кайрори за два дня, и все же это слишком долго.

Кверон рассеянно улыбнулся, поправляя свой поношенный, но теплый плащ — неприметно серого цвета, под которым скрывались еще более неприметная бурая рубаха и штаны. Волосы ему обрезали кое-как, неровно, только чтобы прикрывали уши, и теперь ничто в его прическе не напоминало ни о

тонзуре, ни о гавриилитской косе, а дополняла облик взлохмаченная темная борода.

— Если бы они знали, кто я, то меня давно уже не было бы в живых,— возразил Кверон.— Но не тревожьтесь. Если повезет, то уже через неделю мы вернемся с Реваном. А пока...— Он опустился на одно колено.— Как насчет благословения на дорогу, отец Джорем? Вы же не хотите, чтобы ваш Даниил ступал меж львов без всякой защиты?

Даже Джорем не смог сдержать улыбки, осеняя Кверона знаком креста.

— Да благословит тебя Господь всемогущий, и да защитит он тебя, дорогой брат, во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь,— произнес он негромко.— И пусть все львы спят крепким сном, покуда ты будешь в их логове.

— Аминь,— повторил Тавис, поддерживая Кверона под локоть, чтобы помочь тому встать. — И засим давайте приступим.

Тавис был одет так же, как и Кверон, ибо должен был сопровождать старшего Целителя часть пути к лагерю Ревана, а затем заблокировать его способности; тогда как Ансель, дожидавшийся их в комнате Портала, был весь в черном, с кинжалом на поясе. Целители встали по бокам от него, и молодой человек взял обоих за запястье. В тот же миг Кверон с Тависом раскрыли ему свое сознание, чтобы позволить Анселью перенести их в нужное место через Портал, которым ни тому, ни другому прежде не доводилось пользоваться. Еще одно мгновение, внезапное напряжение и вспышка силы... и вот уже все трое покинули михайлинское убежище.

Очнувшись они в кромешной тьме, и сперва никто не рискнул пошевелиться — все трое настороженно вслушивались, пытаясь определить, нет ли рядом

опасности. Затем Ансель рискнул сотворить небольшую тусклую огненную сферу и опустился на корточки, пристально разглядывая пол коридора, ведущего прочь от Портала. На толстом слое пыли не было заметно никаких следов, и со вздохом облегчения он велел светошару разгореться погрече.

— Пока все благополучно,— прошептал он и ступил в коридор.— Слава Богу, мои предки позаботились создать в Кайорори второй Портал. Здесь не было ни души с тех пор, как я бежал отсюда после гибели брата.

Он провел их узким темным, уходящим вниз коридором, по пути указывая на ответвления и пояснения, куда идут эти ходы. Наконец перед ними оказалась глухая каменная стена.

— С другой стороны там дерево,— пояснил Ансель, нажимая рукой на рычаг.— Через пару дюжин шагов увидите охотничью тропу, которая выведет вас прямо к дороге. Кверон, отметьте это место, чтобы потом не заблудиться на обратном пути, потому что там с вами не будет ни меня, ни Тависа. Ревана попытайтесь провести этой же дорогой, но если вас что-то насторожит, можете попробовать попасть к Порталу через деревенскую церковь. Правда, попасть в ризницу будет непросто, зато там подземный ход короче.

— Сделаю,— заверил его Кверон.— Лишь бы ты нас там встретил. Учитывая, что я буду лишен всех своих способностей, без тебя от Портала мне не будет никакого проку.

Ансель улыбнулся.

— Да я просто *женюсь* на этом Портале, пока вас не встречу. Серьезно, у вас должно уйти четыре дня на дорогу туда и обратно, но в ближайшие дни я буду появляться здесь на два часа после полуночи, если

вдруг случится что-то непредвиденное, и вам придется вернуться. Не дай Бог, конечно. И, разумеется, начиная с четвертого дня я здесь просто поселяюсь. Еще вопросы?

— Поздновато для этого, — усмехнулся Тавис. — Береги себя, Ансель. Увидимся через пару дней.

Проводив друзей, Ансель простоял на страже еще около часа, на тот случай, если вдруг им придется немедленно вернуться, затем еще час проверял все остальные ответвления подземного хода, чтобы убедиться в их безопасности, а затем через Портал вернулся в убежище михайлинцев. Сильвен дожидался его у выхода, дрожа от холода в слишком тонкой накидке.

— Все в порядке? — спросил он.

Ансель улыбнулся. Он-то, в отличие от Целителя, куда больше привык к подобным эскападам.

— Да, в порядке, и пока все идет успешно. Отправляйтесь спать, Сильвен. Пока вы ничем не сможете помочь.

* * *

Следующие несколько дней прошли в убежище совершенно обыденно, вот только Сильвен с каждым часом все сильнее тревожился за ушедших товарищей. Ему трудно было сосредоточиться на работе, и своим возбуждением он заражал также наставников, которые не меньше его беспокоились за Тависа с Квероном — но просто старались не выказывать этого.

Джаван в Валорете также переживал, хотя и по иным причинам, ибо день отъезда двора в Ремут неумолимо приближался. Ему было не по себе, что друзья-Дерини до сих пор не нашли способа связаться с ним, ведь ему так много нужно было им сообщить.

щить. Помимо очевидных известий о создании ордена *Custodes* и об укреплении власти новых религиозных советников регентов, у него были также новости личного свойства. За два дня до намеченного отъезда из Валорета, во время занятий по стрельбе из лука, Джаван неожиданно оказался наедине со своим старшим братом, впервые за много-много недель. Райс-Майкл отправился к мишеням собирать стрелы вместе с Катаном и еще одним пажом, а наставника, сэра Радана, отзвал зачем-то в сторону один из стражников.

Условия, конечно, не идеальные, но на лучшее Джавану рассчитывать не приходилось. Пытаться прочитать мысли Алроя прямо здесь, на виду у всех, было рисковано — и да храни его Господь, если выяснится, что Алрой владеет своими магическими способностями лучше, чем предполагал его брат! — но Джаван решил испытать судьбу. Он даже придумал, как сделать первый ход, наблюдая за Райсом-Майклом и юными пажами, резвящимися у мишеней.

— Ты здорово стрелял сегодня утром, — сказал он Алрою, укладывая лук на подставку. — Но тебе не кажется, что наручень доспеха у тебя ослаб? Не мешает?

Алрой попытался возразить, что все в порядке, демонстрируя запястье, но Джаван уже взял его за руку и подсунул пальцы под кожаный ремешок, делая вид, что проверяет, хорошо ли тот закреплен. Это был именно тот телесный контакт, в котором он нуждался.

— Ну-ка, посмотрим, смогу ли я его поправить...

В тот же миг он мысленным усилием дал Алрою команду погрузиться в сон — и с изумлением обна-

ружил, что веки короля тут же сомкнулись, и он, и впрямь, заснул.

— *Держись на ногах*, — велел ему Джаван, поддерживая брата, чтобы тот не упал. — *Открой глаза, но не просыпайся. Просто следи за моими пальцами. Не сопротивляйся. Тебе ничего не угрожает*.

Алрой немедленно выпрямился и открыл глаза, а затем опустил голову, следя, как Джаван поправляет ему ремни на запястье.

Времени на подготовку не было. Джаван должен исполнить все за считанные секунды, пока не вернулся Райс-Майкл с пажами — или, что еще скорее, не подошел сэр Радан.

Пробившись через слои сознания, пребывавшего в летаргии — вызванной не магией Джавана, а теми снадобьями, коими регенты постоянно потчевали короля, — он погрузился в самые недра сознания брата и был потрясен, обнаружив, что тот владеет лишь самой слабой, примитивной защитой. Он не обнаружил ни следа той силы, которой обладал сам, хотя, по идее, она должна была пробудиться, как только Алроя помазали на царствие. Кроме того, у Алроя и в мыслях не было каким-то образом противиться регентам и ни тени неодобрения их действий.

— *Ты будешь помнить только, как я поправлял тебе наручень*, — мысленно велел брату Джаван и немедленно покинул его сознание, краем глаза заметив приближение наставника по стрельбе.

— Вот! Так-то лучше! — объявил он вслух.

Алрой повертел наручень туда-сюда, пошевелил запястьем, — на глазах у удивленного сэра Радана.

— Да, и правда, лучше, — согласился король. — Спасибо. — Он улыбнулся брату искренне и открыто, но во всем его виде ощущалась давняя усталость и напряжение. — А, Радан... Как вы думаете, у меня ко-

гда-нибудь получится стрелять так же метко, как это делает мой брат?

— Разумеется, государь,— пробормотал Радан и вложил лук в руки королю.— Вам просто надо больше тренироваться. Эй, ребята, где там наши стрелы?

«Я пережил пару тревожных мгновений, но уверен, что никто не заподозрил неладного,— записал Джаван. После обеда, пока его оруженосец думал, что господин отдыхает, он заканчивал длинный доклад, который готовил всю прошлую неделю.— У него почти нет защиты, и он совершенно не осознает в себе той силы, которой, по вашим словам, мы наделены все трое. Может, это потому что реагенты постоянно поглощают его успокаительным. Это явно идет ему не во благо.»

Так он исписал еще с полстраницы, высказывая свою тревогу за состояние здоровья брата.

В результате, весь доклад уместился на трех листах, исписанных мелким, убористым почерком. Он бы с радостью написал и больше, но не хотелось, чтобы пакет стал еще толще.

Перечитав написанное, он посыпал песком последние строки, чтобы просушить чернила, затем втройе сложил эти три листа и запечатал послание алым воском, прижав к нему свое кольцо. Оставалось решить, стоит ли подписывать пакет, но, поразмыслив, он решился и адресовал его Тавису. В конце концов, если все раскроется, то, учитывая содержимое послания, имя на конверте не покажется столь уж большим преступлением.

После чего, спрятав пакет под рубаху, к самому сердцу, зевая, вышел в приемную, граничившую с опочивальней. Там у камина Карлан играл в кардунет с Томейсом, пажом Райса-Майкла, но с появлением Джавана оба вскочили.

— Кто выигрывает? — Джаван подошел ближе, чтобы взглянуть на доску.— Карлан, по-моему, он здорово тебя теснит.

Беспомощно улыбаясь, Карлан поставил на место фигурку, которую собирался передвинуть. Они были вырезаны из эбонита и слоновой кости, а игровое поле инкрустировано темным и светлым деревом. Некогда этот набор принадлежал отцу Джавана.

— Ну, ваше высочество, я просто решил уступить ему разок. Обычно он так скверно играет!..

Джаван улыбнулся.

— Это правда, Томейс?

Темноволосый паж захмылялся в ответ.

— Он совсем не это говорил только что, ваше высочество, когда я взял в плен его генерала.

— Ясно.— Джаван вновь окинул взглядом доску, затем подхватил свой отороченный мехом плащ, который оставил днем на стуле.— Мне очень жаль портить вам игру, Томейс, но, боюсь, тебе придется поискать другого противника. Карлан, я бы хотел сходить к вечерне в собор. Кто знает, когда еще доведется там побывать, ведь послезавтра мы отываем в Ремут.

По лицу Карлана ясно было, что вечерня в соборе была не самым радостным, чего он ожидал от жизни, поскольку, помимо всего прочего, на улице валил снег, однако он любезно кивнул, затем опрокинул фигурку короля-священника в знак того, что сдается, и помог Джавану надеть плащ. Принц заранее натянул теплые сапоги и рубаху на подкладке, и теперь терпеливо дожидался, пока оденется Карлан.

В соборе они появились слишком рано, служба еще не началась, хотя в окнах было уже совсем темно из-за снегопада. Служки как раз зажигали свечи, когда Джаван со своим пажом прошел на отведен-

ное ему место в королевской ложе, неподалеку от алтаря. Пока они ожидали начала вечерни, Джаван молился — большей частью за успех своего замысла, чем о духовном просветлении, и был рад увидеть, что хотя бы отчасти его молитвы исполнились, когда на хорах появился пожилой, добрый отец Стефан, который вел сегодняшнюю службу. Джаван почти не прислушивался к тому, что творилось вокруг, но когда богослужение закончилось, последовал за отцом Стефаном в ризницу.

— Я бы хотел исповедоваться, — пояснил он Карлану. — Подожди здесь, это ненадолго.

Старый священник как раз снимал ризу и укладывал ее в сундук, и с удивлением взорвался на появившегося в дверях принца.

— Ваше высочество, вам не следовало бы приходить сюда, вы же знаете.

Джаван склонил голову, усиленно изображая раскаяние.

— Простите, отче, просто мы скоро уезжаем из Валорета, и я... хотел попрощаться.

Лицо священника немедленно смягчилось.

— Ах, да. Я и забыл. Вы очень добры, мой мальчик. Я польщен, что вы не забыли о моей скромной персоне.

— О, я всегда ценил вас как духовного наставника, — отозвался Джаван, незаметно придвигаясь ближе к краю келдишского ковра, который, если верить Тавису, отмечал местоположение Портала. — На самом деле, я надеялся, что вы согласитесь выслушать мою исповедь в последний раз перед отъездом.

— Да? — священник был слегка ошарашен. — Ну, конечно, сын мой, как вам будет угодно, — пробормотал он. — Но почему ваше высочество не пожелали пройти в исповедальню.

— Нет! — возразил Джаван, указывая на небольшой алтарь с ковчежцем и горевшей лампадой.— Здесь Он мне кажется ближе, и это придает мне силы раскрыть душу. Пожалуйста, позвольте мне в последний раз преклонить колена перед вами и получить благословение.

— Да, ну, конечно.

Священник обернулся к сундуку за необходимым облачением, и в этот самый миг Джаван мысленно потянулся к Порталу — но не обнаружил ничего. Отец Стефан тем временем надел пурпурную шелковую епитрахиль.

— Подойдите сюда, сын мой,— подозвал его священник, садясь на стул у сундука.

Покорно сложив руки, Джаван приблизился. Он знал, что если немедленно не сделает решительный шаг, то весь его замысел потерпит неудачу. Ему удалось подчинить своей воле стражника Норриса, он читал мысли брата без его ведома. А теперь необходимо попытаться усыпить этого пожилого священника, чтобы он мог без помех продолжить поиски.

Опускаясь на колени, он сделал вид, будто споткнулся и поспешил ухватиться за руку священника. В то же мгновение, едва установив контакт, он послал мысленный приказ: *спать!*

Стефан тут же закрыл глаза, глубоко вздохнул, затем дыхание его выровнялось, и он осел на стуле, склонив голову на грудь.

— Отлично,— передал ему Джаван.— *Спи крепко, даже когда я отпущу твою руку, и не просыпайся, пока я не скажу.*

Старик не шевельнулся, даже когда Джаван отступил на шаг, и продолжал мирно спать.

Отлично! Получилось! Сумеет ли он разбудить Стефана так, чтобы тот ни о чем не вспомнил, это

уже другой вопрос, но принц верил в свои силы. Вдохнув поглубже, чтобы успокоиться, он метнулся к двери ризницы и задвинул засов, мысленно изобретая подходящие объяснения, если все же тут кто-то появится, и устремился к ковру, украшенному сложным узором. Отогнув край, он внимательно изучил плиты пола, и ничуть не удивился, обнаружив, что прежде ковер лежал совсем по-другому. По рисунку на камнях Джаван отыскал то место, где, на самом деле, располагался Портал, покуда его якобы не уничтожил епископ Кай.

Впрочем, «якобы» оказалось неподходящим словом, ибо хотя Джаван и почувствовал разницу, когда приложил одну руку к Порталу, а другую — рядом, но это было совсем не то ощущение, что вызывает действующий Портал, а скорее какой-то раздражающий глухой звон.

Проклятие! Значит, Кай Дескантор все же уничтожил Портал! А это означало, что если Джаван хочет переправить свое послание, то ему нужно получить доступ в личные апартаменты Хьюберта! До сих пор он страшился и помыслить об этом, однако некий призрачный план у него уже имелся, хотя меньше всего Джавану хотелось бы прибегнуть к нему.

Однако здесь он ничего поделать не мог. И уж точно ничего и не сможет, если немедленно не приведет в чувство отца Стефана и не позаботится, чтобы тот благополучно забыл обо всем прошедшем.

Со вздохом Джаван положил ковер на место, подкрался к двери и внимательно прислушался, прежде чем отпереть ее, а затем на цыпочках вернулся к мирно спящему священнику и взял его за руку — как в тот самый момент, когда ухватился за него, якобы оступившись. Он слегка рванул отца Стефана

за запястье, одновременно давая команду проснуться,— и осел на колени.

— О, прошу простить меня, отче, нога порой подводит меня, особенно когда так холодно.

— Больно, сын мой? — отец Стефан склонился, чтобы поближе взглянуть на покалеченную ступню принца.— Сочувствую вам. Это очень досадно.

Джаван решился улыбнуться, уверенный, что священник ничего не заподозрил.

— Я стараюсь не жаловаться, отче. Это мой крест, и я стараюсь нести его с бодростью духа. Возможно, со временем Господь откроет мне, почему сей крест был возложен мне на плечи.

— Не сомневаюсь в этом,— согласился священник.— Но вы желали исповедаться, сын мой. Приступим?

— Конечно, отче.— Джаван склонил голову и перекрестился, начав положенный обмен фразами с отцом Стефаном.— Благословите меня, отче, ибо я грешен. Прошла неделя, как я исповедался в последний раз. Вот мои грехи.

На самом деле, с последней исповеди прошло всего пару дней, и он не решился покаяться в некоторых вещах, которыми теперь занимался,— в частности, в том, что сделал с самим отцом Стефаном,— но сумел вытащить на свет божий довольно мелких оплошностей и убедительно изобразил раскаяние, так что исповедник остался доволен. Закончив с этим, Джаван простился со священником и прошел на хоры, где, преклонив колени перед алтарем, принялся читать молитвы, которые назначил ему отец Стефан для покаяния. Он слышал, как позади переминается с ноги на ногу Карлан, но пажу, разумеется, и в голову бы не пришло помешать принцу.

Где-то час спустя, снегопад на улице еще усилился, и за окнами стало совсем темно; Джаван по-прежнему не двинулся с места, обдумывая свой план, не обращая внимание ни на навязчивое покашливание Карлана, ни на резкую боль в коленях. Он ждал. И наконец терпение его было вознаграждено: один из каноников вошел в собор из южного трансепта, чтобы закрыть церковь на ночь. Возможно, он не сразу узнал Джавана, закутанного в серый плащ, однако на паже был ярко-алый наряд — цвета Халдейнов — заметный даже под накидкой. Поэтому каноник сразу догадался, что на коленях перед алтарем стоит один из принцев, и не сомневался, который именно.

— Ваше высочество, уже очень поздно,— произнес он негромко, нагнувшись поближе к Джавану.— Я даже не уверен, что вы сумеете попасть во дворец, так сильно там валит снег...

Именно это Джаван и ожидал от него услышать. Подняв голову, он обернулся к священнику, чтобы тот увидел его залитое слезами лицо. Ему стоило немалого труда вызвать эти слезы — пришлось вспоминать все самые печальные события в жизни,— но зато каноник был должным образом потрясен.

— Ваше высочество, что случилось? — прошептал он.

Нарочито сглотнув, словно чтобы подавить рыдания, принц обернулся к алтарю.

— Я... я надеялся, что смогу провести здесь всю ночь, отче. Мне... казалось, Господь хочет что-то поведать мне, только... не знаю что. Это очень важно! И у меня такое чувство, словно я вот-вот пойму!

Эти слова заметно поразили каноника, и он не знал, то ли исполнять свои обязанности, то ли пойти

навстречу этому юноше, который явно переживает сейчас великий миг своей жизни.

— Ну, мне кажется, вам нельзя оставаться здесь, ваше высочество,— пробормотал он.— Собор на ночь закрывают для всех, кроме священников из капитула, которые служат ночные мессы. И, боюсь, регенты не одобрят такого бдения.

Утирая слезы, Джаван обернулся взглянуть на окно в форме розы в западной стене. В стекло с силой бился снег, ветер завывал в дверях. Погода еще ухудшилась, и это его только обрадовало.

— Я уже бдел ночами в королевской часовне, отче,— сказал он священнику и понял, что если хочет убедить его, то нужно немножко помочь, подтолкнуть... — Я... я не собирался никому говорить, но я подумывал об уходе из мирской жизни.— Схватив каноника за руку, он прильнул к ней лбом, одновременно посыпая незаметный мысленный приказ.

— Я не знаю, как мне быть, отче. С одной стороны, на мне лежит долг перед королевским домом, но с другой, Господь, кажется, хочет от меня совсем иного. Как вы сами поняли это, отче? Как человек может узнать, что Бог назначил ему?

Одновременно он продолжал мысленно подталкивать священника и понял, что преуспел, когда тот со слезами на глазах принял гладить принца по голове.

— Мой дорогой мальчик,— растроганно промолвил каноник.— Я и представить себе не мог... А архиепископ знает?

Вновь шмыгнув носом и в душе презирай себя за ложь, ибо, на самом деле, он не ощущал ни тени религиозного призыва, Джаван кивнул.

— Думаю, догадывается. И я уверен, он не стал бы возражать. Может... может быть я мог бы помо-

литься сегодня в его часовне, если здесь оставаться нельзя? Не думаю, чтобы архиепископ был против, и там я буду в полной безопасности.

Он ощутил облегчение, охватившее священника, ибо проблема как будто решилась сама собой. Вместе с принцем они направились по запутанным крытым галереям, что вели через двор собора ко дворцу архиепископа. Карлан обреченно шагал следом, но даже у него поведение принца не вызвало ни малейших подозрений, ибо Джаван и впрямь частенько устраивал ночные бдения в часовне, и особенно часто — последние три недели... именно с той поры, как этот безумный план созрел у него в голове.

Глава пятнадцатая

**Открывает глубокое
из среды тьмы,
и выводит на свет тень смертную¹**

¶

азумеется, попасть к Порталу во владениях архиепископа Хьюберта было бы не так уж сложно, если бы Джаван хотел просто бежать из города; но вот воспользоваться им скрытно, отправить свое послание, а затем вернуться, так, чтобы никто ничего не заметил — вот это было куда сложнее. Джаван пока не имел представления, как это сделать, но полагал, что сумеет что-нибудь придумать на месте, — ведь часовня находилась прямо под апартаментами архиепископа.

И очень пышная часовня, как оказалось, хотя и куда меньше, чем ожидал Джаван. Принц открыл рот от изумления, когда каноник, отец Алоизий, распахнул перед ним золоченые двери и отступил, давая дорогу ему и Карлану.

Никогда прежде Джаван не видел ничего подобного — стены, пол и арки были выложены белоснежным камнем, слегка поблескивавшим в свете свечей, зажженных перед статуей Девы Марии, слева от алтаря. Сразу за ним находился фриз из того же белого камня с позолотой, изображавший трубящих ангелов.

¹Иов 12:22

лов, несущих пальмовые ветви. Изукрашенный самоцветами ковчег стоял перед лампадой, а потолок...

— Я скажу камерарию, что вы здесь, ваше высочество,— промолвил отец Алоизий.— Они пошлют кого-нибудь во дворец, чтобы там не волновались. И желали бы вы поговорить с архиепископом, или хотите, чтобы вас оставили в покое? Насколько мне известно, сегодня вечером его милость дает обед в честь главы *Custodes Fidei*.

— О, ни к чему тревожить его милость,— возразил Джаван, встревоженный таким предложением. И уж тем более ему не хотелось бы нынче столкнуться с настоятелем нового ордена.— Я совсем не хочу никому мешать. Кроме того, едва ли кто-то сумеет мне помочь сегодня. Я должен во всем разобраться сам. Думаю, если я смогу какое-то время побывать здесь, в тишине... о, все это так сложно, отче!..

— Знаю, сын мой,— отозвался тот и потянулся к принцу, словно желая приобнять его в утешение, как поступил бы с обычным мальчиком, но тут же спохватился и просто начертил над ним знак креста.— Да благословит вас Бог в ваших исканиях, принц Джаван.

— Благодарю, отче.

Когда каноник наконец ушел, принц повернулся к пажу, стоявшему у закрытых дверей с видом смиренной скуки на лице.

— Бедный Карлан,— обратился к нему Джаван с застенчивой улыбкой.— Все эти религиозные дела тебе совсем неинтересны, и все же ради меня тебе приходится это терпеть, хотя ты, конечно, предпочел бы сейчас спать в теплой постели, особенно в такую ужасную ночь.

Небрежно пожав плечами, Карлан улыбнулся в ответ.

— Для меня большая честь служить вам, ваше высочество. Если вам угодно проводить ночь в молитве, то я горжусь тем, что могу быть рядом с вами.

— Правда?

— Чистая правда, милорд.

Джаван с улыбкой покачал головой и потрепал пажа по руке, якобы в знак дружеского расположения.

— Я знаю, как ты мне предан. Но ты можешь оставаться здесь, в дверях — тут хотя бы можно пристесь. И я не буду в обиде, если ты немного подремрешь. Мои молитвы никак не должны мешать твоему отдыходу.

С этими словами он двинулся прочь, вглубь часовни, но еще успел заметить, как Карлан широко зевает, прикрыв рот рукавом. Паж усился на скамью в нише у двери.

Вот и отлично. Судя по всему, Карлан готов исполнить мысленный приказ Джавана и не помешает тому привести свой план в исполнение... если бы только он точно знал, что это за план!

Однако прежде чем что-либо решать, принц должен был позаботиться о том, чтобы не вызвать ни у кого подозрений, если вдруг в часовне появятся посторонние. И потому он занял место на полу у самого алтаря, не пожелав воспользоваться молитвенной скамеекой архиепископа, склонил голову и сложил руки.

Теперь самое главное — это все как следует рас считать. Если Хьюберт пирует с настоятелем *Custodes*, значит, к себе он вернется поздно — вопрос лишь в том, насколько поздно. Ждать слишком долго было нельзя.

Вместе с тем, торопиться тоже было опасно, поскольку слуги архиепископа наверняка бодрствуют

хотя бы до полуночной мессы. Скорее всего, сейчас она как раз идет, поскольку обычно ее служили через три часа после вечерни, а большую часть этого времени Джаван провел в соборе с отцом Стефаном и за молитвой. Посыпалось ему, или он и впрямь слышал колокол? Оставалась еще опасность, что эту мессу станут служить именно в этой часовне, но с другой стороны она не единственная во дворце и недостаточно велика, чтобы вместить всю свиту архиепископа. Ему отнюдь не улыбалось рассказывать еще кому-то о своем якобы призвании... Но, если придется, он готов перетерпеть и это.

Тем временем Карлан принял негромко похрапывать, удобно устроившись на широкой скамье. Чуть позже, Джаван решил, он выскользнет наружу и попробует отыскать дорогу в апартаменты Хьюберта. Но сперва нужно привести мысли в порядок и решить, как он поступит, если вдруг появится архиепископ и станет задавать вопросы.

Ждать пришлось недолго. Хотя на зов колокола в часовне никто не появился, но где-то полчаса спустя двери распахнулись. Джаван обернулся, Карлан также вскочил, бормоча извинения. На пороге появился архиепископ Хьюберт, и не один, а вместе с Полином Рамосским. У настоятеля ордена лицо было кислое, как обычно, зато розовое лицо Хьюберта сияло улыбкой.

— О, принц Джаван, как я рад видеть вас. И зачем же вы стоите на холодных камнях, мой дорогой мальчик? Прошу, займите мою скамеечку!

Джаван поднялся им навстречу и внезапно придумал, какую мысль попытается внушить архиепископу, когда станет целовать его перстень. Он опять воспользовался старой уловкой и сделал вид, что отступил, чтобы подольше удержать руку Хьюберта.

— Ваша милость,— пробормотал он.— Простите, что испортил вам вечер. Я просто хотел провести ночь в молитвах, а отец Алоизий решил, что в соборе это невозможно.

— Хм, конечно,— согласился архиепископ.— И он правильно сделал, что не отправил вас в замок. Конечно, вы можете молиться здесь.— Его улыбка сделалась еще шире.— Должен ли я так понимать, что решается вопрос призыва?

Джаван опустил глаза.

— Я... я еще не вполне уверен, ваша милость. Именно это я и пытаюсь решить для себя.

— Хотите поговорить об этом? — предложил Хьюберт.— Вам, наверняка, известно, что мне довелось помочь многим молодым священникам обрести истинное призвание.

— М-мне кажется, это несколько преждевременно, ваша милость,— осторожно отозвался Джаван.— Я не хотел бы отнимать у вас время, особенно когда у вас гость.

— О, ваше высочество, вы никоим образом не отнимете у меня времени. И уверен, настоятель будет счастлив, как и я, если узнает, что вы открыли в себе призвание, как у вашего дражайшего отца — да упокойт Господь его душу. Но я не хочу давить на вас. Это очень важное решение, и чтобы принять его, требуется время. Я дам указания, чтобы ночью вас никто не тревожил. А если вы все же почувствуете, что нуждаетесь в совете, то мои апартаменты — чуть дальше по коридору. Только скажите...

Джаван не верил в собственную удачу. Не только архиепископ отозвался на мысль о том, что принца следует оставить в покое, но и часовня оказалась другая, гораздо ближе к цели. Когда он вновь поцеловал руку Хьюберту, то решился мгновенно проникнуть в

его сознание и сумел увидеть мысленный образ его апартаментов, всего через три двери по коридору. А то, что ему удалось проделать этот фокус незамеченным, утвердило принца в мысли, что ему вполне под силу будет совладать с архиепископом, если тот вдруг застанет его на месте преступления.

Сердце колотилось в груди, но он заставил себя успокоиться и проводить гостей, должным образом ответив на благословение Хьюберта, а затем опустился на молитвенную скамеечку и склонил голову. Он надеялся, что сей образ отпечатается в памяти архиепископа — ибо рассчитывал позже оставить на этом месте Карлана, в своем плаще, чтобы ввести в заблуждение случайных соглядатаев, которым вздумалось бы заглянуть в часовню.

Еще полчаса он провел в тревоге, гадая, надолго ли задержится Хьюберт с Полином. Что лучше — совершить вылазку прямо сейчас, в надежде обернуться туда и обратно, пока архиепископ не вернулся к себе, или дождаться, пока тот уснет и попробовать проскользнуть прямо у него под носом? В любом случае, это было рискованно, но Джаван знал, что обязан что-то предпринять, если хочет доставить свое послание.

А вдруг он проникнет в покой архиепископа, отыщет Портал — и обнаружит, что не может им воспользоваться? Все свои планы он строил с расчетом на то, что это ему удастся, но ведь на самом деле он ни разу не пробовал перемещаться в одиночку. Тавис говорил, что Джаван вполне готов к этому, и принцу казалось, он знает, как это сделать, ведь он столько раз следил, как это получалось у Тависа... но теория — это одно, а практика — совсем, совсем другое...

Он вздохнул и растер лицо ладонями, устремив взор на великолепный алтарь, но в действительности совсем его не видя. Нельзя позволить себе утонуть в сомнениях, а не то он так ни на что и не решится... хотя, может, так оно будет и лучше, в конечном итоге, робко заметил внутренний голос. То же самое посоветовал бы ему и Тавис, и наверняка сказал бы, что никакое донесение не стоит такого риска.

Но Джаван был уверен, что его информация жизненно важна. Кроме того, с тех пор, как прервался контакт с друзьями, он чувствовал крайнюю неуверенность. Ему необходимо было выяснить, как у них дела — или хотя бы сообщить о себе. Осторожность отступала перед юношеской горячностью.

И потому, выждав еще совсем недолго, Джаван неслышно подошел к дверям часовни — и успел коснуться Карлана как раз в тот миг, когда паж приподнял голову, разбуженный его шагами.

— Спи, Карлан, — велел ему принц и, дабы усилить приказ, коснулся ладонью век пажа. Тот покачнулся и осел на скамье. — Сейчас ты должен надеть мой плащ и встать на колени на скамеечке. Не шевелись, что бы ни случилось. — Он помог спящему Карлану подняться, другой рукой одновременно расстегивая плащ. — Потом ты ни о чем не вспомнишь. Просто иди и молись у алтаря. И накинь капюшон.

Паж повиновался, с помощью Джавана. Устроив его в молитвенной позе и поправив плащ, принц отступил на шаг. Со стороны никто не смог бы отличить подмену. Конечно, если Хьюберт отдал распоряжения не тревожить принца, то никто и не должен здесь появиться, и все же подстраховаться не мешает... Затаив дыхание Джаван наконец приблизился к дверям и пару мгновений вслушивался в царящую

снаружи тишину, прежде чем рискнуть и приотворить створку.

В коридоре не было ни души. Факелы, на равных промежутках установленные в скобах на стене, отбрасывали желтоватые отблески на деревянные панели и каменные плиты пола. Судя по приглушенным звукам, доносившимся с другой стороны, от лестницы, которая вела, скорее всего, в парадную часть дворца, вечернее пиршество было еще в самом разгаре — а значит, Хьюберт и его приближенные еще какое-то время пробудут там. А если кто-нибудь случайно набредет на него здесь, Джаван решил сказать, что ищет уборную — вполне удобоваримое объяснение, пока он не попал в покой архиепископа.

Ну, а если там внутри окажется кто-то из слуг, Джаван заявит, что Хьюберт сам пригласил его — тем более, что это чистая правда. Но насколько же проще, если не будет никого!

Он заставил себя идти совершенно спокойно. Когда отец Алоизий привел его сюда, он не заметил этой двери, поскольку она была скрыта за углом, но теперь у принца не было сомнений, где находятся нужные ему покой. Арка над дверью была позолоченной и украшена резьбой, с херувимами по углам. Петли украшала изображение епископского посоха. На самой же двери красовался герб Хьюберта Мак-Инниса, второго сына барона Марлорского, с митрой и прочими символами его высокого ранга.

Сперва Джаван прошел мимо, навострив уши, чтобы понять, есть ли кто-нибудь внутри. Судя по всему, все было спокойно, но в этот миг ему донельзя захотелось вернуться обратно в часовню.

Но лишь на миг. Стоило ему коснуться пакета под рубахой, как принц тут же преисполнился решимости довести задуманное до конца. Другие многим

рисковали ради него — теперь же пришел его черед позабыть о страхах.

К вящему его облегчению, никто не отозвался, когда он тихонько постучал в дверь. Он попробовал сильнее — и опять ничего. Тогда он тронул за ручку... и, о счастье! — дверь оказалась не заперта. Да и с какой стати? Кому придет в голову незваным явиться в покой архиепископа?

Едва осмеливаясь вздохнуть, Джаван проскользнул внутрь и наскоро огляделся по сторонам. Прихожая освещалась тусклым светом лампадки, горевшей перед образом святого Себастьяна, и огонек ее бросал алые отблески на стрелы, пронзившие тело мученика... живое напоминание о его собственной возможной судьбе, пусть и символическое, а не буквальное. Если его поймают... Следующая дверь, чуть приоткрытая, вела в просторную комнату, где у большого камина стояло несколько удобных кресел с мягкими подушками и меховыми покрывалами. Пол устипал мягкий ковер и звериные шкуры. Джаван наскоро огляделся по сторонам в поисках молельни, но затем вспомнил слова Тависа, что та находилась в опочивальне — именно туда, вероятно, вела дверь справа от камина.

Вот теперь наступил самый опасный момент, поскольку у него не было ни малейших оправданий, если кто-то застанет его в архиепископской спальне, и все же Джаван, затаив дыхание повернулся ручку и, несколько секунд послушав тишину, шагнул вперед. По крайней мере, петли не скрипнули!.. Справа он успел заметить тусклый огонек лампады — скорее всего, именно там и находилась молельня; но прежде чем он успел затворить дверь опочивальни, снаружи послышались шаги. Кто-то вошел в прихожую.

Боже правый, это, должно быть, либо сам Хьюберт, либо кто-то из слуг, но, в любом случае, они непременно заглянут сюда!

Мгновение, показавшееся ему вечностью, Джаван испуганно озирался по сторонам в тщетном поиске укрытия. Первым делом он хотел затаиться в молельне, но занавес был отдернут, и к тому же Хьюберту вполне могло прийти на ум помолиться перед сном...

В комнате было слишком темно, чтобы углядеть какое-то подходящее место, чтобы спрятаться, и не быть обнаруженным, когда зажгут свечи. Единственное, что Джаван мог видеть в полумраке, это огромная кровать с балдахином посреди опочивальни.

Это было очень рискованно — но когда шаги послышались уже из комнаты с камином, времени на раздумья не осталось, паника победила здравый смысл, и принц метнулся вперед, рухнул на пол и торопливо, стараясь не шуметь, скользнул под кровать. В тот же миг он сообразил, что мог просто зайти в молельню и объяснить, что пришел по личному приглашению архиепископа — но теперь было уже слишком поздно что-то менять. Он лишь молился, чтобы человек снаружи не заметил, что дверь в опочивальню осталась приоткрыта.

С колотящимся сердцем он заполз как можно ближе к стене и там свернулся калачиком — кровать была достаточно высокой, так что он мог лежать на боку; но в этом таилась и опасность, ведь кому-то вполне могла прийти в голову мысль заглянуть под нее, прежде чем архиепископ взойдет на ложе.

Если это случится, Джаван может считать себя мертвецом. А пакет у него на груди лишь скрепит его судьбу.

Он попытался заставить себя успокоиться, уверенный, что кто бы ни вошел в спальню, он тут же услышит, как колотится его сердце, и обнаружит преступника. Немея от ужаса, он попробовал дышать редко и глубоко. Постепенно кровь стала стучать в ушах не так громко, и он смог расслышать, что творится снаружи.

Сквозь приоткрытую дверь пролился яркий свет, и треск поленьев и запах смолы подтвердили догадку Джавана, что это слуга разводил огонь в камине. На миг Джаван подумал рискнуть и заскочить в молельню — такую близкую и одновременно недостижимую, — чтобы все же оправдать свое присутствие в апартаментах Хьюберта; но от этой мысли пришлось отказаться, поскольку почти тут же послышались шаги, дверь распахнулась и показались ноги в сандалиях, прикрытые черным монашеским одеянием. Слуга принялся зажигать свечи, укрепленные на стенах, и в подсвечнике на большом сундуке.

Джаван затаил дыхание, пока монах ходил туда-сюда по комнате, выкладывая ночную рубашку для своего господина, готовя воду для омовения и даже тапочки у края постели, так близко, что Джаван мог бы коснуться его рукой. Он даже подумал сделать это и попробовать взять под контроль слугу — но не решился, поскольку понятия не имел, как скоро может объявиться сам архиепископ.

Это оказалось разумным решением, поскольку Хьюберт пришел почти сразу после этого, а с ним еще какой-то гость, задержавшийся, чтобы выпить бокал вина в комнате у камина. Монах вышел прислуживать хозяину, но оставил внутреннюю дверь открытой и то и дело сновал туда-сюда, заканчивая приготовления. Джаван так и не понял, что за гость был у Хьюберта, хотя ему показалось, что пару раз

там произнесли его собственное имя. О чем они говорили, он также не уловил, однако тон беседы был вполне благожелательный.

Все это было замечательно, но в последующие полчаса Джаван едва не умер от страха, пока архиепископ расхаживал по своим покоям, готовясь ко сну. Монах помог ему переодеться и ушел, получив благословение, и теперь принц не сводил глаз с расшитых тапочек, передвигавшихся по спальне. Вот Хьюберт постоял у окна, затем налил себе еще вина... Это было Джавану на руку, поскольку он надеялся, что от выпитого архиепископа потянет в сон, и спать он будет крепко... но, во имя всего святого, когда же он наконец уляжется?!

Увы, не скоро, убедился принц. Хьюберт выпил еще вина, или, может, воды. Воспользовался уборной. Затем отправился в молельню.

Наконец он вернулся в спальню, задернул занавес молельни, погасил свечи на стенах, и Джаван понадеялся, что он все-таки собрался спать. Хьюберт, и правда, улегся, и матрас угрожающе прогнулся у принца над головой,— после чего взял какой-то свиток со стола и принялся читать.

Это становилось невыносимо. Джаван теперь был почти уверен, что его не обнаружат, и рано или поздно Хьюберт, конечно же, заснет; однако теперь он все больше тревожился за Карлана. Паж будет стоять, не шелохнувшись, пока принц не освободит его, но что если кто-то зайдет в часовню и заговорит с ним? Джаван и подумать не мог, что уйдет так на долго!

Значит, необходимо что-то предпринять. Он был уверен, что сумеет задействовать Портал в молельне, как только Хьюберт заснет — но нельзя ли как-то помочь ему в этом? Коснуться архиепископа он бы не

посмел, пока тот бодрствовал... шелест свитка явственно говорил об этом.

Но Джавану было известно, что опытные Дерини способны воздействовать на человека, даже без прикосновения, если его сознание им уже знакомо. И сам принц мог почувствовать правду и ложь в речах других людей, не касаясь их напрямую. А на архиепископа он уже пробовал воздействовать сегодня, когда убедил того, чтобы Джавана никто не беспокоил в часовне.

Что, если попробовать каким-то образом совместить все это...

Очень медленно, осторожно, он вытянул правую руку и прижал ладонь к матрасу, в том месте, где, по его прикидкам, должна была находиться голова Хьюберта.

Очень тщательно он представил себе его грузную фигуру и принял дышать в такт с ним, одновременно нащупывая мысленный канал, сосредоточившись, как учил его Тавис. Сперва он дышал быстро, затем замедлил дыхание — и архиепископ последовал за ним!

— *Хочется спать, очень хочется...* — послал он команду и стал дышать еще ровнее, уверенный теперь в своей власти над Хьюбертом.

Спустя минуту-другую его усилия были вознаграждены. Архиепископ стал слегка похрапывать, свиток выпал у него из рук и скатился на пол.

Джаван сосредоточился, удерживая связь с сознанием Хьюберта, ведь если бы тот сейчас проснулся и потянулся поднять свиток, то неминуемо заметил бы Джавана под кроватью, — но спящий даже не шелохнулся.

Затем он глубоко вздохнул и заворочался... Джаван с облегчением осознал, что тот попросту устраи-

вается поудобнее в постели. Затем архиепископ захрапел еще громче, и принц рискнул выглянуть из своего укрытия, еще не веря до конца в неслыханную удачу.

Да, Хьюберт спал. Его массивная туша покоилась среди груды пухлых подушек, и Джаван едва не рассмеялся вслух при виде его отороченного мехом ночного колпака. Нелепая вещь, зато прикрывает уши — лишняя защита для Джавана.

Он решил проделать еще кое-что, чтобы облегчить себе задачу. Уверенный теперь, что Хьюберт подчинится, он потянулся и кончиками пальцев коснулся лба спящего, велев ему заснуть еще глубже и одновременно распахнуть сознание. Хьюберт тихонько застонал, но не пробудился, и Джаван возликовал.

Усиливая связь, он подтолкнул архиепископа, чтобы тот улегся как можно комфортнее. Хьюберт заворочался и заполз под меховое покрывало, а затем застыл в неподвижности, готовый исполнить новый приказ.

— *Теперь ты будешь спать, пока я не велю тебе проснуться*, — передал Джаван. Он отнял руку. Хьюберт лежал спокойно.

Отлично! О таком успехе Джаван и мечтать не мог. Это вполне стоило всех недавних переживаний. Нашупав рукой сверток под рубашкой, Джаван скользнул за тяжелый занавес молельни. Столько на этом пути пришлось преодолеть трудностей, что он вполне был готов к долгим поискам — но Портал был здесь, невредимый, согревающий, как огонь, прямо перед алтарем с лампадой.

Слава Богу!

Теперь осталось лишь задействовать Портал. У него будет единственный шанс. Или он сумеет, или

нет. Глубоко вздохнув, Джаван мысленно представил во всех подробностях Портал в михайлинском убежище, потянулся к источнику силы... Он ощущал ее потоки, как огненные струйки, но не обращал внимания на охвативший его жар. С коротенькой молитвой он сделал рывок...

Глава шестнадцатая

**Во сне, в ночном видении,
когда сон находит на людей,
во время дремоты на ложе,
тогда Он открывает
у человека ухо
и запечатлевает
Свое наставление¹**

Дол ушел у Джавана из-под ног, и он взмахнул руками, чтобы обрести равновесие, а когда открыл глаза, то обнаружил, что комнату освещают факелы, а не лампада, и откуда-то сзади, а не спереди. Одной рукой он ударился о камень, другая ушла в пустоту — сдва не задев человека, которого не было рядом еще мгновение назад.

Мужчина молниеносно схватил его за запястье, рывком вытащил из Портала и вдруг как-то ловко развернул, так что Джаван оказался к нему спиной, и заломил ему руку назад. Запястье пронзила резкая боль — но еще хуже, понял принц, будет, если он попытается бежать. В то же мгновение человек ухватил его за шею, прижав пальцами горло. Джаван еще попытался свободной рукой сбросить захват, но в глазах у него уже поднималась темнота.

¹Иов 33:15-16

— Даже и не думай сопротивляться, сынок,— произнес незнакомый резкий голос у него над ухом.— Я не хочу делать тебе больно.

— Уже сделали! — с трудом выдавил Джаван, но отбиваться все же перестал.— Кто вы такой?

Хватка на запястье самую малость ослабла, однако о бегстве нечего было и мечтать.

— Странно, я как раз собирался задать тебе тот же вопрос,— пробормотал мужчина.— И поскольку именно ты здесь — незваный гость, то отвечай первым.

Первоначальный испуг сменился возмущением; как смеет какой-то незнакомец так обращаться с принцем из рода Халдейнов?! Однако сейчас было не самое подходящее время для тонкостей этикета. Раз этот человек оказался здесь, в михайлинском убежище, значит, это не враг. К тому же, он Дерини — Джаван чувствовал, как тот пытается проникнуть в его сознание.

— Вполне справедливо. Я — Джаван Халдейн, и мне нужно срочно увидеться с Тависом.

— Вот оно что? Он не предупреждал меня.

Захват мгновенно ослаб, и незнакомец отступил на шаг с легким поклоном. Оказалось, ему около тридцати; карие глаза лукаво поблескивали из-под каштановой челки — в общем, совсем не такого человека ожидал увидеть Джаван после столь резкого и действенного нападения. У него был значок Целителя, и еще какая-то эмблема на левом плече. Усы и борода, редкие и недлинные, выглядели так, словно владелец начал их отращивать совсем недавно.

— Простите, ваше высочество,— произнес он.— Боюсь, Тависа здесь сейчас нет. Кто-нибудь еще подойдет?

— Его нет? — переспросил Джаван. — Но как же так?.. А Кверон? Или кто-нибудь из Мак-Рори?

— Кверона тоже нет. Но я могу через пару минут привести Джорема или Ивейн.

— Нет, я боюсь задерживаться так надолго, у меня и без того время почти вышло. — Джаван извлек пакет из-под рубашки и взвесил его на ладони, смеरив Целителя взглядом и в свою очередь пытаясь проникнуть в его мысли. — То, что вы здесь, означает, что я могу вам доверять. Скажите отцу Джорему, что послезавтра регенты перевозят весь двор в Ремут, и я не знаю, когда мне еще удастся с вами связаться. И передайте ему вот это. — Он протянул Целителю пакет. — Здесь говорится обо всем, что случилось в Валорете за те три недели, с тех пор как во дворце побывали Тавис с Анселем. — Он пристально посмотрел на незнакомца. — Скажите, а с Анселем все в порядке? В прошлый раз я был уверен, что раненый поправится, но это оказался Райс, и он...

Целитель улыбнулся в ответ, вертя в руках запечатанный сверток.

— Тут я могу вас успокоить, ваше высочество. Ансель жив и здоров. Я лично помогал лечить его, когда он вернулся. Собственно говоря, он уже настолько оправился, что сейчас покинул убежище, чтобы выполнить одно важное дело. Отец Кверон должен привести сюда Ревана, и Ансель ждет их с Тависом у Портала в Кайорри. Они могут вернуться в любой момент, поэтому я и караулю тут. Да, кстати, меня зовут Сильвен О'Салливан. Я был полевым хирургом при графе Грегори, пока Тавис не... привлек меня к своей работе.

— Тавис привлек вас... ого, так вы можете блокировать Дерини? Они нашли еще кого-то? — выдохнул Джаван.

— О, да. Если уж на то пошло, сынишка леди Ивейн тоже наделен этим даром... но, по счастью, нам не придется использовать его.

— Вы говорите о Тиеге?

— Да, так его зовут.

Джаван со вздохом прикрыл глаза.

— Дети. Разве мало того, что *мне* даже не дали времени повзрослеть?

— Прошу прощения?

Принц покачал головой.

— Нет, ничего, не обращайте внимания. У меня выдалась нелегкая ночь. Мне пришлось воспользоваться Порталом в апартаментах архиепископа Хьюберта, чтобы сюда попасть... он там мирно спит, по другую сторону занавеса. Мне кажется, я все предусмотрел, но нужно успеть вернуться, прежде чем кто-то придет его будить, или меня хватятся там, где я должен был бы находиться.

— Постойте-ка! — Сильвен ухватил принца за плечо, прежде чем тот успел шагнуть обратно в Портал— Верно ли я понял, что это вы усыпили Хьюберта?

Принц одарил его мальчишеской ухмылкой.

— Ну да. Пришлось спрятаться у него под кроватью, и я не смел дотронуться до него, но все получилось. Не волнуйтесь. Он ни о чем не будет помнить.

— Хорошо, если так.— Сильвен, встревоженный, покосился на запечатанный пакет.— Но здесь об этом ничего не сказано, верно?

— Конечно, нет. Когда я это писал, то еще не знал, что способен на такое.

— Но теперь знаете. И что самое важное, должны узнать остальные.— Целитель сунул пакет за пояс.— Конечно, этому можно помочь единственным способом. Вы должны позволить мне прочесть ваши воспоминания.

Одна лишь мысль о том, чтобы впустить незнакомца в свое сознание, вызвала у Джавана мгновенное отторжение. Конечно, он сам проверил его только что чарами правды и знал, что Сильвен О'Салливан — именно тот, за кого себя выдает, но добровольно позволить ему это было... попросту немыслимо.

— Я... боюсь, на это у меня не времени,— пробормотал он, пытаясь таким образом найти оправдание своему страху.

Целитель поклонился с легкой улыбкой, прижимая руку к сердцу.

— Я не виню вас за недоверие, ваше высочество. Тавис был вашим наставником, а меня вы совсем не знаете. Но, со всем уважением... то, о чем я прошу, займет всего несколько секунд. Кверон обучил меня, как это делать очень быстро, чтобы я мог читать в сознании тех, кто подвергнется нашему «крещению». Я могу вытянуть все нужные сведения мгновенно, и совершенно незаметно для человека.— Он усмехнулся.— Конечно, это будет происходить уже после того, как я заблокирую их способности... а Тавис особо подчеркивал, что вас нельзя лишать вашего дара ни при каких обстоятельствах, ведь ему с таким трудом удалось пробудить его... но если вы мне поможете, все произойдет очень быстро и просто.

— Все равно, мне пора возвращаться.— Джаван попытался незаметно отступить к Порталу.

Целитель кивнул и, вытянув руку, уперся в дверной косяк, преграждая принцу путь.

— Вы думаете, я не понимаю, чего прошу? — промолвил Сильвен негромко.— И я мог бы надавить на вас еще сильнее, напомнив, что совершенно неведомо, как скоро нам удастся вновь связаться с вами. Тем важнее сейчас получить самые полные сведения

обо всем, что произошло... Однако я не буду настаивать, если вам это настолько не по душе.

Закусив губу, Джаван вздохнул. Конечно, Сильвен был прав, и с ним не поспоришь. Тавис и все остальные должны узнать обо всем. Конечно, то, что Джаван это сознавал, мало чему помогло, и все же он понял, что должен уступить.

— Ладно,— произнес он негромко.— Только смотрите, не сделайте ничего такого, что помешало бы мне вернуться обратно, или повлиять на Хьюберта. Я, правда, не могу задерживаться надолго.

— Вы и опомнитесь не успеете, как все будет сделано,— пробормотал Сильвен, прикладывая одну руку ко лбу принца, а другую положив ему на шею.— Опустите защиты и закройте глаза. Не нужно так тревожиться. Представьте себе открытую дверь, и удерживайте этот образ перед внутренним взором.

Джаван повиновался, с удивлением обнаружив, что это дается ему куда проще, чем все предыдущие попытки. Он ощущал, как сознание Сильвена обволакивает его разум, почувствовал легкое покалывание, а затем мгновенное головокружение... и в тот же миг Целитель отпустил его. Он открыл глаза и увидел перед собой его улыбающееся лицо.

— Вы — поразительный молодой человек,— признал Сильвен.— Отважный... но это необходимо в наши смутные времена. Я горжусь тем, что могу послужить вам. Но вам, и правда, нельзя больше медлить. Как только освоитесь в Ремуте, постарайтесь как можно чаще бывать на людях. Мы найдем способ связаться с вами.— Целитель мягко подтолкнул Джавана к Порталу.— Да хранит вас Господь, ваше высочество — и будьте осторожны!

Джаван был в восторге от похвалы и оттого, что сумел поразить Сильвена своими способностями, но

постарался успокоиться, ступив в Портал. Он помахал Целителю на прощание и закрыл глаза, стараясь сосредоточиться. На сей раз он расставил ноги пошире, чтобы не потерять равновесие при переходе. В последний момент у него мелькнула мысль — что будет, если как раз в это время кто-то войдет в молельню, что было хоть и маловероятно, но все же возможно — однако его встретила полна тишина, когда свет факелов сменился огоньком лампады. Некоторое время он выжидал, прислушиваясь, затем осторожно раздвинул занавеси и выглянул наружу.

Дверь была по-прежнему закрыта, и лишь похрапывание Хьюберта нарушало безмолвие. Из другой комнаты тоже не доносилось ни звука. Успокоившись, Джаван выскользнул из своего убежища и, приблизившись к кровати, отодвинул балдахин, задумавшись о том, что еще следует сделать перед уходом.

Архиепископ даже не шевельнулся, с тех пор как Джаван его покинул, лишь еще глубже зарылся в подушки. Пухлая рука лежала поверх одеяла, и камень перстня тускло поблескивал в свете единственной свечи. Глядя на этого толстяка, розоволицего, с алыми губами бантиком и светлыми кудрявыми волосами, с трудом можно было поверить, что он способен на все те злодейства, какие Джаван знал за ним. Сейчас он казался совершенно беззащитным — да и был таковым.

Несколько бесконечных мгновений Джаван боролся с искушением прикончить Хьюберта, здесь и сейчас. Вне всяких сомнений, архиепископ заслуживал смерти за все, что натворил — и за то, что еще натворит в будущем... вспомнить хоть этих его отвратительных *Custodes Fidei*. Скольким невинным людям еще суждено пострадать, прежде чем Хьюберта

наконец настигнет гнев Господень? Конечно, легко говорить, что ему все зачтется на Страшном Суде — но почему же нельзя добиться справедливости чуть пораньше?

Наслаждаясь этим искушением, Джаван принял-
ся рассматривать различные варианты. Проще всего
перерезать горло кинжалом. Еще более подходяще —
прижать к лицу подушку... так погибла несчастная
Гизела Мак-Лин, и ее призрак, несомненно, одобрил
бы это. Под властью Джавана архиепископ даже не
шелохнется, не сможет оказать сопротивления — как
и Гизеле было не под силу бороться со своим убий-
цей. А когда тело обнаружат, то, скорее всего, решат,
что смерть была вызвана естественными причинами;
учитывая телосложение Хьюберта, это было вполне
правдоподобно. Ах, как сильно было искушение!

Еще одна возможность, пришедшаяся Джавану
по вкусу, заключалась в том, чтобы заставить Хью-
берта самому лишить себя жизни! Правда, Джаван
не был уверен, что его способностей хватило бы на
такое, и кроме того, он вспомнил, как строго Цер-
ковь осуждает самоубийц. Если он сотворит нечто
подобное с Хьюбертом, то на него ляжет куда более
тяжкий грех, чем если бы он прикончил его собст-
венноручно. Никакая месть, сколь бы сладка она ни
была, не стоила этого.

Впрочем, осознал Джаван, все это были лишь
мечты. И не убийство как таковое претило ему. Ведь
он уже однажды убил человека, защищая Тависа в
тот день, когда погиб Девин Мак-Рори.

Но убить человека в бою — это одно дело. Даже
отдать приказ о казни после справедливого суда бы-
ло бы оправдано — хотя бы для того, чтобы винов-
ный не совершил больше преступлений... хотяника-

кая смерть не могла бы искупить уже содеянного и вернуть к жизни невинно убиенных.

Но вот прикончить человека во сне, каким бы не годяiem тот ни был, это уже совсем другое, и его убийца тем самым стал бы на одну доску с жертвой. И кроме того... после смерти Хьюберта, кто станет новым архиепископом и регентом? Манфред, брат Хьюберта, и без того уже довольно давно практически исполнял обязанности шестого регента. А вот архиепископом, скорее всего, сделался бы Полин Рамосский — теперь, когда за спиной у него была мощная поддержка нового ордена. Почему-то Джаван был уверен, что Полин не откажется принять митру. А сколь бы ни был плох Хьюберт, но Полин куда хуже. От Хьюберта Джаван, по крайней мере, знал, чего ожидать.

Впрочем... Возможно, Джаван мог что-нибудь придумать, чтобы сделать архиепископа еще более предсказуемым?

Этому искушению, в отличие от убийства, было почти невозможно противостоять. Джаван знал, что не решится воздействовать на сознание Хьюберта слишком резко, ведь другие могут заподозрить неладное, даже если сам он ничего не заметит. Принц не знал, способны ли Ориэль или другие Дерини опознать следы вмешательства — но рисковать ему не хотелось. А это значит, что та мысль, что он вложит в сознание архиепископа, должна угнездиться там совсем незаметно... ничего такого, что изменило бы личность Хьюберта, разве что сделало бы его чуть помягче.

Внезапно Джаван понял, что знает, как поступить. Собственно говоря, он уже заложил основу для этого. Хотя и успех замысла таил свои опасности...

Он намекнул сегодня Хьюберту, будто ощущает в себе религиозное призвание. Это сыграло ему на руку, поскольку помогло объяснить, что принц делает в архиепископском дворце — без чего у него не было бы шанса добраться до Портала.

Со своей стороны, Хьюберта это тоже устраивало, как нельзя лучше, поскольку если бы Джаван принес религиозные обеты, ему пришлось бы уступить свое место в престолонаследии Райсу-Майклу — который куда более удобен для регентов. Опасность крылась в том, что если Джаван разыграет свою партию слишком хорошо, то Хьюберт может вознамериться слегка подтолкнуть его, и принца попросту запрут в каком-нибудь монастыре до конца дней его, независимо от того, истинно его призвание, или нет. Вне всяких сомнений, Полин Рамосский сумеет подыскать для него крохотную обитель, где-нибудь в самой глухи, вполне подходящую для неудобного принца... если только тот же Хьюберт прежде не подстроит ему несчастный случай со смертельным исходом.

Значит, необходимо было балансировать на тонкой грани: не говорить ни да, ни нет матери-Церкви, не закрывать никакие двери; делать вид, что мечется в нерешительности и не предпринимать никаких решительных шагов, которые могли бы помешать ему рано или поздно взойти на трон — и при этом не дать себя запереть в монастырь или убить. Пока что самым разумным будет говорить Хьюберту именно то, что он жаждет услышать. К тому же, в этом случае архиепископ будет настроен к нему более миролюбиво.

Добиться хоть каких-то поблажек... чуть больше свободы, и чтобы не следили за каждым его словом и жестом... одно это уже стало бы огромной побе-

дой — и лишь так он мог надеяться, что удастся вновь наладить связь с друзьями-Дерини. Конечно, переезд в Ремут — дело скверное, но теперь они хотя бы не станут искать его в Валорете. А он тем временем постарается, насколько возможно, обработать Хьюберта.

Вот и все, на что Джаван решил осмелиться — по крайней мере, в этот раз. Склонить Хьюберта к чуть большей снисходительности, посеять зерна — и посмотреть, как они прорастут. Позже, если все пройдет благополучно, он попытается продолжить. Ну, а если дело обернется совсем плохо, тогда он расправится с Хьюбертом и не побоится прикончить его.

Джаван вновь коснулся лба архиепископа, делая краткое внушение, затем стирая все воспоминания о событиях этой ночи. Затем прокрался в гостиную, оттуда в прихожую; несколько мгновений выжидал, и наконец оказался в коридоре и поспешил обратно в часовню. Он никого не встретил по пути. Затем взял у пажа свой плащ и проводил его на место, уверенный, что ни единая душа во дворце не заподозрила неладного.

...Казалось, усталость навалилась на него, едва он накинул плащ и опустился на молитвенную скамеечку — и немудрено, учитывая все, что ему пришлось пережить этой ночью. Последнее, что он сделал, это замутил в собственном сознании все воспоминания, чтобы никто из дворцовых Дерини случайно не прошел о его приключениях... а затем распростерся ничком перед алтарем. Это наверняка произведет впечатление на любого соглядатая, кому вздумается зайти в часовню.

А если Хьюберту донесут о таком благочестии принца, тем лучше. Что же касается Джавана, то в такой позе ему было куда приятнее скротать остаток

ночи, раз уж невозможно вернуться в постель. Он думал о Сильвене О'Салливане, устраиваясь поудобнее на жестких каменных плитах пола, и о том, что скажут Тавис и все остальные, когда узнают последние новости о Джаване...

* * *

Джорем и Ивейн узнали через час, но Тавису с Квероном пришлось бы ждать пару дней, а к тому времени Джаван будет уже на пути в Ремут. Сильвен отыскал обоих Мак-Рори в зале Совета, где они корпели над манускриптами. С ними был и юный Джесс Мак-Грегор; внешне казалось, будто он дремлет в кресле, но Сильвен знал, что на самом деле молодой человек поддерживает пассивный контакт с Квероном, действовавший лишь в то время, когда Целитель спит. Судя по всему, прошлую ночь Кверон провел без сна, или по крайней мере, сон его был недостаточно глубок, чтобы установить контакт; вот и теперь Джесс был в глубинном трансе в ожидании готовности Кверона, но тот, похоже, вновь трудался допоздна.

— Извините, если помешал,— произнес Сильвен, подвигая пакет Джавана поближе к Джорему и Ивейн.— Я только что столкнулся с нашим принцем. Никто меня не предупреждал, что он способен пользоваться Порталом.

Джорем раскрыл рот от изумления, зато у Ивейн был очень довольный вид.

— Он научился наконец? — Но улыбка ее угасла, как только Ивейн осознала, что это могло означать.— Но *каким* Порталом? Господи Иисусе, он что, прошел Порталом *Хьюберта*?

— Именно так,— кивнул Сильвен.— И не только это. Он подчинил свое воле нашего драгоценного архиепископа — усыпал его. Вы ничего не хотите мне рассказать об этом юном Халдейне? Я внезапно осознал, что он — отнюдь не обычный тринадцатилетний подросток... и это ничего общего не имеет с королевским происхождением.

Джорем, начавший вскрывать печати на свертке, покосился на Ивейн, затем поднял глаза на Целителя и отложил пергамент. Джесс по-прежнему не шевелился.

— Мы же говорили, что он особенный,— промолвил Джорем вполголоса.— Что он еще поведал, что так тебя смутило?

Хмыкнув, Сильвен подвинул себе стул и уселся между братом и сестрой, протянув им руки.

— Рассказать он ничего толком не успел, но позволил наскооро проникнуть в его сознание перед уходом. Вы хорошо сознаете, что если не считать теоретических познаний, то он способен на то же, что и взрослый обученный Дерини?!

Ивейн, вложив ладонь в руку Целителя, лишь улыбнулась и кивнула в ответ.

— Не думай, что ты один такой, Сильвен. Нас он тоже не перестает изумлять. Давай-ка посмотрим все вместе...

Джорем присоединился к ним.

Информация была передана мгновенно, как они и ожидали от Сильвена. Джорем со вздохом откинулся на спинку кресла, мгновенно принявшийся просчитывать последствия сегодняшних событий. Ивейн с рассеянным видом пыталась осознать увиденное.

— Думаю, ты прав, и он благополучно вернулся обратно, раз уж не поспешил вновь воспользоваться

Порталом для бегства,— вымолвила она наконец.— Но он затеял опасную игру. Надеюсь, он хоть сам понимает, насколько это опасно?

— По крайней мере, в Ремуте нам будет легче прийти к нему на помощь,— заявил Джорем.— Там можно подыскать верных людей среди слуг; сомневаюсь, чтобы регенты перевезли их всех с собой из Валорета. Если за ним не будут следить слишком пристально и после сегодняшних приключений никто не заподозрит неладного, то мы найдем способ с ним связаться.

— Может, кто-нибудь из монахов,— предложила Ивейн,— раз уж он сам выбрал такое прикрытие. Ловко придумано, но будем надеяться, дело не дойдет до того, чтобы его насильно отправили в какой-нибудь захудалый монастырь.

Джорем кивнул.

— Вполне вероятно. Для регентов это очень удобный способ избавиться от принца, не прибегая к убийству... и никто ни в чем не усомнится, ведь все будут знать, что Джаван давно выражал интерес к религии.

— Чистая правда,— согласилась Ивейн.— Ведь его отец был священником.

— Но пока что,— продолжил Джорем,— нужно будет убедиться, что сегодняшняя авантюра сошла ему с рук. Насколько я знаю регентов, они обставят отъезд из Валорета самым пышным образом. Мы сумеем проследить за ними, я это устрою. Может быть, даже получится передать ему послание.

— Только очень осторожно,— напомнила Ивейн, покосившись на застывшего в неподвижности Джесса.— Жаль, что Анселя нет с нами. Вот кто обрадовался бы такой возможности.

Джорем с улыбкой поднялся с места.

— Да, но для него еще не все потеряно, если он вернется вовремя. А пока есть пара михайлинцев, кто вполне способен с этим справиться. Поможешь мне, Сильвен? Джесса лучше не отвлекать, а тебе все равно придется вернуться к Порталу...

Когда они удалились, Ивейн вновь посмотрела на Джесса. Конечно, шума голосов было недостаточно, чтобы отвлечь Дерини, когда он в таком глубинном трансе... А подумав об этом, она вспомнила и о тех, кого ждал Джесс. Но сколько еще продлится ожидание? И как узнать, все ли в порядке у Кверона с Реваном?

Глава семнадцатая

Пророка воздвигнет вам Господь ваш из братьев ваших¹

Кверон Киневан поплотнее запахнулся в свой потрепанный плащ, стараясь не думать о холода, и притворился спящим. На другом конце пещеры, у костерка, Реван беседовал с тремя своими любимыми учениками.

Пока все шло неплохо, если не считать того, что дорога в лагерь виллимитов заняла четыре дня вместо двух, отчасти из-за скверной погоды, а отчасти из-за того, что пришлось избегать встречи с патрульными графа Манфреда. В остальном же из Кайрори они добрались без приключений. Кверона сопровождал переодетый Тавис; чтобы скрыть его приметную левую руку, ее замотали каким-то тряпьем и подвесили на перевязь.

Сам Тавис, разумеется, не появлялся в пределах виллимитского лагеря, и Кверона отпустил туда лишь после того, как заблокировал его способности: ведь если бы кто-то опознал в них Дерини, им грозила немедленная смерть.

Однако это отнюдь не означало, что среди виллимитов не было Дерини. Взять хоть, к примеру, одного из учеников, что сидели сейчас с Реваном,— это был тихий, лысеющий пожилой человек по имени

¹ Деяния 7:37

Горди,— да и в лагере у подножия горы их было немало. Хотя виллимиты и провозглашали свою ненависть к Дерини и их запретной магии за то, как те в свое время обошлись с их покровителем, святым Виллином, однако они охотно предоставляли убежище тем из них, кто публично отрекся от своей расы и принес обет жить в скромности и покаянии. Покаяние в глазах виллимитов означало прежде всего громогласное осуждение Дерини и их обычаев, а также необходимость следить за тем, чтобы ни один Дерини не проскользнул в их ряды незамеченным. Первым, кто принес такую клятву, был именно Горди, и он немало потрудился на почве разоблачения собратьев; после него этот обет сделали обязательным обрядом. Кроме того, сами отрекшиеся Дерини должны были участвовать в расправе над нераскаянными, и виллимиты считали это не только возможным, но и похвальным, ибо лишь так, в их глазах, Дерини мог искупить грех своего рождения.

В глазах Кверона, все это выглядело диким, и он с жалостью смотрел на своих собратьев, добровольно отрекшихся от всего того, что было им даровано свыше, однако слишком явно выказывать свое отношение было опасно. По суровому уставу виллимитов нераскаянных Дерини ожидала смерть, чаще всего, через повешение, но случалось также, их забивали камнями, сажали на кол и даже распинали на кресте... хотя последний способ использовали не слишком часто, чтобы не дать жертве повода ощущать родство с Христом, который, вне всякого сомнения, ненавидел магов-Дерини с той же силой, что и его служители-виллимиты.

Если бы Кверон согласился публично отречься от принадлежности к своей расе, Тавису не пришлось бы блокировать его способности, но тогда, если бы

его поймали за недозволенным использование магии, это стоило бы ему жизни. Вокруг было довольно Дерини, пристально следящих за собратьями и готовых донести о малейших нарушениях, дабы подняться в глазах виллиmitов, так что рисковать не стоило.

Отсюда и решение, чтобы Тавис его блокировал, по крайней мере, до тех пор, пока Реван не очистит свое ближайшее окружение от Дерини-ренегатов. Он так и сделал, за исключением Горди, и тому была причина. Не столь давно в своих проповедях Реван принял возвещать приход новых времен, намекая, что даже Дерини могут сподобиться благословения Небес, и услышав это, большинство Дерини-виллиmitов поспешили уйти в отшельничество, дабы постом и молитвами выпросить у Господа шанс искупить свою несуществующую вину. Реван это поощрял, прекрасно сознавая, что единственный шанс на спасение Дерини могут дать себе сами, и им ни к че-му помочь Небес.

Оставшиеся в лагере Дерини стали жертвами Тависа, который с наступлением темноты прокрадывался к лагерю и отыскивал их поодиночке, блокируя способности. Это было не слишком рискованно, поскольку затем он всегда стирал воспоминания о происшедшем и внушал им мысль, что они давно знакомы с худощавым седовласым человеком, который теперь все чаще сопровождал пророка Ревана, и что не нужно обращать излишнего внимания на по-прошайку с перевязанной рукой, что бродит в окре-стностях лагеря. Затем он возвращал им их способ-ности и отпускал восвояси.

Конечно, это было рискованно, но дело того стоило. Тависа до сих пор не обнаружили, а присут-ствие Кверона ни у кого не вызывало подозрений. В

первые несколько дней, пока способности Кверона оставались блокированы, ему непросто оказалось справляться со своей задачей, ведь на последователей Ревана он мог влиять лишь силой убеждения, однако «пророк» сам во многом помог ему, и к тому же своих учеников он отбирал очень тщательно, с оглядкой на конкретную цель. Брат Иоахим первым из виллимитов подхватил учение Ревана и до сих пор оставался самым верным его последователем. Флайн, гибкий, как ивовый прут, юноша с безумными черными глазами и спутанной гривой черных волос, представлял самое радикальное крыло виллимитов. Что касается Дерини Горди, то в грядущих событиях ему была отведена важная роль, о которой он пока и не догадывался. В этот самый момент Реван сообщал этой троице, что услышал зов и должен на две недели удалиться в лесную чащу для поста и покаяния, и приглашал всех троих присоединиться к нему.

Кверон мог бы сейчас ему помочь, ибо нынче утром Тавис ухитрился походя коснуться его в лагере, возвращая тем самым заблокированные способности перед обратной дорогой, но, пожалуй, вмешиваться не было смысла. Все трое, как зачарованные, внимали Ревану, описывавшему грядущее отшельничество. Потом, когда они станут, как обычно, молиться, Кверон сделает все необходимое для того, чтобы эта троица сопровождала их без всяких проблем и сомнений.

Но пока Кверона беспокоило еще одно незавершенное дело. Он надеялся предоставить свой отчет Совету еще прошлой ночью, через пассивный канал, который поддерживали Джорем с Ивейн — здесь даже блокированные способности не были помехой — но они засиделись с Реваном, и он почти не спал, не

говоря уж о том, что для связи ему необходимо было оставаться в одиночестве. Однако сейчас его дар вновь был при нем, а снаружи Тавис готов был встать на пути у излишне любопытных Дерини, так что можно было рискнуть и самому установить контакт.

Глубоко вдохнув и выдохнув, Кверон вошел в легкий транс, не только раскрываясь для общения, но и устанавливая связь. Виллимитский медальон, висевший на груди, помог ему сосредоточиться; он сжал его в кулаке и прижал руку к груди.

В то же мгновение он услышал мысленный зов Джесса Мак-Грегора. Радость и облегчение молодого человека не поддавались описанию. Он поспешил расширить контакт и был удивлен, что Кверон вновь вполне владеет своим даром.

— *Ты уверен, что это не опасно,— осторожно спросил Джесс.— С Тависом все в порядке?*

Кверон ответил утвердительно и попросил не волноваться зря, а затем в сжатом виде стал пересыпать информацию о событиях последних дней. Через несколько секунд Джесс был полностью в курсе происходящего в лагере виллимитов.

— *Тавису не стоит так рисковать!* — пришел его взволнованный ответ.— *Хотя, конечно, если он считает это необходимым, ты вряд ли сможешь ему помешать. Когда вы думаете вернуться? Дня через два-три?*

— Да, не больше,— отозвался Кверон.— *Завтра вечером я вновь постараюсь с вами связаться, но если не получится, не тревожьтесь. Возможно, нам вновь придется прятаться от людей Манфреда. Да, и с нами будут трое гостей.*

— *Гостей?*

— *Трое последователей Ревана. Ничего не могу с этим поделать, Джесс. Если бы он попытался уйти один, вилли-*

миты бы его попросту не отпустили. Он здесь очень важная персона. Впрочем, эти трое все очень податливы, им не трудно будет внушить ложные воспоминания. Но будьте наготове.

— Ладно, однако Джорему это не понравится.

— Мне тоже, но у нас нет другого выбора. Есть ли у вас какие-нибудь новости для нас?

— Трудно сказать, — донесся ответ Джессса. — Сильвен только что принес послание от принца Джавана. Судя по всему, тот прошел через Портал архиепископа Хьюберта...

— Джаван прошел через Портал?! — перебил его Кверон.

— Да, и насколько я понял, очень ловко, хотя не думаю, что Тавису стоит говорить об этом сейчас. Можешь просто передать ему — мы узнали, что двор переезжает в Ремут через пару дней. Ивайн все еще сидит над докладом принца, но, сдается мне, она не слишком волнуется — по крайней мере, не за Джавана. В общем, все это может подождать до вашего возвращения.

Ясный намек, что пора прервать связь. Кивнув про себя, Кверон дал согласие.

— Отлично. Расскажете все подробности, когда мы вернемся. Передай всем от нас привет.

— И да хранит вас Господь, — пожелал Джессс, а затем исчез.

Одновременно приободрившийся и встревоженный, Кверон открыл глаза. Люди у костра все так же вполголоса беседовали о чем-то, снаружи Кверон ощутил присутствие Тависа, внизу, под горой, вилли-митский лагерь готовился ко сну... ничего тревожного.

Вот и славно...

Реван все рассказывал ученикам о своих видениях, завлекая их обещаниями самим испытать нечто

подобное. Все трое слушали его, как зачарованные, но это не имело ничего общего с магией Дерини — просто такова была сила личности Ревана. Внезапно Кверон осознал, что для того это уже не совсем игра и притворство — что юноша успешно закладывает сейчас основы своего собственного культа, ничего общего не имеющего ни с виллимитами, ни с Советом Камбера. У Кверона был большой опыт в таких вещах, ведь именно он основал в свое время орден святого Камбера, но было пока неясно, осознает ли сам Реван, какую власть он имеет над людьми. Кверон понял также, что молодой человек сейчас тянет время, ожидая пробуждения Дерини.

Он сел и широко зевнул, делая вид, будто просыпается, — вновь надевая маску яростного приверженца нового учения.

— Простите, наставник, я не собирался спать так долго, — пробормотал он смущенно и поспешил присоединиться к остальным. — Да благословит вас Бог, братья. Я и не слышал, как вы пришли.

— Брат Аарон почти не спал прошлой ночью, — пояснил им Реван, называя Кверона тем именем, что тот выбрал для себя — библейское и отчасти похожее на его собственное. — Он бодрствовал со мной, пока я молился за больного ребенка — сына Эрены. Рад сообщить вам, что малышу стало получше, так что эта благая весть вполне стоит бессонной ночи.

Разумеется, они с Квероном умолчали о том, что сбить жар у ребенка помогли травы и искусство Целителя. Если бы уже тогда Кверон владел своим даром, то мальчик поправился бы еще скорее, но и без того все прошло удачно.

Иоахим уважительно кивнул наставнику, Горди пробормотал, что видел ребенка сегодня утром, и

тот был вполне здоров, а Фланн воскликнул, что молитвы Ревана сотворили чудо.

— Нет, брат, ты не должен наделять такой силой меня.— Реван замахал руками.— Лишь Господа нашего мы должны благодарить за это чудо, ибо Он — творец всего сущего. Я лишь скромный слуга его. Так давайте же, братья попросим Божьего благословения для всего, что мы задумали!

Все пятеро взялись за руки, причем Кверон оказался между Фланном и Горди, у которого, в свою очередь, был контакт с Иоахимом. Пока Реван отвлекал их монотонной молитвой и песнопением, Кверону удалось подчинить себе всех троих — и даже Иоахима через Горди.

— Теперь можно трогаться в путь,— сказал он негромко, глядя на Ревана.— Наши братья в дороге будут приятными спутниками.

Реван внимательным взором окинул всю троицу, затем наконец опустил руки.

— Пожалуйста, брат Фланн, загаси костер, прежде чем мы отправимся.

Через пару минут они уже спускались по каменистой тропинке, ведущей вниз с горы; там их поджидал Тавис, который и повел их прочь от лагеря виллимитов. К рассвету, когда первые солнечные лучи осветили верхушки холмов, путники сошли с дороги, и голоса их влились в птичий грай, восславляя Господа и новый день. Трои виллимитов теперь не сомневались, что они вместе с «братьем Аароном» и наставником отправились в дальнее паломничество. Утро сверкало обещаниями безоблачной весны. Если погода продержится и на пути им не встретятся патрули, то уже назавтра они могут достичь Портала в Кайори.

* * *

Ни пение птиц, ни солнечные лучи не проникали в часовню, где встретил рассвет принц Джаван, и лишь приход архиепископа Хьюберта возвестил начало нового дня. Хьюберт явился, весь в улыбках, и сперва робко приоткрыл дверь, но затем вошел по-хозяйски уверенно; за ним из коридора пролился холодный утренний свет и потянуло сквозняком. Карлан поспешил вскочил на ноги. Джаван, только что пробудившийся от дремы на жестком каменном полу, протер глаза и сел, кутаясь в плащ. Теперь, понял он, настает время последнего испытания.

— Простите, ваша милость, кажется, я слегка задремал,— пробормотал он.

Хьюберт отмахнулся небрежно, и перстень его блеснул в тусклом свете. Приблизившись, он опустился на одно колено рядом с Джаваном.

— То же самое было и с апостолами Христовыми, когда они были с ним в саду,— промолвил Хьюберт.— Ты не должен просить прощения у меня, сын мой. Порой Господь открывает человеку Свою волю именно в этом сумеречном состоянии, когда душа подвешена между бодрствованием и сном. Преклонение перед алтарем Всевышнего может лишь помочь молящемуся.

— Надеюсь, так оно и есть, ваша милость,— отозвался Джаван, склонив голову. Он не сказал ничего больше, и Хьюберт положил ему на плечо свою пухлую руку.

— Не сомневайся, сын мой,— сказал он.— Господь не оставит своих. Скажи, запомнилось ли тебе что-то из твоего бдения?

Джаван, слегнув, покачал головой.

— Я так юн и неразумен, ваша милость... Я даже не уверен, что пойму Его слова, если услышу. Может

быть, мне еще предстоит научиться внимать Ему. Если бы ваша милость могли мне помочь...

С этими словами он воззрился на архиепископа своими серыми глазами, со всей наивностью, на какую был способен. Хьюберт с ласковой улыбкой взял его руку в свои.

— Мой дорогой, дорогой мальчик, конечно, я помогу тебе. Пойдем. Капитул будет петь утренние молитвы в нашей часовне. Потом я отслужу мессу в соборе. Может быть, ты мне поможешь? Не сомневайся, в свое время Господь откроет тебе свою волю.

Здесь не было ничего невыполнимого для Джавана, он был алтарным мальчиком уже много раз, да и братья его иногда помогали священникам на богослужении. Для всех отпрысков благородных семей это было обязательной частью религиозного обучения, хотя с возрастом от них это требовалось все реже, если только юноши не открывали в себе призвания к монашеству. Так что все это было хорошо знакомо Джавану. К тому же, от принцев всегда требовалось подавать пример богообязненности.

Самое главное, что пока Хьюберт и не думал его торопить, сегодня утром он ни разу напрямую не заговорил о религиозном призвании. Вчера он вел себя куда настойчивее — возможно, это подействовало внушение, которое Джаван сделал ему ночью.

Воспользовавшись тем, что Хьюберт по-прежнему обнимал его за плечи, принц осторожно установил контакт с его сознанием. На слабый намек, что у него зачесался нос, архиепископ ответил незамедлительно и принялся тереть переносицу. Также, уже перед уходом из часовни, Джаван заставил его перекреститься на алтарь наоборот — не слева направо, а справа налево.

— А, Карлан, ты тоже можешь пойти с нами,— окликнул Хьюберт пажа.— Я знаю, что уж у тебя то точно нет ни малейшей склонности к религии, но побывать на мессе тебе не помешает.

Джавану казалось, что на них с архиепископом устремлены все взгляды, когда они покинули часовню, а утренние молитвы показались бесконечными. Помогать на мессе потом показалось полегче, ведь люди давно привыкли видеть принцев в этой роли, однако Джавану пришлось то и дело напоминать себе, что он прислуживает священнику, а не какому-то конкретному человеку. Ибо человека этого он ненавидел всей душой и не сомневался, что Хьюберт с готовностью уничтожит его, если это пойдет на пользу архиепископу.

Словно в ответ на этот страх, как раз в момент Освящения, когда Хьюберт подносил Священную Жертву в честь Бесконечного Величия Господа и на благо всем верующим — *hostiam puram, hostiam sanctam, hostiam immaculatam*, — Джавана посетило весьма тревожное видение. Он внезапно узрел себя самого, связанного и обнаженного, на алтаре, словно Исаак перед Авраамом. Вот только рука, держащая нож, принадлежала не Хьюберту, а отцу.

Содрогнувшись, Джаван отогнал прочь жуткую картину и постарался больше об этом не думать во время богослужения. Странная ирония судьбы — сейчас он ощутил неожиданное желание оказаться на месте Хьюберта, конечно, не как архиепископ, но как простой священник. Сейчас он начал понемногу понимать, что должен был чувствовать отец, когда ему пришлось отречься от своих обетов ради королевского долга. И он понял также, почему Синхилу Халдейну так трудно было вслух выражать свою любовь к сыновьям, ибо в глубине души они всегда ос-

тавались для него воплощением его предательства. Особенно тяжело, должно быть, ему приходилось с Джаваном, чья увечная нога казалась королю напоминанием о гневе Божьем и о том, что Небеса не одобряют его измены своему призванию, сколь бы важным это ни было для судьбы королевства.

Джаван сильно повзрослел за этот час и даже не возражал, когда Хьюберт потом воспринял эту задумчивость как знак свыше. Забавно также и то, что дважды, до и после мессы, Джавану запросто удалось попасть в ризницу, куда накануне он проник лишь с большим трудом — правда, Портал все равно не работал, так что это не имело значения. В общем и целом, Джаван мог сказать себе, что последние двенадцать часов прожил не впустую.

Однако, после ночи и утра, столь полных событиями, остаток дня прошел совершенно бесцветно и ничем не отличался от других, если не считать суеты челядинцев, которые вовсю готовились к завтрашнему отъезду. Вернувшись с Карланом в замок, Джаван с изумлением обнаружил, что в его покоях почти не осталось вещей, и лишь на застеленной кровати лежала сменная одежда.

Они путались под ногами у прислуки, пока двоцкий не прогнал их прочь, и они направились на кухню, раздобыть чего-нибудь поесть. Там на них накричал повар, занятый подготовкой к вечернему пиршеству, но зато им досталась дюжина хлебцев прямо из печи, кусок жирного сыра и пара кружек подогретого эля. Они уволокли добычу в парадный зал и устроились в широком оконном просме — в том самом, где прежде нередко Джаван прятался с Тависом, подслушивая разговоры регентов, когда Алрой принимал подданных с челобитными. После еды Джаван сделал вид, что его клонит ко сну, но ис-

подволь он продолжал наблюдать за суетой вокруг, горюя о старых добрых временах и гадая, где же сейчас Тавис.

Позже за ужином он вновь вспоминал о своем друге и был рад, что завтра отъезд назначен на ранний час, так что он мог побыстрее уйти к себе — недостаток сна давал о себе знать. Ночью ему ничего не снилось, а наутро он заставил себя проглотить слезы, выезжая из Валорета со всей королевской свитой. Он не имел представления, когда и каким образом теперь ему удастся связаться со своими союзниками-Дерини. Он чувствовал себя таким одиноким... В пути им предстояло пробыть целую неделю.

* * *

На второй день после отъезда Джавана из Валорета, сразу после заката, Тавис с Квероном вывели Ревана и его опутанных чарами «апостолов» к подземному ходу, что вел в недра замка Кайорри. По счастью, погода так и простояла на славу — большая редкость в Гвиннеде в марте месяце,— а дозорные графа Мердока были, видно, заняты где-то в другом месте.

Тавис положил руку на плечо Горди, полностью подчиняя того своей власти, а Кверон проделал то же самое с Фланном и Иоахимом. Реван тем временем запер дверь. Сразу стало темно, и Тавис незаметно для учеников Ревана вызвал магический огонь, пока сам Реван не зажег свечу в нише у входа. Лишь теперь он позволил себе вздохнуть с облегчением.

— Далеко еще? — спросил Реван шепотом.

Кверон махнул рукой.

— Не очень. Ступай вперед.

Они двинулись гуськом, стараясь шагать как можно тише. Постепенно проход расширился, обработанные каменные плиты сменили утоптанную землю под ногами. Прямо у Портала их уже дожидались Ансель с Сильвеном, которые не могли скрыть своей радости при виде друзей.

— Вы быстро добрались,— заметил Ансель.— В кои-то веки все прошло успешно...

— А что? У вас там что-то случилось? — по тону юноши Тавис вмиг ощутил неладное.

— Нет, все в порядке. Даже получили вести от Джавана. Но давай поговорим об этом позже.

К этой теме они вернулись вечером, после сытного ужина в михайлинской обители, когда виллимитов уже погрузили в сон и надежно заперли в одной из келий. Джорем дал Кверону с Тависом прочесть послание Джавана, а затем словами пересказал то, что узнал от принца Сильвен.

— Если никто ничего не заподозрил в ту ночь, то с ним все должно быть в порядке,— заключил Джорем.— Нам доложили, что он выехал из Валорета вместе со всеми, и на вид там все нормально. Когда он обоснется в Ремуте, мы подумаем, что можно предпринять. Тем временем для него самое главное — это не позволить, чтобы Хьюберт силой запер его в какой-нибудь монастырь.

— А это может случиться? — спросил Реван.

Ивейн сцепила пальцы, затем кончиками потерла нижнюю губу.

— Ну, это будет зависеть от самого Джавана.

Джорем улыбнулся, заметив тревогу Ревана, и пододвинул к нему несколько листов убористо исписанного пергамента.

— Не беспокойся о принце, это наша забота. У тебя и без того скоро будет дел по горло.

Взяв в руки пергамент, Реван пробежал глазами первые строчки.

— Что это такое?

— Общая схема,— пояснила Ивейн.— Когда переваришь это, мы начнем уже действительную подготовку. Это будет непросто, но, по-моему, должно сработать.

К тому же выводу пришли через пару дней занятий и все остальные. Реван оказался способным учеником. Джорем написал для него подробный план, как дальше должно развиваться его учение, и молодой человек не только сумел разобраться во всем, но даже предложил свои идеи, быстро освоился с тем, как должно будет проходить «крещение» и значительно украсил этот обряд.

Кроме того, Реван неожиданно быстро нашел общий язык с Сильвеном, высвободив Тависа для работы на заднем плане, в толпе, где он мог бы не привлекать к себе излишнего внимания и поставлять Ревану новых кандидатов для «очищения». Прежде Реван с Сильвеном никогда не встречались, но сразу образовали великолепную пару и интуитивно понимали друг друга, как если бы Реван тоже был Дерини.

Это было огромным преимуществом, поскольку позволило изучить область, доселе неизведанную, касавшуюся магических способностей, обнаружить которые у регентов пока не было возможности. Еще от Тависа, после его опытов с Джаваном, им стало известно, что порой тесный контакт Дерини с человеком ведет к пробуждению у последнего почти магического дара. Конечно, Реван не был Халдейном, однако большую часть жизни он тесно общался с семьей Мак-Рори и Туринов, и это помогло развить те зачатки способностей, какими он обладал.

Кроме того, они обнаруживали, что силы Ревана значительно возрастают, если для концентрации он использует свой виллимитский медальон, предварительно «заряженный» кем-то из Дерини. Если черпать энергию из этого источника, то в тот момент, когда при «крещении» он будет касаться человека — то Реван вполне мог заставить его испытать головокружение и даже потерять сознание.

— Но вот эта вещь меня смущает, — признался Реван, задумчиво теребя свой медальон, который он только что испытал на нескольких добровольцах из числа челядинцев Ивейн. — Рано или поздно регенты мною заинтересуются, меня станут допрашивать... не смогут ли ищейки-Дерини учゅять здесь неладное?

Ниеллан покачал головой. Они с Тависом недавно стали полноправными членами Совета Камбера, который вновь теперь, как в первые дни, состоял из восьми Дерини, — и епископ принимал теперь самое деятельное участие во всех их делах.

— Вспомни, Реван, религиозные знаки всегда благословляют, — сказал он. — И кто бы ни сделал это, человек или Дерини, само действие благословения оставляет на предмете отпечаток, в котором не остается никаких следов личности благословлявшего. Дерини давно знают это. Даже наши священники не всегда способны отличить, есть ли в подобном предмете магия, или нет. А уж мирянин и подавно не сумеет это определить — если, вообще, сможет что-то заметить. В любом случае, это лишний раз докажет им твою святость.

Они также испытали на Реване мерашу и выяснили, что она действует на него, как на обычного человека, то есть вызывает дремоту и погружает в сон. Ревану пришлось не раз столкнуться с этой отправой во время обучения, и он привык не бояться ее.

— Это будет самое главное испытание, когда они решат допросить тебя,— пояснил Кверон.— Вот уже не одну сотню лет мераша выполняет роль отличительного знака, поскольку общезвестно, что все до единого Дерини реагируют на нее. Увидев, что с тобой ничего не происходит, они удостоверятся, что ты не один из нас.

Изначально на то, чтобы создать слаженно действующую команду, отводилось пятнадцать дней, но уже к началу второй недели все превосходно выучили свои роли.

— Учитывая, насколько мы стеснены во времени, то полагаю, вы научили меня всему, что возможно,— заявил Реван всем остальным однажды вечером, когда счел, что вполне подготовлен для своей будущей роли.— Не думаю, что стоит откладывать неизбежное. Мы ведь еще должны сорок дней отшельничать в лесной глухи. Если начнем с середины апреля, то закончим как раз к Троице. Едва ли можно представить себе более удачное время для новых начинаний.

Оставалось сделать лишь две вещи до ухода. На следующее утро Ревана познакомили с Торквиллом де ла Марчем, которому выпало сыграть роль первого «новообращенного» Дерини. Семья Торквилла уже давно была в безопасности у Грегори в Тревалге, но когда он объявится у Ревана через пару недель, то расскажет совсем другую историю...

— При встрече у вас особо не будет времени поговорить,— сказала им Ивайн, пригласив для беседы в библиотеку.— Кстати, Торквилл, по-моему, вы с Реваном уже встречались в Шииле, много лет назад. Он был наставником моих детей.

Торквилл выдавил неуверенную улыбку.

— Мне кажется, я припоминаю. Должен сказать, молодой человек, я восхищен тем, что вы делаете для нас.

Реван посмотрел на собеседника уверенным, прямым взглядом.

— Благодарю, но я был бы рад, если бы мог сделать больше,— ответил он скромно.— Без Сильвена с Тависом я никто.

Это было не совсем так, и Ивейн это прекрасно знала. Реван обладал властью над людьми, и первым это заметил в нем Кверон. Каждый день Реван какое-то время проводил с Сильвеном и троими своими последователями. Даже без всякого внушения со стороны Дерини, виллимиты свято верили, что Реван — истинный пророк и способен творить чудеса.

И вид у него теперь был совершенно пророческий, в овечьей накидке, платье из небеленой шерсти, в сандалиях на босу ногу. С кожаного пояса свисала пара мохнатых фляг, а на сгибе локтя висел сучковатый посох из оливкового дерева.

И лишь все его старания отпустить библейскую бороду пошли прахом. Даже спустя целый год растительность на лице оставалась редкой и светлой, лишь слегка скрывая верхнюю губу и подбородок. Зато она прекрасно оттеняла глаза — из светло-карих они делались порой золотистыми, излучая почти сверхъестественный свет. Каштановые волосы отросли до плеч. Тонкие руки были покрыты мозолями куда больше, чем когда он служил писцом и наставником в семье Туринов, но ногти были чистыми и ухоженными.

Торквилл не спеша смерил его взглядом и покачал головой, вновь встретившись с Реваном взглядом.

— Мне раньше почему-то казалось, все святые отшельники — старые, грязные и завшивленные.— Он смущенно хмыкнул.

Ревана это искренне позабавило.

— Но почему простота и святость непременно должны идти рука об руку с грязью? Вода будет играть важную роль в моем культе. Предполагается, что я и сам должен быть знаком с нею не понаслышке.

— Некоторые считают тщеславием заботиться о чистоте тела,— возразил Торквилл.

— А я бы сказал, что к своему телу должно относиться с уважением, ибо оно есть храм души. Если цель нашей жизни — обрести единение с Отцом Небесным, то почему же его немеркнущий Дух должен обретаться в грязном храме?

Лукавая улыбка Ревана оказалась заразительной, и Торквилл расхохотался от души.

— Тебе так просто не сбить его с толку,— сказала ему Ивейн, когда Дерини наконец утер выступившие от смеха слезы.— Конечно, это мы заставили его играть роль святого пророка, но прежде он был ученым. Мы с Райсом сами занимались с ним.

— Это заметно.

— Но, на самом деле, тебе еще только предстоит понять, насколько хорошо мы его обучили, когда услышишь его проповеди. Я не хочу лишать тебя радости первооткрывателя, так что не стану заранее рассказывать, с чем тебе придется столкнуться.

Затем, по просьбе Ивейн, Джесс отправил Торквилла обратно в Тревалгу, чтобы тот мог провести время с семьей; однако сам Джесс вскоре вернулся в убежище — ведь Сильвен был его старым и преданным другом. Поэтому он никак не мог пропустить прощальную службу, которую провели этим вече-

ром в михайлинской часовне. Здесь, у алтаря, Сильвен, Тавис и Реван пришли испросить Божьего благословения для своей миссии.

В крохотной часовенке не было такого столпотворения уже добрых тринадцать лет, с той самой ночи, когда здесь побывал Синхил Халдейн перед решающим сражением за корону Гвиннеда. Пятьдесят рыцарей-михайлинцев тогда дали клятву служить новому королю.

Сегодня их было не так много, и только Джорем и горстка его собратьев гордо носили синее одеяние своего ордена. И священники собирались освящать отнюдь не клинки — а благословлять живых людей... хотя это было оружие, посильнее стали.

Двое епископов выступили им навстречу. После начальной молитвы Реван и двое Целителей распростерлись ниц у алтаря, а собравшиеся затянули древнее песнопение. Отзвуки гимна звучали в часовне еще долго после того, как стихли их голоса. Джорем, Ивейн и Джесс помогли троим спутникам преклонить колена.

После этого епископ-Дерини Ниеллан и епископ-человек Дермот провели обряд посвящения, лишь немногим отличный от возведения в священнический сан, наделяя их властью проповедовать, исцелять, благословлять и отпускать грехи. По очереди возложив руки на главу каждого из троих, епископы призвали на них милость Небес, дабы благословить их самих и их труды.

Сегодня утром, перед мессой, все трое исповедовались и приняли Святое Причастие, поскольку среди виллимитов священников почти не было, и никто не знал, когда им удастся сделать это в следующий раз. Еще более торжественным обрядом сделался, когда Дермот использовал те слова, что обычно про-

износятся над умирающими или смертельно больными.

Accipe, frater, Viaticum Corporis Domini Jesu Christi...
Прими, брат, пищу на путь твой, плоть Господа нашего, Иисуса Христа, и да хранит он тебя от врагов и приведет к жизни вечной...

И наконец, в довершение всего, дабы подчеркнуть опасность избранного пути, Ниеллан дал каждому из них Последнее Причастие — поскольку, если им суждено погибнуть от рук врагов, то это будет уже невозможно.

— *Per istam sanctam Unctionem et suam piissimam misericordiam indulget tibi Dominus quidquid per animum deliquisti* — провозгласил Ниеллан, перекрестив каждому лоб. — Этим священным помазанием, в своем безграничном милосердии, да простит вам Господь все грехи, и в помыслах ваших. Аминь.

По окончании обряда, все молча потянулись к выходу. Джорем, Ивейн, Кверон, Джесс и Ансель пришли к Порталу, чтобы проводить друзей в дорогу. Ансель привел с собой троих виллимитов. Без единого слова прощания — ибо все уже было сказано, — путники покинули убежище. Те, кто остались, разошлись в молчании. Никто был не в силах обсуждать происшедшее.

Глава восемнадцатая

Тайна Господня — боящимся Его, и завет Свой Он открывает им¹

Пе сорок дней, что Реван собирался пройти в лесной глухи как отшельник, оказались для Ивейн прекрасной перегородкой, поскольку у нее наконец появилось время заняться столь необходимыми изысканиями. На следующий же день члены Совета организовали круглосуточное дежурство, ежедневно, а порой и дважды в день связываясь с Сильвеном, пока тот наконец не сообщил, что они благополучно прибыли на место. Теперь контакт устанавливался реже, всего на час после полуночи, на случай непредвиденных трудностей. В остальном же те, кто оставался в убежище, ничем не могли помочь Ревану, и им оставалось только ждать. Стало быть, каждый получил возможность заняться своими делами.

Правда, пока не было возможности связаться с Джаваном. В Ремуте имелось несколько вполне доступных Порталов, в том числе и один прямо во дворце, но принц о них не знал. К тому же, он пока еще не прибыл в Ремут. Посланцы Джорема зорко следили за королевской процессией и сообщали, что Джаван пребывает в добром здравии и на свободе... Кортеж надолго задержался в Тарлевилле, во владениях графа Таммарона. Там они собирались остановиться

¹Псалтирь 24:14

не меньше чем на неделю, прежде чем вновь тронуться в путь в новую столицу. Да и когда они наконец прибудут на место, понадобится еще немало дней, чтобы дела там устоялись и наладилась привычная рутина. Лишь после этого можно будет попытаться что-то предпринять.

Вот так и получилось, что у обитателей убежища неожиданно оказалось полно свободного времени. Джорем и Ивейн начали с того, что подвели итог своим предыдущим изысканиям.

— Я начала с четырех свитков «Протоколов Орина», что мы забрали из Шиила,— сказала Ивейн, листая свои записи, разложенные на столе.— Как ты знаешь, они вложены в футляры разных цветов и потому именуются Черный, Алый, Зеленый и Золотой. Именно в последнем мы нашли все необходимое, чтобы отец мог принять в себя воспоминания Элистера.

— Но нам давно известно, что заклятья остановленной жизни там нет,— возразил Джорем.

— Да, и все же я внимательно перечитала все четыре свитка, равно как и примечания к трудам Орина. Ни он сам, ни его последователи не говорят об этом напрямую, и все же я считаю, что искомое заклинание является продолжением того, что мы сделали тринацать лет назад. Кроме того, мне попались смутные упоминания о якобы существовавшем Пятом Свитке, в синем футляре, который порой имеют еще «Книгой Отваги». Похоже, это был последний труд Орина, и он работал над ним до самой смерти.

— Значит, мы ищем Пятый Свиток?

— Не обязательно.— Ивейн взяла в руки другой листок.— Меаранский поэт Мак-Дара, живший двести лет назад, упоминает о заклятье против смерти в

своей оде «Дух Ардала». Не думаю, что это просто поэтическая вольность... Из более свежих источников — имеется туманный текст, именуемый *«Haut Arcanum»* гавриилитского философа, некоего отца Эдуарда. Нужно будет спросить о нем Кверона. И мне кажется, что-то есть в каком-то труде под названием *«Liber Riae»*, или «Книга Покрова». Очень редкая вещь, я так и не смогла отыскать его,— но он должен был быть в старой варнаритской библиотеке.

Покачав головой, Джорем поднес выписки Ивейн поближе к свету. Они с сестрой сидели в крохотной келье, недалеко от того места, где покоилось в магическом сне тело Камбера; все подходы в эту часть убежища были тщательно ограждены заклятьями. У стены стояло подиуэны сундуков с книгами, и кроме стола посреди комнаты, здесь оставалось место лишь для двух стульев.

— Варнаритская библиотека, говоришь? Да, вот это будет задачка не из простых, чтобы попасть туда! Эдвард Мак-Иннис, скорее всего, наводнил Грекоту епископской стражей. Обычным путем никто из нас не рискнет туда отправиться.

— Иными словами, необычным путем все же можно попробовать?

— Хм-м, вероятно.— Он не сказал ничего больше, и Ивейн поежилась на стуле, поплотнее запахиваясь в плащ.

— Ну же, выкладывай.

Джорем пожал плечами.

— Помнишь, я рассказывал, как отец взял меня с собой в развалины под Грекотой, в ту самую осень, когда Синхил пришел к власти. Позже он показывал мне старые планы резиденции епископа. Тебе не доводилось их видеть?

— Нет.

— Так вот, дворец просто пронизан тайными ходами и комнатами. Некогда там был варнаритский монастырь.

— Да, кажется, я что-то слышала об этом. Но планов не видела. Он все собирался мне их дать, но руки так и не дошли. Полагаю, ты не знаешь, где они сейчас?

Джорем положил записи на стол, подровнял их, затем скрестил руки на груди.

— Увы, нет. Я тоже видел их всего один раз. Столько всего случилось за эти годы... скорее всего, он просто положил бумаги обратно в архивы, где их нашел. Не знаю, успел ли он сам исследовать эти подземелья, но насколько я могу сейчас вспомнить увиденное, там имелись какие-то ответвления ходов, ведущих прямо к библиотеке. Разумеется, это не означает, что я сумею отыскать их на месте, и что по ним все еще можно пройти. Даже те немногие залы, куда он брал меня, были в ужасающем состоянии, кое-где там казалось просто опасно находиться.

— И все же именно этой дорогой они прошли с Джебедией, когда бежали в монастырь святой Марии.

— Именно так,— согласился Джорем.— И я готов попробовать отыскать путь в библиотеку. Я просто хотел тебя предупредить, что может не получиться. А если мы их и обнаружим, может оказаться, что по ним нельзя пройти.

— Понимаю.— Несколько мгновений Ивейн задумчиво смотрела куда-то вдаль, затем обернулась к брату.— Получается, первым делом нам нужно восстановить эти планы. Ты справишься?

Джорем рассеянно улыбнулся.

— Ну, рисовальщик из меня никакой, но попробую. Однако без твоей помощи мне всего не вспом-

нить. Готова ли ты заняться этим прямо сейчас? Лично у меня вечер свободен.

— У меня тоже.— Она выложила на стол чернильницу и чистые листы пергамента, затем подошла и встала у брата за спиной, опустив руки ему на плечи. Мгновенно они вошли в контакт, и Джорем опустил свои защиты, чтобы слияние сознаний стало наиболее полным.

— Теперь закрой глаза, я поведу тебя,— прошептала она, заставляя Джорема откинуться назад и легонько касаясь его висков холодными пальцами.— Иди глубже, еще глубже. Возвращайся в тот день в Грекоте, когда отец показал тебе планы. Вот он раскладывает их перед тобой. Вспомни, как поражен ты был, когда он проводил по ним пальцем, перечисляя свои находки. Изучи внимательно то, что видишь. Вспомни каждую мелочь с такой ясностью, что мог бы прочесть каждую букву и линию.

Повинуясь ее указаниям, перед мысленным взором Джорема возник искомый образ,— и он слегка улыбнулся, по мере того, как тот делался все отчетливее.

— Хорошо,— донесся до него ее голос.— А теперь зафиксируй эту картину в сознании и, когда будешь готов, открай глаза и узри эти чертежи перенесенными на чистый пергамент. Когда ты откроешь глаза, ты по-прежнему пребудешь в трансе, и образ останется, покуда ты не прочертишь все линии заново. Начинай, когда будешь готов.

Он медленно открыл глаза, потянулся за пером и окунул его в чернила. Рука его словно зажила собственной жизнью. Перо скользило вдоль призрачных линий с уверенной точностью, намечая коридоры, комнаты и лестницы, восстанавливая надписи, сделанные в архаическом стиле, ничем не напоминав-

шем его собственный почерк. Все это время Ивейн оставалась с ним в контакте, и часть его сознания ликовала вместе с нею от незамутненной радости перед такими возможностями его разума.

Он чертил и писал добрых два часа, без остановки, испещрил рисунками несколько листов пергамента, и рука его даже не почувствовала усталости. Наконец он отложил перо и откинулся на стуле с закрытыми глазами, позволяя Ивейн медленно вывести его из транса, лишь задержавшись на мгновение, чтобы показать ей в своем сознании образы тех мест, где они побывали с отцом. Когда Джорем вновь открыл глаза, сестра сидела напротив, изучая восстановленные им планы.

— Жаль, что тут нет продолжения дальше на восток,— заметила она, постукивая пальцем по правому краю листа.— Такое впечатление, что эти два коридора могут вести именно туда, куда нам нужно, но точно сказать невозможно, чертеж обрывается.

Пожав плечами, Джорем потянулся и зевнул.

— Извини, но так было в оригиналe. Насколько мне известно, началось все с засорившихся стоков. Именно поэтому он и стал искать планы. Рабочие пробились на верхние уровни старого комплекса. Отец велел им замуровать эти проходы и, подозреваю, слегка изменил им память, чтобы никто не вспомнил о подземных ходах. Но что было закрыто, может быть открыто вновь. Там мы вполне сможем отыскать дорогу куда надо.

— Хм, весьма вероятно. И, конечно, попробовать стоит.— Ивейн вздохнула, затем несколько мгновений пристально вглядывалась в пергамент и наконец задумчиво склонила голову набок.— Тебе это не понравится, но, по-моему, нам пора во все посвятить Кверона.

Джорем застыл.

— Ты права. Мне это не нравится.

— Тем не менее, то, что ты задумал, не под силу двоим людям просто физически. Я уж не говорю о том, что придется разгребать мусор и расчищать завалы, но ведь нужно еще проникнуть в библиотеку. А если кто-то из нас пострадает? Без Целителя не обойтись.

— Так пусть Грегори пришлет нам Целителя из Тревалги,— предложил Джорем.— Остальным совершенно незачем знать, почему мы хотим добыть рукописи из варнаритской библиотеки. Да, собственно, и Кверону тоже.

Ивейн хмыкнула.

— А ты думаешь, он не станет задавать вопросов? Кроме того, мы нуждаемся в его опыте. Помнишь, отец утверждал, что гаврииллы — прямые наследники варнаритов. А кроме Кверона других гаврииллов среди нас нет, и к тому же, он — ученый. Значит, ему могут быть известны некоторые вещи, важности которых для нас он и сам не сознает, в частности, о древних книгах тайного знания.

— С этим я спорить не буду,— кивнул Джорем.— Но что именно ты предлагаешь ему рассказать?

— Все.

— Все? Сейчас?

Ивейн пожала плечами.

— Рано или поздно нам все равно пришлось бы ему открыться. Кроме того, он очень наблюдательный человек. Теперь, когда Реван здесь уже побывал и узнал все необходимое, вряд ли я смогу делать вид, будто продолжаю изучать обряды крещения.

— Боюсь, ты права.

— Так скажем ему сегодня вечером?

Со вздохом, Джорем опустил голову на сцепленные руки, упервшись локтями в столешницу. Несколько мгновений он невидящим взором смотрел перед собой, на листы пергамента, разбросанные по столу, затем вздохнул еще раз и откинулся на спинку стула, глядя на сестру.

— Могу предположить, что ты уже решила, как это лучше сделать?

С улыбкой она накрыла ладонью его руку, вновь входя в контакт с его сознанием.

— Почему бы не попробовать вот так,— прошептала она, посвящая его в детали плана.

* * *

Полчаса спустя стук в дверь отвлек Кверона от размышлений. Он сидел скрестив ноги на постели, изучая наброски для завтрашней мессы, но тут же собрал все бумаги и крикнул:

— Войдите.

— Добрый вечер.— Ивейн улыбнулась ему, закрывая за собой дверь.— Надеюсь, я вам не помешала?

Кверон улыбнулся в ответ и отмахнулся.

— Это только к лучшему, уверяю вас. Я пытался прикинуть кое-что к утренней мессе, но без всякого успеха. Так что придется, видимо, отложить до завтра, в надежде, что Святой Дух сам вразумит меня, когда придет время. Опыт подсказывает, что это куда лучший выход. Чем я могу вам помочь?

— Ну, я хотела бы кое-что вам поведать,— отозвалась она небрежно, прислонившись к косяку двери.— Видите ли, те изыскания, которыми я занималась последние месяцы, касались не только обряда крещения для Ревана. Это не имеет прямого отношения также и к проблемам Джавана с регентами, однако

это весьма важно для меня лично. А теперь мне может понадобиться помочь Целителя. Поскольку Райса больше нет, то я выбрала вас.

Кверон нахмурился, озабоченный ее словами, и медленно поднялся на ноги.

— Вы, часом, не захворали?

— Нет, ничего такого.— Она улыбнулась.— Поверьте, вам не догадаться, в чем дело, и за тысячу лет. А я не буду вправе ничего вам рассказать, прежде чем вы пообещаете опустить свои защиты и полностью предаться в мои руки, чтобы мы с Джоремом могли поведать вам все до конца.

Целитель недоуменно поднял брови, однако ни тени страха не мелькнуло на его лице.

— Так, значит, Джорем тоже здесь замешан? Звучит довольно пугающе.

— Более того, Кверон, это может потрясти вашу веру до самого основания.

— Ясно.— Он глубоко вздохнул, видимо, обдумывая предложение Ивейн, затем медленно кивнул.— Ладно. Вы достаточно озадачили меня и теперь прекрасно понимаете, что я уже не отступлюсь... и что дальше? Насколько я понимаю, без Джорема вы ничего мне не откроете, а он ждет нас в другом месте? Где именно? Или просто остался снаружи?

Ивейн сдержанно улыбнулась.

— Да, он ждет. Но не здесь. Пойдемте со мной.

Она вызвала светошар и повела его вниз по лестнице, которой Целитель до сих пор не замечал. Они спускались все ниже и ниже; он и не знал, что убежище простирается так глубоко. Последняя площадка была озарена светом факелов, но Джорема по-прежнему нигде не было видно.

— В последние дни перед тем, как Синхил Халдейн пришел к власти, здесь прятались несколько сот

рыцарей-михайлинцев, и на этом уровне находились склады,— пояснила Ивейн, погасив светошар и вынув факел из скобы на стене.— Теперь нас куда меньше, и столько провизии нам не раздобыть при всем желании, однако нижние этажи все равно можно использовать.

Кверон ничего не ответил, следуя за своей провожатой молча, со все возрастающим любопытством, но и с опаской. Он ждал появления Джорема, но все же вздрогнул от неожиданности, когда тот вдруг выступил вперед из дверей, в самом конце коридора. Целитель догадался, что то, что они намеревались показать ему, находится именно за этими дверями. Джорем кивнул в знак приветствия и взял факел у сестры, однако не произнес ни слова. Вид у него был суровый и строгий, и внезапно сердце Кверона забилось часто и взмолнивенно.

— Вот теперь мне нужно взять власть над вами,— негромко сказала Ивейн, поворачиваясь к Целителю. Ее синие глаза смотрели на него, не отрываясь.— Обещаю, вам ничто не угрожает, но вам придется полностью подчиниться моей воле.

Недобродорное предчувствие овладело Квероном, но он отогнал его прочь и с неуверенной улыбкой поднял руки, касаясь ее ладоней.

— Однажды я сделал то же самое для вашего супруга,— сказал он.— И Райс напугал меня до смерти. Он показывал, как может блокировать наши способности. Вы тоже пугали меня порой... вы оба — но никогда не предавали мое доверие. Так что давайте, делайте то, что считаете нужным. Я не стану противиться.

С этими словами он опустил свои защиты — словно огонек погас за стеклянным колпаком светильника. Медленно и осторожно он раскрылся пе-

ред ней полностью, позволив ее сознанию поглотить свое собственное, точно окутав его облаком очищающего сияния, принять контроль над всеми истоками силы, так глубоко, как он и не думал, что кто-то способен проникнуть.

Она была талантлива — очень талантлива. Разумеется, его дар остался при нем, но теперь он не сумел бы воспользоваться им даже ради спасения собственной души. Оставалось лишь молиться, что он не совершил ошибку, доверившись этим двоим, ибо сейчас Ивейн могла уничтожить его одним взмахом ресниц,— так велика была ее власть.

Но она пока ничего не требовала, лишь с улыбкой отпустила его левую руку и развернула спиной к дверям, где Джорем по-прежнему стоял на страже с факелом в руках. Кверон слышал, как дверь распахнулась, затем его ввели в помещение, все так же задом наперед; Джорем задвинул засов и вставил факел в скобу у косяка. Мерцающий свет озарил их напряженные, бледные лица.

— На том, что вы сейчас увидите, наложены чары,— предупредила его Ивейн и отпустила руку, чтобы он мог обернуться.— То, что вы *думаете*, что видите,— совсем не обязательно то, что есть на самом деле.

Кверон даже не заметил, когда Ивейн успела включить Джорема в их контакт. Собственно, он, вообще, позабыл о всяких контактах, уставившись, как громом пораженный, на укрытое синей тканью тело в саркофаге. По четырем углам его горели свечи в высоких подсвечниках, освещая лицо человека, которого Кверон сам помогал хоронить всего несколько месяцев назад.

— Но... это же Элистер Келлен,— выдохнул он, вмиг позабыв, о чем предупреждала его Ивейн.— Не понимаю. Зачем вы перенесли его сюда?

— Я же сказала, то, что вы *думаете*, что видите, не обязательно то, что есть на самом деле,— повторила она и легонько взяла его за левое запястье.— Взгляните еще раз.

Прямо перед глазами Кверона лицо мертвеца вдруг замерцало, а затем изменилось. Вскрикнув, Кверон наклонился ближе, ухватившись обеими руками за край саркофага. У него закружилась голова. Он упал на колени, и единственной его сознательной мыслью было то, что Джорем сказал правду в тот день, много лет назад — что он спрятал тело отца. Он не вознесся на небеса, но моши его остались нетленны!

— Святой Камбер! — через силу пробормотал он.— Хвала Господу!

Он принял креститься, но Джорем перехватил его руку.

— Не могу сказать, святой он или нет,— произнес он резко,— Но сперва подумайте хорошенъко о том, что вы увидели в самом начале!

— Но...

— Кверон, *мой отец не умер в 905 году*,— жестко продолжил Джорем.— *Тогда погиб Элистер Келлен*. Мы с отцом обнаружили его труп после битвы, и я помог отцу принять облик Элистера, а Элистеру придал внешность отца, потому что в то время Синхил нуждался в Элистере Келлене больше, чем в Камбере Мак-Рори. Все остальное последовало из этого убеждения. *Все* остальное.

— Но видения...— слабо возразил Кверон.— И чудеса...

— Основывались на том, что нам приходилось делать — по крайней мере, изначально,— отзывалась Ивейн.— Покажи ему, Джорем. Ведь ты лично принимал во всем этом участие. Мы не собирались де-

лать из него святого, Кверон. Честное слово, не собирались.

Кверон вновь рухнул на колени и застонал, когда михайлинец опустил руку ему на голову. Он ощущал, как Ивейн удерживает его защиты, чтобы дать брату без помех проникнуть в его сознание и наводнить образами давно минувшего. Он сам дал им такую власть над собой!.. Холодная рука Джорема давила ему на лоб, прижимая голову к плечу Ивейн, и от хлынувшего мощного потока информации Целитель едва не лишился чувств; глаза его закатились.

Вот Джорем помогает отцу наложить чары, превратившие его в Элистера, а Элистера – в Камбера... Помогает Камбера прочесть остаточные воспоминания мертвеца... Возвращается в лагерь короля Синхила с живым Камбера-Элистером и телом своего «отца». Лишь он сам, Райс и Ивейн знали правду в самом начале.

«Камбера» даже не успели похоронить, как произошел первый инцидент – один из тех, что позже произвел на всех такое впечатление при канонизации. В ту ночь Гвейр Арлисский, юный оруженосец Камбера, был все себя от горя, подумывал едва ли не о самоубийстве, и чтобы утешить его, Камбер явился пред ним, якобы как сон или видение. Вдохновленный Гвейр возомнил, будто стал свидетелем чуда.

Вскоре после этого, хотя сам Камбер был тогда без сознания, случилось второе происшествие, послужившее затем истинной основой для признания его святым, – без этого свидетельства все прочие могли бы быть расценены просто как выдумки или игра воображения... Во время обряда, в ходе которого Ивейн, Райс и Джорем помогали Камбера полностью освоиться с памятью покойного Элистера Келлена – иначе чужие воспоминания грозили привести

его с ума,— двое посторонних помешали их работе и успели увидеть подлинное лицо Камбера. Оба не имели понятия о том, что же происходит в действительности, и решили, что имеют дело со сверхъестественным вмешательством. Одним из свидетелей был лорд Дуалта Джерриот, ръяный молодой михайлинец, другим же — сам король Синхил. Позднее, когда встал вопрос о канонизации, оба засвидетельствовали увиденное в ту ночь, хотя король пошел на это крайне неохотно.

Однако прежде всего этого случилось еще одно событие, во многом определившее и оправдавшее дальнейшие поступки Камбера в роли Элистера Келлена, и также послужившее признанию его «святости». Все началось с того, что Камбер обнаружил, что Элистер Келлен, бывший тогда настоятелем михайлинцев, рыцарь и священник, перед военным походом согласился занять пост епископа.

Отказаться от этого позднее потребовало бы от Камбера слишком долгих объяснений. Вместе с тем, он никогда не посмел бы осквернить столь высокий пост, исполняя обязанности епископа, не будучи священником. Правда, если бы двое его старших братьев остались живы, Камбер, на самом деле, собирался принять сан, но оставшись единственным наследником, он был вынужден вернуться в мир. Ради исполнения сыновнего долга он в молодости отказался от своего истинного призвания. И теперь Джорем подсказал ему, каким образом можно разрешить эту дилемму.

Камбер решился открыться своему старинному другу-Дерини Энскому Тревасскому, архиепископу Валоретскому. В ночь перед принятием сана епископа, он принял от него религиозное посвящение, дабы исполнять свою новую роль по возможности хо-

рошо и честно. Энском долгие годы оставался единственным, кто помимо семьи Камбера был посвящен в эту тайну и знал, кто скрывается под маской Элистера Келлена.

Так обман мог длиться бесконечно, без лишних осложнений, если бы не юный Гвейр Арлисский, который поведал о чудесной явлении Камбера гаврийлитскому Целителю-священнику Кверону Киневану. Кверон к тому времени уже проявлял интерес к культу «Блаженного Камбера», расцветшему у гробницы в Кайрори. Уже тогда Джорем считал, что это поклонение представляет определенную опасность, и стал подыскивать новое место для перезахоронения тела «отца». В ту пору казалось разумным шагом переместить мертвого из семейного склепа, поскольку какой-нибудь особенно ярый фанатик вполне мог попытаться проникнуть в усыпальницу и обнаружить, кто, на самом деле, покоится там, а точнее — кого там нет.

Однако год спустя это вышло им всем боком, когда Кверон представил доказательства Совету Епископов и потребовал канонизации Камбера, приводя в пример как очередное чудо опустевшую могилу. По его словам, святой был телесно вознесен на Небеса. Джорем, служивший секретарем у епископа «Элистера» не имел права открыть истину и мог лишь вяло оправдываться, что переместил тело, а ныне связан магическим обетом не разглашать нового места упокоения. Это утверждение лишь подлило масла в огонь. А Джорем с Камбером оказались между двух огней — либо канонизация, либо раскрытие подмены.

Ни тот, ни другой ни разу не давали ложных показаний под присягой, но не под силу им оказалось также и противостоять Кверону. Всего месяц спустя

Камбер официально был признан святым, и орден Слуг Святого Камбера, который и возглавил Кверон, понес свет нового учения по всему Гвиннеду. Сам же Камбер продолжал жить под ликом Элистера Келлена до последнего времени, успешно вводя в заблуждение всех, включая и самого Кверона, пока клинки убийц не унесли его жизнь на заснеженной поляне, неподалеку от монастыря святой Марии-на-Холмах.

По мере того, как Джорем нагнетал все эти сведения в сознания Кверона, тот отчаянно пытался воспротивиться, не желая принимать истины, которые так разнились с теми, что доселе составляли самую основу его существования. Он рыдал, оплакивая утраченную веру, и ничего не мог с собой поделать. А дети Камбера еще не закончили...

Теперь инициатива перешла от Джорема в руки Ивейн, и она поделилась с Квероном своей непоколебимой уверенностью, что Камбер по-прежнему не умер до конца, и душа его словно подвешена в путах чар между жизнью и смертью. Подобное заклятье большинство Дерини считали невозможным, если вообще хотя бы слышали о нем. Но Ивейн провела пугающе-детальное расследование — впрочем, от дочери Камбера Кверон и не ожидал иного,— и теперь груз всех этих новых сведений добавился к тому, что Целителю уже пришлось впитать в себя. Одновременно от Ивейн пришел и зов о помощи. Они с Джоремом хотели попытаться развеять заклятье, удерживающее Камбера в сумеречной области не-жизни, и просили Кверона излечить его тело, прежде чем его наконец возьмет истинная смерть. От одной мысли о чем-то подобном у Кверона еще сильнее закружилась голова, и этот Дерини, всегда такой трезвомыслящий и невозмутимый, поспешил

перекрестился бы в ритуальной мольбе об избавлении — если бы только мог по-прежнему владеть своим телом.

Но было и еще нечто, смягчавшее невероятную смелость всех этих построений. Подспудное убеждение брата и сестры, что было в их отце нечто такое, что отрицало рациональные объяснения, даже для тех, кто знал его всю жизнь. Порой они и сами гадали, не был ли он святым? Присутствие духа Камбера они не раз ощущали за последнее время, пока разыскивали запретное заклинание, и ощущение это не имело ничего общего с культом святого Камбера, который ныне подвергался таким жестоким гонениям во внешнем мире.

Так что же, был ли Камбер и впрямь святым? Даже Джорем вынужден был задаться этим вопросом. Ибо что такое, в сущности, святость? Может ли кто-нибудь знать наверняка?

Теперь и Ивейн отступила, как Джорем до того. Она использовала умения, почерпнутые от Райса, чтобы проверить физическое состояние Кверона — унять учащенное дыхание и сердцебиение, смягчить растревоженные психические каналы... после чего она смущенно извинилась, что была вынуждена подвергнуть его такому испытанию.

— Мы никогда намеренно не хотели обманывать вас, Кверон, — пробормотала она вслух, поглаживая его по голове, поклонившейся у нее на коленях. — И никогда никому не хотели причинять вреда, хотя это оказалось неизбежно... но мы обязались защищать Синхила, а ныне — его сыновей. Все, что делал отец — и все мы — было подчинено лишь этой цели. Мы не искали выгоды для себя... А теперь нам нужен Целитель, чтобы вернуть его и дать возможность про-

должить начатое. Но вы можете пойти на это лишь по доброй воле.

Но пока еще собственная воля не вернулась к нему. Она по-прежнему контролировала его, опасаясь непредвиденных реакций,— и, вероятно, это было и к лучшему поскольку ему требовалось время, чтобы утихли гнев, скорбь и боль в душе, и чтобы разобраться со всем тем, что он узнал сегодня. Как пьяный, он с трудом приподнял веки, чтобы взглянуть на Ивейн и Джорема, застывшего у сестры за спиной; вид у обоих был серьезный и встревоженный. Даже от этого простого усилия его накрыла волна тошноты, и Кверон испугался, что ему может сдаться дурно,— так сильно болела у него голова. Но Ивейн, вероятно, ощущала его недомогание и помогла справиться с болью, после чего вместе с ним про-делала все обычные деринийские упражнения, помо-гавшие восстановить силы после тяжелой работы.

Он осознал, что ее забота неприятна ему. Боль отступила, и Кверон понял, что вновь владеет своим телом — и только защиты Ивейн удерживала по-прежнему. В тот же миг ему пришла мысль, что он мог бы нанести удар обычный, не магический... хотя, они ведь заранее предугадают его намерение и успеют ответить... Кроме того, здравый смысл твердил, что никто не собирался сознательно обманывать его — и все же искушение было велико ответить болью на боль.

— Но я не сделаю этого,— прохрипел он вслух, с удивлением почувствовав, как саднит у него горло.— Вы должны дать мне время освоиться со всем этим, но теперь, конечно, мне многое стало понятно. Вы сделали то, что сделали, с самыми благими намерениями. Просто все получилось не так, как задумано.

Ивейн вздохнула.

— Хотелось бы верить в это. Порой начинает казаться, будто нас просто подхватило и понесло приливной волной рока, и мы уже никак не могли повлиять на те силы, которые неосторожно сдвинули с места, не догадываясь о последствиях. Одно цеплялось за другое...

— А теперь вам пришлось открыться мне.— Он улыбнулся дрожащими губами.— Должен ли я расценивать это как тайну исповеди?

Джорем смущился.

— Мы об этом не задумывались. Что бы я ни делал, я никогда и ни в чем не шел против моей совести священника. Насколько мне известно, отец тоже. И я никогда не стал бы просить вас ни о чем подобном.

— А я такого и не предполагал,— вполголоса отозвался Кверон, трясущимися руками растирая лицо.— Как же у меня трещит голова... Камбер чувствовал тоже самое, когда принял в себя память Элистера?

— Похоже, но не совсем.— Ивейн неуверенно улыбнулась.— Вам стоит выспаться как следует, это должно помочь. Если хотите, я внушу вам этот приказ, а затем провожу до вашей кельи. Не думаю, чтобы вам хорошо спалось здесь, на полу, тем более, когда он рядом.— Она повела подбородком в сторону саркофага.— И не думаю, чтобы нам с Джоремом доставило удовольствие тащить вас наверх по лестнице.

Кверон хмыкнул и потрепал Ивейн по руке.

— Дорогая моя, после всего, что мне довелось пережить сегодня, я не посмел бы просить вас ни о чем подобном. Признаюсь, я еще неспособен мыслить трезво. Вы сами знаете, что мне сейчас нужнее, и душе, и телу. Вам довелось работать с одним из

лучших Целителей, каких я знал. Так что давайте ваши установки; мы все заслужили хороший отдых.

— И кстати, Джорем,— продолжил он, обернувшись.— Не думаю, что вам стоит беспокоиться, сумеете ли вы сравняться со мной.— Тот попытался возразить, но Кверон покачал головой.— Нет, не надо. Вам внушала почтение моя репутация, но я сам создавал ее долгие, долгие годы, намеренно внушая всем, что мои способности очень велики. Да, это на самом деле так, но...— Он поднял палец, чтобы подчеркнуть свои слова.— Ваш дар ничуть не меньше. В конце концов, вас ведь обучал сам Камбер Мак-Рори — все равно, был он святым, или нет.

Глава девятнадцатая

**Ибо видишь ты,
святынище наше порушеное,
и алтарь разбит,
и уничтожен храм¹**

12 аутро Джорем отслужил мессу за Кверона. Тот проснулся уже после полудня, но еще долго лежал, глядя в потолок и размышая, пока под вечер к нему не постучалась Ивейн с подносом. За ее спиной маячил смущенный Джорем.

— А, вы уже проснулись? — радостно приветствовала она Кверона.— Я принесла вам ужин. Как вы себя чувствуете?

Улыбаясь, Кверон спустил ноги на пол и взял поднос на колени.

— Голоден, как зверь. Как я еще могу себя чувствовать, когда спал целый день.— Он сделал вид, что не заметил, как его гости переглянулись между собой, и откусил кусок хлеба, щедро намазанный маслом и медом.— Надеюсь, кто-нибудь догадался отслужить мессу сегодня утром? Эта обязанность — то немногое, что я могу сделать для собравшихся под этим кровом, если не считать редких вызовов Целителя, когда кто-то из малышей оцарапает коленку

¹2-я Ездры 10:21 (Апокриф.)

или переест сладкого. Вам следует больше загружать меня работой.

— Вы и без того сделали немало,— возразил Джорем с тревогой в глазах.— Мы не имели права требовать большего.

— И все же потребовали,— возразил Кверон.— И, обдумав все как следует, я решил согласиться.

Ивейн уставилась на свои руки, смущенная, не смея поднять глаз на Целителя.

— Поиски в архивах — это только начало, Кверон. Если мы отыщем искомое, то магический ритуал, вероятно, будет совсем ни на что не похожим. И он может подвергнуть опасности наши жизни и бессмертные души. Вы должны знать заранее, на что даете согласие.

Кверон начал было что-то говорить, но тут же осекся и сделал несколько ритуальных жестов — выглядевших странновато, поскольку в одной руке он все еще держал кусок хлеба. Впрочем, это никак не помешало защитному куполу тут же окутать всех троих мерцающим облачком серебристого света.

— Скорее, следует спросить, понимаете ли вы сами, что задумали? — возразил Кверон, откусив еще хлеба с медом.— Да, вы считаете, что должны попробовать обратить чары, которые, как вам кажется, были наложены Камбером... и я хотел бы еще раз взглянуть на него, теперь, когда слегка отошел от потрясения. Но будьте уверены, что я куда лучше вашего представляю все трудности на этом пути. Ведь вы даже не представляете, как именно было наложено заклятье, не говоря уже о том, возможно ли прекратить его действие.

— Результаты *неудавшегося* заклятья я видел своими глазами,— заметил Джорем.— Эриелла попыталась применить его, после того как Элистер пригвоздил

ее к дереву мечом. Либо она умерла, не успев его довершить, либо сделала что-то неправильно. К отцу ни то, ни другое не относится.

— Возможно, вы и правы,— отозвался Кверон негромко.

— И я был с ним, когда Райс умирал,— продолжил Джорем.— Отец был уверен, что сумеет наложить чары, которые позволили бы Райсу дождаться прибытия Целителя. Но он подумал, что не вправе принимать такое решение за другого человека,— выходит, он подозревал, что заклятье таит в себе опасности, помимо обычной смерти тела. Учитывая все это, и те сведения, что мы с Ивейн почерпнули из архивов, я вполне отдаю себе отчет, с какими силами мы имеем дело. Не только гавриилиты что-то смыслят в таких вещах, знаете ли.

— Никто так и не говорил, сын мой.

Кверон молча принял за еду, затем налил себе эля из глиняного кувшинчика и осушил кружку.

— Однако, полагаю, вы согласитесь, что гавриилиты все же кое-чему учат,— произнес он наконец, словно и не было перерыва в разговоре.— В общих чертах вы, действительно, понимаете, о чем у нас идет речь. Нарушив отчасти свои обеты, я добавлю, что эта тайна уходит корнями в учение древней школы мистиков, самое существование которой я не вправе разглашать. Вполне возможно, что именно они и стояли у истоков этих чар. Мне нужно хорошенъко все взвесить, чтобы решить, сколь многое я могу открыть вам. Я по-прежнему связан некоторыми клятвами, не менее сильными, чем те обеты, что я принес вашему Совету.

Ивейн тихонько вздохнула, все еще не глядя на Целителя.

— Мы знали о существовании иной традиции, помимо гавриилитской. Вы ведь занимались с отцом Эмрисом, да? Однажды он признался отцу, что изначальное воспитание получил не у гавриилитов и не у михайлинцев. Речь ведь идет о пред-варнаратых, верно? Если повезет, мы надеемся отыскать кое-какие варнаратские тексты.

Когда она наконец посмотрела на него, глаза ее сияли, как сапфиры. Лицо Джорема казалось суровым и замкнутым, а глаза — непроницаемыми, как гранит. Впрочем, в облике его не было угрозы.

— Мне кажется, — заметил Кверон, отставляя в сторону поднос, — что тогда, в *кииле*, мы так и не довели до конца наш обряд. Едва ли нам стоит спускаться для этого вниз? — Он протянул им руки. — Если вам нужна моя помощь, то вам придется сообщить мне все, даже то, что вы утаили в тот раз из-за связи с Камбером. Нам необходимо разобраться в этом.

Без единого слова Джорем и Ивейн сели с ним рядом и соединили руки. Сперва связь была неустойчивой, поскольку Кверон не привык к такому контакту, но вскоре они сумели обрести необходимую гармонию.

На сей раз единственными области, где они не открылись друг перед другом, были тайные обеты Кверона и то, что охраняла тайна исповеди. Ивейн и Джорем, как опытные Дерини, не сомневались в этом. Сейчас они смогли обменяться всеми своими познаниями и планами на будущее. И если у кого-то из них прежде еще оставались опасения касательно других, то теперь они развеялись окончательно.

— Я уверен, нам нельзя терять времени, — заметил Кверон, когда они наконец разорвали контакт, и взял с подноса кусок сыра. — Варнаратская библиотека, наверняка, станет одной из первых мишеней для

Custodes Fidei, если только прислужники епископа Эдварда еще не успели наложить на нее руки.

— Вы же не думаете, что они сожгут библиотеку?
— пришла в ужас Ивейн.

— Почему же нет? Или хотя бы частично.— Кверон налил себе еще эля.— И это будет очень досадно, поскольку в Грекоте точно хранился экземпляр *«Liber Riae»*, я сам его там видел. Нужно идти сегодня ночью.

— Сегодня? — удивленно переспросил Джорем. Брат и сестра переглянулись.

— Но разве вам не нужно отдохнуть? — спросила Ивейн.— Мы подвергли вас тяжкому испытанию прошлой ночью.

— Верно.— Кверон залпом допил свой эль.— Но гавриилиты — стойкий народ. Когда все будет позади, в свободное время я покажу вам пару упражнений. А теперь идите оба и переоденьтесь, пока я додел. Едва ли синие одежды михайлинцев подходят для подобной вылазки, равно как и длинные юбки. Так что Ивейн лучше одолжить у кого-нибудь штаны и сапоги.

Часом позже все трое, переодевшись в темное, насытившись и вооружившись кирками и лопатами, извинились перед Ниелланом, который пока оставался за главного в убежище и подошли ко входу в Портал. Джорем был в кожаной шапочке и протянул такие же обоим своим спутникам.

— Во-первых, она поможет скрыть наши с Ивейн светлые волосы, а, во-вторых, это необходимая защита в проходах с низким потолком.— Он улыбнулся, когда сестра принялась заталкивать под шапочку свою косу.— Тебе, Ивейн, по крайней мере, не грозит ушибить макушку!

Кверон, улыбаясь, также натянул головной убор.

— Похоже, вам уже доводилось выбираться в такие экспедиции. Должно быть, михайлинская школа?

— Конечно,— подтвердила Ивейн, прежде чем Джорем успел открыть рот.— Кто пойдет первым?

Джорем, единственный, кому доводилось прежде бывать в подземельях, сначала переправил туда Кверона, затем вернулся за сестрой. Целитель к их появлению уже успел вызвать серебристый светошар, и все вместе они вышли из Портала в обшитый деревом коридор, усыпанный мусором. Кверон и Ивейн уже видели это место в воспоминаниях Джорема, но своими глазами все выглядело иначе. Разные люди обращают внимание на разные детали. Ивейн больше всего поразил затхлый воздух и странный сладковатый запах.

— Сухая гниль? — пробормотала она, проводя пальцами по трухлявой стенной панели.

— И влажная гниль, влага, древесные жучки, все что угодно.— Джорем натянул перчатки.— Боже, это еще хуже, чем мне казалось.

— Да, вы ведь были здесь осенью...— Под ногами Кверона что-то захрустело.— Видимо, зимой тут более влажно. Нам налево, верно?

Джорем кивнул и двинулся за Квероном, придерживаясь рукой за стену.

— Верно. Вам, наверное, стоит осмотреть те части подземелий, что я видел в прошлый раз. Там, на стенах впереди, есть любопытные фрески. Осторожно голову!

Фрески, о которых говорил Джорем, давно уже перестали представлять интерес как произведения искусства. Если прищуриться, можно было представить, будто видишь сцены из монашеской жизни, но лишь при сильно развитом воображении. И Ивейн

куда больше интересовало то, что ждало их впереди — вот здесь, за поворотом.

Широкий проем прежде закрывали двойные дубовые двери, окованные железом. Одна из створок упала на землю: верхняя петля совсем проржавела, а нижняя не выдержала веса. Джорем не стал даже пытаться приотворить вторую, а просто взобрался по лежащей створке и подал руку Ивейн, спрыгнув на землю по ту сторону проема.

— *Adorabo ad templum sanctum tuum, et confitebor nomini tuo*, — прочел Кверон надпись над аркой. — Я буду поклоняться в священном храме Твоем и восславлю имя Твое. — Он хмыкнул. — Да, весьма подходит.

— К чему? — Джорем был удивлен. — Мы с отцом так и не смогли понять, что это означает.

— О, для тех, кто обустроил *это* место. — Кверон указал вперед. — Продолжим?

Просторный зал со сводчатым потолком поглощал слабое свечение их шаров. Отчасти он напоминал *кииль* под залой Совета Камбера, но казался еще больше. На круглом помосте из семи ступеней возвышался черно-белый кубический алтарь, такой же, как в *кииле*, но у этого верх был выложен черными и белыми плитками в шахматном порядке, как на гранях алтаря. Верх куба был сильно разрушен — похоже, на него рухнул некий тяжелый предмет, висевший прежде на цепи под потолком... обрывок ее до сих пор виднелся над алтарем. Колонны и арки зала исчезали во мраке, и даже когда Дерини зажгли еще несколько магических шаров, им так и не удалось победить тьму. Битое стекло и штукатурка усеивали ступени возвышения, хотя сам помост был очищен от мусора.

— Это мы с отцом постарались, — вполголоса заметил Джорем.

Кверон нагнулся, разглядывая осколки, Ивейн тем временем прошлась по периметру зала.

Если верить изображениям на стенах, это было место поклонения духам стихий, догадалась она. Вот здесь была зелень леса, чуть дальше — темное небо, затянутое грозовыми тучами, и молнии, затем — спокойная гладь озера среди горных пиков... Знакомые образы успокаивали, хотя сам этот зал вселял в душу тревогу.

Ивейн покосилась на Джорема, стоявшего в дверях, скрестив на груди руки. Кверон поднялся по ступеням и теперь разглядывал алтарь. Он уперся ладонями в камень и закрыл глаза. Когда она подошла к нему, Целитель поднял голову и улыбнулся уголками рта.

— Джорем был прав, даже спустя столько лет этот алтарь таит в себе большую силу.— Он жестом предложил ей убедиться в этом самой.

Встав рядом, Ивейн тоже положила руки на плиты — одну на белую, другую на черную. Она сразу ощутила потоки энергии, поднимающиеся спирально, словно волны, омывающие сознание; в них таялась необузданная мощь, внушавшая страх.

Она поспешила отпрянуть и невольно вытерла руки о рубаху, вопросительно косясь на Кверона.

— Вы знаете, кто использовал этот алтарь? И главное — для чего?

Кверон покачал головой.

— Я мог бы высказать пару ученых догадок, но лучше подождать, пока я все как следует обдумаю. Но, мне кажется, нас ждет библиотека. Не стоит терять времени.

— Тогда пойдемте сюда,— окликнул их Джорем.— Неподалеку должен быть боковой коридор. Оттуда мы и начнем.

Остаток ночи ушел у них на то, чтобы пробиться сквозь захламленные, полуосыпавшиеся проходы. Чем дальше, тем труднее делалось их продвижение. Под конец пришлось даже раскапывать дорогу, поскольку потолок совсем обвалился.

— Это сделал отец, — сообщил Джорем шепотом, пока они по камешку разбирали завал. — Там, чуть дальше, был проход на поверхность. Он не хотел, чтобы сюда попали посторонние. Впереди еще будут такие места, если я верно все запомнил.

В эту ночь они не слишком продвинулись к цели, и следующая была немногим лучше. На третью ночь они оказались в той части подземелья, что выходила прямо к резиденции епископа, в обход обширных подвалов, где Камбер-Элистер и его предшественники-епископы держали свою роскошную коллекцию вин. Ивейн принялась изучать внешне глухую стену, и лишь ее любопытство уберегло их от беды. Она потянулась заглянуть в какую-то щель — и вдруг сдавленно охнула.

— Что такое? — мысленно спросил ее Кверон.

Она отодвинулась, чтобы дать ему взглянуть самому, но перед внутренним взором еще стояло увиденное: тускло освещенный зал с чадящими светильниками на стенах, и... повсюду спящие солдаты епископского гарнизона. В ночной тиши дозорные неминуемо переполошились бы, заслышав хоть малейший шум из потайного коридора по соседству.

Им пришлось спешно отступить и дальше работать только в дневные часы, когда риск был не столь велик. В подземный ход не проникал свет снаружи, так что для них разницы почти не было, и по-прежнему приходилось использовать магический огонь, а не факелы, чтобы дым не выдал их присутствие. Зато можно было исподтишка наблюдать за происходя-

щим во дворце. На пятый день им даже попалось нечто вроде бойницы, выходящей на главный двор.

Там, посреди, что-то горело, и дым поднимался к небесам. Ивейн сперва подумала, что это жгут листвы, или кузнец установил там наковальню и не может как следует развести огонь.

Затем в поле зрения показались монахи, тащившие в охапках свитки и фолианты. Они выстраивались в цепочку, чтобы по очереди швырять свою ношу в огонь.

— А, дражайший епископ Эдвард решил-таки очистить свою библиотеку,— пробормотал Кверон, склонившись к ее уху.— Держу пари, наша *Liber Riae* либо уже в огне, либо скоро окажется там.

Содрогнувшись, Ивейн отпрянула и уткнулась лбом брату в плечо.

— Как они могут? — прошептала она.— Как они смеют жечь книги?

— Так же, как сжигают людей,— отозвался Джорем.— Книги тоже опасны.

— И они были бы рады всех нас отправить на один костер,— промолвил Кверон.— Ладно, пойдемте отсюда. Помешать мы все равно не сможем, а смотреть на это — только расстраиваться.

И все равно они еще немного задержались, и вернулись к Порталу в гробовом молчании.

— Что же теперь делать? — воскликнула Ивейн, когда они заперлись в крохотной келье, рядом с тем залом, где покоился Камбер.— Нам необходим этот текст.

— Значит, придется обойтись чем-то другим,— вздохнул Кверон.— Если только не случиться чуда. Но пока стоит вернуться к тому, чем мы уже располагаем. Я все ломал голову, пока мы шли обратно. Как насчет *Principia Magica* Китрона? Она есть у вас?

— Да, но там нет...

— Частично этот труд зашифрован,— возразил Целитель.— Мне давненько не доводилось перечитывать его, но, по-моему, там есть кое-что подходящее. Кроме того, возможно, мне все же удастся раздобыть экземпляр *Liber Riae*. Правда, для этого придется потрудиться.

Джорем кивнул.

— А я вспомнил о Джокале Тиндурском. Кажется, Райс говорил, что обнаружил там странные описания, посвященные непрямому исцелению. Здесь может быть какая-то связь.

Ивейн вздохнула и разочарованно покачала головой.

— Боюсь, мы хватаемся за соломинку. Может быть, вообще, все это сплошное безумие. Может быть, стоит просто похоронить отца — и забыть обо всем этом.

Никто не ответил ей, поскольку все понимали, что потерпели лишь временную неудачу, не более. Спустя какое-то время все втроем они перешли в соседний зал, чтобы помолиться и чтобы Кверон мог поближе изучить заклинание.

* * *

Все это время Джаван тоже не сидел сложа руки. Королевский кортеж наконец достиг Ремута, в воскресенье перед Великим Постом. Утром во вторник новая столица смогла насладиться пышной свадьбой — Ричелдис Мак-Лин, наследница Кирни, вышла замуж за Айвера Мак-Инниса, наследника нового графа Кулдского. Церемонию провел дядя жениха, архиепископ Валоретский и его младший брат, епископ Грекотский. Посаженным отцом был Джейми

Драммонд, свидетелем — сам король, а принцы прислуживали на заутрене, таким образом ставя печать высочайшего одобрения на сей союз. Присутствовали все регенты с женами.

О свадебном пиршестве в отстроенном ремутском дворце знать шепталась потом до самого лета. Что касается Джавана, то он был бы рад забыть его как можно скорее. Тринадцатилетняя невеста казалась совершенно ошеломленной происходящим и разразилась слезами, когда придворные дамы явились проводить ее в супружескую опочивальню. Жених, на восемь лет ее старше, пил слишком много, говорил слишком громко и хвалился, как петух, прежде чем последовать в спальню за молодой женой. Наутро, прежде чем отправиться в базилику за пеплом, отмечавшим начало Великого Поста, юный Айвер известил всех окружающих, что вполне доволен своим браком и что накануне уже побывал в Кирни.

За это Джаван возненавидел его с удвоенной силой, поскольку хотя юная Ричелдис и не была еще графиней Кирнийской, без сомнения, этому горю скоро собирались помочь. Так что он ничуть не удивился, когда через пару недель после свадьбы пришла весть о том, что дядя наследницы погиб на охоте от несчастного случая.

Джавану понадобился весь его актерский дар, когда пришлось присутствовать на церемонии утверждения в правах новой графини Кирнийской и признания графом ее супруга. Принц отправился затем в королевскую часовню, в сопровождении неизменного Карлана, и провел там несколько часов, рисуя в воображении худшие казни для убийц Иена Мак-Лина, хотя и прекрасно понимал, что это совершенно неосуществимо.

И все-таки он почувствовал облегчение. Он был уверен, что все до единого регенты так или иначе винны в смерти старого графа. И большая удача, что во время Поста они были заняты своими делами, поскольку иначе принц едва ли сумел быть вежливым с ними.

Отец Айвера, Манфред Мак-Иннис, вернулся в Грекоту вместе с епископом Эдвардом, чтобы подвергнуть разграблению варнаритскую школу; они забрали с собой Урсина О'Кэррола. Герцог Эван отбыл на север, править своими землями в Келдоре. Граф Таммарон время от времени выезжал, по поручению Манфреда, в Кайори, чтобы проследить за сносом тамошнего замка, ибо Манфред не желал, чтобы хоть что-то напоминало о прежних владельцах, когда он поселился там, и новый дворец возводили для него на другом конце владений. Мердок и Ран оставались в Ремуте с королем, но то и дело совершили военные вылазки на север и на восток, так что избегать их общества было несложно.

Основная угроза в лице архиепископа Хьюберта также временно отдалилась,— он вернулся в Валорет вскоре после свадьбы Мак-Инниса, чтобы завершить дела Рамосского Совета. С ним уехал и Ремутский архиепископ Роберт Оррис, но заботу о душе Джавана Хьюберт препоручил помощнику Орриса епископу Альфреду Вудборнскому. В глазах принца, Альфред мог бы быть неплохим священником и даже епископом, если бы не поддался соблазну и не продал Хьюберту душу; впрочем, Джаван и не воспринимал его как духовного наставника. Взамен, принц сдружился с веселым толстяком-священником средних лет, отцом Бонифацием, который служил при старой дворцовой базилике. С Бонифацием он постигал тонкости сколастики, дабы убедить окружаю-

щих, что не представляет серьезной опасности как соперник Райса-Майкла в борьбе за трон.

Вследствие этого епископ Альфред, да и все остальные, оставили Джавана в покое, кроме тех случаев, когда дворцовый протокол требовал его присутствия, но во время Поста такие события были нечасты. В остальном же, Пост продвигался, как положено, и Джаван наслаждался возможностью отдохнуть от пышных застолий и прочих развлечений, столь же пустых, сколь и лживых,— ибо день за днем его брата все больше лишали королевских привилегий. Его тревожило лишь одно — что до сих пор его друзья-Дерини не нашли способа связаться с ним, хотя бы косвенно дав понять, что о нем не забыли, и все же он продолжал делать то, что, как ему казалось, могло бы пойти на пользу союзникам — то есть следить за регентами и, особенно, пытаться узнать, что на самом деле чувствуют и о чем думают его братья.

С Райсом-Майклом все было просто — обычный, хотя и несколько эгоистичный ребенок, поглощенный игрушечными рыцарями и играми в войну, озабоченный лишь тем позволят ли ему наставники участвовать в скачках и тренироваться с боевым оружием. Однажды Джаван смог провести с братом несколько часов почти наедине — пока Карлан невольно отвлек старшего пажа Райса-Майкла игрой в кардунет, а сам Джаван попросил помочь ему с переводом текста по боевой стратегии. Младший брат был рад оказать старшему такую услугу. Он даже не подозревал, какую еще услугу оказывает, сидя с Джаваном плечом к плечу, пока тот с трудом прорыдался через запутанный текст. После этого Джаван едва ли стал больше смыслить в стратегии, зато убедился, что брат пока еще и не подозревал о скрытом наследии Халдейнов — как, собственно, и должно было

быть... а Джаван являл собой необъяснимое исключение.

Вот увидеться наедине с королем — это было посложнее. Пару раз Джаван изобретал вполне благовидные предлоги для встречи... но всякий раз обнаруживал, что у других людей находились предлоги еще более благовидные. Ближе к Пасхальной неделе он утратил всякую надежду встретиться с братом без свидетелей, как вдруг удачный случай представился сам собой. В холодный дождливый субботний вечер, в начале марта, Алрой слег с простудой, и Джаван зашел навестить его. Как раз в это время королевские пажи отправились на исповедь — и чтобы подробно доложить обо всем регентам, — и с королем оставался один только Ориэль. Алроя мучил кашель, и говорил он с большим трудом.

— Ну, хоть кто-то явился меня проводить, — прокрипел он, схватив Джавана за руку и усадив рядом на постель. — Ориэль не в счет, он приходит по обязанности. Но, может, теперь он согласится меня оставить и принести из погребов этого чудесного реннишского крепленого вина, чтобы сделать мне новую настойку. Я себе все легкие надорвал этим проклятым кашлем.

— Это правда, мастер Ориэль? — Джаван покосился на Целителя.

Тот постарался не выказать тревоги.

— Боюсь, что болезнь его величества не так хорошо поддается излечению, как мне бы хотелось. И если ваше высочество согласится побывать с ним, то я, конечно же, схожу за вином.

— Ну, разумеется, — выдохнул Джаван, не в силах поверить в свою удачу. — Ступайте, Ориэль. Может быть, брат захочет, чтобы я пока почитал ему.

Алрой слабо улыбнулся.

— Нет, просто поболтай со мной. Расскажи, чем ты занимался в последнее время. А то я тебя почти не вижу.

— Я ненадолго,— с поклоном пообещал Ориэль и скрылся за дверью.

— Ну, выкладывай, что ты делаешь? Я слышал, проводишь время на коленях? Граф Ран острит по этому поводу, когда думает, что я не слышу, но по-моему, это было бы здорово — стать священником, как отец.

— Ты говоришь так, словно я уже принял сан,— засмеялся Джаван и потянулся к влажному лбу брата.— Э, да у тебя жар. Тебе нужно бы поберечься!

Он прижал ладонь ко лбу короля и одновременно послал тому команду заснуть. Алрой тут же широко зевнул.

— Я стараюсь, Джаван,— пробормотал он со слипающимися глазами.— Правда. Но я все время чувствую такую усталость... Я пью лекарство, но оно что-то совсем не помогает.

С этими словами король погрузился в сон, и Джаван с легкостью проник в его сознание. Это «лекарство»... Его прописал Алрою придворный лекарь, но почему-то королю казалось, что Ориэлю оно не по душе — он не знал почему.

Зато Джаван догадывался. Тавис несколько месяцев назад предупреждал его, что регенты пичкают короля успокоительным, дабы сделать его более податливым...

Но прежде всего он хотел проверить магическое наследие Халдейнов. Он обнаружил в зачаточном состоянии способность отличать ложь от правды — хотя сам Алрой был уверен, что это часть божественного права короля,— но никакими иными талантами тот не обладал. Отец ничего не сумел передать ему!

Ошеломленный, Джаван пробыл в трансе слишком долго... и очнулся, обнаружив, что за ним самим пристально наблюдают. Ориэль застыл в дверях с кувшином в руке.

— А, мастер Ориэль, я и не слышал, как вы вернулись.— Джаван поспешил отдернуть руку и попытался замести следы своего присутствия в сознании брата.— Вы принесли вино?

Ориэль кивнул, не сводя глаз с принца, и Джаван ощутил, как тот мягко, но настойчиво пытается мысленно прощупать его. Наконец Целитель отвел взор и подошел к столу, где были расставлены его снадобья и инструменты.

— Сейчас я приготовлю микстуру,— произнес он.— Хотя я вижу, что его величество уже заснул.

— Ну... это, должно быть, из-за жара,— пробормотал принц.— Вы же сами видели...

Он сидел неподвижно, наблюдая, как Целитель отлил вина в чашку, затем добавил туда какой-то порошок из пергаментного пакетика и торопливо размешал костяной ложкой. Ни слова не говоря, Ориэль усился на кровать с другой стороны и лишь кивнул с благодарностью, когда Джаван помог приподнять спящего короля, чтобы тот мог выпить снадобье. Чашка опустела, и Ориэль встал, сделав знак Джавану, чтобы тот вместе с ним подошел к окну. В этом жесте было не приглашение, а приказ, и принц внутренне содрогнулся, подчиняясь. За окном, забранным толстыми шестиугольными стеклами, дождь вовсю поливал серый двор, а холодные каменные стены высасывали человеческое тепло, несмотря даже на тяжелые шпалеры и занавеси.

— Ну что, вы сами все расскажете мне, или доведем дело до скандала,— спокойно спросил Ориэль, усаживаясь на скамью в оконном проеме.

— Рассказать вам о чем?

Целитель медленно обернулся к принцу и не торопясь взял его за запястье. В то же мгновение Джаван ощутил, как чужое сознание давит на его защиты,— хотя и не так сильно, чтобы сломить их.

— Если сейчас кто-то войдет, я скажу, что проверяю ваше самочувствие,— невозмутимо предупредил Ориэль.— Если вы ничего им не скажете, то никто и не догадается. Но я хочу знать, кто вы такой, Джаван. Король не просто так заснул с моим уходом.

— Почему вы в этом уверены? — принц пытался стоять на своем.— Конечно, он заснул, как обычно. Он болен. Изнурен кашлем. А может, еще и по другой причине. Он мне говорил об этом средстве, прописанном дворцовыми лекарем...

— Тогда, видимо, он сказал и то, что я к этому не имею отношения и что я это не одобряю.— Поморщившись, Ориэль посмотрел на руку Джавана.— Конечно, это успокоительное — чтобы лишить его всякой воли к сопротивлению регентам.

Принц печально кивнул.

— Я знал, что они делали это раньше. Но не думал, что продолжают до сих пор. Вы ничего не можете поделать?

— Кто, я?! — Ориэль хмыкнул, уставившись на струи дождя за окном.— О, да, я ведь свободен, как птица, и это не мою семью регенты держат в заложниках! Вы забыли, что у меня жена и маленькая дочь, которых я почти не видел уже несколько месяцев? Поверьте, я сочувствую вашему брату, но семья для меня дороже.— Внезапно он вскинул глаза на Джавана.— Но вы... Как вы научились тому, что вы делаете?!

— Что я делаю?

— Вы закрываетесь, черт возьми!

— Не знаю, о чем вы говорите,— ровным голосом произнес Джаван.— Забудьте об этом.

— Я не могу забыть, и вы лжете, что не знаете, о чем я веду речь,— прошептал Ориэль, наклоняясь ближе к принцу.— Это Тавис научил вас, или... Боже правый, да уж не к вам ли приходили тогда Дерини через Портал в Валорете?! И ваша теперешняя покорность регентам — просто маска?

— Я знаю, что вы способны услышать правду и ложь в моих словах, поэтому не стану отвечать,— отрезал Джаван.

— А с такой защитой сам я не сумею прочесть ваши мысли.— Ориэль был потрясен.— Господи, я никогда не видел, чтобы у человека были защиты. И никогда бы ничего не заметил, если бы не застал вас сегодня с королем... Уверен, остальные ничего не подозревают. Я... неужели вы по-прежнему поддерживаете связь с лордом Райсом и с остальными Дерини-изгоями, а, Джаван? Могу ли я надеяться, что для нас еще не все кончено?

— Кое-что кончено,— бесцветным голосом возразил принц.— Лорд Райс погиб. Об остальных я пока не могу говорить. Но теперь ответьте *все* мне — зная, что я тоже способен видеть истину,— основана ли ваша верность регентам на чем-то ином, кроме страха за семью?

— На ваш вопрос я отвечу другим вопросом, ваше высочество,— выдохнул Целитель.— Можете ли вы ощутить, как я опускаю свои защиты и даю вам доступ в самые сокровенные глубины своего сознания? И если вы проникли в мой разум, чувствуете ли вы, что я не оказываю ни малейшего сопротивления? Клянусь жизнями моей жены и дочери, иной клятвы я не могу вам дать!

Каждое сказанное Ориэлем слово было правдой. Джаван видел это так же ясно, как искренность своих друзей-Дерини. А время истекало. В любой миг могли вернуться с исповеди пажи, и этот миг уже никогда не вернуть.

— *Если ты предашь меня или моих друзей, я убью тебя*, — мысленно передал Джаван. — *Мне все равно, какими карами Ран или кто-то еще будет грозить твоей семье, потому что я знаю, что ты способен обмануть их, если пожелаешь.*

Но Ориэль и не помышлял о предательстве, он был слишком потрясен, чтобы даже вообразить себе нечто подобное против своего столь неожиданного союзника.

— *Я все для вас сделаю, принц, только обещайте, что постараетесь спасти мою семью*, — отозвался Ориэль. — *Я ненавижу то, что они заставляют меня делать, и самого себя, за то что поддался им... но если вы подарите мне хоть тень надежды, мы сумеем им отплатить!*

Так они скрепили свой союз, без лишних слов, и Джаван понял, что обрел верного союзника. И в то же мгновение уверенность его подверглась первому испытанию.

— Ориэль, с ним все в порядке? — окликнул из дверей знакомый голос. Джаван поспешил открыть глаза.

— *Я успокою его*, — донеслась до него мысль Целителя. Он коснулся лба принца и отозвался вслух:

— Да, милорд, он вполне здоров. Но я боялся, как бы он не подцепил ту же лихорадку, от которой страдает король. Попробуйте еще покашлять, ваше высочество. Эта сырость просто гибельна. Вам бы лучше прилечь.

Джаван растерянно повиновался, гадая, сумеет ли Ориэль отвлечь все подозрения регента. По счастью,

это был Таммарон, самый приятный из всей этой клики, а не Ран или Мердок, к примеру. И он явно не заметил ничего неладного.

— Со мной, правда, все в порядке, мастер Ориэль,— заметил он, покашляв немного, как просил Целитель.— Честное слово. Наверное, просто надышался пыли от этих драпировок.

— И все же вам лучше немного отдохнуть, ваше высочество,— с облегчением услышал Джаван заботливый голос Таммарона.— Я слышал, вы все пристаивали на коленях в этой холодной, сырой часовне. Признаюсь, мы все были бы рады, если бы вы нашли свое призвание как священник, но пока вы все же наследник трона. Вы должны беречь свое здоровье.

Джаван и Ориэль зорко следили за Таммароном под чарами правды и видели, что граф говорит именно то, что думает, без всякого двойного смысла.

— Может быть, ваше высочество позволит прописать вам целебную настойку? — невозмутимо предложил Дерини.— Вы, кажется, говорили, что плохо спите последнее время?

Принц поспешил подхватить намек.

— Да, голова какая-то тяжелая, и в ушах шумит. Вы, правда, сможете мне с этим помочь?

Ориэль с улыбкой поднялся и, приобняв Джавана за плечи, повел его прочь от окна.

— Разумеется, ваше высочество. Лорд Таммарон, вы позовите? Король теперь проспит до ужина. Я дал ему хорошее лекарство от кашля. А пажи скоро вернутся.

— Они уже здесь,— с улыбкой отозвался Таммарон.— И мои поздравления, если вам удастся убедить принца Джавана, что излишний аскетизм только повредит ему, особенно в такую скверную погоду. Побереги себя, сынок, слышишь?

Пробормотав что-то в знак согласия, Джаван позволил Ориэлю увести себя из королевских покояев. По пути в его собственные апартаменты они намеренно не обменялись ни единой мыслью — только ничего не значащей светской болтовней — на случай, если навстречу появится кто-то из придворных ищек-Дерини. Но на месте Ориэль вновь заверил принца в своей полной преданности, а затем приготовил ему обещанное успокоительное — совершенно безобидный напиток из подогретого вина с молоком, медом и яйцом. Сразу после ухода Целителя принц задремал, впервые за многие недели без забот и тревог.

Единственное, над чем он теперь ломал голову, это как ему спасти Ориэля и его семью. Может быть, каким-то образом отправить их к Ревану?..

Глава двадцатая

**Вот, они научат тебя,
скажут тебе, и от сердца своего
произнесут слова¹**

В михайлинской обители Великий Пост тянулся так же бесконечно, как и в Ремуте, унылая череда хмурых дней, омраченных постоянными донесениями о новых выступлениях против Дерини. Еще до всех событий осени и начала зимы Ансель организовал небольшую сеть осведомителей в районе Валорета, большей частью состоявшую из тех людей, что в свое время патрулировали дороги с ним и с Девином, пытаясь предотвратитьshalости молодых Дерини. К ним присоединились и несколько бывших михайлинцев.

Теперь они стали глазами и ушами деринийского сопротивления — если только можно назвать так движение, у которого не было ни лидера, ни четких целей, разрозненное и запуганное расправами регентов. Часть из них являлись с докладами прямо в убежище, с другими Ансель встречался в холмах к северу от Кайрори. Само убежище хоть и было скрыто под землей, но к нему имелись доступы с поверхности, и расположение его не могло долго оставаться тайной.

¹ Иов 8:10

Сознавая эту опасность, Джорем, ныне старший из Мак-Рори, принял решение переселить хотя бы женщин и детей в более безопасное место,— всех, за исключением Ивейн. Фиона Мак-Лин взяла под свое крыло младших Туринов и была готова в любой момент отправиться с ними в Тревалгу, к Грегори и Джесссу. Маири Мак-Лин, измученная воспоминаниями о трагической гибели мужа, все больше уходила в религию, часами молясь за спасение души супруга, и окончательно замкнулась в своем горе. Даже Кверон ничем не мог помочь ей и в конце концов предложил, что самым разумным будет отослать ее в какой-нибудь отдаленный монастырь, сперва заблокировав способности Дерини и стерев из памяти местонахождение убежища.

— Но оставьте ей ее скорбь,— шепотом попросила Ивейн.— Это единственное, что удерживает ее среди живых. Она все время молится за него.

— Напрочь позабыв о том, что у нее еще остался сын.— Кверон не скрывал неодобрения, хотя готов был согласиться с доводами Ивейн.— Она все еще думает, будто Камлин погиб там, в замке, вместе с Адрианом.

— Тот Камлин, которого она знала, и правда, умер,— отозвалась Ивейн чуть слышно, не глядя на него.— Точно так же, как умерли Райс и Эйдан. Мальчик, что повсюду следует за Анслем, у которого на теле остались следы распятия, никогда не станет тем сыном, которого она знала и любила. Ничто никогда не будет прежним, ни для кого из нас.

Так что Кверон оставил Маири ее воспоминания, стерев лишь те детали, благодаря которым усердный дознаватель мог бы напасть на след убежища и тех, кто скрывался там. А вечером, перед тем как он отправил ее через Портал в аббатство святой Ма-

рии-на-Холмах, они позвали маленького Тиега заблокировать ее дар — под строгим присмотром матери. В ту ночь Тиег спал с Ивейн, и она проплакала почти до рассвета, когда сын забылся сном в ее объятиях.

После этого она постаралась как можно больше времени проводить с детьми, зная, что очень скоро Фиона заберет их с собой. Для маленькой Иеруши уже подыскали кормилицу-Дерини в Тревалге — скромную юную вдову по имени Никарет, чьи муж и ребенок погибли в огне пожара, во время очередного деринийского погрома, и Ивейн понемногу старалась примириться с мыслью, что ее младшая дочь, скорее всего, будет звать мамой Никарет или Фиону.

Ближе к концу Поста, однако, наметились и перемены к лучшему. Сообщения Сильвена, который вместе с Реваном заканчивал отшельничество в холмах за Валоретом, звучали обнадеживающие. К ним уже присоединилось около дюжины верных последователей из виллиmitов, и они вовсю готовились к возвращению в лагерь. Под руководством Сильвена и с помощью освященного медальона Реван почти добился совершенства в обряде наложения рук, почти всегда успешно внушая людям головокружение и потерю ориентации. С этим ощущением можно было бороться, если сильно напрячь волю, однако те, кто готов был пройти новое крещение, разумеется, были готовы испытать нечто необычное в руках чудотворца и возможного мессии. Теперь Реван с уверенностью смотрел в будущее и был готов немедленно взяться за дело, к вящей радости тех, кто следил за ним из убежища и так многое поставил на успех всей этой затеи.

Наконец, что было самым важным для Джорема, Ивейн и Кверона, им пришло донесение из Ремута, от одного из бывших михайлинцев, служившего конюхом во дворце.

Он сообщал, что двор наконец освоился на новом месте, новые порядки вполне устоялись,— так что теперь можно было рискнуть вновь связаться с принцем Джаваном.

Ивейн с головой ушла в исследования, каждый день подолгу проводя в размышлениях у тела отца — в своем роде, так же уйдя в себя, как и Маири,— но именно она настояла на том, чтобы установить контакт с принцем, вопреки всем доводам Джорема с Квероном.

— Когда Сильвен виделся с Джаваном, он ничего не знал о Порталах в Ремуте, так что Джаван ожидает кого-то со стороны,— заявила она, прочитав доклад, полученный накануне Анселем от одного из своих агентов.— И он не знает, кто придет к нему на встречу. Поэтому он будет стараться как можно чаще бывать на людях и выдерживать определенный распорядок. К примеру, нам известно, что он занимается с каким-то монахом — вполне подходящие уроки как для принца, так и для будущего священника — и это дает возможность приблизиться к нему. Кроме того, в будни он всегда отстаивает полуденную мессу во дворцовой базилике — тоже очень умный ход, поскольку туда попасть может кто угодно, под предлогом посещения службы, если только вид у него будет не слишком подозрительный. Чтобы иметь возможность больше времени проводить в базилике, он принял тамошнего священника как своего духовного наставника и нередко остается после мессы, чтобы поговорить с ним. Во дворце шепчутся, что он скоро превратится в монаха, совсем как отец.

— Только бы его не заставили принести обеты,— пробормотал Кверон.— Конечно, их всегда можно потом сложить, как это сделал Синхил, но все же это непростое дело.

— Я уверена, он понимает, что балансирует на грани,— отозвалась Ивейн.— Но главное, сейчас он, сам о том не подозревая, предоставил нам идеальную возможность, чтобы с ним связаться. Из всех ремутских Порталов я изначально предпочитала тот, что скрыт в базилике. За это мы должны благодарить вас, Кверон.

Целитель пожал плечами.

— Скорее, сказать спасибо надо далекому предшественнику нынешнего настоятеля,— поправил он Ивейн.— Гавриилиты создали этот Портал, когда у Блейна Фестила, отца короля Имре, был исповедник-гавриилит... это было еще до нашего с вами рождения. Это один из немногих Порталов, в которых человек появляется скрытно, а не на глазах у изумленной публики.

— Именно поэтому он нам и подходит.

— С этим никто не спорит,— сердито перебил сестру Джорем.— Я лишь возражаю против того, чтобы именно ты отправилась туда. И без того риск велик для Джавана, но если что-то случится с тобой, это поставит под угрозу все наши прочие замыслы, где без тебя не обойтись.

— А мне кажется, риск не так уж велик,— возразила она.— И я хочу увидеться с Джаваном, хотя бы один раз. И одна из причин именно в том, что мы все будем в большой опасности, когда решимся исполнить другой наш замысел. Пожалуйста, не спорь, Джорем. Это важно для меня.

Брат вздохнул и покосился на Кверона в поисках поддержки, но, как ни удивительно, не получил ее.

— Если это так важно, то я согласен,— сказал Целитель.— В конце концов, это не более опасно, чем то, что делают многие наши люди ежедневно.

— Дело не в том,— проворчал Джорем.— Просто это не для женщины.

— Так я и не пойду как женщина,— воскликнула Ивейн. И прямо у них на глазах лицо ее начало меняться.

Метаморфоза произошла не вдруг. Воздух перед Ивейн замерцал искрами и сгустился дымкой. На ней было неприметное серое одеяние, какое носили многие в убежище, и сейчас она натянула на голову капюшон, закрыла лицо руками и наклонилась. У Джорема, которому уже доводилось видеть подобное и прежде, лишь слегка перехватило дыхание — он уже знал, кого сейчас узрит перед собой. Кверон же, судя по всему, не ожидал ничего необычного, когда Ивейн начала ткать свое заклинание — но когда она наконец отняла ладони от лица, Целитель вскрикнул и едва не отшатнулся при виде бородатого незнакомца с черными, как уголь, глазами.

— Боже мой! — Кверон, едва ли не помимо воли, перекрестился.— Это...

— Отец Кверон Киневан, позвольте представить вам брата Джона,— сухо произнес Джорем.— Если не считать меня, Райса, покойного короля Синхила и одного из моих собратьев-михайлинцев, мне кажется, больше никто не видел этого монаха в лицо, хотя очень многие разыскивали его перед канонизацией Камбера... включая также и вас, как мне кажется.

— Брат Джон...— Целитель церемонно поклонился, прижав правую руку к груди. Казалось, он до сих пор не может поверить собственным глазам.— Так вот каким вас увидели Синхил и лорд Дуалта в ту

ночь, когда Камбер принял в себя память Элисте-ра?..

«Брат Джон» смиренно опустил глаза, затененные длинными ресницами, и слегка нагнулся голову.

— Простите, ваша милость, но я всего лишь не-обученный монах и ничего не смыслю в высоких материях,— произнес он голосом, ничем не напоми-навший голос Ивейн.— Но мне и правда показалось, будто в комнате был еще кто-то помимо отца-на-стоятеля. И даже...— Тонкие губы растянулись в иро-ничной усмешке,— ...показалось, что в комнате было несколько человек, которых мы здесь совсем не жда-ли. Весьма неудачное обстоятельство, должен при-знать.

Против воли, Кверон засмеялся.

— Да, уж мне-то вы точно здорово осложнили жизнь своим исчезновением. Но ведь в этом же и был весь смысл, верно? О, в какой же узел мы сами себя запутали!..

— А теперь запутаемся еще сильнее, если Ивейн отправится в Ремут как брат Джон,— заметил Джо-рем.

Бородатый монах пожал плечами — и тут же вновь превратился в Ивейн.

— Но нужно ведь мне какое-то иное обличье, что-бы без помех пройти в базилику. Вы сделали бы то же самое, если бы сами отправились туда. Так зачем тратить силы на создание нового обличья? Вряд ли Дуалта окажется там, а Джаван никогда не видел «брата Джона».

На подготовку встречи ушло несколько дней. Приближалась пасхальная неделя, а значит, в базили-ке день напролет сновали люди, большей частью мо-нахи, незнакомые отцу Бонифацию — именно так, как вскоре узнала Ивейн, звали настоятеля. Среди

стольких новых лиц хрупкий, невысокий монашек с темно-серой рясе *Ordo Verbi Dei* ни у кого не вызывал подозрений.

Бородатый клирик несколько дней подряд приходил к мессе, опускался на колени в дальнем конце церкви и даже не подходил к святому причастию. Он также не делал никаких попыток приблизиться к закутанному в черный плащ принцу, который также ежедневно присутствовал на службе вместе со своим пажом,— но исподволь зорко наблюдал за ними, словно стараясь запечатлеть в памяти все детали.

На третье утро принц со своим спутником опять были здесь, но что-то в манере пажа, в том, как он нервничал и суетился, подсказывало, что у этих двоих, вероятно, есть на день и какие-то иные планы, кроме богослужения. По окончанию мессы, когда священник со служками прошел в ризницу, Ивейн неслышно двинулся по центральному нефу к королевской ложе. Джаван все еще стоял на коленях, склонив голову в молитве, но, заслышав шаги, удивленно поднял глаза на чернобородого молодого монаха, который сперва поклонился алтарю, а затем опустился на одно колено перед принцем.

— Прошу простить, что помешал, ваше высочество,— послышался его голос,— Наш отец-настоятель поручил мне передать вам этот освященный медальон и его благословение. У воина Христова должен быть такой покровитель.

И монах подал принцу какой-то серебристый кружочек. Джаван протянул руку, и тот на миг коснулся его ладони. Тут же острое покалывание предупредило принца, что необходимо сохранять спокойствие — а затем в голове его прозвучал безличный приказ:

— Ступайте в комнату священника, когда я уйду, и ждите там.

Потрясенный, Джаван даже не сразу взглянул на медальон, лишь сжал кулак и опустил голову, бормоча слова благодарности, когда монах перекрестил его, даря обещанное благословение. Едва он ушел, Карлан тут же придвинулся ближе и вытянул шею.

— Что такое? Что он дал вам?

Джаван посмотрел на медальон и увидел, что там запечатлен образ святого Михаила, затем передал его Карлану, воспользовавшись кратким прикосновением, чтобы задействовать в его сознании заранее заложенные установки.

— Это просто святой Михаил, — отозвался он равнодушно.

— Святой Михаил? — пробормотал Карлан удивленно, подбросив медальон на ладони. — С чего ради он дал его вам? Или вы думаете, это был михайлинец?

Джаван покачал головой, хотя в душе был совершенно уверен, что если незнакомец сам и не михайлинец, то, по крайней мере, послан кем-то из них — скорее всего, Джоремом.

— Ты же слышал, Карлан, — произнес он спокойно. — Он же сказал, что такой покровитель должен быть у воина Господня. Если я все же найду религиозное призвание, разве это не сделает меня в каком-то смысле воином Христовым?

— Ну, наверное, — ответил Карлан. — Интересно, кто он такой? Думаете, отец Бонифаций с ним знаком?

— Вполне может быть. — Джаван сунул медальон в карман и поднялся на ноги. — Пойдем и спросим у него. Мы можем подождать у него в покоях.

— Ладно, только недолго. Сами знаете, как граф Ран бесится, когда вы опаздываете к королевскому выходу.

— Ну, раньше полудня они не начнут.— С этими словами Джаван направился к двери, и Карлан последовал за ним.

Узкий коридор был сырьим и тускло освещенным, здесь горел один-единственный светильник в нише у двери в ризницу, в самом дальнем конце коридора. Вход в жилые покои находился ближе, слева от Джавана, и он, сперва постучавшись, уверенно отодвинул засов и вошел, не обращая внимания на гул голосов, доносиившихся из ризницы.

Он ожидал увидеть здесь если не Джорема, то хотя бы этого странного монаха, но в комнате было пусто. В камине справа весело потрескивал огонь, отбрасывая золотистые отблески на выскобленный пол и кровать, застеленную меховым покрывалом; окно напротив было завешено тяжелыми шерстяными шторами, почти не пропускавшими дневной свет.

Чаще всего после обеда отец Бонифаций сидел здесь, за широким дубовым столом, спиной к окну, и переписывал какой-нибудь ценный манускрипт. Нынче утром на столе лежал начатый пергамент с богато украшенной заглавной «И», аккуратно выстроились в ряд перья, щеточки и чернильницы. У левой стены находилась подставка для книг и свитков, где уже почти не оставалось свободных мест, а посреди комнаты стояла дубовая скамья, достаточно широкая, чтобы разместиться там вдвоем. Туда-то и подтолкнул Джаван своего пажа, затем закрыл дверь и негромко приказал:

— Сядь и засни, Карлан.

Паж немедленно повиновался, сел и повесил голову на грудь, упервшись подбородком в скрещен-

ные руки. Когда он наконец засопел во сне, Джеван неслышно отошел в тень и встал слева от камина, где оказался бы почти незаметен для любого вошедшего, распластался по стене за массивным каменным выступом и принялся ждать.

Огонь все так же плясал в очаге, отбрасывая на каменные плиты мерцающие узоры. В углу напротив, у окна справа, успокаивающее горел алый огонек лампадки. В комнате слышалось лишь дыхание принца и легкое похрапывание его пажа.

После ожидания, показавшегося бесконечным, но на самом деле продлившимся лишь пару минут, в комнату вошел отец Бонифаций и, не глядя по сторонам, прошел прямо к своей молитвенной скамеечке и застыл там, сложив руки, даже не замечая, как монах в серой рясе проскользнул за ним следом и запер дверь на засов. Джеван подумал, что это тот же самый монах, что подошел к нему в базилике, но не был в этом уверен, поскольку человек все время держался к нему спиной. Вот он подошел к спящему Карлану и положил руки тому на голову... И наконец обернулся, откинув капюшон... но вместо чернобородого незнакомого лица на принца смотрела Ивейн. Синие глаза лукаво поблескивали, и она поднесла палец к губам.

— Но это невозможно! — забывшись, прошептал Джеван, выходя из тени на середину комнаты.

Покачав головой и продолжая улыбаться, Ивейн взяла его за плечи.

— Не невозможно, просто маловероятно,— поправила она, глядя принцу в глаза.— Но у нас мало времени, ваше высочество. Сами о том не подозревая, вы подарили нам прекрасную возможность для встреч, пока вы останетесь в Ремуте... но по манерам юного Карлана я поняла, что сегодня вас ждут где-то

еще — так что нам придется управляться побыстрее. Пойдемте, я покажу вам безопасный Портал.

— Прямо *здесь*? — Джаван был потрясен, когда Ивейн указала на обшитую деревом стену между окном и очагом.

Не отзываясь, Ивейн потянулась прямо через ничего не замечающего отца Бонифация и нащупала потайной рычаг. Тут же часть панели отъехала в сторону, и за ней обнаружилась крохотная ниша, как раз для двух человек. Ивейн без колебаний двинулась туда и протянула руку Джавану. Когда принц оказался рядом, она обняла его за плечи, и он почувствовал, как ее сознание обволакивает его разум с мягкой силой, одновременно обнадеживающей и пугающей-незнакомой — ибо ему еще никогда не приходилось работать с Ивейн.

— Я рискну все же на пару минут забрать вас в убежище, — прошептала она ему на ухо, свободной рукой задвигая за ними панель. — Не пытайтесь прямо сейчас запомнить действие этого Портала, просто расслабьтесь и следуйте за мной. Помощь не нужна?

Он покачал головой, закрыл глаза и расслабился, опустив голову ей на плечо и убрав все защиты. Он так долго ждал этого мига, что сейчас с трудом мог поверить в его реальность, и все же, не противясь, впустил Ивейн в свое сознание, стараясь не нарушить связь между ними. Другую ладонь она положила ему на глаза, погружая в транс все глубже, почти до бесподобности, а затем принялась собирать потоки силы и изгибать их по собственной воле.

Внезапно страх покинул его, ибо он *осознал*, что именно, как и зачем она делает — и тут же последовал миг головокружения, какое он испытывал всегда при пользовании Порталами. Он знал, где окажется,

еще не открывая глаз, и, увидев перед собой Джорема с Квероном, убедился в своей правоте.

— *Подождите!* — внезапно раздался ее голос у него в сознании; она по-прежнему не отпускала его.— *К несчастью, я выбрала неудачный день для встречи, когда времени у вас в обрез. Прошу простить, если я слишком давлю на вас, но мне нужно очень быстро прочесть ваши воспоминания, а затем вложить в память новые знания. Если будете сопротивляться, это может причинить боль, но нам необходимо узнать все, что известно вам, точно также как и вы должны быть в курсе всего, что делаем мы.*

Одной рукой она по-прежнему придерживала его за плечи, другую положила принцу на лоб, отчасти заслоняя глаза, но он все же мог видеть, что Джорем с Квероном подошли ближе, чтобы ей помочь, и понял, что даже если и пожелал бы воспротивиться, то против них троих у него не было ни малейшего шанса. Кроме того, он уже один раз позволил Джорему войти в свое сознание, когда они были здесь с Тависом. Так что либо он им доверяет, либо нет — а тогда лучше бросить всю эту затею прямо сейчас.

— Что я должен делать? — шепотом спросил он, когда Джорем с Квероном взяли его за руки.

— *Расслабьтесь, и мы двинемся даже глубже, чем в прошлый раз, — мысленно ответил Кверон.— Используйте все, чему учили вас Тавис и чему вы сами научились с тех пор. Вы в полной безопасности. Мы все время будем здесь, рядом.*

Он подчинился, погружаясь в странное эйфорическое состояние — вовсе даже не неприятное. Но затем он вдруг ощутил себя сосудом, из которого вылили все содержимое. Самое сокровенное его естество слово утекало куда-то сквозь дыры, которые было

не заткнуть,— все с большим напором, причиняя ему почти физическую боль.

Затем все пошло в обратном направлении, так быстро, что тошнота едва не захлестнула Джавана, и желчь поднялась в горле, и ему показалось, будто в голову заливают расплавленный свинец, испепеляющий его дотла. Когда он вновь пришел в себя, то едва держался на ногах и казалось, что голова взорвется, если он станет слишком быстро двигать глазами. Он застонал, ища взглядом Кверона, и Целитель тут же подоспел на помощь, объявив принца своим сознанием и погружая в легкий, восстанавливающий силы транс. Когда он вновь очнулся, то почувствовал себя куда лучше, хотя голова все равно слегка кружилась.

— Даже отлично обученный Дерини не справился бы лучше вас, принц,— сказал Кверон вслух, чтобы пощадить перенапряженные ментальные каналы Джавана.— Если через час-другой голова не перестанет болеть, подремлите немного. А наутро все уже точно пройдет. Хорошо?

Ошеломленный, принц кивнул, пытаясь разобраться в той горе информации, которая лишь сейчас начала достигать его сознания,— когда он не думал ни о чем другом.

— А как мы будем встречаться в будущем? — спросил он — Мне можно присыпать свои доклады сюда?

Джорем покачал головой.

— Ничего больше не пишите, если без этого можно обойтись. Слишком опасно, если вас вдруг поймают. Для постоянных встреч придумайте какой-нибудь повод, чтобы по вторникам являться к отцу Бонифацию после мессы; кто-нибудь из нас будет появляться там. Или оставьте в Портале медальон,

что дала вам Ивейн, и тогда кто-то придет на следующий же день.

— А сам я не могу?

— Нет, потому что это убежище может оказаться под угрозой,— пояснила Ивейн.— Кроме того, у вас может не получиться как следует подстраховаться там, со своей стороны... а нас может не оказаться тут. Мы, м-м, работаем еще над несколькими проектами и порой бываем в отлучке по пару дней кряду. Больше никому не известно, что вы сами умеете пользоваться Порталом, и лучше оставить их в неведении.

— Да, об этом я не подумал.

— Ивейн, сейчас тебе лучше отправить его обратно,— заметил Джорем.— Если он не объявится вовремя во дворце, кто-то может прийти за ним.

— Ничего, сын мой, скоро станет полегче,— заверил его Кверон на прощание, прежде чем Ивейн вновь взяла его сознание под контроль, и они исчезли в Портале.

Когда они оказались на месте, она заставила его запомнить координаты Портала, и лишь после этого выпустила его разум из своей власти. Прощупав ментально и зрительно — через смотровую дырочку — окрестности, они убедились, что за время их отсутствия в комнате ничего не изменилось, и Ивейн обняла его напоследок, прежде чем отодвинуть в сторону стенную панель.

— Добрый отче будет помнить короткий разговор о вот этом трактате святого Руадана.— Она быстро пошарила на полках.— Ага, я была уверена, что он должен здесь найтись! Он вам его показывал и уберет обратно, когда вы уйдете. А все, что вам самому надо помнить из этого разговора, само всплынет в памяти завтра наутро, после сна.

— *Liber Sancti Ruadan*, — прочел Джаван, развернув верх свитка. — Собственно говоря, однажды мы уже обсуждали этот текст. Как раз в тот день, когда он мне показывал трактат некоего Лютерна. — Принц усмехнулся. — Бедный Бонифаций казался потрясенным тем, что этот Лютерн — Дерини. Вообще-то, у него здесь есть тексты нескольких деринийских мистиков, он мне даже демонстрировал парочку. Он раньше коллекционировал их, пока *Custodes* не обрушились на всю деринийскую ученость. Теперь он живет в постоянном страхе разоблачения.

— Не думаю, чтобы у него нашлось что-то Мак-Дара? — бросила Ивейн уже на пути к Порталу. — Или *Liber Ricae*... Это то, что я ищу.

У Джавана отвисла челюсть. Отбросив свиток Руадана на стол, он торопливо опустился на колени и принялся перебирать рукописи на полках, в самом низу.

— О второй книге я никогда не слышал, но Мак-Дара — это имя мне знакомо. Тут есть очень старые экземпляры. Он держит их прямо у пола, чтобы посторонние не прочли названий. Вот. Хотя я не думаю, что вам нужно именно это?

Он протянул ей свиток, продолжая смотреть остальные, — как вдруг Ивейн вскрикнула от изумления.

— Боже, Боже милостивый! — Расширившимися от изумления глазами она следила, как Джаван вытаскивает все новые рукописи. — И там их много еще?

— Кажется, да. Кое-что он держит под замком. Одна книга была какого-то парня по имени... — Принц наморщил лоб, вспоминая, — Кажется, он был гавриилитом. Отец Эдвин, по-моему... А, нет,

отец Эдуард! — Он улыбнулся, заметив ее радость.— Это так важно?

— Важно? Джаван, да это же самые основные классические тексты последних двух столетий! — прошептала она, прижимая свитки к груди.— Скажи, а кто-нибудь еще знает, что тут хранит отец Бонифаций?

— Нет, не думаю.

— О, слава Богу! Как ты думаешь, ты сумеешь сделать так, чтобы он не заметил отсутствия вот этих свитков, пока я хотя бы просмотрю их?

— Конечно. Заодно у него одной причиной для тревоги станет меньше.

— А как насчет доступа к тем, что под замком?

— Нет проблем. Завтра в это время я смогу получить их и положу в Портал. Заберете, когда будет удобно.

Вместо ответа она улыбнулась ему сияющей улыбкой и потрепала по щеке, а затем задвинула за собой дверь Портала. В последний момент глаза их встретились — и Джаван вдруг подумал, что сделал бы для нее все, что угодно... на пару мгновений он испытал какие-то совершенно для него новые, незнакомые чувства к этой удивительной женщине — вполне годившейся бы ему в матери!

Но сейчас было не до юношеской влюблённости, и принц поспешил взяться за дело. Сперва отпер дверь, затем взял в руки свиток, который должен был послужить оправданием его присутствия здесь, и подошел к отцу Бонифацию. Священник мигом очнулся, едва Джаван легонько постучал ему свитком по плечу.

— Простите, отче, я вдруг понял, что уже очень поздно, а мне сегодня в полдень надо быть на коро-

левском выходе. Регенты рассердятся, если я пропущу церемонию. Можно мне вернуться завтра?

— Конечно, сын мой.— Отец Бонифаций поднялся, хрустнув коленями.— Я, должно быть, задремал, пока вы читали. Но вам не показалось это скучным?

— Конечно, нет,— отозвался Джаван.— Мне всегда нравился святой Руадан, я буду рад продолжить нашу беседу завтра. Боже правый, да Карлан тоже заснул! — Он встряхнул пажа.— Эй, подъем, дружище! Ран с тебя шкуру спустит, если мы опоздаем!

Паж поспешил вскочить и стал тереть глаза kostяшками пальцев. Ему ничуть не показалось странным, с какой стати его вдруг сморил сон посреди бела дня. Попрощавшись со священником, они прошли через двор в главную башню замка, как раз перед Райсом-Майклом.

— Опять молился, Джаван? — воскликнул младший брат, когда они заняли места рядом с троном.— Смотри, пропрешь себе колени до дыр.

Сегодня утром насмешки Райса-Майкла раздосадовали Джавана больше обычного, возможно, потому что в голове у него все звенел и гудело,— но он заставил себя улыбнуться в ответ и вместе со всеми поднялся, приветствуя своего брата-короля.

Через некоторое время головная боль наконец отступила, а когда настало время дневной трапезы, и вовсе прошла. Остаток дня Джаван вел себя как образцовый принц, и даже регент Мердок одобрительно улыбнулся, когда они прощались вечером.

Глава двадцать первая

**Он должен быть четырехугольный,
двойной, в пядень длиною
и в пядень шириной¹**

12

принц Джаван и дальше продолжал помогать своим союзникам-Дерини. Как и обещал, назавтра он раздобыл три драгоценных свитка для Ивейн и положил их в Портал сразу после мессы; на следующий день переправил туда же еще два.

Это были не совсем те рукописи, какие искала Ивейн, однако объединив полученные из них сведения, она пришла к совершенно неожиданным выводам, о которых прежде даже не задумывалась. Вечером пятницы она готова была поделиться своими находками с Квероном и Джоремом. Они собрались в *кииле*, когда все в убежище отошли ко сну, она защищила помещение от постороннего вторжения и пригласила своих спутников приблизиться к алтарю. Мужчины с удивлением смотрели на Ивейн, когда она развязала тесемки кожаного мешочка и высыпала на ладонь содержимое.

— То, что я прочла, имеет отношение к продвинутым методам защиты,— пояснила она, выкладывая четыре белых и четыре черных кубика, образовывавших набор Старшей Защиты.— Большой частью там сплошные аллегории, как это чаще всего и бывает,

¹Исход 28:16

но мне кажется, я сумела определить одну новую конфигурацию. Это не секрет, что любой мало-мальски обученный Дерини владеет основным заклинанием для создания Старшей Защиты.— С этими словами она собрала четыре белых кубика в квадрат по центру, а черные установила по диагонали.— Это исходная точка — как и для большинства других конфигураций разной степени сложности, самая мощная из которых, как известно, способна поднять этот каменный алтарь и обнажить в основании другой, из черно-белых кубов.

— Это то, что мы обычно именуем Столпами Храма,— заметил Джорем.

— Верно.— Ивейн не стала называть кубики или магически активировать их, а просто коснулась двумя пальцами первого белого и черного по диагонали и поменяла их местами, затем проделала то же самое с противоположными, так что теперь центральный квадрат состоял из двух черных и двух белых кубов по диагонали.

Но прежде чем она успела перейти к следующей ступени, Кверон вдруг схватил ее за руку.

— Стойте! Не делайте пока этого!

— Почему? В чем дело?

— Кверон, кубики даже не активированы,— удивленно пробормотал Джорем, косясь на Ивейн, чью руку Целитель все еще держал в плену.— Ничего не произойдет.

— Я это знаю.

Лицо Кверона сделалось напряженным, он явно был не расположен к дальнейшим разговорам, и Джорем с Ивейн притихли, глядя на Целителя, который не сводил с кубиков пристального взора. Наконец, несколько мгновений спустя он вздохнул, от-

пустил запястье Ивейн и с задумчивым выражением провел ладонью перед глазами.

— Простите. Я сам не думал, что вспомню об этом сейчас.

— Вы можете поделиться с нами? — негромко спросила его Ивейн.

— Я... не уверен.— Он слегка сглотнул и поморщился.— Боже правый, никогда не предполагал, что окажусь в ситуации, когда всерьез задумаюсь о том, чтобы нарушить обеты.

Джорем с любопытством склонил голову набок.

— Обеты священника или тайну исповеди?

— Ни то, ни другое.— Кверон глубоко втянул в себя воздух, а затем с силой выдохнул, словно готовя себя к чему-то особенно неприятному или даже опасному.— Это... э-э, имеет отношение... к иной традиции, более древней, нежели гавриилитская. Мы об этом говорили не столь давно. Помните, я тогда еще заметил, что надеюсь не оказаться в положении, когда вынужден буду сделать выбор.

— Вы не обязаны ничего говорить нам,— заметила Ивейн.

— Думаю, что обязан,— возразил Кверон.— В этом-то все и дело. Была одна вещь в этой древней традиции, которой я никогда до конца не понимал, но теперь все вдруг встало на свои места, когда мы принялись двигать эти кубики. Был один обряд, который Мастера совершали несколько раз в году во время утренних медитаций. Нас всегда учили, что это нечто символическое, хотя в чем смысл символа, никто не знал, и я никогда не подвергал это сомнению. Но... ладно, давайте я лучше покажу вам часть обряда, и посмотрим, сумеете ли вы понять, что к чему. Если на самом деле я не прочту заклинание, то с формальной точки зрения обетов я не нарушу — и

если вы в этом не разберетесь, то мы просто забудем обо всем.

— Кверон, может, правда, не стоит? — смущаясь Джорем.

— Нет, нужно хотя бы начать.— С этими словами Целитель глубоко вздохнул и взял в руки четыре кубика по углам черно-белого квадрата, а затем поменял их местами, образуя привычную шахматную последовательность.

— То, что я сделал сейчас, обычно сопровождается особым ритуалом, разумеется, но в результате все равно получается именно эта конфигурация. Та же самая, что на большом кубе под алтарем.

Ивейн кивнула.

— Такое расположение вполне логично. Отец всегда считал, что ему должно соответствовать некое заклинание, но реальных подтверждений мы так и не нашли и не стали рисковать.

— Ну, я не вполне уверен, каковы были его цели,— продолжил Кверон,— Но обычно Мастер выстраивал эту комбинацию, затем читал определенную молитву, держа руки лодочкой над кубом, словно во время евхаристии. После чего из куба начинала проистекать энергия, наполняя алтарь до краев.— Он задумчиво склонил голову.— Мне лично всегда казалось, что это делалось для очищения алтаря, но теперь я начал сомневаться, ведь он проделывал это лишь над кубическим алтарем в Капитуле, и никогда над другим, обычным, в святилище. А тот использовался только для медитаций.

Ивейн кивнула.

— Я помню, Райс рассказывал мне об этом алтаре... из синего камня, да? Отец говорил, что в нем источник большой силы. Он даже предполагал, что

есть какая-то связь между ним и черно-белым алтарем в Грекоте.

— Интересно, что бы сделал наставник Кверона с этим черно-белым алтарем? — задумался Джорем. — И если целью было только очищение, то почему этому не подвергали обычный алтарь?

Ивейн подняла брови и вопросительно покосилась на Кверона.

— А ведь это мысль... если, конечно, вы согласны?

— Попробовать на обычном?

— Нет, на черно-белом. — Она похлопала ладонью по каменной плите. — Прямо здесь.

Сперва вид у Кверона сделался едва ли не испуганный, но затем он погрузился в задумчивость.

— Не знаю, получится ли у меня. В своем юношеском невежестве я мог упустить множество скрытых смыслов. Сейчас мне кажется, что речь все же шла не только об очищении, хотя это тоже имело место.

— Я думал, мы просто ищем более сильное охранное заклятье, — поежился Джорем. — К тому же, сейчас вы говорите о вещах, которые, наверняка, предполагалось держать в тайне от не-членов ордена.

— Я могу установить более сильную защиту, — нетерпеливо перебила Ивейн. — Именно за этим я и позвала вас сюда. Но новое очищающее заклинание тоже может оказаться полезным — если это именно оно. Во всяком случае, мне кажется, это не опасно.

Кверон неохотно кивнул.

— С одной стороны, вы правы, Джорем. Но с другой, я даже не уверен, что та тайная часть моего ордена до сих пор существует — а сейчас нам может пригодиться их знание. Кроме того, признаюсь, вам удалось разбудить мое любопытство. Боже, я об этом столько лет не вспоминал!.. — Он поморщился. — Честно говоря, в душе я ощущаю неловкость

из-за того, что собираюсь провести обряд вне ордена, но... все равно, я это сделаю. Те клятвы, которыми обменялись мы с вами, ничуть не менее торжественны и священны, чем обеты, данные мною гавриилитам. Попробуем.

— Уверены? — переспросила Ивейн.

— Да, вполне. — Кверон ловко разобрал фигуру и установил кубики в их изначальные позиции четыре белых по центру, а черные — по углам. Переплется пальцы, он размял их до хруста в суставах, затем встряхнул руки и, собравшись с мыслями, окинул взглядом Ивейн и Джорема.

— Полагаю, сперва следует поднять алтарь, — предложил Кверон, опустив правую руку на кубики. — Мастер всегда выполнял это стоя. Не знаю, имеет ли это значение, но надо постараться воспроизвести все в точности.

— Согласна, — отозвалась Ивейн, и Джорем неохотно кивнул.

— Тогда сперва я поименую составляющие. *Prime!*

— Правым указательным пальцем он коснулся кубика в верхнем левом углу и обозначил его *potem*.

Названный кубик немедленно стал светиться.

— *Seconde!*

Соседний кубик также вспыхнул изнутри.

— *Tierce! Quarte!*

Ожили два белых кубика под первыми, и все четыре образовали сияющий белый квадрат, ограниченный по углам черными кубиками. Кверон глубоко вздохнул, прежде чем коснуться черного кубика в верхнем левом углу.

— *Quinte!* — Пятый вспыхнул темно-синим пламенем, словно черный опал.

— *Sixte!* — За ним следом засветился верхний правый.

— *Septime! Octave!*

Когда ожили последние два кубика, Кверон хрустнул пальцами правой руки и устало улыбнулся.

— Прекрасно уравновешенный набор,— выдохнул он — и уперся пальцами в *Prime* и *Quinte*, произнося первую *phrasa*: — *Prime et Quinte inversus!*

Все трое ощутили мягкое смещение потоков сил, когда кубики поменялись местами, и чувство это лишь усилилось, когда Кверон сдвинул два следующих кубика:

— *Quarte et Octave inversus!*

Вот теперь начинались сложности. Он поставил пальцы на *Septime* и перемещенный *Prime*.

— *Prime et Septime inversus!*

И наконец:

— *Sixte et Quarte inversus!*

Получилась слабо светящаяся конструкция, состоящая из одной белой и одной черной диагонали, Мощь в равновесии с Милостью. Если же довести действие до логического завершения, будет создана фигура Столпы Храма, но в трехмерном виде, где сам алтарь будет играть роль Срединного Столпа, сила-посредник, которой дано облегчать даже самые сложные вещи.

Взяв в руки черный *Septime*, находившийся теперь на верхней левой диагонали, Кверон легко опустил его на *Quinte*, к которому черный кубик мгновенно словно бы прилип, и огласил его *cognomen*:

— *Quintus!*

Равновесие было нарушено, и теперь следовало действовать очень быстро, пока энергия окончательно не вырвалась из-под контроля. Он удержал ее, взяв *Quarte* из верхнего правого угла и поставив его на *Seconde*.

— *Sixtus!*

Сила буквально лизала его пальцы, теперь уже почти ручная, когда он установил *Prime* на *Tierce*, белый на белый, и *Sixte* на *Octave*, черный на черный, и произнес последние *cognomena*:

— *Septimus! Octavius!*

Теперь равновесие было установлено, и фигура окончательно приняла вид Столпов Храма — четыре миниатюрные колонны, черные и белые вперемешку, составляющие большой куб. Собрав воедино потоки сил и сделавшись проводником энергии Срединного Столпа, Кверон возложил руку на куб и повелел ему подняться. Тот словно прилип к ладони, и беломраморный блок вознесся следом, в абсолютной тишине, если не считать едва слышного шороха камня о камень. Он поднялся выше, и стали видны его опоры в виде четырех больших черных и белых кубов... а затем появились и самые нижние. По углам их окружали круглые колонны, каждая толщиной с руку.

Кверон медленно поднялся на ноги, когда показался второй слой кубов опоры, и позволил себе расслабиться лишь с появление основы всей структуры — каменного блока, идентичного алтарному, только черного, с ладонь толщиной. Когда движение прекратилось, Кверон убрал руку, размял пальцы и шумно вздохнул. Ивейн и Джорем выжидающе смотрели на него.

— Пока все идет хорошо, — произнесла Ивейн негромко. — Полагаю, теперь вам следует начать все сначала. На этом мои знания заканчиваются.

Кверон с новым вздохом кивнул, разобрал свой куб и разложил составляющие на прежние места. Вновь белые образовали квадрат в центре, а черные легли по углам.

— Вы не передумали продолжать? — спросил его Джорем.

Кверон покачал головой.

— Разумеется, нет. Сейчас мои познания куда обширнее, чем когда я был простым послушником, и мне любопытно, чего добивался старый Мастер, когда проделывал все это. Я помню, это происходило всегда в определенные дни, и послушникам советовали ночь накануне провести в часовне Богоматери — впрочем, это было необязательно. Что странно... поскольку нам редко предоставляли выбор в подобных делах.

Он еще раз испустил вздох, словно отгоняя не прошеные воспоминания, и пару мгновений подержал руку над кубиками.

— Отлично. Это начинается так же, как и первая конфигурация, именованием восьми составляющих. Помню, что Мастер никогда не произносил *помепа* вслух, считая, что это мешает сосредоточению. Я во всем буду подражать ему.

Не дожидаясь реакции со стороны, он быстро провел указательным пальцем над каждым из кубиков по очереди, в прежнем порядке, начав с белых и закончив четырьмя черными. Все восемь вспыхнули от прикосновения, и Ивайн с Джорем с легкостью проследили за всем процессом, от *Prime* до *Octave*.

— Первая часть следующего этапа точно такая же, — шепотом промолвил Кверон, поставив пальцы на *Prime* и *Quinte*, и объявил *cognomen*, меняя их местами:

— *Prime et Quinte inversus!*

Затем последовали *Quarte* и *Octave*, с положенным *cognomen*:

— *Quarte et Octave inversus!*

Когда он поменял местами вторую пару, у них образовался центральный черно-белый квадрат, с кубиками разного цвета в противоположных углах. Но теперь, вместо того чтобы заменить *Prime* на *Septime* и *Sixte* на *Quarte*, как в первый раз, он взял белый *Prime* из верхнего левого угла и осторожно установил на *Quinte*, верхний левый черный кубик, пропев *salutus* на манер гавриилитских песнопений:

— *Primus est Deus, Primus in aeternitate. Amen.*

Прижав правую руку к груди, он поклонился алтарю, затем взял черный *Sixte* и аккуратно опустил на *Seconde*, пропев новый *salutus*:

— *Secundus est Filius, Coaeterus cum Patre. Amen.*

И вновь глубокий поклон. Теперь *Septime* лег на *Tierce*.

— *Tertius est Trinitas: Pater, Filius, et Spiritus Sanctus. Amen.*

И еще раз поклонился, прежде чем взять последний — *Quarte*, и поставить на *Octave*, завершая построение большого куба.

— *Quattuor archangeli custodes quadrantibus sunt. Quattuor quadrant coram Domino uno. Amen.*

Завершенный куб светился мягким опалесцирующим светом, подобный черно-белым опорам беломраморной алтарной плиты, на которой он стоял. Кверон на мгновение поднес к губам стиснутые руки, закрыл глаза, чтобы сосредоточиться, а затем развел руки в стороны на уровне подбородка, ладонями друг к дружке, и затянул:

— *De profundis clamavi te, Domine: Domine, exaudi orationem meam. Adorabo te, Domine...*

Продолжая молиться, он поднес руки к кубу, ладони лодочкой, словно для благословения. Все трое ощущали нарастание силы — покалывающее напря-

жение, стремительно распространявшееся от макушки до кончиков пальцев.

— *Fiat lux in aeternam. Fiat lusratio, omnium altarium Tuorum*, — вполголоса произнес Кверон. Да пребудет свет в вечности, да будут очищены Твои алтари...

Под руками Целителя куб вспыхнул огнем. Когда он развел ладони и поднял руки, между ними поднялся столп света толщиной с предплечье и такой же высоты. На миг Кверон даже закрыл глаза руками, но продолжил песнопение:

— *Quasi columna flammae te duces, Altissime, in loca arcana Tua...* Словно огненный столп, поведешь ты меня, Высочайший, в потаенные места Твои... — Он сложил руки на груди и низко поклонился.

Светящаяся колонна не погасла, когда псалом затих. Не ведая страха, Кверон коснулся ее верхушки и погрузил руку в пламя.

— *Gloria in excelsis Deo...*

Оказалось, этот огонь не обжигал и подавался под прикосновением. Столп словно сплющился, по мере того, как Кверон опускал ладонь, расплываясь вокруг собранного куба, а затем потек вниз, омывая алтарь до нижних краев, где свечение наконец поглотила нижняя, базовая черная плита. В этот миг Целитель коснулся куба-матрицы... и внезапно весь алтарь начал погружаться, по-прежнему лучась ярким светом.

— Господи Иисусе, куда это он? — выдохнул Джорем.

— Обратно в пол, — благоговейно отозвалась Ивейн, — хотя сомневаюсь, что заклинание Мастера делало то же самое.

Изумленное лицо Кверона яснее ясного давало ответ, но он продолжал петь *Gloria* все то время, по-

ка алтарь уходил вниз, даже когда белая плита ушла на уровень помоста. Но когда она двинулась еще ниже, то даже стоя на коленях Кверон больше не смог дотянуться до куба-матрицы на ее поверхности. Движение прекратилось как раз в тот момент, когда Кверон перестал петь, и верх алтарной плиты оказался гораздо ниже помоста. Ивейн и Джорем также опустились на колени, с опаской заглядывая в открывшуюся дыру.

— Почему это произошло? — пробормотал Джорем, в то время как его сестра запустила в темноту светящийся шар.

Кверон с изумлением увидел, что внизу оказался проход, уходящий куда-то на север, и лег ничком, чтобы рассмотреть его получше.

— Там, похоже, ступени вниз и какой-то коридор.

— Видимо, нам следовало ступить на алтарь, когда он опускался, — предположила Ивейн. — Слезть вниз не так трудно, а вот подняться будет посложнее.

Кверон уже спустил ноги в отверстие, готовый соскочить на плиту, так, чтобы не сбросить сложенные кубики.

— Полагаю, проблемы поднять алтарь не возникнет. Меня куда больше тревожит, что нужно наступить на него, но, видимо, это так и задумано. — Спрыгнув вниз, он присел на корточки и заглянул в боковой проход. — Ага, там точно лестница. Винтовая. Кто-нибудь еще пойдет со мной?

Джорем неуверенно пробормотал что-то о неприятных неожиданностях впереди, но все же подал руку сестре. Та присела на край, подобрав юбки, и с помощью Кверона слезла вниз. Джорем последовал за ней. Целитель тем временем направился к лестнице, стараясь не задеть кубики защиты. Единственной

неожиданностью, и совсем не неприятной, оказалась небольшая комната, до конца не отделанная, расположавшаяся как раз под залом Портала,— размером со среднюю келью убежища. Стены ее были грубо высечены в скале и виднелись следы каких-то раскопок... скорее всего, там намеревались проделать новые ходы — но куда?

— Сдается мне, что те, кто начал строить все это, не успел довести дело до конца,— предположил Кверон, осмотревшись.— Вы, кажется, говорили, что это место соорудили еще Эйрсиды?

Ивейн кивнула.

— Нам и прежде случалось обнаружить их следы, но я мало что знаю о них... разве только то, что их считают философами, предшественниками варнаритов.

— Которые, в свою очередь, отчасти являлись предшественниками гавриилитов,— добавил Кверон.— Однако для меня загадка этот алтарь. Когда Мастер...— он осекся, заметив странное выражение лица Ивейн.— Что такое?

Она тряхнула головой.

— Ничего. Но я верно вас поняла, что когда ваш Мастер творил это заклятие, то он всегда делал это над синим алтарем в Капитуле?

— Точно.

— И он делал это для медитации и ритуального очищения алтаря?

Кверон кивнул.

— Тогда предположим, что этот обряд пришел из гораздо более древних времен и использовался тогда на черно-белом алтаре, не только для очищения, но и специально чтобы открыть доступ в самые тайные залы святилища.

Джорем кивнул.

— А изначальная традиция оказалась отчасти утрачена, такое порой случается, и никто не заподозрил, что в обряде чего-то не хватает. Или, возможно, первичное назначение обряда, вообще, утратилось гавриилитами.

— Это вполне возможно,— согласился Кверон.— Но если и впрямь существовала традиция сооружать потайные комнаты под черно-белыми алтарями, то — Боже правый, как же тогда алтарь в развалинах под Грекотой? Может быть, под ним тоже что-то есть? Что, если именно там варнариты спрятали самые ценные рукописи?

Часом позже все трое собрались у искомого алтаря, и Джорем тщательно расчистил весь мусор у основания, чтобы тот мог погрузиться вглубь, если их теория верна, тогда как Ивейн с Квероном убрали все с поверхности.

Поблизости они обнаружили большой треугольный осколок нижней плиты, и Кверон приладил его на место, прежде чем вновь установить кубики защиты в начальное положение. Он в безмолвии провел обряд именования *потепа* и *согнотепа* и просто проговорил *phrasae*, вместо того чтобы выпевать их. Руки его слегка дрожали в отблесках светошара, зажженного Джорем над помостом. Поскольку алтарь уже был поднят, он смог сразу перейти к конфигурации очищения.

— *Primus est Deus...* — прошептал он устанавливая первый черный кубик на первый белый.

— *Secundus est Filius...*

Следующий белый встал на черный рядом с первым.

— *Tertia est Trinitas... Quattuor Archangeli custodes...*

Последние два кубика оказались на месте.

— *Adorabo Te, Domine... Fiat lux in aeternum...*

И вновь он простер ладони над своим творением, и под ними родился огонь, воспряв сверкающей колонной света, когда он развел руки в стороны. На сей раз он не стал петь *Gloria*, а просто поднес ладонь к верхушке огненного столпа и прижал ее вниз. И когда, покорное его воле, сияние окутало и белую, и черную плиту, алтарь медленно начал уходить в пол.

Глава двадцать вторая

**И положи ее по окраине
жертвенника внизу,
так чтобы сетка была
до половины жертвенника'**

¶ огружение этого алтаря прошло не столь гладко, как у них в *кии*, но само то, что он двигался, казалось чудом. Они слышали, как скрежещет камень по мере его продвижения вниз — должно быть, шахта успела отчасти обвалиться, — но все же плита спускалась уверенно и ровно. И даже когда она достигла уровня помоста, ход ее не замедлился. Заметив это, Джорем решился и осторожно ступил на мраморную поверхность, так, чтобы не нарушить расположение кубиков, и приготовился, при необходимости, ухватиться за край отверстия, если вдруг алтарь начнет уходить слишком далеко вниз.

Но он остановился ровно там, где и первый, где-то на уровне плеч, и судя по раздавшемуся треску, все поняли, что дальше он не пойдет. Оживившись, Джорем нагнулся и поспешил создал светошар, чтобы заглянуть в открывшийся проход.

— Так-так-так. Здесь, похоже, обычная лестница, вместо винтовой. Ну что, вы двое спускаетесь, или

¹Исход 27:5

мне одному отправляться в великую неизвестность? Кстати, это, похоже, и впрямь так было задумано: сойти на алтарь, когда он опускается. Иначе не могу представить, как еще удобно забраться сюда — если только они не прятали поблизости приставные лестницы, но это не слишком-то в стиле Эйрсидов.

— В следующий раз будем иметь в виду, — отзвалась Ивейн.

Упервшись руками ему на плечи, она спрыгнула вниз, и брат подхватил ее. Следом, сев на край и спустив ноги, спрыгнул Кверон.

— Меня лично больше всего интересует, что там внизу лестницы, — воскликнул Целитель. — Скорее всего, здесь, в отличие от *кииля*, строительство успели закончить. Ведь этот комплекс соорудили очень давно.

Поскольку именно заклинание Кверона позволило им сделать это открытие, то они пустили его вперед. Ивейн двинулась за Целителем со светящимся шаром, а Джорем пошел замыкающим. Когда лестница опустилась, должно быть, на несколько этажей, трижды полностью обернувшись вокруг собственной оси, они оказались на просторной площадке, такой огромной, что тьма поглощала свет всех шаров. Сразу по правую руку виднелся не то коридор, не то какая-то комната, но дорогу преграждало нагромождение мусора и обломков. Что-то захрустело под ногами у Кверона, когда он приблизился, чтобы осмотреть завал.

— Здесь мы точно не пройдем, — обернулся он к своим спутникам. — Тем не менее, там точно что-то есть.

Он указал куда-то во тьму и создал еще один светошар, — впрочем, это почти ничего не изменило.

Они гуськом двинулись вперед, осматриваясь не только телесным, но и ментальным зрением.

— Там, впереди, что-то странное,— заметила Ивейн через пару секунд, посылая в том направлении огненную сферу пониже к полу.— Некий источник силы, приглушенный, но все еще действующий. Кто-нибудь чувствует это?

Оба ее спутника повернулись взглянуть, и в этот миг шар Ивейн озарил уходящие вверх ступени тусклочно-черного цвета, огибающие с двух сторон круглое возвышение. Они осторожно приблизились, и она направила светошар вверх, а затем шагнула на первую ступень — и споткнулась от неожиданности, когда свет внезапно ослепил их, отразившись от полированной черной грани какого-то предмета. На нем, насколько удалось разглядеть Ивейн, виднелись очертания, напоминавшие человеческую фигуру.

— Черт возьми! — пробормотал Джорем,— Да это усыпальница.

— Возможно,— рассеянно отозвался Кверона.— Но не просто какая-то усыпальница. Кто-то затратил много труда, чтобы соорудить все это. Давайте посмотрим.

— Только осторожно,— предупредила Ивейн, ступая вслед за Целителем.

Медленно, почти благоговейно, все трое взошли по ступеням — их было семь, как в *кили*, — не сводя глаз с фигуры, проявлявшейся все отчетливее по мере их приближения. Ивейн охватило странное подозрение, переросшее в сверхъестественную уверенность, когда она остановилась на верхней ступени. Глядя на слой пыли, остававшийся нетронутым веками, она поняла, кто лежит в этом саркофаге — а это был именно саркофаг. Загадочная фигура оказалась

не просто искусственным изображением, но чудесным образом сохранившимися мощами.

— И упокоюсь я в мире, ибо лишь ты Господи, даруешь мне покой,— процитировал Кверон один из псалмов. Он поклонился и сделал странный жест обеими руками в сторону головы мертвца.

— Вы знаете, кто это? — шепотом спросила Ивайн.

— Конечно. Это Орин.

— Орин? — Джорем был потрясен.

— Да. И взгляните на место его упокоения: столпы Мощи и Милости образуют его саркофаг, в точных пропорциях с кубами защиты. Четыре черных образуют Столп Мощи, четыре белых — Милости, а сам Орин — Срединный Столп, что опирается на них. Эта традиция мне знакома — как была она известна и ему самому, и тем, кто вознес его сюда.

Ивайн вновь с благоговением взглянула на тело, осознав теперь, почему половина саркофага черная, а другая — белая. Сверху лежал слой пыли, делая поверхность неразличимо-серой, но не только пыль скрывала покоящееся тело. Оно было, как саваном, окутано тончайшей шелковой сетью, в каждом из переплетений которой был закреплен крохотный кристалл ширака с просверленной по центру дырочкой, чтобы привязать его к месту.

Ивайн не прикоснулась к сети, лишь осторожно поднесла к ней руку, а затем провела ладонью над той ее частью, что свешивалась с краю. Своеобразный порядок, в котором были закреплены кристаллы, напоминал определенную магическую формулу, но она не могла толком вспомнить, где сталкивалась с чем-то подобным.

— Ширак и шелк? — негромко произнес Джорем у нее за спиной.

Ивейн озадаченно кивнула, продолжая осматриваться.

— Да, это магия узлов. Я кое-что знаю об этом, мы даже используем ее в обрядах Совета, но, в целом, это давно забытое искусство. Женская магия, большей частью. Мне кажется, тут сохраняющее заклятье — нечто подобное иногда делал Райс. Кверон, вам это ничего не напоминает?

Целитель бережно провел ладонью над сетью, покрывающей левое колено мертвеца.

— Отчасти, — отозвался он наконец. — Хотя я понятия не имею, как действуют эти чары. Именно в них источник силы, которую мы ощутили от лестницы, и я мог бы добиться схожего эффекта на короткое время... но не так надолго, как здесь. А если мы сдвинем сеть, то я не знаю, что случится с *ним*.

— Вы, правда, считаете, что это Орин? — спросил Джорем чуть погодя.

— Да.

Это короткое слово прозвучало столь уверенно, что у двоих его спутников не осталось сомнений... но это рождало массу вопросов. Ибо Орин был магом невероятной, почти сверхъестественной силы, самый ученый из древнего ордена Дерини, чья мудрость заложила основы всей эзотерической философии Дерини на три сотни лет вперед. Именно Орин первым познал те сокровенные тайны, в которые так рвался проникнуть Камбер — но сумел зачерпнуть лишь самую верхушку. И он же был автором тех самых Протоколов, откуда Камбер взял заклинания, позволяющие принять облик умершего и его воспоминания, а Ивейн — создать личину человека, которого никогда не существовало в природе.

И возможно, Орину было известно заклятье, которое ныне удерживало Камбера между жизнью и

смертью, и каким образом вернуть человека из этого сумеречного состояния. Теперь же видеть перед собой Орина во плоти...

Его лицо было скрыто под плотной шелковой сетью со вплетенными кристаллами ширала, так что черт было не разобрать, но одеяние мага они разглядывали с изумлением и восторгом — странная смесь церковного и мирского, одновременно чуждое и знакомое. Известно, что при жизни он был высок и хорошо сложен, и даже в смерти излучал ощущимую ауру власти — разом князь и священник. Пыль приглушала цвета, но не могла стереть величия.

Окружала тело, прямо под сетью-саваном, странная темная ткань, нечто вроде мантии, ниспадавшая правильными складками по обе стороны саркофага. Сперва им показалось, что это тонкий гладкий мех, но, приглядевшись, они с изумлением обнаружили, что это мириады крохотных птичьих перьев, подшифтованные на основу алого шелка. В сиянии светошара ткань поблескивала и мерцала, всякий раз новыми оттенками, когда малейшее дуновение касалось перышек. Сдув еще немного пыли, они обнаружили, что под оперенной мантией виднеется тонкая лиловая шерстяная туника длиной до лодыжек, почти такого же цвета, как парадные одеяния Камберианского Совета.

— Цвет Эйрсидов, — отметил Кверон. — Вы знали об этом, когда выбрали его? И эти солнечные кресты, вышитые по рукавам — это гавриилитские символы, а еще прежде — варнаритские.

Солнечные кресты украшали также его сандалии — вышитые золотой нитью на белом шелке. Под туникой скрывались лиловые же штаны, понизу расшитые золотом.

Но самое большое внимание привлекли его руки, и все трое склонились, чтобы разглядеть их поближе. Тонкие, бледные, они были скрещены на груди. Между худых пальцев, на одном из которых красовалось серебряное кольцо с выгравированными символами, вилась серебряная цепочка, на конце которой висел тяжелый серебряный же медальон с вделанной в него монетой. Ивейн тихонько охнула, когда наклонилась взглянуть на него чуть под другим углом.

— Ого, вы видели это?

Джорем кивнул и дунул, чтобы убрать пыль. Любопытство взяло в нем верх над опаской.

— Похоже на еще одну из тех загадочных монет. Кажется, такая же запечатывала сверток с писаниями Иодоты.

— Если очень постараться,— заметил Кверон, осторожно тронув медальон,— Мы сможем извлечь его, больше ничего не потревожив. Я могу ошибаться, но, по-моему, цепочка не уходит под саван. Возможно, медальон положили сюда уже позднее.

— Только аккуратно,— попросила Ивейн, и Целитель бережно взял медальон за краешки и начал поднимать его.

Он очень осторожно раскачивал его взад и вперед, взад и вперед, и постепенно цепочка высвободилась из мертвых пальцев и складок шелковой сети. Вытащив медальон, Кверон с улыбкой вручил его Джорему. Священник сдул остатки пыли и протер кружок кончиками пальцев, а затем протянул взглянуть остальным.

— Если это и не та самая монета, что служила печатью, то, по крайней мере, отчеканены они обе были в одном месте,— предположил он.— Не вижу ни малейшего различия.

— И вы так и не смогли установить ее происхождения? — спросил Кверон.

Михайлинец покачал головой.

— Она явно очень древняя. Я рылся во всех архивах, какие мог найти — хотя сегодня, увы, нам доступно немногое, — но об этой обители я ничего не слышал. Возможно, то была обитель Эйрсидов... если, конечно, у Эйрсидов, вообще, были обители...

— Да, этого мы не можем знать наверняка, — согласился Кверон, пристально разглядывая ободок медальона. — тут, похоже, нечто вроде петельки слева, или мне мерещится?

Нахмутившись, Джорем попытался поддеть ногтем противоположную сторону.

— Похоже на то. Тогда там должно быть что-то внутри. Медальон достаточно толстый, и... ого-го!

С этот миг монета словно подпрыгнула на скрытых петлях, обнажив хрустальную пластинку — а под ней... локон ярко-рыжих волос.

Кверон даже присвистнул от изумления.

— Вот это да, значит, это и впрямь медальон какой-то обители. Локон обычно брали, когда обладатель постригается в монашество. Орин был рыжеволосым?

Ивейн, взяв медальон у Джорема, перевернула его — и застыла от удивления.

— Не знаю как Орин, но вот эта дама — точно.

На обратной стороне медальона обнаружился портрет на тончайшей пластинке слоновой кости, выполненный настолько умело, что женщина казалась почти живой. Густые рыжие волосы обрамляли тонкое, выразительное лицо. У нее был острый подбородок и четко очерченный рот, изогнутый в слабом намеке на улыбку. Темные глаза обладали осо-

бенной глубиной, так что не верилось, что они всего лишь нарисованы краской.

— Господи, неужто это Иодота? — прошептал Кверон.

— Думаю, да, — отозвался Джорем. — Такую же монету-печать мы видели на ее бумагах.

— Но на ней как будто не монашеское одеяние, — заметила Ивейн. Действительно, на женщине было белоснежное платье с низким вырезом. — И распущенные волосы едва ли пристали монахине. Впрочем, никто и не утверждал никогда, что она принадлежала Церкви. И смотрите, что это у нее в руках? Кверон, вы можете разглядеть?

Целитель кивнул.

— В левой руке книга с Альфой и Омегой на переплете. А в правой что-то вроде кувшина. Обычно это символы диакона. Интересно, Эйрсиды посвящали женщин в духовный сан?

— Вы имеете в виду священников? — переспросил Джорем.

— Хотя бы диаконов. А что такое, Джорем? Это вас шокирует?

— Ну, не совсем, однако...

— О, да будет вам! Следует лучше изучать историю религии! — пожурил его Кверон. — Чему только вас, михайлинцев, учат? Вы же знаете, писания называют нас всех царями среди священников, священным народом.

— И весьма своеобразным, — кисло добавил Джорем. — Что истинная правда. Взять хотя бы нас с вами — стоим здесь и ведем теологические дебаты, когда сделано величайшее открытие нашего времени! Неужели никому больше не интересно, что еще мы можем здесь обнаружить?! Ведь мы именно за этим сюда явились!

Нахмурившись, он подманил свой светошар поближе и склонился над скрытым под саваном лицом, энергично сдувая пыль. Кверон подошел поближе и склонился над его плечом.

— Прошу меня простить,— промолвил он мягко.— Вы можете разобрать черты лица?

— Не особенно. У него была борода, это я вижу, и, кажется, на лбу у него тонкий золотой обруч. Ивейн, он что, был принцем, или каким-то правителем?

— Нет, только не в мирском смысле,— ответила она и встала в изголовье саркофага.— Но он был из знатной семьи, и есть свидетельства, что у Эйрсидов золотой обруч был знаком посвященных. Но обратите внимание, это ведь не металл. Больше похоже на шнур, скорее всего, завязанный на затылке. Это...

Она не договорила, ибо в тот самый миг, когда подняла взор на Кверона в ожидании ответа, то краем глаза заметила что-то совершенно неожиданное. Обернувшись направо, она застыла в изумлении.

— О, Господи! — и упала на колени, прижимая к губам медальон.

Джорем с Квероном поспешили к ней,— и оба разом споткнулись, заметив то, что увидела Ивейн.

Вдоль белой половины саркофага, вытянувшись, на правом боку лежала женщина. Длинные огненно-рыжие волосы рассыпались по черно-белым пли-там, свисая по ступеням; правую руку она согнула в локте и подложила под голову. Под слоем пыли невозможно было определить ее возраст, но никто не сомневался, что это женщина из медальона.

На ней было платье лилового шелка, такого же цвета, как туника Орина, и никаких украшений, если не считать золотого торка на шее. Ноги ее были

босы. Она покоилась на алоей мантии, частично закрывавшей левое плечо, и кончик ее она придерживала рукой под подбородком, словно во сне пытаясь укрыться от холода. У правой руки покоился жезл из слоновой кости. Левый рукав и часть платья вокруг были запятнаны чем-то темным. Джорем поднес ближе свой светошар.

Кверон, всегда прежде всего ощущавший себя Целителем, опустился на колени, пытаясь получше разглядеть рану, затем сел на пятки, не сводя взора с неподвижной фигуры.

— Полагаю, мы все согласны, что это именно Иодота,— промолвил он.— В легендах что-нибудь говорится о том, как она приняла смерть?

Ивейн покачала головой.

— Ничего конкретного. По одним источникам, она пыталась спасти сыновей короля Лларика — обоих казнил их собственный отец в 699 году. Орин, конечно, к тому времени был уже мертв — он был много старше Иодоты. Что бы там ни случилось... вероятно, она пришла сюда, чтобы умереть рядом с ним.

— Но она же, кажется, была Целительницей,— заметил Джорем.— Если уж у нее хватило сил добраться сюда, то почему она не излечила себя?

Кверон печально склонил голову.

— Может быть, просто не пожелала? Если она была защитницей принцев и не сумела их спасти, возможно, она не захотела больше жить? Ведь Орин умер, принцы погибли, Эйрсиды отправлены в изгнание...

— Да, видимо, Эйрсиды ушли вместе с ней.— Прижав медальон к груди, Ивейн покачала головой.— Как же могло случиться такое? Все эти знания — утрачены...

Кверон кивнул.

— То были мрачные времена, особенно правление Аларика и еще столетие после него — пока не пришел Беренд, тот самый, которого едва не признали святым. Все эти нашествия варваров, падение *Rax Romana*, войны с маврами... удивительно еще, что нам осталось хотя бы то, что мы имеем. Представьте, что было бы, если бы в пожарах погибли древние библиотеки!

— Это еще может случиться, — мрачно пробормотал Джорем, — если Эдвард Мак-Иннис доведет свое дело до конца. По крайней мере, будет уничтожено все самое ценное.

— Нет, самое ценное может быть *здесь*, — возразила Ивейн. — Может быть, даже внутри этого саркофага. А нашу находку смело можно считать одним из величайших исторических открытий за последние двадцать-тридцать лет.

— О, но осмелимся ли мы использовать то, что они нам оставили? — Кверон, поежившись, бросил взгляд на тело Иодоты. — Если они с Орином были хотя бы наполовину так могущественны, как о том говорится в легендах...

— Кверон, вы меня удивляете! — улыбнулась Ивейн и протянула руку, чтобы коснуться огненно-рыжих волос женщины. — Это Джорем у нас — воплощение осторожности... Ой!..

Стоило ее пальцам дотронуться до пряди волос, как все тело замерцало, распространяя волны силы. Ивейн поспешила отдернуть руку, и все трое отпрянули.

Но тело внезапно осело — и мгновенно рассыпалось в прах. Через несколько мгновений все, что оставалось от него, — это тронутое пылью лиловое одеяние и изогнутый золотой торк, да выцветшая алая

ткань, что была некогда ее мантией. Не осталось ни зубов, ни даже фрагментов костей.

— Ну что же,— протянул наконец Кверон, когда все трое осмелились перевести дух,— По крайней мере, эта проблема решилась сама собой.— Опустившись на колени, он провел рукой по костянику жезлу и золотому торку, и растерянно улыбнулся Ивейн.— Думаю, вы должны взять это, миледи. Они чисты — но не для нас, мужчин. Возьмите.

Ивейн торжественным жестом вручила медальон Иодоты своему брату, затем потянулась и подняла торк, сдула с него пыль и вытерла о подол платья. Очищенный, торк засверкал в ее руках алой и пурпурной, синей и зеленой эмалью, такой тонкой, что она даже не могла различить всех узоров. Здесь были и солнечные кресты гавриилитов, и еще более древние символы.

Она еще раз потерла торк о юбку, затем прикоснулась к нему губами и надела себе на шею. Это украшение было достойно принцессы, а жезл слоновой кости напоминал скипетр. Джорем предложил ей руку, чтобы помочь подняться, и слегка поклонился. Сперва это было сделано как бы в шутку, но затем он посерезнел и действительно склонился перед сестрой. Никто не смел произнести ни слова, пока наконец она не вздохнула и не посмотрела на них с улыбкой.

— Ну, а как быть с Орином? — промолвила она и, осторожно миновав прах Иодоты, вернулась к изголовью.— Я не шутила, когда сказала, что его исчезнувшие рукописи могут быть спрятаны здесь, в саркофаге. Но, честно говоря, я не сгораю от желания разбирать его на части.

— Возможно, это и не понадобится,— возразил Кверон. Они с Джоремом тоже аккуратно миновали

останки Иодоты.— Свитки могут оказаться куда ближе. Посмотрите, у него здесь что-то есть, под левой рукой. И по форме как раз подходит.

— Похоже, вы правы.— Ивейн склонилась над телом.— Но чтобы их достать, нам придется сдвинуть сеть. Думаете, это не опасно?

Джорем остановился в изножье саркофага и скрестили руки на груди с выражением неодобрения.

— Полагаю, нам стоит поразмысльить об этом и вернуться сюда позднее.

— Нет уж, если свитки здесь, то мы должны взять их сейчас.— Ивейн была непреклонна. Обойдя слева, она поставила жезл на пол, прислонив его одним концом к саркофагу, затем провела руками над сетью, вдоль всего тела и осторожно коснулась одного из кристаллов ширала. Она ощущала энергию камня и то, как она переплетена с силовыми потоками остальных, но это равновесие было очень хрупким. Со вздохом Ивейн подняла голову и посмотрела на своих спутников.

— Я бы предположила, что если мы потревожим сеть, то тело просто рассыплется в прах, как и Иодота. Ничего более.

— Согласен,— поспешил заметить Кверон.

— Это означает,— медленно произнес Джорем,— что мы собираемся потревожить мертвеца только ради того, чтобы, возможно, заполучить нечто, чего там вполне может и не быть. Не лучше ли просто оставить его покойиться с миром?

— Ты прав, мне это тоже не по душе,— вздохнула Ивейн.— Но если мы этого не сделаем, то это все равно, как если бы мы его вовсе не находили. Разумеется, когда позволит время и обстоятельства, мы соберем прах и захороним его в освященной земле. Мы даже могли бы смешать их прах...— Она тронула

брата за руку.— По-моему, ей бы это понравилось. И в каком-то смысле это — правильно.

Джорем долгим взором уставился на медальон в своей руке, затем сжал его в кулаке и кивнул.

— Ты права. Прости, что я так усложняю всем жизнь, просто однажды мне уже довелось делать нечто подобное, когда пришлось переместить тело Элистера Келлена. А он в ту пору внешне выглядел как отец, так что можешь себе представить...

На это никто не решился возразить. Выждав с дюжину ударов сердца, Кверон со вздохом вновь встал в изголовье. Джорем уже стоял в ногах; медальон Иодоты он спрятал себе под сутану. Ивейн осталась слева и осторожно приподняла краешек савана.

— Вы двое, равномерно снимайте сеть, а я попробую взять то, что тут спрятано,— велела она им.

По команде, они начали сдвигать саван, пару раз останавливаясь, чтобы Ивейн могла распутать узлы, цеплявшиеся то за застежку плаща, то за сандалию, то за руку. Как только сеть полностью оказалась над телом, пыль, словно живая, побежала по нему радужной волной, мерцая переливами света.

Они сложили сеть у ног Ивейн, и к тому времени, как вновь выпрямились, от великого Орина осталась лишь проседающая одежда, еще сохранявшая отчасти очертания человеческой фигуры. Лишь кое-где под тканью виднелись странные вздутия. Кверон, как самый бесстрашный из троих, осторожно сдвинул оперенный плащ, прикрывавший тело, и широко ухмыльнулся.

— Мы, кажется, искали какие-то свитки?

Два туго скрученных свитка лежали рядом с жезлом, точной копией того, что достался Ивейн. Один был перевязан темно-синим шнуром, другой — фиолетовым. Ивейн задохнулась от восторга, сообразив,

что видит перед собой легендарный пятый Протокол Орина, именуемый также «Книгой Отваги». По выражению лица Джорема она поняла, что брат сейчас подумал о том же.

— Но тот, что с фиолетовым шнуром?

— Неужели есть еще и *шестой* Протокол, — прошептал Джорем благоговейно.

— Никогда не слышала о таком. Но это могут быть просто его рабочие наброски...

— Будем считать все же, что синий — это Пятый Протокол, — произнес Кверон вполголоса. — Тогда может ли статься, что второй — это *Codex Orini*?

— А, вы тоже слышали о нем, — отозвалась Ивайн несколько рассеянно. — Да, синий — это тот самый пропавший Пятый Протокол. — Она осторожно приподняла его из пыли и легонько встряхнула, прежде чем снять шнур, затем развернула и пробежала взором первые строки.

— Ага. «*О Порядках Созвездий, Наблюдении за Луной и о Блокировании Силы у Обладающих Магическим Даром*», — прочитала она с улыбкой и протянула свиток Кверону с легким поклоном. — Это вам — когда в следующий раз увидитесь с Тависом и Сильвеном.

— А второй, — поторопил ее Кверон.

— Второй... ах, да. — Трепетным движением она взяла его, стряхнула, затем осторожно сдула остатки пыли с фиолетового шнура. — Думаю, этот я пока приберегу.

— Мудрое решение, — одобрил Джорем. — Лично я бы открывал его только в защищенном круге...

Кверон тревожно покосился на него.

— Вы что-то почувствовали?

— Не совсем. Просто такое ощущение... там скрывается нечто очень могущественное. Не уверен даже, что хочу быть рядом, когда она откроет его.

— Интуиция или природная осторожность? — продолжал допытываться Целитель.

— Немножко и того, и другого разом. Возможно, все это пустое. — Джорем вновь взглянул на прах, затем поднял костяной жезл. — Такой же, как у тебя, Ивейн. Как ты думаешь, это магический инструмент, или просто некий символ должности?

— Может быть и то, и другое — или ни то, и ни другое, хотя я бы все же предположила, что символ должности. И мы вполне могли бы использовать их как таковые. — Она задумчиво повертела в руках жезл Джорема, затем взяла свой и положила их рядом. — Да, жезлы-близнецы. Теперь Орин и Иодота словно всегда незримо будут с нами, и это хорошо, поскольку мы очень многим обязаны им обоим.

— С этим не поспоришь, — согласился Кверон. — Да, кстати, Джорем, — окликнул он, взяв из праха кольцо Орина. — Почему бы вам не взять вот это на хранение? Когда будет время, изучите его повнимательнее, а потом расскажете нам, если обнаружится что-то интересное.

— Я не смогу носить его, — запротестовал Джорем, нервно вытирая руки о сутану.

— Тогда просто положите в безопасное место. — Кверон вложил кольцо в руку михайлинца и сжал его пальцы. — Когда почувствуете, что готовы, оно будет здесь. Ваша сестра не единственная в семье, у кого есть талант, не забывайте об этом.

— Ну, ладно.

Пока Кверон продолжал разглядывать прах, Джорем сунул кольцо в поясной кошелек и сразу почувствовал облегчение. Целитель же, подняв голову, посмотрел на своих спутников.

— Давайте вернемся сюда завтра, — предложил он. — Нам понадобится кое-что взять с собой, чтобы

СКОРБЬ ГВИННЕДА

сделать все как следует. Но пока у нас выдалась очень нелегкая ночь, и думаю, нам всем следует перехохнуть слегка и освоиться со всем, что мы узнали нового.

Никто и не подумал ему возразить.

Глава двадцать третья

**Но не посмеешься ты надо мной,
и не нарушу я святых
заветов отцов хранить Закон,
пусть даже вырвут мои глаза
и сожгут нутро'**

статок ночи трое Дерини почти не спали, и подняться с постели пришлось очень рано, поскольку наступила Страстная Суббота, а это накладывало определенные религиозные обязательства на всех обитателей убежища. Совершенно измотанные после ночных приключений, они совершенно по-иному воспринимали теперь суровый символизм Страстной Недели, и все трое признались друг другу, когда встретились после мессы Джорема, что видели очень странные сны. Кроме того, Ивайн была во власти непоколебимой убежденности, что прах Орина и Иодоты необходимо как можно скорее благословить и упокоить в освященном месте.

— Не знаю, почему это так важно, но это необходимо,— уверенно ответила она, когда те стали допытываться о причинах. Действительно, хотя здравый смысл подсказывал, что прах, ждавший своего часа три столетия, вполне может подождать еще пару

¹4-я Маккавеев 2:53 (Апокриф.)

дней, но некое шестое чувство стояло на своем. Даже Джорем согласился, к собственному удивлению.

С практической точки зрения, однако, это представляло определенные трудности. Собственно, хуже дня, чем Страстная Суббота, для этого трудно было вообразить. Пост был, вообще, трудным временем для священников, а уж переход к Пасхе — вдвойне; а в крохотном сообществе убежища их отсутствие в такой день особенно бросалось бы в глаза, особенно если бы разом исчезли все трое.

Тем не менее, они решили, что сумеют выкроить пару часов между краткой заутреней и более продолжительным обрядом Пасхального Бдения, когда благословлялся новый огонь, крестильная вода и зажигали Пасхальную свечу. Воспользовавшись тем, что в перерыве между двумя этими службами большинство расходились по кельям для отдыха и медитации, все трое вновь собирались у усыпальницы в подземельях Грекоты, прихватив с собой каминную метелку, ларец слоновой кости и пару больших кожаных мешков. Священники сперва тихо помолились над прахом, а затем вместе с Ивейн принялись отделять останки от одежды.

Начали они с Иодоты. Шерстяная накидка рассыпалась у них в руках, и ее пришлось собрать в один из мешков, чтобы потом сжечь, но шелковое платье не пострадало, так что прах из него удалось аккуратно ссыпать прямо с ларец. Когда убрали накидку, то нашли еще одно кольцо, на месте правой руки Иодоты, точь-в-точь такое же, как у Орина. Латинская надпись внутри гласила: *Jodotha, serva Deum.*

— Служительница богов,— перевела Ивейн, продемонстрировав кольцо остальным, затем спрятала его в карман, чтобы позже сравнить с кольцом Орина.

— Да, но каких богов? — переспросил Джорем резко.

Однако сейчас у них не было времени на рассуждения, ибо время близилось в вечерне. Они смели остатки праха в ларец, затем вернулись к Орину. Перьшки на плаще были пришиты шелком, к шелковой основе, так что почти не пострадали, но шерстяная одежда рассыпалась на выцветшие пурпурные клочки, похожие на комья паутины. Эту труху они собрали в тот же мешок, что обрывки плаща Иодоты. Прах ссыпали в костяной ларец, а шелковые штаны и кожаные сандалии отправили во второй мешок, к платью Иодоты; туда же легла и аккуратно сложенная шираловая сеть.

Когда с этим было покончено, Ивейн поставила ларец посреди саркофага, прямо на пересечении граней четырех кубов, и отступила взглянуть на него. Кверон держал мешки и метелку, у Джорема через руку был перекинут оперенный плащ. Теперь структура саркофага стала вполне очевидна: левая половина состояла из четырех черных кубов, правая — из четырех белых. Кверон сдул последнюю пылинку с белого угла, где прежде покоялась голова Орина, затем посмотрел на своих спутников.

— Я поражен тем, насколько символизм Столпов Храма подходит для саркофага, — заметил он. — Это настолько логичное продолжение конфигурации алтарных кубов, что удивительно, как никто не додумался до этого прежде. Правда, что-то мне вспоминается, еще из юношеских дней в обители святого Неота... тогда это казалось совершенно бессмысленным — но то же самое можно сказать и об очистительном ритуале, с помощью которого мы попали сюда.

Слушатели не сводили с него внимательных глаз, и Кверон продолжил:

— А ведь мой орден *знал* об этом... — в голосе его звучало восхищение. — Они наверняка знали. Скрывали это от взоров непосвященных — и даже мы, братия, не понимали многоного, — но старейшины ордена не могли не знать. Теперь я это понимаю.

Джорем удивленно переспросил:

— Они знали... об этом?

Кверон, кивнув, опустил на пол мешки и метелку и, встав у изголовья, уперся ладонями в углы саркофага.

— Возможно, они не знали в точности, но что-то подозревали. У нас в обители святого Неота был особый катафалк, его вывозили лишь когда умирал кто-то из старейшин. Он состоял из восьми полых деревянных кубов, соединенных между собой, в точности как этот; катафалк был разборным, тогда я думал, это чтобы удобнее было его хранить. Границы кубов были ровными, из мореного дерева — кажется, то был тис, — и украшены символами нашего ордена и веры, как и следовало ожидать. Те грани, которые соединялись между собой, были гладкими. — Он провел пальцем по соединению белого и черного куба. — Но изнутри они были выкрашены в белый и черный цвет — я обнаружил это, лишь когда уже очень долго пробыл у гавриилитов, совершенно случайно, зачем-то другим зайдя в хранилище. Мне и в голову не пришло никого расспрашивать об этом, но теперь я понимаю, что когда их скрепляли, то черные оказывались слева, а белые справа. Значение этого я осознал лишь сейчас.

— Вы хотите сказать, что те, кто соединяли катафалк в аббатстве, не замечали этого? — поинтересовалась Ивайн.

— Не знаю, никогда не слышал, чтобы хоть кто-то говорил об этом. За приготовлениями к похоронам всегда наблюдал брат ризничий. И я даже не помню, чтобы он хоть кого-то просил помочь, хотя кубы, наверняка, весили немало, и кто-то должен был переносить их в церковь со склада. Послушники и младшие братья всегда делали всю черновую работу, но когда мы приходили, катафалк всегда уже стоял.

— И готов поручиться, что брат ризничий всегда был одним из старейшин, верно? — предположил Джорем.

— Всегда.

— Судя по вашему описанию, речь идет о некоем ордене внутри ордена, — высказалась догадку Ивейн. — Похоже, значение некоторых обрядов оказалось утрачено со временем — как, к примеру, обряд очищения, — но вполне возможно, что некая тесная группа избранных старалась по-прежнему продолжать традиции Эйрсидов.

Кверон задумчиво кивнул.

— Весьма вероятно. У нас имелся Совет Старейшин, всего двенадцать человек, во главе с аббатом. — Он усмехнулся. — Как странно порой играет с нами судьба. Меня ведь собирались избрать в старейшины, когда я оставил гавриилитов, чтобы служить святому Камберу. Если бы остался, то, наверное, узнал бы все их тайны. Но с другой стороны, если бы это случилось, мы трое не стояли бы здесь сейчас, верно?

— По-моему, — заметил Джорем, разворачивая перистый плащ, — нам стоит продолжить беседу чуть позже и в другом месте, а не то наше отсутствие вызовет массу вопросов. Пора возвращаться. Скоро начнется вечерняя служба.

Ивейн, вздохнув, помогла ему расстелить плащ поверх саркофага, так что края его свисали до пола.

Костяной ларец оказался укрыт со всех сторон. Ивейн тронула рукой угол саркофага.

— Еще только одно,— мягко промолвила она, не глядя на своих спутников.— Этот символизм очень близок мне, и не только из-за Орина с Иодотой, хотя сейчас я едва ли смогу внятно объяснить почему. Я хочу, чтобы отца похоронили так же, если нам не удастся вернуть его к жизни — может быть, в той по-таенной комнате под *килем*.

Впервые за все время она высказала вслух предположение, что у них может не получиться вернуть Камбера. Но слушатели задумывались и о другом.

— Ивейн,— негромко спросил ее Кверон.— Это что, предчувствие?

Чуточку смущенная, она покачала головой.

— Нет. Я просто считаю, что надо быть готовым ко всему. Закончить ту комнату под *килем* будет не так уж сложно. Саркофаг можно сделать и деревянным, как для ваших гавриилитских старейшин — собственно, его и доставить-то туда можно будет только по частям... но я хочу, чтобы он покоялся в равновесии между Столпами. И мы можем выкрасить наши кубы даже извне,— добавила она с застывшей улыбкой.

— Так, а что еще,— потребовал Джорем, пристально глядя на сестру.— Ну, выкладывай, Ивейн. Я же вижу, это не все.

Сцепив руки и не свод с них взгляда, она покачала головой.

— Ты прав, есть еще кое-что. Если... если я погибну во время обряда... нет, дай мне договорить, Джорем... Я должна это сказать.— Она выпрямилась и в упор посмотрела на них.— Если я погибну, то хочу, чтобы меня похоронили рядом с Райсом, на таком же саркофаге. Вы обещаете?

Они торжественно поклялись, и ни один даже не попытался возразить, что, конечно же, все пройдет благополучно и, конечно, она не умрет. После этого оба священника, преклонив колени, вознесли короткую молитву за Орина и Иодоту и благословили их место последнего упокоения, а затем все трое вернулись своей дорогой, дабы приветствовать чудо Воскресения.

• • •

В следующие часы Пасху праздновали по всему Гвиннеду. К соборах и крохотных церквушках пасхальная литургия провозглашала обещание Господне спасения и жизни вечной для верующих, и голоса молодых и старцев сливались в едином хоре хвалы и благодарности за милость Божию. Даже Дерини могли прийти в церковь в эти святые дни, хотя все пасхальные проповеди неизменно призывали их раскаться и отречься от былых заблуждений.

В Ремуте, как и везде, Пасха праздновалась с размахом, особенно в соборе святого Георгия. Король с братьями присутствовали на службах в этой заново отстроенной церкви: Джаван и Райс-Майкл прислуживали архиепископу Орину у алтаря, а Алрой возглавлял дарственную процессию, поднося вино и хлеб верующим.

Пиршество, которое последовало за богослужением, затянулось до самого вечера, и там уж гости вдоволь могли насладиться яствами и сладостями, запретными во время поста. Если не считать Хьюберта, который в это время обязан был находиться в Валорете, все прочие регенты были здесь с женами и домочадцами,— даже герцог Эван прибыл из Келдора. На следующий день Алрой давал большой при-

ем, на котором присутствовал в парадной короне, высокой, украшенной рубинами,— в этот день он казался истинным владыкой... хотя кто-нибудь из регентов все равно постоянно держался поблизости.

Однако регенты не сидели без дела все это время. За месяц, отделявший Пасху от дня рождения близнецов, приходившегося на двадцать пятое мая, Джаван ясно почувствовал, что они что-то затевают, и это неким образом имело отношение к герцогу Эвану, самому безобидному из всех пятерых.

Сразу после того, как отшумели пиры и веселье пасхальной недели, Эван вновь отбыл к себе в Келдор, и в этом, казалось бы, не было ничего примечательного, поскольку давно уже негласно было решено, что присутствие герцога при дворе совершенно не требуется, и он может оставаться в своих владениях, сколько необходимо, точно так же, как Хьюберт в Валорете.

Однако на сей раз отъезд герцога вызвал подспудное недовольство, хотя никто напрямую не сказал ему, что его желали бы видеть в столице постоянно. Лишь когда он отъехал достаточно далеко, чтобы вернуться было невозможно, регенты начали шептаться, подстрекаемые графом Мердоком, что, возможно, Эвану стоило бы просить об отставке, а заменил бы его брат Хьюберт, Манфред,— хотя этот достойнейший кандидат поспешил удалиться в Кайорри, чтобы надзирать там за строительством своего нового замка, дабы никто не мог обвинить его в том, что он интригует, дабы занять место регента. Джаван прознал об этом от Ориэля, а тот услышал от одного из сыновей Мердока, который слишком распустил язык, пока Целитель пользовал его после падения с лошади.

В скором времени архиепископ Хьюберт без предупреждения наведался в Ремут, вероятно, чтобы убедиться, насколько успешно продвигается религиозное образование Джавана, но кроме того, чтобы обсудить с остальными регентами вопрос с Эваном, ибо перед возвращением в Валорет имел долгие беседы с каждым из них. За те три дня, что он пробыл в столице, он несколько раз виделся с Джаваном и подробно расспрашивал его о занятиях, как будто желая тем самым оправдать свой приезд, но эти встречи всегда происходили при посторонних, и принц не осмелился влиять на архиепископа или читать его мысли. Большую же часть времени Хьюберт проводил с другими регентами.

Вот на что архиепископ, действительно, обратил самое пристальное внимание, так это на нежелание Джавана иметь своим духовным наставником епископа Альфреда. Он был достаточно умен, чтобы не давить на принца, поскольку сей выбор, по определению, дело глубоко личное; не стал он и возражать против того, чтобы Джаван занимался с отцом Бонифацием. Он просто желал быть всегда в курсе того, чем принц занимается и о чем думает.

Вот почему, в самый день отъезда, Хьюберт препоручил принца заботам двух новых наставников из *Custodes Fidei*: инквизитору отцу Лиору и местному аббату *Custodes*, отцу Секориму, которым было поручено самолично надзирать за всеми религиозными занятиями Джавана. Дважды в неделю ему по-прежнему дозволялось заниматься с отцом Бонифацием у того в покоях, но ежедневные посещения службы оказались под запретом, поскольку священники стали требовать, чтобы именно им принц помогал на мессе, в собственной церкви *Custodes*.

Лишь две вещи помогли Джавану пережить этот слишком долгий месяц от Пасхи до дня рождения — то, что погода наконец улучшилась и стали возможны поездки за город, прекратившиеся зимой и из-за переезда в Ремут; и временный отъезд регента Рана, который отбыл в Шиил, чтобы наконец обосноваться в Турийском графстве. Даже Мердок уехал на неделю-другую, дабы отвести сына с молодой женой в семейное поместье в Картане, где молодожены должны были обосноваться на первое время.

Итак, на пару недель граф Таммарон оказался единственным регентом в Ремуте. Он обходился со своими юными подопечными несравненно мягче, чем одобрили бы его сотоварищи, если бы были в столице. Он даже дозволил Алрою несколько раз провести малый королевский суд для местных просителей — Джавану с Райсом-Майклом также разрешили присутствовать, — но никаких иных официальных мероприятий в начале мая больше не было. Все трое обязаны были присутствовать на утренних и вечерних молитвах вместе со всеми придворными, а также на воскресной мессе, вечером трапезничать в парадном зале в присутствии двора и, если позволяла погода, по несколько часов в день тренироваться с оружием или заниматься верховой ездой... и, конечно, на Джавана его сторожевые псы из *Custodes* налагали дополнительные ограничения. В остальном же Таммарон ничем не досаждал принцам и королю.

В такой ситуации Джавану было куда проще заниматься своими делами, собирая сведения для союзников-Дерини, но в отсутствие регентов двор почти не получал вестей из внешнего мира, да и те Таммарон тщательно дозировал, поскольку имел свои, крайне ограниченные представления о том, что стоит, а чего не стоит сообщать молодым людям.

Джаван по-прежнему являлся на занятия к отцу Бонификацию несколько раз в неделю и порой встречался там с кем-то из Дерини, которых он за это время узнал ближе и научился им доверять. Но после того, как он рассказал о грядущих переменах в совете регентов и об усиленном внимании *Custodes* к собственной персоне, ему, в общем-то, больше нечего было поведать им, кроме новостей о пленных Дерини.

Из четырех Дерини, обычно пребывавших в замке, не считая поддюжин, прикрепленных к гарнизону, на виду сейчас был один лишь Ориэль. Ран и Манфред забрали с собой Ситрика и Урсина; их ждали обратно не раньше дня рождения близнецовых. Джаван время от времени видел Деклана Кармоди, но тот до сих пор толком не приступил к исполнению своих обязанностей, после срыва, случившегося с ним три месяца назад. Джаван старался избегать его, дабы не подвергать опасности свой пока еще шаткий союз с Ориэлем.

Касательно жены и дочурки Ориэля Джавану мало что удалось узнать. Он выяснил, что все семьи Дерини содержались под стражей в покоях ремутского замка. Однажды он даже заметил краем глаза Алану д'Ориэль, гулявшую во дворе под присмотром стражи, но заговорить с ней или еще с кем-то из пленных было бы немыслимо. А проникнуть в их апартаменты не под силу оказалось даже принцу, обученному Дерини.

Так и проходили дни после Пасхи, и Джаван с союзниками пока просто старались выгадать время в ожидании Троицы. Ивейн продолжала свои изыскания с помощью Джорема и Кверона, работая с недавно обнаруженными рукописями, а Целитель копался в памяти в поисках еще каких-нибудь крупниц

древних традиций, сохраненных гавриилитами, что могли бы пригодиться им сейчас.

Впрочем, Дерини не только корпели над манускриптами. В передышках между чтением и ментальными упражнениями, они старательно расчищали зал под *киилем*. На помощь им пришли четверо доверенных слуг Ивейн, которым, по их собственному согласию, слегка подправили память, дабы сохранить тайну этого священного места. В ожидании того дня, когда можно будет попытаться оживить Камбера, они даже соорудили набор деревянных кубов, наподобие описанных Квероном, и выкрасили их в черный и белый цвета, как изнутри, так и снаружи. Позже, их можно будет собрать воедино в комнате под *киилем*... В этой работе слуги, разумеется, им не помогали, невзирая даже на все изменения в воспоминаниях.

Но все равно, и для троих Дерини время тянулось бесконечно, они с нетерпением ожидали, когда наконец подойдет Троицын день и Реван начнет свои проповеди. Ибо хотя они уже решили для себя, как должно будет проходить воскрешение Камбера, но не хотели рисковать, пока не убедятся, что у Ревана дела пойдут хорошо, на тот случай если во время обряда кто-нибудь из них погибнет.

В день рождения короля и принца Джавана они отслужили мессу за их благополучие, долгую жизнь и процветание, но никаких особых перемен в Ремуте по этому поводу не ожидали. Не готовился к ним и Джаван, когда поутру после торжественной мессы Карлан помогал ему с парадным облачением для церемонии.

— Что, вы думаете, вам подарят, ваше высочество?
— поинтересовался паж, помогая своему господину через голову натянуть синюю шерстяную тунику.—

Не удивлюсь, если это будет новый меч, или, может, новая сбруя для вашего р'акассанского жеребца, или даже боевой конь, чтобы ездить на нем, пока жеребец не подрастет.

Джаван с улыбкой подтянул манжеты нижней туники, затем встряхнул нарукавниками и поправил длинный палантин. Шерсть без помех скользила по шелку, укладываясь на узких бедрах красивыми складками, когда Карлан застегнул на нем пояс из серебристых бляшек. Нарукавники были куда более яркими, чем носил Джаван обычно — алые с золотом, и с темно-синей вышивкой по краю, на алой подкладке. Спереди оверкот был расстегнут до пояса, чтобы показать высокий ворот и шитье нижней туники,— серебряная нить на синем фоне.

На ногах у принца были тонкие сапожки из ало-го сафьяна, с прорезями, сквозь которые виднелись черные штаны,— это был подарок Карлана, который тот преподнес ему нынче утром. Джаван не рискнул надеть их в церковь, чтобы не запачкать в грязи на улице, но остальные торжества должны были проходить под крышей. Принц вытянул носок, чтобы еще раз полюбоваться на обновку, пока паж цеплял ему на пояс кинжал в узорчатых ножнах.

— Новое седло, это было бы неплохо,— согласился принц.— Или новый лук. Вот это было бы здорово. Старый стал слишком тугой, его трудно натянуть, особенно если брать длинные стрелы.

Он изобразил, как натягивает тетиву, и цепляет стрелой себе за ухо, и Карлан в шутку толкнул его в плечо.

— Вы здорово подросли за зиму, сударь.— С этими словами он взял в руки гребень и вместе с принцем подошел к небольшому зеркалу на стене. Тот, тем временем, принялся пальцами приглаживать не-

покорные черные вихры.— Э, нет, позвольте уж мне! Нельзя, чтобы остальные пажи решили, будто я не могу как следует поухаживать за своим господином. Сегодня все будут смотреть на вас!

— Да, все регенты, точно...— пробормотал тот, стоя неподвижно, чтобы Карлан мог причесать его.— Может, они опять потом разъедутся? Хорошо, хоть на будущий год я стану совершеннолетним. Тогда я буду не обязан больше слушать ничьих приказов.

— Да, но вот это все равно налагает свои обязательства.— И Карлан надел принцу на голову серебряный обруч, украшенный крестами и гранатами.— А если вы от нее откажетесь, как того желают регенты, то будете связаны еще более суровыми обетами.— Карлан склонил светловолосую голову.— Вы, и правда, собираетесь сделать это, сударь?

Глядя на свое отражение в зеркале, на корону, сверкающую в солнечных лучах, Джаван осознал, что никогда по собственной воле не откажется от своего права рождения, но не решился сказать о том пажу, ибо тот непременно передаст все регентам, если те спросят его.

— В ближайшее время, нет,— ответил он, как мог искренне, умолчав, однако, что не готов сделать это и позднее, памятуя об алчности регентов, которые пойдут на все, чтобы сохранить свое положение, даже когда Алрой с Джаваном достигнут совершеннолетия.— Это очень важный шаг, а я слишком молод, чтобы принять столь далекоидущее решение. Отец Лиор и отец Секорим очень помогают мне, но благодаря им я также осознал, как многому мне еще предстоит научиться, прежде чем окончательно выбрать жизненный путь. Я буду и дальше размышлять об этом — что, увы, означает дальнейшие ночные бдения, в ущерб твоему отды whole.

При этих словах он широко улыбнулся, и Карлан хихикнул, по-видимому, удовлетворенный таким ответом.

— Что бы вы для себя ни решили, милорд, я всегда буду считать за честь служить вам.— Он склонился поцеловать Джавану руку с неподдельным уважением.— Но сейчас, думаю, вашему высочеству следует отправиться в банкетный зал, а не то мы так и не узнаем, какие подарки вам приготовили на день рождения!

Церемония дароприношения началась самым приятным образом, хотя Джаван и несколько осталенел, увидев в зале всех пятерых регентов разом, да еще с семьями, а также четверых пленных Дерини, хотя те, разумеется, держались в сторонке, и скорее всего, большинство присутствующих даже не поняли, кто это такие. Дарители приносили королю и его брату подарки больше часа,— целая процессия с куртуазными речами и большой помпой. Когда все было кончено, Джаван стал счастливым обладателем двух келдишских ковров, своры кассанских гончих, охапки меховых покрывал из Коннантских гор, мешочка речного жемчуга от одного из ховисских принцев и рулона расшитого золотом алоого шелка от Хорта Орсальского. Алрой получил похожие подарки, только побогаче и побольше, ибо все же был королем.

Торент никаких подарков не прислал, да они ничего и не ждали, поскольку там до сих пор скрывался бастард короля Имре и его покойной сестры, и торентский владыка — по крайней мере, на словах,— поддерживал его претензии на трон Гвиннеда. Рано или поздно, Халдейнов с этой стороны ожидали не приятности, поскольку в этом году Марку Фестилу уже сровнялось тринадцать, и очень скоро его союз-

ники заявят о своих правах, как только решат, что у них есть хоть какой-то шанс на победу.

Но это случится не сейчас и не в обозримом будущем, ведь новый торентский король сам всего год, как взошел на престол, и ему было всего восемнадцать. Арион Торентский не станет рисковать, развязывая войну за своими пределами, пока его собственное положение на троне еще довольно шатко. К тому же, Торент еще не до конца оправился от поражения, нанесенного им армией Гвиннеда десять лет назад. Так что пока они притихли.

Итак, после чужеземных послов, вперед выступили вассалы Алроя, чтобы также одарить близнецов. Им были поднесены кошели с золотом, серебряные застежки искуснейшей работы, соколы, охотничьи псы, скакуны, а лорд Уильям де Боргос даже дал обещание, что его знаменитый жеребец, непревзойденный во всех Одиннадцати королевствах, покроет выбранных братьями кобыл.

Одним из самых удачных подарков, преподнесенных разом Алрою и Джавану, была доска для кардунета от одного из южных баронов,— из черного и оливкового дерева, инкрустированная по бортику самоцветами и жемчугом. Фигурки тоже были вырезаны из черного и оливкового дерева, ливреи на них раскрашены в соответствующие цвета, а в короны двух королей и митры архиепископов вставлены настоящие драгоценные камни.

Даже Райс-Майкл позавидовал такому подарку, хотя его внимание, как впрочем и остальных придворных, тут же отвлек Боннер Синклер, молодой граф Тарлетонский, который с поклоном поднес братьям клетку из ивовых прутьев, откуда выглядывали две пушистые мордочки с черными блестящими глазками.

— Что это такое? — в восторге спросил его Алрой, когда граф поставил клетку на пол и распахнул дверцу, выпуская животных на волю.

— Хорьки, государь, — ответил Тарлетон с улыбкой. — Это замечательные зверьки, только надо смотреть, чтобы они не растащили всю сокровищницу. Они ужасные воришки!

Животные сперва слегка робели, и самец даже укусил острыми зубками Алроя за палец, а потом спрятался у него в рукаве. Второй же, предназначенный Джавану, вскоре принял револьвера среди горы подарков у трона, рассыпая драгоценные безделушки, после чего нашел убежище у Райса-Майкла на коленях.

— Они сами выбирают себе друзей, ваше высочество, — извиняющимся тоном пояснил лорд Тарлетон Джавану. — Я могу привезти вам другую, хотя не могу обещать, что она непременно выберет именно вас.

— Нет, пусть останется у брата, — отозвался принц опечаленно. — Все равно, занятия отнимают у меня слишком времени, чтобы держать домашнего любимица.

Позже он пожалел о своих словах, поскольку регенты, похоже, уже всерьез решили отправить его в монастырь. Когда настал их черед приносить дары, Алрой получил все достойное короля: новые доспехи, затупленный турнирный меч, набор военных карт пограничных районов, пару копий для охоты на вепря и, как венец всего, полностью снаряженного боевого жеребца изумительной белой масти.

— О, он просто великолепен, благодарю вас, лорд Таммарон! — воскликнул Алрой, когда жеребца вывели из зала.

Подарки Джавану были не менее великолепны, но совсем в ином роде, если не считать охотничьего лука от герцога Эвана — точь-в-точь такого, о каком Джаван мечтал. Остальные же дары подошли бы скорее монаху, давным-давно удалившемуся от мира, чем тринадцатилетнему мальчику: богато разукрашенный часослов, четки и серебряное распятие, достойные какого-нибудь собора, мощи святого Виллима в хрустальном реликварии, а от Хьюберта — простенькое кадило, и дискос, и риза из светлой шерсти. По сравнению с прочими подарками эти казались едва ли не нищенскими.

— Мне сказали, что сии вещи принадлежали вашему отцу, когда он был священником в аббатстве святого Фоилана, — пояснил Хьюберт, и тон его намекал на большее, чем сами слова. — Когда вы войдете в возраст и пожелаете жить собственным двором, я подумал, они могут вам пригодиться. Капеллану не понадобится привозить свои собственные, — и с этими словами архиепископ передал сложенное одеяние в руки Джавану, словно вручал их свежеиспеченному священнику.

Принц попытался сделать вид, будто очень тронут, но хорошо понимал, на что именно намекал Хьюберт своими подарком; и к тому же он сильно сомневался, чтобы его отец имел к этим вещам хоть какое-то отношение. Пробормотав какие-то слова благодарности, он передал их Карлану, но еще долго после этого чувствовал, что взоры всех присутствующих устремлены на него, — даже когда придворный бард начал читать оду в честь его брата.

Впрочем, настроение собравшихся тут же переменилось, и Джаван почти позабыл о неудачном подарке архиепископа, когда граф Мердок, коротко посо-

вещавшись о чем-то с Раном, Таммароном и Хьюбертом, выступил вперед и поклонился королю.

— С дозволения вашего величества, теперь, когда все дары были принесены, есть еще одно дело, которое мы хотели бы завершить, прежде чем начнется праздничное пиршество. Позволите ли вы мне говорить?

Алрой согласно кивнул и поднял руку,— как будто он мог возразить!...— но ясно было, что король понятия не имеет, о чем может пойти речь. Зато Джаван вполне мог предположить. За поясам у главы регентов, рядом с кинжалом в ножнах, был заткнут свернутый в трубочку пергамент, и Мердок еще раз поклонился королю и его братьям, прежде чем развернуть и начать читать этот документ.

— Государь, ваши высочества, милорды и дамы,— начал он, вполоборота к залу.— От имени моих соратников-регентов я хотел бы донести до вас один из пунктов закона. Возможно, некоторые из вас помнят, что указом нашего дорогого покойного короля Синхила, устанавливавшим правила действия совета регентов для его сыновей, пока те не достигнут совершеннолетия, любые четверо его членов могут исключить из своих рядов пятого, если единогласно примут такое решение. С огорчением должен сообщить вашему величеству, что сегодня мы намерены воспользоваться своим правом.

Герцог Эван вскочил на ноги. Ему было всего тридцать семь лет, но в этот миг он выглядел стариком.

— Таким образом мы, граф Таммарон Фитц-Артур, граф Ран Хортнесский, архиепископ Хьюберт Мак-Иннис и я, граф Мердок Картанский, исключаем из совета регентов его милость герцога Клейбор-

на и на его место назначаем почтенного графа Кулдского, лорда Манфреда...

— Мердок, я убью тебя! — Прежде, чем Мердок успел закончить, герцог Эван с яростным криком перескочил через ряды скамей, отделявшие его от регента; в руке его оказался длинный горский кинжал. Клинок зацепил пергамент, который Мердок инстинктивно вкинулся, чтобы защититься, затем оцарапал тому щеку,— но граф и сам уже выхватил оружие, парируя новый удар.

— Остановите его! — закричал Ран.

Но оба уже сцепились не на жизнь, а на смерть и покатились по полу. Слуги Эвана с опозданием кинулись ему на помощь, но королевские гвардейцы, устремившиеся в зал, набросились на них. Джаван толком не успел разглядеть, как это произошло,— но внезапно кровь оказалась повсюду, и умирающий Эван остался лежать среди трупов своих слуг. Руками он зажимал глубокую рану на животе, из которой торчал кинжал.

В зале наступила мертвая тишина. Пошатываясь и хрипло дыша, Мердок поднялся на ноги, поддерживая раненую руку. Между пальцев у него сочилась кровь, прямо на только что преподнесенные в дар кельтические ковры. Регент взглядом призвал к себе Ориэля.

— Но этим — никаких священников! — рявкнул он, заметив, что к умирающим приблизились двое *Custodes*.— Никакой пощады предателям! А ты!..— Здоровой рукой он ткнул в Деклана Кармоди, который оказался ближе всех из Дерини, не считая Ориэля.— Мак-Эван должен быть раздавлен! Теперь вы все видите, почему мы хотели убрать его. Он строил козни против короля. Мне нужны имена его сообщников. Вырви у него мозги перед смертью!

— Нет, прошу вас. Только не Деклан! — зашептал тревожно Ориэль, хватая Мердока за рукав.— Попросите Ситрика. Урсина. Даже меня! Кармоди еще не пришел в себя. Он может не выдержать!

Побагровевший от бешенства Мердок набросился на Дерини:

— Ты смеешь обсуждать мои приказы, Целитель? Ты хочешь видеть смерть жены и дочери? Сейчас мы это устроим!

— Ориэль, не надо,— прозвучал внезапно голос Деклана, спокойный и отстраненный, и он уверенно направился к корчащемуся на полу Эвану, отмахнувшись от двух других Дерини, устремившихся было ему на помощь.— Это ни к чему. Я и сам могу за себя ответить.

В наступившей тишине он опустился на колени рядом с Эваном и протянул к нему руку. Герцог с жалобным стоном попытался отползти подальше.

Но в этот момент Дерини словно что-то без слов передал умирающему, ибо Эван внезапно перестал дергаться, неотступно глядя на Деклана, и убрал руки от раны на животе. Губы его зашевелились, словно беззвучно шепча: *Благослови тебя Бог*, и в этот миг Деклан ухватил кинжал за рукоять и стремительно выдернул из раны. Тотчас герцог закрыл глаза и откинулся голову, подставляя шею под удар — и Деклан полоснул ему по горлу, разом перерезав артерии и принеся несчастному мгновенное освобождение.

— Что...

Прежде, чем кто-то успел остановить его, Дерини ударил окровавленным ножом себя по запястью и ловко перекинул его в другую руку, когда фонтаном брызнула кровь. Он успел перерезать и второе запястье — но до горла добраться не сумел. Стражники перехватили оружие, вырвав его из скользких от кро-

ви пальцев, и прижали Деклана к полу, перетянув раны ремнями.

— Ты посмел бросить мне вызов! — прогрохотал Мердок, пробравшись через весь зал, чтобы взглянуть на раненого Дерини.— Как ты посмел!?

— Герцог скончался прежде, чем я успел допросить его,— отозвался Деклан далеким, почти сонным голосом.— Я не бросал вам вызов. Я просто решил, что не могу дальше так жить. Надеюсь, на сей раз Ориэлю уже не удастся меня спасти,— добавил он, сжимая и разжимая кулаки, чтобы кровь шла сильнее.— Я не позволил бы ему — да и вы сами бы не позволили, ведь вы сами истекаете кровью. Вы лишиитесь чувств, если он вам не поможет. Можете даже умереть...

Скрежеща зубами, Мердок опустился на подставлений табурет и протянул руку Ориэлю, который принял разрезать пропитанный кровью рукав. Тем временем архиепископ Хьюберт встал между Мердоком и Декланом.

— Тебе, наверное, известно, что самоубийцы отправляются прямо в ад,— прошипел он.— И я не дам тебе отпущения грехов.

— А я не стал бы вас и просить,— прошептал Деклан, запрокинув голову и обмякнув в руках своих пленителей.— У меня все же еще осталась какая-то гордость.

— Посмотрим на твою гордость, когда твоя жена и сыновья сейчас умрут у тебя на глазах! — выкрикнул Мердок, отталкивая Ориэля.

— Нет! Я же не послушался вас! — Деклан попытался сесть, но стражники ему не позволили.

— Приведите их,— ледяным тоном велел Мердок.— А его — обезвредьте.

Мераша заструилась по жилам Дерини, прежде чем он успел осознать что происходит и воспротивиться — настолько испугался он за своих родных. Это один из монахов *Custodes* ввел ему яд, уколов в шею длинной иглой, смазанной проклятым снадобьем.

— Ст-тражники это называют «деринийской колючкой», — прошептал испуганный Райс-Майкл, ухватив Джавана за локоть. Мальчик весь затрясся, когда стражники отправились исполнять приказ Мердока. — Это придумали *Custodes*. Но Джаван, скажи, они ведь не уб-бют по правде семью Деклана?

Вместо ответа, Джаван лишь крепче обнял младшего брата, сам весь дрожа, ибо прекрасно сознавал, что регенты могут сделать это — и намерены исполнить угрозу.

Никакие мольбы не могли бы заставить Мердока изменить это решение — ни Алроя, ни принцев, ни даже Таммарона и нескольких придворных, не желающих омрачать так славно начавшийся праздник. Пока двор ждал возвращения стражи, одурманенного Деклана связали и перетянули ему запястья потуже, чтобы остановить кровь, а Урсина с Ситриком также напоили мерашей. Несчастного Ориэля пощадили до тех пор, пока он не кончил заниматься раной Мердока — регенту пришлось угрожать и его семье, чтобы заставить подчиниться, — после чего Целитель также был обезврежен с помощью ядовитой «колючки». Мердок желал, чтобы все трое стали свидетелями наказания Деклана, дабы навсегда убить в Дерини мысль о сопротивлении.

Лишь женам регентов было дозволено удалиться в комнату за тронным помостом, чтобы не видеть того, что должно было случиться. Остальных стражников насиливо удержали в парадном зале, дабы ни-

кто не мог уклониться от своего долга засвидетельствовать расправу над бунтовщиком.

Алрой не произнес больше ни слова; с посеревшим лицом, весь дрожа, он сидел на троне, и огромный зал теперь казался ему одной большой камерой пыток.

Рядом с ним стоял Хьюберт, зорко наблюдая за королем. Манфред заставил принцев разжать объятия и держался сбоку от Райса-Майкла, у которого был такой вид, словно он сейчас предпочел бы очутиться за тридевять земель отсюда. Ран встал рядом с Джаваном, не позволяя ему отвернуться. Когда стражники ввели Гонорио Кармоди с двумя малышами, принцу показалось, что его вот-вот стошнит, и он в самом деле сглотнул желчь,— он никак не мог поверить, что регенты, и впрямь, решатся на такое.

К огромному облегчению всех присутствующих, Мердок несколько смягчился — казнь этих троих невинных душ была проведена милосердно быстро. Три лучных тетивы вмиг накинули им на шею, затянули... и все было кончено, едва успев начаться. Все же зал испуганно застонал, как один человек — и все это перекрыл горестный вопль Деклана.

Но самому Дерини не был дарован столь легкий конец. Его казнь следовало сделать примером для остальных, чтобы больше никогда ни один из его соратников не осмелился бунтовать против хозяев.

Стонущего и извивающегося в агонии Деклана распяли на полу перед троном, сперва кастрировали, затем медленно принялись вытаскивать внутренности... это длилось бесконечно, и он все кричал и кричал, пока наконец не лишился чувств от потери крови. Но он был еще жив, когда ему вскрыли грудную клетку и вырвали теплое, бьющееся сердце.

А затем они развязали ему ремни на запястьях, в доказательство того, что он сам причинил себе смерть. Когда тело обезглавили и четвертовали, для Деклана Кармоди уже ничто не имело значения.

Однако не для Джавана. Он не позволил себе ни отвернуться (впрочем, Ран все равно заставил бы его смотреть насилию, но принц и не собирался доставить ему такого удовольствия!), ни зажмуриться хотя бы на миг, поглощая все подробности этого омерзительного действия и про себя молясь о спасении души умирающего.

Но в сердце его не было прощения к Мердоку и остальным, он знал, что придет час, и он рассчитается с ними за все.

Он держался довольно стойко, до тех пор пока Хьюберт официально не объявил, что мертвому Деклану будет отказано в христианском погребении, ибо он сам наложил на себя руки.

Когда помощники палача принялись собирать окровавленные останки в плетеные корзины, дабы швырнуть их в реку, Джавана наконец стошило, прямо Рану на сверкающие сапоги; и он ничуть не стыдился этого.

Алрой и несколько других придворных к тому времени уже лишились чувств — равно как и Ориэль, для которого, собственно, и предназначался урок, — а Джаван был хотя и младшим, но не последним из тех, кого вывернуло наизнанку от такого зрелища.

Райс-Майкл сумел сдержаться, но его безудержно тряслось, и придворному лекарю пришлось тут же дать ему успокоительное и отнести в опочивальню.

Вечером не было никакого пиршества, и Алрой отменил все до единого дворцовые приемы на следующие три дня, сколько бы ни просили и ни угрози-

жали ему регенты. Джеван отдал все свои подарки *Custodes Fidei*, ибо не желал пользоваться тем, что было замарано кровью невинных. То же самое за ним следом сделал и брат — хотя большая часть даров осела в руках у регентов. С этого момента Джеван дал обет отомстить когда-нибудь за содеянное — в первую голову, Мердоку.

Глава двадцать четвертая

Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня... проповедовать пленным освобождение¹

15 есть о гибели герцога Эвана распространялась среди северных кланов с необычайной скоростью, заставлявшей вспомнить магию Дерини. Меньше чем две недели спустя, в сопровождении двоих старших родичей и сотни вооруженных бойцов в столицу въехал сын и наследник Эвана, дабы потребовать признания своих прав и титулов. Они являли собой вполне реальную силу, ибо дяди наследника, графы Истмаркский и Марлийский, привезли с собой еще пятьдесят отборных рыцарей, однако сам сын покойного пока никакой угрозы не представлял. Ибо Грэхему Доналу Энгусу Мак-Эвану, ныне герцогу Клейборнскому и наследному вице-королю Келдора, сравнялось всего одиннадцать лет от роду.

Впрочем, настраивать против себя этого мальчика, свыше того, что уже было сделано, граничило бы с безумием. Титулы, унаследованные им, имели огромный вес, а владения, считая Келдор, составляли добрую четверть всего Гвиннеда. Едва ли регенты

¹Лука 4:18

могли себе позволить потерять такие территории. А то, что юный Грэхем был готов лично прибыть в столицу и принести клятву верности после всего произшедшего, говорило о здравом смысле родичей, которые теперь станут *его* регентами, вплоть до совершеннолетия. Ни Келдор, ни Гвиннед не выиграли бы от раскола, особенно ввиду неминуемого нашествия со стороны Фестилов.

В остальном, общественность отзывалась на то, как погиб старый герцог, весьма отрицательно, и не скрывая этого, несмотря даже на то, что официально повсюду объявляли, что Эван первым напал на регента Мердока, что можно было расценивать как измену Короне. Но даже сам Мердок признавал, хотя и неохотно, и лишь в кругу регентов, что, возможно, слишком резко отреагировал на угрозу, и что гнев Эвана вполне можно было оправдать — и, главное, заранее предвидеть. Теперь же наказывать сына за грехи отца, пытаясь лишить герцогского титула, было бы чересчур оскорбительно и вызвало бы волну гнева и возмущения по всей стране... возможно, даже началась бы гражданская война.

Так что герцогу Грэхему позволили принять наследный титул. На церемонии принесения вассальной клятвы присутствовали оба дяди мальчика, но обоим строго-настрого велели сидеть на месте тихо и спокойно, дабы каким-то гневным выкриком не вызвать скандала, в чем не была заинтересована ни одна из сторон. Поэтому юный герцог принес свой обет, коснувшись руками ладоней Амроя — таких же по-детски маленьких, как у него самого,— его дяди преклонили колена рядом с племянником, положив руку ему на плечо, как не достигшему совершеннолетия. Старший из двоих, Хорорик Истмаркский, за все время не промолвил почти ни слова, но его

младший брат Сигер, граф Марлийский, весь кипел от гнева. Они точно знали, как погиб их родич, и не собирались ничего прощать. Им стоило большого труда и внутренней сдержанности пережить церемонию, пока Грэхем не получил наконец свою корону, меч, знамя и прочие атрибуты власти. Однако ни оба брата, ни скорбящий сын даже не догадывались, что регенты не закончили еще с покойным герцогом, хотя тело его уже несколько дней как отправилось домой, в Келдор.

— Мы приветствуем вас в этом благородном обществе, ваша светлость,— заявил король Алрой юному герцогу, как его научили регенты.— Мы соболезнуем вашей потере, ибо сами не столь давно лишились отца. В свете этой утраты и учитывая ваш юный возраст, мы желали бы облегчить ваше бремя.

— Государь, его светлость не просит ни о каком облегчении того бремени, что он принял на себя вместе с герцогской короной,— возразил дядя Грэхема, Сигер, очень похожий внешне на своего покойного отца и тезку, первого герцога Сигера. Он выпрямился во весь рост, несколько нарочито коснувшись рукояти меча.— Клан Мак-Эванов готов и способен отправлять все обязанности, возложенные на дедушку его светлости, первого герцога, и которые исполнял затем его отец, покойный герцог; а мы с братом уже дали клятву во всем быть покорными воле вашего величества.

Алрой неуверенно покосился на графа Рана.

— Никто не ставит под сомнение способность клана Мак-Эванов исполнять свой долг, милорд Марли,— сказал он.— Однако поскольку герцог Грэхем еще моложе, даже чем я сам, мы сочли возможным на время снять с него ряд обязанностей. Поэтому с сегодняшнего дня мы превращаем вице-ко-

левство Келдорское в ряд независимых владений, под прямым правлением Короны.— Волна изумления и недовольства прокатилась по залу.— Дабы помочь нам в управлении этими землями, мы назначаем достопочтенного Фейна Фитц-Артура временным правителем Келдора.

Горцы взревели от возмущения и застучали кинжалами по своим круглым маленьким щитам — ибо им запрещено было носить мечи при дворе,— а Сигер с Хрориком отчаянно принялись взывать к королю, дабы тот изменил решение... но, разумеется, безуспешно. Алрой был неумолим. С сего дня Келдор прекратил существование как самостоятельная политическая единица и превратился с россыпь княжеств, баронств и единственное герцогство — которые отныне все находились под негласным надзором Короны. Грэхему теперь лучше было бы собрать свиту и родичей и поскорее отбыть в освояси, покуда не было сказано или сделано чего-нибудь непоправимого, в нарушение принесенных вассальных обетов.

И они уехали — еще одна победа регентов в их далекоидущих планах прибрать к рукам весь Гвиннед. Оскорбление, нанесенное северянам, произвело на Джавана почти такое же отвратительное впечатление, как гибель герцога Эвана и казнь Деклана Кармоди. Он хотел было поговорить об этом с Ориэлем, но тот после смерти друга серьезно заболел, ибо винил себя за все, что произошло, и за то, что не сумел этого предотвратить.

— Вы же знаете, я мог испепелить их всех на месте! — зло бросил он принцу.— Ведь я Дерини, я могу, если пожелаю, управлять пламенем небесным! Но я не сделал *ничего*! Просто стоял и смотрел, чтобы спасти собственную шкуру.

— И свою семью,— напомнил ему Джаван.— Ориэль, было бы глупостью жертвовать собой в тот день. Покуда ты вызывал бы огонь с небес на своих обидчиков, лучники утыкали бы тебя стрелами, как подушечку для булавок. Ты не мог ничего поделать. И я тоже не мог. Неужели ты думаешь, что мне легче от этой мысли?

Устало тряхнул головой, Целитель сумел только выдавить слабое: «Нет».

Джаван со вздохом опустил ему руку на плечо.

— Ориэль, ты лучше помолись за меня. Я собираюсь начать одну очень опасную затею.

— Опасную? — Целитель вскинул голову.— Что вы задумали?

— Мне придется еще чуть ближе склониться к Церкви. Может случиться и такое, что мне, и вправду, придется принести священные обеты, чтобы затем оправдать свои действия. Должен признать, это не слишком мне по душе.— Он храбро улыбнулся Ориэлю.— У меня, на самом деле, нет ни малейшей склонности к религиозной жизни, несмотря на все молитвы архиепископа. Но хотя на него я и имею кое-какое влияние, однако тронуть *Custodes* пока не решаюсь. Сомневаюсь, чтобы Хьюберт сам понимал, какое сотворил чудовище. Как бы то ни было, меня еще вполне могут затолкать в монастырь... если только не убьют.

Ориэль попытался разубедить его — как и Джорем, во время их короткой встречи пару дней назад, в базилике. Раньше увидеться никак не удавалось, поскольку Джорем и все остальные с головой ушли в подготовку явления Ревана на Троицу... и именно об этом Джаван и хотел с ним поговорить.

— Я все равно это сделаю, так что лучше предупредите его заранее, чтобы он успел подготовиться,—

заявил принц Джорему, когда тот уже собирался уйти через Портал, раздосадованный, исчерпав все доводы в споре.— Я предпочел бы сделать это с вашего благословения, а не против воли, но другого пути для себя я все равно не вижу. Так что лучше подумайте, как наилучшим образом воспользоваться ситуацией, ибо отговорить меня вы все равно не сумеете.

После ухода Джорема, который, пусть и против воли, но все же благословил его, Джаван еще какое-то время провел в базилике за молитвой, а потом вместе с Карланом вернулся к себе и принялся сочинять письмо в Валорет о том, что хотел бы пару недель провести с Хьюбертом, будучи до глубины души потрясенным убийствами, коим ему довелось стать свидетелем на свой день рождения. Испрашивая помощи и совета архиепископа в духовных вопросах, касавшихся его будущего и решений, которые необходимо принять, он знал, что подбрасывает Хьюберту наживку, которую тот не сможет не заглотить.

Так оно и вышло. За пару дней до Троицы принцу пришло разрешение отправиться в Валорет. Из письма архиепископа было ясно, что тот вполне уверен, что наконец сумел-таки склонить принца к религиозной жизни. Суровый, одетый во все черное, своим видом Джаван никак не опровергал этих предположений, когда выехал и столицы в сопровождении брата Хьюберта, регента Манфреда, и его людей. Те собирались довезти Джавана в Валорет, а затем двинуться дальше на север. По дороге принц неустанно расспрашивал Манфреда о религии — к чему тот был совершенно равнодушен, пока разговор не зашел о том, как и почему его брат выбрал для себя церковную карьеру. Подобное откровение

немало удивило Джавана, тем более, когда выяснилось, что оба Мак-Инниса всерьез уверены, будто принц ощущает к духовной жизни искреннее призвание.

Впрочем, в Валорете он не стал говорить с Хьюбертом на эту тему, поскольку такая беседа могла привести к тому, что его заставили бы встать перед определенным выбором, а Джаван, разумеется, всеми силами избегал подобной ловушки. Тем не менее, он готов был пойти на любые уступки, если бы это помогло осуществлению его плана. Заявив, что нуждается в одиночестве, чтобы предаться посту и молитве, прежде чем обсуждать любые вопросы, Джаван именно там и поступил. А молился он за то, чтобы скорее пришли добрые вести от Ревана и виллимитов. О возможности провала он предпочитал даже не думать.

Манфред со свитой отправился в Кор Кулди, где жил, пока окончательно не будет отстроен новый замок в Кайорри. И именно поэтому сложилось так, что лорд Манфред Мак-Иннис, граф Кулдский и барон Марлорский, оказался неподалеку от лагеря виллимитов в это солнечное июньское утро 918 года, как раз когда Реван вышел из лесной чащи после сорокадневного отшельничества, готовый возвестить миру благую весть. Без сомнений, последнее, что ожидал бы Манфред встретить на своем пути, это новый религиозный культ.

• • •

Реван со своими союзниками оттачивал технику готовящегося обмана все те недели, что они, вместе с самыми преданными учениками, провели в пещерах, в горах над старым лагерем виллимитов. С по-

мощью умелого вмешательства в воспоминания некоторых из них, в Сильвене О'Салливане видели теперь одного из самых старых и верных последователей, и никого не могло удивить его присутствие рядом с Реваном. Однако, они постарались не делать из него «любимчика» — это место прочно принадлежало Иоахиму, буквально с первых дней ставшему последователем Ревана и самым ярым его защитником; вместе с Горди и Фланном, эти четверо образовали самый тесный кружок почитателей нового пророка, и один из них теперь всегда находился с ним рядом.

Внизу, в лагере, свою работу исподволь продолжал Тавис; покалеченную руку, чтобы не привлекать внимания, он заматывал тряпками. Реван, хотя все эти сорок дней и не спускался с горы, продолжал проповедовать и время от времени посыпал за кемто из своих последователей, оставшихся в лагере. Если ему не удавалось самому привлечь их на свою сторону красочными описаниями видений и горячими речами о своей миссии, за дело брались Сильвен с Тависом; если же и они видели, что с упрямцем не совладать с помощью тонких манипуляций, тот обычно просто исчезал бесследно. Тавис и сейчас был среди тех, кто собрались у реки в ожидании возвращения пророка, проверяя настроения толпы и делая все для того, чтобы первое представление прошло успешно.

Реван сейчас был как нельзя лучше подготовлен к тому, что его ожидало. Благодаря собственной силе личности и умению воздействовать на людей, он уже научился вызывать состояние головокружения, а то и вводить в транс самых восприимчивых. Помогал ему достичь этого заряженный Сильвеном медальон. Кроме того, Сильвен с Тависом обучили его, как

приводить в действие установки в сознании, заранее ими вложенные, так что казалось, будто он своей волей лишает Дерини их магических способностей. Это было необходимо, поскольку во время первых чудес Сильвену нельзя было находиться слишком близко. А среди виллимитов Дерини было вполне достаточно для первых «крещений».

Но сработает ли это все на практике, в непредсказуемой, меняющейся обстановке? Это был самый важный вопрос. То, как дело пойдет нынче утром, определит дальнейший ход всей затеи; а неудача вполне способна погубить и Ревана, и его союзников.

— Я готов, друзья мои,— объявил молодой человек, показавшись наружу из пещеры, где он в одиночестве коротал прошлую ночь.

Дюжина голов повернулась к нему выжидающие, а некоторые и с опаской. Те, кто сидел, поднялись на ноги. Позднее находились те, кто утверждали, будто уже тогда узрели свет, озаривший лицо пророка; впрочем, другие этого света так, вообще, никогда и не увидели. Опираясь на посох из оливкового дерева, Реван сошел к ним по пологому склону. На нем, как всегда, был длинный балахон из беленой шерсти, поверх которого сегодня, из-за прохлады, он набросил черную накидку; на босых ногах — сандалии; волосы и борода его еще были влажными после утреннего омовения. Он слабо улыбнулся, когда Иоахим, а за ним и Сильвен с Горди, пали на колени, чтобы поцеловать край его одежды. Он поднял руку, не то приветствуя, не то благословляя всех собравшихся, которые также опустились на колени. Первым вскочил юный Фланн, не сводя преданного взора с наставника.

— Что случится сегодня, учитель? — спросил его один из виллимитов.— Что ты скажешь своими чадам?

Реван ласково покачал головой и прошел между ними, там касаясь чьей-то руки, там — поднятого к нему лица, позволяя коснуться себя, уверовать в себя.

— Поверите ли вы мне, если я скажу, что не знаю? — произнес он негромко.— Господь сказал мне, что я должен идти, но не поведал, о чем мне говорить. Но я убежден — как должны быть и вы,— что Он все откроет мне в Свое время. Верите ли вы в это?

Со слезами надежды и радости на глазах пожилая женщина в синем платье прижала руки к груди и закивала.

— Верим, учитель! О, дай же нам свое благословение!

— Не мое, но благословение Господне,— отозвался Реван, проводя рукой у них над головами.— А теперь молитесь со мною вместе, дети мои, прежде чем мы вернемся к нашим собратьям.— Он опустился на колени рядом с ними и, ухватившись обеими руками о посох, склонил голову, упираясь лбом в сучковатое дерево.

— Господи, внемли моей молитве и узри мои слезы. Я недостоин прийти к Тебе, и потому Ты назначил мне исполнить Твою работу здесь, под небом Твоим, среди Твоего народа. Дай же мне силы и веди меня, Господи, пока я исполняю волю Твою, и благослови всех чад Твоих, что взывают к Тебе в отчаянии. *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti...*

— Аминь,— слитно отозвались остальные. Он перекрестился и встал на ноги.

После чего они последовали за ним вниз, распевая религиозные гимны, звучавшие все громче и торжественнее, по мере того как все новые голоса вливались в их хор. Вот к ним присоединилось еще десять человек, потом еще дюжина, и еще... К тому времени, как Реван приблизился к месту у речной запруды, избранному им для первой проповеди, его окружало уже не менее ста человек, затянувших *Veni Sancta Spiritus...*

Наконец на берегу он ступил на узкую полоску белого, сверкающего песка, вдающегося в запруду, куда за ним не последовал ни один человек, хотя Сильвен с дюжиной приближенных остались рядом, у самой косы, в первых рядах паства. Остальные столпились за ними, тесно окружив заводь, и расселись, подстелив на землю плащи и накидки. Реван повернулся к ним спиной и склонил голову, в ожидании, пока все устроятся поудобнее, пока наконец сотня мужчин и женщин не замерла в напряженном ожидании.

Над рекой повисла глубокая тишина, и Реван на меренно выждал еще пару минут для нарастания напряжения, затем медленно выпрямился и с силой в откнулся свой посох в песок. Подняв руки к плечам, он раскинул их в стороны и запрокинул голову с закрытыми глазами, точно живое изображение распятого Христа, от Чьего имени он должен был вещать — и Чьего прощения смиренно просил за готовящееся полу-святотатство.

— Вот я перед тобой, Господи,— услышали его шепот в первых рядах.— Говори, ибо слуга Твой внемлет.

Очень долгое время ничего не происходило, но Реван не менял позы, застыв с раскинутыми руками и запрокинутой головой. Странно, но никто вокруг

даже не шелохнулся. Через какое-то время руки его, а затем и все тело затряслись, спина выгнулась, и он рухнул на землю в конвульсиях. Толпа взволнованно зашевелилась, некоторые даже пали на колени, но Сильвен и остальные в первых рядах никого не подпустили к Ревану.

— Оставьте его! — провозгласил Иоахим, — Пусть Святой Дух снизойдет на него!

Еще несколько минут Реван корчился на песке, затем неожиданно обмяк. Никто не осмелился двигнуться. А затем он шевельнулся и очень медленно встал на колени к ним лицом. Глаза его смотрели невидящие, словно перед ними до сих пор стояли картины мира Иного.

— О, как же вернуться мне к Господу? — процитировал он вполголоса, обводя взором толпу. — О, узрите, изведайте, ибо благ Господь. Ибо говорил он с недостойным слугой Своим и открыл радость величайшую народу Своему.

— Какую радость, учитель? — закричали тут все. — Было ли это Слово обещанное?

Осторожно, неуверенно, Реван поднялся на ноги — с него свалились сандалии, пока он бился в конвульсиях, — и вновь уставился на толпу остекленевшим взглядом.

— О, братья и сестры мои, я не знаю, как поведать вам о своем видении.

— Расскажи, расскажи нам! — послышался крик.

— Я принес слово о милости Господней, об очищении всех чад Его, — начал он осторожно. — Прежде, Господь повелел мне сказать вам, что те, кто бродят во тьме, предстанут перед великим судилищем и испытаны будут в кузне вечности. И сожжет Он все несовершенное, и отделит породу от золота, и грозно

будет пламя, и велика боль для тех, кому надлежит быть очищенным.

Реван выпрямился и заговорил увереннее, убедившись, что все, и правда, слушают его, затаив дыхание.

— Но Господь Сил, в бесконечной своей милости и любви, снизошел даже до тех, кто бродил во тьме самой кромешной — даже до детей мрака, именуемых Дерини. Всем тем из них, кто искренне раскается и навсегда будет готов отречься от зла, Господь дарует особый знак своей милости. Водой изменит Он природу тех, кто станет взывать к Нему всем сердцем, в новом крещении водой и Духом. Вода очищения погасит все зло, подобно тому, как она гасит факел, и Господь Сил поднимет их к жизни новой, очищенных от прежнего зла, что поработило их.

— Так он очистит даже Дерини? — воскликнул кто-то.

— Но как возможно такое? — переспросил другой. — Даже если Дерини раскается, он все равно останется Дерини.

Согласный ропот пробежал по толпе, и один из виллимитских Дерини поднялся с места, с надеждой и недоверием на залитом слезами лице. Реван словно бы и не заметил его, зато увидели остальные.

— Не насмехайся надо мной, учитель, — вполголоса промолвил мужчина. — Я знаю свою природу. Я покаялся перед братьями и отрекся от зла, но оно все равно живет во мне, и пребудет со мной до смертного часа.

— А я говорю тебе... — внезапно Реван отшвырнул накидку и ступил в воду, — Что ныне Господь дарует тебе возможность сломать прошлую жизнь и стать тем, кем ты желаешь быть — Его возлюбленным чадом земным, незапятнанным никаким злом. Он да-

ровал очищение моим рукам и повелел оделить им тех, кто раскается искренне. Да, даже те, кого затронуло самое страшное зло, могут быть очищены, если всем сердцем взывают к милости Божией. Взываешь ли *так* к ней, брат Гиллеберт?

По толпе вновь прокатился шепоток, но Реван лишь протянул руку Дерини, приглашая его выйти вперед. И поскольку весь начальный сценарий был тщательно прописан и отрежиссирован, Гиллеберт сделал именно то, что ему было велено — хотя сам он не помнил об этом — и медленно, пошатываясь, вышел вперед, не сводя горящего взора с Ревана.

— Да, приди, брат Гиллеберт, — вполголоса молвил Реван, все глубже заходя в запруду, протягивая руки к идущему. — Сними сандалии, ибо ты ступаешь в святую воду. Патрик, Иоахим, помогите ему, ради Бога. Или, Гиллеберт, возьми меня за руку, и я приведу тебя к очищению. Вы же все, молитесь со мной, ибо брат Гиллеберт ныне принимает спасение от Господа и смыкает с души своей все нечистое.

Теперь Гиллеберт стоял уже по щиколотку в воде, а за ним — перепуганный Патрик, тоже Дерини, прижимая к груди сброшенные сандалии. Обливаясь слезами, Гиллеберт шел все глубже, в воду по колена, по бедра, не замечая холода, — пока наконец Реван не взял его за руку.

— Благословен будь Господь, что привел тебя сюда, — промолвил тот, заводя Дерини еще глубже. — И будь благословен и ты, что уверовал в Его бесконечную милость и любовь.

— Я погружу тебя в воду целиком, — сказал Реван, так что лишь Гиллеберт мог слышать его, а затем обнял того, одной рукой взяв за лоб, а другой за шею. — Ухватись за мое запястье, держи ноги и спину прямыми. Остальное я сделаю сам. А теперь задержи

дыхание... — и с этими словами подтолкнул Гиллеберта назад.

— Прими очищение, во имя Духа Святого! — воскликнул Реван, удерживая его под водой и мысленно сдвигая установки, заблаговременно сделанные Сильвеном. — Пусть сей акт веры смоет все зло, дабы очищенным ты восстал к новой жизни!

Толпа вскрикнула, как один человек, когда Реван помог Гиллеберту подняться из воды. Вид у того был скорее растерянный, чем испуганный, и он смущенно заморгал, вытирая воду с лица.

— Так является Он чадам Своим, и делает их чистыми, — объявил Реван, выводя своего первого подопечного на берег. — В великой тайне говорит Он с ними, и чада слышат Его.

В этот самый миг Гиллеберт вдруг сдавленно вскрикнул и прижал руки к вискам. Глаза его распахнулись в испуге и благоговении.

— Исчез! — выдохнул он. — Мой проклятый дар исчез! Он раньше звучал, как тихий голос, и говорил мне вещи, которых я не желал слышать, а теперь его больше нет! Я чист!

Засим разразилось настоящее столпотворение, люди, а среди них и Дерини, устремились в воду, чтобы самим убедиться в чуде. Дерини принялись проверять Гиллеберта, и почти никто не заметил, как неподалеку на мелководье Реван рухнул в воду на колени, склонил голову и прижал руки к груди. Те, кто видел это, решили, что он возносит хвалу Господу, но на самом деле, он молился, чтобы никто не разоблачил их обман.

Тем временем Гиллеберт вовсю рассказывал — или, по крайней мере, пытался передать своим товарищам, что с ним произошло. Другие спустя пару минут помогли Ревану выбраться на берег, где уже

расстелили на теплом песке его накидку. Тот повиновался, но словно бы не видел и не слышал ничего вокруг, лишь бормоча бессвязные благодарственные молитвы Господу.

Еще через какое-то время от до сих пор не пришедшего в себя Гиллеберта толпа обернулась к Ревану. Сильвен в этот миг ощутил приступ паники, поскольку среди них были и Дерини, которых они с Тависом не успели еще подготовить должным образом к принятию «чуда». Но вскоре стало ясно, что они все равно поверили в происходящее, так же, как и остальные, и теперь взывают к Ревану о помощи.

— Очисти нас, наставник! — Они повалились перед ним на колени в чистый теплый песок.— Избавь нас от проклятия Дерини. Возроди нас в глазах Господа!

И Реван поднялся и вновь вошел в воду.

Именно к этой тихой заводи на реке Эйриан и выехал позже утром регент Манфред со свитой. Брат говорил, что он может наткнуться здесь на виллимитов, и Манфред смутно представлял себе, кто они такие, но глядя вниз в небольшого прибрежного холма, он подумал, что представлял их себе совсем иначе. Внизу у заводи, образованной излучиной реки, молодой человек в промокшем белом балахоне окунал людей в воду, а на берегу, выстроившись в длинную цепочку, остальные, похоже, ожидали свое очереди.

— Эй, ты! — окликнул Манфред, тыча хлыстом в какого-то мужчину, державшемуся чуть поодаль. Судя по богатому платью — точнее, по его остаткам, ибо золотое шитье никто и никогда не предполагал окунать в речные волны,— это был зажиточный лавочник.— Что такое, дьявол побери, здесь творится?

— Дьявол тут ни при чем, сударь,— горячо отозвался тот.— Это мастер Реван. Он проповедует новое крещение, дабы избавить нас от Дерини.

— Новое крещение? — переспросил коренастый священник *Custodes* из свиты регента.

— Ну, отче, это не совсем такое крещение, как нас учит святая мать Церковь,— попытался объяснить лавочник.— Мастер Реван говорит, что это... очищение. Если вы имели дело с Дерини, то он снимает эту грязь, и даже самих Дерини может очистить! Вот там стоит Гиллеберт, он один из наших братьев-виллимитов. Я много лет его знаю. И прежде он был Дерини, но...

— Что ты несешь — *был* Дерини? — хмыкнул священник.— Он либо Дерини, либо нет. И если утром он был Дерини, значит, им и остался, и я могу это доказать!

— Нет, он больше не Дерини,— упрямо повторил торговец, испугавшись внезапно за Ревана и за своего друга Гиллеберта.

— Ну, этот спор разрешить несложно,— заявил Манфред и хлыстом подал знак стражникам подвести к нему Гиллеберта.— Эй вы, все назад! — заорал он на толпу, которая начала волноваться при виде вооруженных солдат.— Парень, тебе не причинят зла, если ты не Дерини, как утверждает твой приятель. Ведь это ты — Гиллеберт?

Один из его слуг уже выхватил несчастного из толпы и теперь, упирающегося, за рубаху волок к своему господину.

— Итак, отвечай. Ты — Гиллеберт?

— Да, сударь, это мое имя,— пробормотал тот, рухнув на четвереньки перед Манфредом от жестокого толчка стражника.

— Гиллеберт — и что *далъше?* — вмешался священник. Он спрыгнул с лошади и вытащил из-за пояса какую-то длинную, узкую трубку.— Правда ли, что ты утверждаешь, будто якобы перестал быть Дерини? Стража, а ну, держите этого человека!

Толпа, до сих пор пребывавшая в недоумении, угрожающе заворчала, когда двое солдат, спешившись, схватили опешившего Гиллеберта,— один ухватил его за волосы, другой заломил назад руку.

— Отвечай на вопросы!

— Я... меня зовут Гиллеберт... просто Гиллеберт. Ой! Гиллеберт из Дрогеры!

Он со страхом уставился на трубку в руках священника, которую тот у него на глазах принялся развинчивать посреди, обнажив две тонкие иглы, каждая длиной с полпальца. На кончиках их что-то влажно поблескивало.

— Гиллеберт из Дрогеры, стало быть? — Священник подошел ближе.— Не слишком ли далеко ты забрался от дома?

— Я... я пришел к виллимитам,— пробормотал тот и застонал, когда один из стражников с силой запрокинул ему голову, а другой разорвал ворот рубахи.— Ч-что вы делаете со мной?

С хмурой улыбкой священник поднес свои иглы прямо к его лицу.

— Если ты не Дерини, бояться нечего, это не причинит тебе особого вреда.— С этими словами он вонзил иглы Гиллеберту в плечо, прямо под ключицей. Тот вскрикнул от боли.

— Ты отведал вкуса нашего нового приспособления, именуемого деринийской колючкой,— пояснил священник.— Теперь очень скоро мы узнаем наверняка, Дерини ты или нет.— Гиллеберт застонал, когда иглы выдернули, и по груди заструилась кровь.—

Там, на кончиках, была мераша. Если ты Дерини, то она уже начала действовать, и скоро мы все увидим нечто очень интересное!

Гиллеберт осел на руках у стражников и отозвался голосом, полным отчаяния:

— Я знаю, как действует мераша, отче. И я был Дерини. Но теперь все мои способности исчезли! Мастер Реван очистил меня от скверны, клянусь! На него снизошел Святой Дух. Он несет надежду тем, кто блуждает во мраке.

Вне зависимости от того, вправду ли на Ревана снизошел Святой Дух, вскоре все смогли убедиться, что Гиллеберт из Дрогеры более неподвластен действию мерации. Средство оказалось на него лишь усыпляющий эффект, но никаких признаков тошноты, бессвязной речи и потери ориентации.

— Но откуда нам знать, что прежде он, на самом деле, *был* Дерини? — заметил священник, когда стражники наконец отпустили Гиллеберта, ослабевшего, но вполне владеющего собой. — И что это еще за Иоанн Креститель по имени Реван? Может, он сам какой-нибудь Дерини, который научился отбирать дар у своих сородичей?

— Этого, отче, я вам сказать не могу, но этот человек больше не Дерини, и я почти уверен, что мастер Реван также никогда им не был, — отозвался на это Манфред, давая знак стражникам сесть в седло, ибо толпа волновалась все сильнее и в любой момент могла сделаться агрессивной. — Помнится, об этом Реване я уже слышал. Говорят, он служил у Райса Турина. Но ходили слухи, он обвинил хозяина в смерти своей невесты и сбежал, дав клятву уничтожить всех Дерини. После чего присоединился к виллимитам. Какое-то время на горе беседовал с камнями — наверное, вон там... — Он указал хлыстом на

ближайший горный пик.— Не столь давно, по словам брата, он возвестил, что скоро будет дано новое откровение касательно Дерини. Однако подобного никто не ожидал — уничтожать их, одновременно «спасая» от церковных и светских властей.

— Мне это не нравится,— пробормотал священник.— Нужно схватить его и допросить.

— Пойти против всей этой толпы? — возразил Манфред.— Нет уж, спасибо, мне еще своя шкура дорога! Лучше вернемся в Валорет и расскажем все брату. Он архиепископ, вот пусть и решает, что делать — и пусть посыпает целое войско, если уж вознамерится схватить этого парня на глазах у всех его последователей.

Однако Хьюберт решил обойтись без войска и сам явился в лагерь виллимитов, дабы взглянуть на Ревана. Поскольку Манфред явился к нему с докладом вечером, когда они ужинали с Джаваном, то принц также узнал все новости. И поскольку последние дни они с архиепископом почти не расставались, ему не сложно было оказаться в числе тех, кто отправился с Хьюбертом на берег Эйриана.

В отличие от своего брата, архиепископ двинулся в путь, куда лучше подготовившись ко всем неожиданностям и взял с собой Урсина О'Кэррола, Дери-ни-ищейку, а также отца Лиора, как одного из самых опытных священников *Custodes*.

С ними также поехали несколько конных стражников из епископского дворца — на тот случай, если последователям Ревана не придется по вкусу вторжение посторонних.

Глава двадцать пятая

Итак охотно принявшие слово его крестились¹

На третий день после Троицы Джаван вместе с архиепископом Хьюбертом выехали на вершину холма, у лагеря виллмитов. День был погожий и теплый. Черное одеяние Джавана, в котором он был похож на монаха, делало его почти невидимкой в свите клириков. Отец Лиор ехал рядом с Хьюбертом, а ищейка-Дерини Урсин О'Кэррол — в окружении двух десятков рыцарей *Equites Custodum*, которых архиепископ взял с собой для поддержки. Его сопровождали также несколько священников и прислужников. Хотя толпа на берегу сразу узнала Хьюбера и неприязненно заворчала при виде вооруженных рыцарей, но Джавана никто не признал — да и кто бы мог ожидать присутствия здесь принца крови, одетого, подобно монаху?

Разве что только Реван... Во всяком случае, Джаван очень надеялся, что Джорем предупредил того, как обещал. Принц рассказал михайлинцу о своем замысле — если только удастся воплотить его в жизнь. Все утро он пытался оценить, насколько это рискованно, но чем ближе становился решающим миг, тем очевиднее становилось, что всех неожиданностей ему все равно не предусмотреть. И все же иг-

¹Деяния 2:41

ра стоила свеч... особенно, если Реван готов. А главное, если готовы Тавис с Сильвеном, потому что если нет — то опасность возрастет многократно.

Джаван посмотрел вниз с холма с делано равнодушным видом, но на самом деле он пытался отыскать своих друзей-Дерини. Реван как раз проповедовал, когда они подъехали, и услышав недовольный ропот толпы, поднял руку, дабы успокоить слушателей, прежде чем продолжать:

— Я не скажу, будто понимаю, почему Господь избрал именно меня, нижайшего из слуг Своих, дабы возвестить Вам волю Свою столь таинственным образом. И все же я стал Его избранником — как многие здесь могут подтвердить. И я пришел возвестить Его милость ко всем, кто готов предаться очистительному крещению. Будь вы Дерини, или просто затронуты их скверной, Господь повелел мне одарить Его милостью всех, кто искренне раскаивается в своих грехах и готов ступить в эти воды. А теперь молитесь со мной, братья и сестры, и пусть сердца наши укажут нам путь ко спасению.

— Опасные речи,— пробормотал отец Лиор, когда Реван опустился на колени для молитвы.— Если он предстанет перед церковным трибуналом, его осудят, не задумываясь, и сожгут за ересь.

— Верно,— кивнул Хьюберт,— Все эти разговоры о повторном крещении для изгнания деринийской скверны граничат со святотатством. И все-таки, в его проповедях есть польза, ибо он вещает о том, что все Дерини суть зло. Еще лучше он послужит нашим целям, если и впрямь способен сделать то, что обещает.

— Так вы думаете, он чудотворец? — Отец Лиор не скрывал неодобрения.

Хьюберт с улыбкой поджал розовые губы.

— Чудеса это или нет, я не знаю и знать не хочу, дражайший Лиор. Но если он способен делать из Дерини обычных людей — кто я такой, чтобы встать у него на пути?

— *Если*, ваша милость,— пробормотал священник.— Это очень важное слово.

— Именно так. Урсин?

Джаван затаил дыхание при приближении хмурого Дерини.

— Да, ваша милость?

— Урсин, а что ты думаешь об этом проповеднике? Ты-то веришь, что мастеру Ревану дарована свыше власть очищать Дерини от скверны их происхождения?

Скрывая неловкость, которую никто, кроме Джавана не заметил, Урсин пожал плечами.

— Я не считаю себя вправе выступать судьей в духовных вопросах, ваша милость.

— О, конечно, нет. Ладно, тогда скажи, Дерини он или нет? Или, возможно, он отыскал некий способ, некий порок в вашей натуре, чтобы лишать вас колдовского дара?

Прежде чем Урсин успел ответить, отец Лиор презрительно хмыкнул:

— Это все иллюзия. Не спорю, он наделен внутренней силой, и людям хочется верить, будто он способен очистить их от скверны — ибо сия скверна и впрямь в природе Дерини, и никто с этим не спорит... Но, с другой стороны, мы же лично не знаем никого из тех, что были якобы им «очищены». Откуда нам знать, что они Дерини?

— Хм-м, а вот мой брат Манфред утверждает, будто этот Гиллеберт из Дрогеры был Дерини, а затем стал обычным человеком.

— Лишь по слухам, ваша милость,— возразил священник.— Мы не можем принять это как данность.

— Верно, верно...— Хьюберт в задумчивости поглаживал свой двойной подбородок.— С другой стороны, мне сейчас пришло на ум, что мы вполне можем проверить этого Ревана на том, о ком знаем наверняка, что он Дерини.

Урсин дернулся и в изумлении уставился на архиепископа.

— Неужели вы хотите, чтобы я пошел на это... *кремление*,— с трудом выдавил он.

Джаван был уверен, что Хьюберт хочет именно этого. Он удивлялся лишь, почему окружающие не слышат, как у него колотится сердце.

— Почему бы и нет? — заявил архиепископ.— Если он мошенник, то кто лучше тебя сумеет его разоблачить? А если нет — что вполне возможно — тогда ты тоже «очистишься». Что тут плохого?

— Но разве это меня спасет? — с горечью воскликнул Урсин.— Если я стану бесполезен для вас, ваша милость, не кончу ли я, как семья Деклана Кармоди, задушенный тетивой?

Хьюберт не сводил взора со своих рук в перчатках, державших поводья.

— Не забудь, ты можешь кончить и как сам Деклан,— отозвался он ледяным тоном.— Но что за мрачные мысли? Если этот Реван говорит правду и ты станешь обычным человеком, неужто ты думаешь, я не возрадуюсь с тобой вместе? Я ведь твой духовный отец, Урсин. Меня более всего заботит твое спасение.

Поморщившись, Урсин взглянул вниз, на реку, в воды которой Реван ступил с несколькими учениками, тогда как остальные выстроились на берегу в ожидании.

— Возможно, недостаток веры проистекает от моей внутренней порочности,— пробормотал он себе под нос.— Впрочем, чего еще ожидать от Дерини...

Отец Лиор весь перекосился от нескрываемой издевки в голосе Урсина, и Джаван испугался, что тому может дорого обойтись его дерзость, однако Хьюберт лишь хмыкнул в ответ.

— Мне, право, все равно, веришь ты мне или нет, дорогой Урсин, только делай, как я сказал. А теперь сделай вид, что ты один из верующих, и ступай вниз к «учителю», если дорожишь хотя бы своей порочностью — или своей семьей. Капитан Рэмси, вы пойдете с ним... и я уверен, также пожелаете «очиститься», ведь вы сами так долго имели дело с Дерини.

Судя по выражению лица Рэмси, подобного желания он не испытывал, но как истинный солдат был послушен приказам. Отдав честь, он спешился и передал поводья товарищу, затем снял шлем, перевязь с мечом, плащ и сапоги.

— Ступайте, Урсин, не заставляйте мастера Ревана ждать,— поторопил его Хьюберт, видя, что Дерини все еще медлит.— И смотрите, не разочаруйте меня. Вы знаете, я не терплю разочарований.

Все это было Урсину очень не по душе, но воспротивиться он не мог. Обреченно вздохнув, он спрыгнул с лошади, снял накидку, пояс и сапоги, передал все это хмурому солдату, который подошел к нему вместе с Рэмси. Вдвоем они направились вниз по склону холма, причем стражник едва ли не волок Дерини силой. Джаван тем временем гадал, насколько оправданы опасения Урсина. Неужели Хьюберт разделается с ним, если тот станет ему бесполезен? Нет, даже архиепископ не может быть настолько жесток! Ну, а что случится с семьей Урсина?..

Но сейчас не было времени раздумывать об этом. В любом случае, сейчас Урсину придется на себе испытать силу Ревана, и Джавану оставалось лишь молиться, что если дело обернется скверно, чтобы смерть Урсина и его близких была быстрой и безболезненной. Все они, затаив дыхание, наблюдали, как на берегу Рэмси и его пленника-Дерини встретили ученики Ревана — в одном из них Джаван вдруг узнул Сильвена! — и быстро развели в разные очереди. Обоим предстояло вскоре приблизиться к Ревану, но очередь Рэмси должна была подойти первой. Урсин же, ожидавший чего угодно от проповедника, не был готов к столкновению с Сильвеном. Возможно, тот уже сделал свое дело!

Ни о чем не подозревавший ищайка-Дерини стоял рядом с Целителем, когда другой виллимит завел недовольного Рэмси в воду, дабы получить очищение из рук Ревана. Проповедник о чем-то негромко переговорил со стражником, и тот кивнул... и в этот самый миг Джавану показалось, что Сильвен смотрит прямо на него. Впрочем, Целитель тут же отвернулся.

— Обрети же очищение и покайся в прошлых заблуждениях,— провозгласил Реван, окуная Рэмси в воду.— Восстань новым человеком, очищенным милостью Господа Сил.

Рэмси поднялся из волн, потрясенный и смущенный, и виллимит вывел его обратно на берег. Вид у него был совершенно ошарашенный, он словно бы даже забыл о своем подопечном. Урсин, даже не подозревая о том, что способности его уже блокированы Сильвеном, который взял его полностью под свой контроль, без тени колебаний ступил в реку и встал перед Реваном, который на миг молитвенно сложил руки на груди, а затем тронул его за плечо.

— Возрадуйтесь и помолитесь со мной, братья и сестры, ибо я вижу, что еще один Дерини пришел молить Господа о спасении. Его милость архиепископ прислал нам своего собственного слугу-Дерини, дабы тот был очищен от зла. Смотрите, вот его милость взирает на это благое деяние.

Толпа с благоговейным шепотом обернулась к Хьюберту, и шум заглушил отчасти дальнейшие слова Ревана — к вящей досаде архиепископа, которому не слишком по душе пришлось такое внимание к своей персоне,— но судя по всему, пророк всего лишь спросил у Урсина его имя, и тот ответил.

— Так возьми же меня за руку, брат Урсин, и уверуй, что Господь очистит тебя! — провозгласил Реван и с этими словами погрузил Дерини в воду.— Сни-зойди, Дух Святой, и очисти сердце этого дитя тьмы, дабы он мог познать свет. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа,— заключил он, поднимая Урсина из воды.

Тот закашлялся, нетвердо держась на ногах, и трясущимися руками вытер лицо. Внезапно он осознал свою утрату и зашатался, так что Ревану пришлось поддержать его под руку. Джаван видел, как бывший Дерини кивал в ответ на какие-то слова пророка, а затем поцеловал тому руку и, бледный, как полотно, выбрался из воды, присоединившись к Рэмси. Он то и дело проводил рукой перед глазами, словно пытаясь сбросить невидимый покров.

На холм он взбирался очень медленно, и Джаван видел страх на посеревшем лице. Хьюберт с Лиором спешились, и священник *Custodes* уже держал наготове одну из своих «колючек». Джаван и остальная свита по-прежнему оставались в седле. Урсин выглядел совершенно потерянным и даже едва заметил, как Лиор вонзил ему в руку отравленную мерашей иглу.

Он склонился перед Хьюбертом и поцеловал его перстень. Тот положил руку ему на плечо, не давая подняться с колен.

— Что произошло, Урсин?

Тот покачал головой.

— Ваша милость, я не знаю, что случилось со мной.— Он поднял молящий взор на архиепископа.— Он... он, должно быть, и впрямь, чудотворец. Когда он взял меня за руку... у меня закружилась голова. Потом вдруг стало тепло, и я опустился в воду. Казалось, будто радуга окружила меня, потом вдруг... нет, это была не боль, но... такое странное чувство...

— А потом?

— Н-н знаю точно. Кажется... я потерял сознание на пару мгновений. Потом все, что я помню, это что я уже стоял и вытирая лицо, кто-то поддерживал меня... и все мои способности исчезли!

— А что ту чувствуешь сейчас?

Урсин горестно скривился.

— Опустошенность. Сонливость.

— А тошнота? Потеря способности двигаться?

Тот с трудом слогнул.

— Нет, ваша милость.

Хьюберт покосился на Лиора, который с недоумением разглядывал свои иглы и склянку со снадобьем.

— Он не притворяется?

— Невозможно,— отозвался тот.— Дерини не способен притворяться, что мераша на него не действует.— Он приподнял веко Урсина и заглянул ему в глаза.— Не понимаю. Он реагирует, как обычный человек.

— Вколо ему еще.

— Он может лишиться чувств.

— Я не спрашиваю твоего совета. Я отдал приказ.
 — Хорошо, ваша милость.

Джаван не мог понять, одобряет ли это отец Лиор — да это и не имело значения, поскольку тот был лишь орудием в руках регентов, и сделал бы все, что ему велят. С равнодушным видом священник обмакнул иглу в мерашу и с силой вонзил ее в левую руку Урсина. Тот вскрикнул и дернулся от боли, когда Лиор выдернул «колючку», но все знали, что эта доза еще не смертельна, даже для Дерини,— хотя третья вполне могла стать таковой. Хьюберт в нетерпении ожидал реакции, но дождался лишь, что Урсин закачался, стоя на коленях, и когда Лиор приподнял его подбородок, все увидели, что глаза его пусты, а зрачки расширены; однако даже Джаван видел, что никаких свойственных Дерини реакций тот не проявляет. Урсин и сам был потрясен, поскольку точно знал, что эффект даже единственной дозы мераши должен был быть совсем иным.

— Это невозможно, и все же... а где капитан Рэмси? — Лиор вдруг вспомнил о стражнике, принявшим «крещение» вместе с Урсином.— Что ты почувствовал, расскажи! Этот Реван делал что-то... необычное?

Рэмси растеряно заморгал, словно ему было трудно припомнить детали.

— Я... он спросил, как меня зовут,— начал он неуверенно.— Я ответил, и тогда он спросил, хочу ли я быть очищенным от деринийской скверны.

— И что ты ответил?

Выражение лица Рэмси ясно говорило, что это самый нелепый вопрос, какой он только слышал за последнее время.

— Его милость велел, чтобы я сказал да, и я так и сказал.

— Не дерзи,— предупредил его Хьюберт.— Потом он окунул тебя в воду?

— Да, ваша милость.

— И что было после? Отвечай же. Что он сделал с тобой?

— Я... он толкнул меня под воду....— Рэмси невидящим взором уставился куда-то вдаль.— Было такое ощущение, словно падаешь куда-то, и волны сомкнулись над моей головой, словно могила. Но было не холодно. Я чувствовал, что я в тепле и в безопасности. И... мне казалось, если он меня долго продержит под водой, то я смогу там дышать, и не хотел даже сопротивляться... но он меня вытащил. Я чувствовал облегчение, как будто... что-то случилось. Только я не знаю, что именно,— закончил он смущенно, вновь переводя взгляд на Хьюберта.— Клянусь, ваша милость, я не знаю.

— Хм-м, этот человек определенно обладает некой силой, ваша милость,— заметил, поразмыслив, отец Лиор.— Сдается мне, он может быть опасен.

Хьюберт задумчиво кивнул:

— Да, но, большей частью, для Дерини. Однако...

Впервые за все время Джаван решился подать голос:

— Ваша милость, а вам не приходило на ум, что, возможно, Господь предоставил нам неповторимую возможность?..

— А? О чём вы?

— Ну, вы же хотите уничтожить Дерини, верно?

— Конечно.

— Тогда не лучше ли предоставить это Богу, чтобы их кровь не осталась у вас на руках?

Хьюберт вмиг ощетинился.

— Все казненные Дерини были преступниками и еретиками, и к смерти их приговорили власти духов-

ные и светские, равно за предательство по отношению к Короне, и за прегрешения против святой матери Церкви. На моих руках нет крови!

Джаван покачал головой.

— Нет, вы не поняли меня, ваша милость. Я и не говорил, что ваши руки в крови...— В самом деле, смерть маленькой Гизелы Мак-Лин и семьи Деклана была бескровной.— Но сейчас вам предоставилась невероятная возможность, чтобы кто-то другой взял на себя уничтожение Дерини, и вас никто не посмеет в этом обвинить. Если явился новый пророк, способный уничтожать Дерини и сделать так, чтобы люди это приветствовали, и чтобы не было убийств, так разве это не именно то, чего желает Господь, возвращающий в лоно Свое даже самых заблудших овец? Разве не радуется Он возвращению блудных сынов?

Лиор с сомнением покачал головой, но архиепископ, похоже, был готов согласиться.

— Что плохого в том, чтобы попробовать? — настаивал Джаван.— Людям от этого обряда никакого вреда не будет, это ясно, раз они думают, что станут после этого лучше... а он может поймать в свои сети и пару Дерини.— И кроме того,— подчеркнул он,— если позже он станет чинить неприятности, его всегда можно будет убрать, или просто дискредитировать. Отец Лиор уже предложил как вариант обвинение в ереси перед церковным судом.

— Да, это верно,— кивнул Хьюберт.

— Конечно, верно. Все, что нужно сейчас, это полуофициальное одобрение его действий — хотя бы туманное подтверждение, что такое «очищение» вполне желательно как для людей, так и для Дерини. И какое-нибудь важное лицо должно подать людям пример. Вы, разумеется, не можете пойти на это, поскольку вы слишком важная персона и не можете

так рисковать. Но я знаю, кто вполне мог бы это сделать.

И прежде чем кто-нибудь успел ему помешать, Джаван направил лошадь вниз по склону холма, мимо стражников, которые даже не сообразили его удержать.

— Ваше высочество, нет!

— Я знаю, что делаю, ваша милость! — выкрикнул Джаван, приподнимаясь в стременах. — Это так просто, так изящно... Я все расскажу вам потом!

Побагровевший, Хьюберт устремился за ним.

— Джаван, это безумие! Вы не знаете, что он может с вами сотворить. Я приказываю вам немедленно вернуться!

— Скажите этим людям оставаться на месте! — крикнул Джаван, указывая на стражников, готовых кинуться за ним вдогонку. — Если кто посмеет коснуться особы королевской крови, он будет повешен! Это касается лишь меня и архиепископа.

Ошарашенные стражники подали назад. Хьюберт, однако, не унимался.

— Как вы смеете ослушаться меня, вашего духовного наставника?! О чём вы думаете — если, вообще, думаете?

— Я думаю, что мне пошел четырнадцатый год, ваша милость, я почти мужчина, — отозвался Джаван спокойно. — Я думаю, что я принц крови, и мой пример способен вдохновить множество людей, куда лучше, чем любые указы. Я думаю, что если я поддержу сейчас этого человека, там, внизу, то многие решатся пойти по моим стопам, кто иначе никогда бы на это не осмелился, и это может предотвратить кровопролитие. И как человек, чей отец был священником, и кто и сам подумывает ступить на этот путь, я думаю, что это служение, которое я могу ис-

полнить прямо сейчас, задолго до того, как действительно принять сан... служение, возможно, угодное Богу.

— И что же вы намерены делать? — спросил Хьюберт уже не так гневно, после недолгих размышлений.

— О, но ведь весь мой род был запятнан общением с Дерини, — отозвался принц, стараясь не расхочтаться при этих словах. — Вы ведь согласитесь с этим. И если член королевской семьи подвергнется очищению, то кто последует за ним? И люди, и Дерини!

Не давая Хьюберту времени для раздумий, он развернул лошадь и двинулся вниз по склону, не обращая внимание на крики архиепископа и лишь глядя про себя, уж не зашел ли он слишком далеко. Толпа расступилась при его появлении, осознав наконец, кто перед ними. Реван продолжал крещения, пока принц спорил с архиепископом, но обряд прервался, когда лошадь Джавана зашла по бабки в воду, и принц натянул поводья. Джаван медленным жестом откинулся с головы капюшон, дабы все могли как следует разглядеть его, и молча уставился на пророка. Впервые за все время они с Реваном встретились лицом к лицу.

— Вы принесли странную весть, брат Реван, — произнес он негромко, и толпа вокруг затихла, чтобы не упустить ни слова. Ему показалось, Хьюберт со свитой тоже начали спускаться с холма, но не посмел оглянуться на них. — Я хотел бы знать, относится ли она также к сильным мира сего, или только к простецам? — Он обвел рукой людей, собравшихся на берегу.

Реван тем временем, вместе с Сильвеном и братом Иоахимом, выбрался на мелководье.

— Принц Джаван Халдейн,— приветствовал его Реван с легким поклоном, приложив к груди правую руку.— Да, сударь, моя благая весть предназначена для всех, кто полон искреннего раскаяния в былых грехах и готов принять от Господа очищение.

Джаван заставил жеребца попятиться, так что тот наконец вышел из воды; краем глаза он отметил, что архиепископ со свитой застыл на месте и, похоже, больше не намерен помешать ему.

— Боюсь, здесь понадобится весьма основательное очищение.— Он вновь обернулся к Ревану.— Дерини жили бок о бок с нашей семьей долгие, долгие годы. Может ли Господь смыть эту грязь?

— Да разве есть что-то такое, чего Господь *не может*, ваше высочество? В Писании сказано, что все на свете в Его власти. И Он принимает с радостью всех Своих овец.

Джаван изобразил горестную усмешку.

— Боюсь, я очень черная овца, брат Реван. И заводь эта не настолько глубока, чтобы очистить меня от скверны.

— Не совсем так, ваше высочество,— возразил Реван,— ибо единственность очищения зависит не от глубины воды, а от того, кто совершаet сие таинство.

— То есть от вас, брат Реван?

Тот с улыбкой опустился на колени и покачал головой.

— Не от меня, мой принц, но от Господа Сил, да будет Он славен во веки веков.— И он возвел очи горе и молитвенно вскинул руки к небесам.

— Господи, внемли слуге Твоему и помоги привести этого принца к обещанному Тобою очищению. Даруй его сердцу раскаяние, а душе — принят-

тие Твоего чудесного дара. Даруй ему отвагу избавиться от зла, его одолевающего...

Реван продолжал молиться, и принц поддался магии его слов, невольно стыдясь собственного лицемерия, но одновременно сознавая, насколько это необходимо. Через несколько мгновений он опустил голову и обреченно поник плечами. И хотя чтобы вызвать на глазах слезы, ему пришлось вспомнить обо всех друзьях, которых он потерял за последние месяцы, собравшимся это показалось лишним свидетельством его искренности и раскаяния.

— ...и нет во мне принуждения, но Господь сделает это за меня...

Через какое-то время, убаюканный молитвами Ревана, принц позволил себе издать сдавленный стон, а затем медленно перекинул ногу через седло и спешился. Неуверенными пальцами он принялся расшнуровывать сапоги, и множество рук тут же бросились ему на помощь; кто-то также заботливо избавил его от плаща и пояса. Джаван, прихрамывая, двинулся в воду.

— Да восславлено будь имя Господне, ибо Он ведет слугу Своего к благословению,— промолвил Реван, вновь переходя от молитв к проповеди и поднимаясь навстречу Джавану.— Да хранит вас Господь в этот час покаяния. Пусть протянет Он вам Свою руку и приведет к очищению.

Он подал руку Джавану, когда тот приблизился, и принц поразился силе, лучившейся в бесхитростных глазах пророка. Реван повлек его за собой, словно мотылька на огонь, и принц мог лишь поразиться, как удалось Тавису и остальным добиться такого воздействия.

— Благословенны будь ноги, что привели вас сюда,— произнес Реван и остановился подождать прин-

ца там, где вода доходила ему до пояса. Когда тот приблизился, Реван обнял его за плечи. Слезы струились по щекам у обоих. Правую руку он поднял в жесте благословения над головой Джавана.

— О, Дух Святой, снизойди на слугу Твоего, Джавана Халдейна, и очисти его от скверны.— С этими словами он положил ладонь ему на лоб и заставил погрузиться под воду. Головокружение охватило принца, а магическими чувствами он мог ощутить лишь некий дрожащий прохладный барьер... у Дери-ни это была бы обычная защита, но что это может быть у Ревана, он не знал.

Тут же он ощутил мысленную поддержку со стороны и уверения, что все идет хорошо. Ему также показалось, он уловил и то, о чем говорил Рэмси — полное умиротворение, желание отаться на волю сверкающих радуг, мелькавших под сомкнутыми веками... и даже сознание того, что все это нарочно устроено так Тависом и Сильвеном, не делало это состояние менее чудесным. Кажется, Реван еще продолжал вещать, но он не слышал больше слов, и ему не было до них никакого дела.

Но вот наконец его подняли на ноги, мокрого с головы до ног, и кто-то помог ему убрать с лица прилипшие пряди. Сильвен с поклоном подал ему полотенце, а другой виллимит медленно повел к берегу.

— Благословен будь Господь, и Его святое Имя,— провозгласил тем временем Реван. Принц наконец ступил на траву, ему накинули на плечи плащ, и, плотнее закутавшись в него, он вновь обернулся к воде. Реван, вновь вышедший на мелководье, слегка поклонился ему, встретившись с принцем глазами.

— Ступайте с Богом, ваше высочество, и да пре-будет мир в вашей душе.

Джаван кивнул и двинулся было прочь, но вдруг развернулся и упал на колени, склоняя голову.

— Благословите меня, брат, перед дорогой.

— Не я благословляю, но Господь Сил.— Реван поднял руки.— Да хранит вас Господь. Да дарует он вам мир и покой, и уверенность, что вы будете рядом с ним в день последний. Да простит он вам ваши грехи, и благословит вас, и будет милостив к вам, и очистит от всех тревог. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

К изумлению Джавана, люди потянулись к нему, пытаясь поцеловать *его* руки — прежде чем вновь выстроиться в очередь за очищением. А с другого холма, напротив того, где остался Хьюберт со своими людьми, вдруг показался лорд Торквилл де ла Марч — тот самый Дерини, что так долго служил отцу Джавана. Некогда видный, полный достоинства мужчина, сейчас он выглядел ужасно, и едва не упал с седла, когда остановил лошадь у подножия холма, чтобы спешиться.

Толпа встревожено заворчала, ибо то был первый Дерини не из числа виллимитов, явившийся сюда. Кто такой Урсин, они не подозревали, а Дерини-виллимиты давно уже добровольно отказались от своего дара.

— Ваше высочество, правда ли это? — задыхаясь, выдавил Торквилл, остановившись в нескольких шагах от принца. Отчаяние и надежда исказили его лицо.— Я скакал несколько дней кряду...

Продолжая играть свою роль, Джаван поплотнее запахнулся в плащ и выпрямился.

— Я знаю тебя,— объявил он ледяным тоном— Ты — Дерини. Я видел тебя при дворе, до смерти отца. Какая правда тебе нужна?

— Что мастер Реван способен спасти меня! — Голос Торквилла срывался, и он рухнул к ногам Джавана, цепляясь за край его плаща.— О, Господи, я ненавижу сам себя! — Он разразился рыданиями.— У меня отняли все... мою жену, детей, земли... все, ради чего я жил. Я пытался их спасти, но... толпа настигла нас. Они убили и-и-их! — Он уже даже не плакал, а выл.— Моя жена и малыши. Они все мертвые, понимаете? Господи, что теперь станет со мной? Я не хочу это помнить! Пусть оно уйдет!

Даже сознавая, что все это не более чем игра, Джаван был тронут. Руки его дрожали, и не только от холода, когда он поднял взор на Ревана, который вышел из воды им навстречу. Насквозь промокший, пророк опустился на траву рядом с Торквиллом и ласково опустил ладонь ему на лоб.

— Как твое имя, брат? — спросил он вполголоса, приобнимая того за плечи. Дерини неуверенно покосился на него.

— Торквилл де ла Марч.

— Торквилл, — повторил Реван.— Ты и вправду желаешь этого? Молишь ли ты Господа, чтобы он очистил тебя и избавил от скверны?

Дерини с благоговение уставился на пророка и медленно кивнул.

— Хвала Господу, что привел тебя сюда,— выдохнул Реван.— Торквилл де ла Марч, ты нашел то, что искал, если только найдешь в себе силы принять это. Если ты, действительно, раскаиваешься в былых грехах и готов навсегда расстаться с заблуждениями прошлого, Господь дарует тебе очищение. Да, и забвение, если таково твое желание. Примешь ли ты Его мир?

Тяжело дыша, хватаясь за руку Ревана, точно утопающий за веревку, Торквилл кивнул.

— Что я должен сделать?

— Пойдем.— И, поднявшись, Реван потянул лорда за рукав.— Войди со мной в очищающие воды, и Господь дарует тебе покой. Так обещал Он Своим детям. Верь в это, Торквилл, и обретешь искупление.

Тот поднялся, весь дрожа, и с рыданиями последовал за Реваном в воду; Сильвен с Иоахимом поддерживали его, заходя все глубже и глубже. По движению за спиной Джаван понял, что архиепископ все же не выдержал и спускается с холма, чтобы своими глазами взглянуть на чудо. Вместе с толпой он опустился на колени.

Сильвен с виллиmitом остались на мелководье, а Реван завел Торквилла в воду по грудь и, одной рукой придерживая за плечи, а другую положив на лоб, погрузил Дерини в речные волны. Джаван не слышал, что он говорил, да слова сейчас были и не важны. Торквилл и Реван заранее отработали свое представление до малейших деталей... А когда наконец Дерини выбрался, пошатываясь, из воды, к нему навстречу, проталкиваясь через толпу, подобно карающему ангелу, устремился архиепископ Хьюберт.

— Схватить этого человека! — ткнул он пальцем с Торквилла.— Я его знаю, он должен быть повешен. Всем известно, что он Дерини!

— Казнить его только за то, что он родился Дерини, ваша милость? — воскликнул Джаван, когда стражники поволокли несопротивляющегося пленника к архиепископу.— Но ведь теперь он больше не Дерини! Мастер Реван очистил его.

— Да, да, конечно, и исповедь и отпущение грехов также служат очищению, но он все равно поплатится за все, что совершил.

— Но что же такого совершил лорд Торквилл, кроме того, кем его угораздило родиться на свет? — возразил Джаван.— Разве вы не видите, что получили

ответ на свои молитвы, ваша милость? Торквилл деля Марч — не Дерини больше. Проверьте его, если сомневаетесь.

— Так я и сделаю,— процидил Хьюберт сквозь стиснутые зубы и подал знак Лиору достать отравленные иглы.

Но никакие испытания не помогли. Дважды Торквилла кололи мерашей, но он лишь ослаб от этого и едва не заснул. О прошлом своем, он похоже, почти ничего не помнил.

— Но ведь он же точно был Дерини,— не мог успокоиться Хьюберт, даже когда отец Лиор знаками дал ему понять, что все способы проверки исчерпаны.— Я знаю это наверняка! Именно поэтому его и убрали из королевского совета.

— И правильно сделали,— одобрил Джаван, которому с трудом далась такая ложь.— Но теперь у нас появился отличный способ избавляться от Дерини — заодно спасая их души. А разве забота о душе не есть первейшая задача пастыря?

— Я не позволю, чтобы мне указывал на мой долг мальчишка, даже если он принц крови,— прошипел Хьюберт.— Вы забываетесь, Джаван.

— Прошу прощения, если оскорбил вашу милость,— отозвался тот с поклоном.— Но я знаю наверняка, что куда лучше спасать души, чем губить их. Вы же не станете спорить с этим, ваша милость!

— Хм-м, посмотрим,— отрезал Хьюберт.— Мы вернемся к этому позже.

— Разумеется, ваша милость. Но пока, мне кажется, стоит удовлетвориться тем, что мастер Реван явно никакой не Дерини, и успокоиться на этом — потому что если вы попытаетесь его схватить, то придется иметь дело с толпой. А я бы не поставил на наш успех, если мы тронем их пророка. Он обладает

странной силой, ваша милость, я почувствовал это. Но это не сила Дерини.

Он надеялся, что Хьюберт не решится испытать Ревана мерашей, но тот был непреклонен.

— Я не собираюсь применять силу без необходимости,— заявил он, отправив двоих стражников привести к нему Ревана.— Если с ним все в порядке, он и сам не откажется получить доказательство в присутствии всех этих людей, что он не Дерини. А если тут все же какая-то колдовская хитрость, мы это быстро выясним.

Реван, однако, подошел совершенно добровольно, учтиво приветствовал архиепископа и даже поцеловал его перстень в знак почтительности, как истинный сын Церкви.

— Для меня большая честь, ваша милость,— произнес он негромко,— что вы почли своим присутствием наше сборище. Люди будут рады видеть, что сам архиепископ явился засвидетельствовать чудо, кое мне посчастливилось принести. А то, что совершил наш принц, завоевало их сердца.

Хьюберт хмыкнул, обезоруженный такими восхвалениями.

— Не буду утверждать, будто понимаю, что тут творится, но мы не оставим попыток разобраться, будь уверен в этом. И я не стану брать тебя сейчас под стражу. Твоим последователям это может не понравиться.

— Да, вполне может, ваша милость, хотя они отпустят меня, если я им так велю.

— Ясно.— Хьюберт поморщился.— Тогда я спрошу тебя напрямую. Ты Дерини?

— Конечно, нет, ваша милость.— Реван улыбнулся.— Когда я был моложе и глупее, я служил в доме у Дерини, но это все осталось далеко в прошлом. Же-

лает ли добный отец Лиор испытать правдивость моих слов? Насколько мне известно, благословенные *Custodes Fidei* весьма искусны в разоблачении скрытых Дерини?

Хьюберт хохотнул

— Ты думаешь, если ты заговорил об этом первый, то я передумаю проверять тебя? Тогда ты ошибся. Отец Лиор!

Он щелкнул пальцами, и священник тут же подскочил на зов, с мерашей наготове. Улыбнувшись, Реван протянул руку и почти не дернулся, когда иглы вонзились ему в ладонь. Лиор, вытащив «колючку», подмешал в кровь, выступившую из ранки, еще немного яду, но Реван лишь еще ласковее заулыбался и покачал головой.

— Вы оказали мне честь, отче, нанеся рану, подобную по местоположению, хотя и не по глубине, той, от которой страдал наш Господь на кресте. Но, право, я недостоин такого благословения. Я не достоин даже завязывать ремешки Его сандалий. Ибо воистину, я лишь скромный посланец, несущий слово Божие тем, кто блуждает во тьме.— Он указал подбородком на плененного Торквилла.— Не обязательно самому быть порождением Мрака, чтобы чувствовать Мрак в других и стремиться изгнать его с помощью света.

Стало очевидным, что Реван не поддается действию мераши. Хьюберт раздраженно хлопнул по руке одного из стражников, державших Ревана.

— Ладно, отпустите его. Не знаю, кто он такой, но точно не Дерини. Может, он и впрямь послан Господом, чтобы избавить нас от этого проклятия. Не ведаю. Пусть нам подведут лошадей. Я устал от всего этого. А нас с его высочеством еще ждет одно незаконченное дело по возвращении в Валорет.

Глава двадцать шестая

**Нет мне мира, нет покоя,
нет отрады: постигло несчастье¹**

Джаван так долго стоял на коленях, что уже не чуял под собой ног, однако сознавал, что не может ни встать, ни изменить позу. Вот уже почти час он пробыл здесь, в этой крохотной полутемной келье без окон, куда архиепископ обычно отправлял провинившихся монахов. Жесткая молитвенная скамеечка была установлена спиной к двери, и на поверхности ее не то что не было обычной подушечки, а наоборот, были вырезаны из дерева кресты, глубоко впечатывавшиеся в кожу. Прямо на уровне глаз на беленой стене было изображение распятого Иисуса на кресте, окровавленного, мучающегося в агонии — такой Христос не ведал жалости к несчастным, ожидавшим наказания.

Об этой келейке Джаван слышал и раньше, но вот видел ее впервые. Он еще решил, что ему здорово повезло, ведь Хьюберт вполне мог бы отправить его и в башенную темницу. Он ощущал присутствие архиепископа у себя за спиной, темное и угрожающее. Единственный факел, горевший у двери, отбрасывал свет на епископское кресло у стены напротив. Он осветил также фигуру Хьюберта, когда тот под-

¹ Иов 3:26

нялся и встал перед Джеваном, поигрывая хлыстом с узлами, именуемым «малым учителем».

— Вы бросили мне вызов прилюдно, Джаван.— Архиепископ впервые подал голос с того момента, как вошел в келью. Тон его был обманчиво мягким.— Я могу простить многое, ибо вы еще молоды, но только не публичное ослушание, особенно в той ситуации, когда вам могла грозить опасность.

Стараясь сдержать дрожь, ибо он не желал выказать слабость перед врагом, Джаван склонил голову с выражением раскаяния и покорности и скрестил руки на груди. Босые ноги отчаянно ныли от холода, особенно покалеченная ступня, и он побоялся, как бы не упасть, когда придется вставать. Даже просто ходить босиком, без особого сапожка, было целой проблемой.

Впрочем, всего этого стоило ожидать. С самого начала Джаван знал, что за выходку у реки придется дорого заплатить. Он непростительно вел себя с Хьюбертом, и хотя тот никогда не осмелится причинить серьезный вред принцу крови, но мало ли иных способов привести бунтаря к покорности... и Джаван не сомневался, что архиепископ выберет самые неприятные. Препоручив принца заботам двух угрюмых, молчаливых *Custodes* из свиты, Хьюберт ни единственным словом не обмолвился с ним за всю дорогу домой. Это монахи привели его в эту келью, после того как принц переоделся в сухую одежду. И сейчас он ощущал их присутствие за дверью.

— Джаван, сейчас я говорю с тобой не как один из регентов, но как пастырь.— Хьюберт издал тяжкий вздох.— Когда ты попросил дозволения приехать в Валорет для религиозного обучения, возможно, ты забыл, что тем самым обязался быть во всем покорным моей воле и уставу сего Дома. То, что ты еще

не принес святых обетов, избавляет тебя от нужды блюсти бедность и целомудрие, но не повиновение. Я позволил тебе сопровождать нас в лагерь виллимитов, уверенный, что ты отдаешь себе в этом отчет. Я никак не ожидал, что ты бросишь мне вызов при всех, независимо от того, признал ли я позже твою правоту. Именно за эту строптивость ты стоишь сейчас здесь на коленях, и за нее понесешь наказание. Ты понимаешь это?

Джаван с несчастным видом поник головой.

— Да, ваша милость.

— А понимаешь ли ты, почему нельзя стерпеть такое скверное, недопустимое поведение?

— Да, ваша милость.

— Так *почему* его нельзя стерпеть?

— Потому что вы архиепископ и мой духовный отец, ваша милость,— пробормотал Джаван, зная, что именно этих слов Хьюберт ждет от него, и желая лишь поскорее завершить этот неприятный разговор.— Но... позвольте мне сказать ваша милость.

— Только если это имеет отношение к тому, что случилось. И, надеюсь, ты не собираешься подыскивать себе оправданий?

— Не оправдания, нет, ваша милость. Но объяснение, если позволите.

— Позволяю.

Джаван с силой втянул в себя воздух, надеясь, что красноречие его не подведет.

— Прежде всего, я молю простить меня за оскорбительное поведение. Я никоим образом не хотел бросить вам вызов. Если бы мы могли переговорить наедине, надеюсь, вы бы увидели в моих словах простое расхождение во мнении, а не дерзость. Вы сами учили меня доискиваться до смысла своих поступков, ваша милость, и по совести, я должен признать,

что чувствовал себя обязанным поступить таким образом. Но я понимаю, как это выглядело со стороны — будто я не подчинился вашей власти. Я прошу прощения за это и готов понести любое наказание.

Хьюберт хмыкнул, однако не презрительно, а скорее снисходительно-удивленно.

— И почему же ты чувствовал себя *обязанным* так поступить? — поинтересовался он.— Что за несравненная дерзость — решить, будто ты лучше меня смог разобраться в ситуации!

— Потому что я *устал* от всех этих убийств! — выпалил Джаван, полуутвернувшись от архиепископа. Боль в коленях сделалась нестерпимой.— Ваша милость, я не знаю, сколько еще смогу выдержать! Я пытаюсь быть хорошим принцем и терпеть все, что должен, но почему же ранг требует от меня столь много? Скольких еще невинных задушат и четвертуют у меня на глазах...

— Ты вытерпишь столько, сколько положено,— с каменным лицом парировал Хьюберт и, уперев кончик хлыста принцу в подбородок, заставил того взглянуть на окровавленного Христа.— Подобно Ему, ты вынесешь все, что должен. Ты осушишь свою чашу до дна, ибо ты — принц, и однажды встанешь одесную Бога, либо как священник, либо даже как король. И не тебе решать, в столь юном, нежном возрасте, что тебе под силу, а что нет. Я ясно выразился?

Как он ни пытался сдержать слезы, но они заструились по щекам, и Джаван дернул головой.

— Я... ясно... выразился? — повторил Хьюберт, с каждым словом опуская хлыст на плечи принца.

Рухнув на пол, тот сумел лишь жалобно выдавить:

— Да, ваша милость.

— Отлично. Я рад, что мы понимаем друг друга. Так...— Хьюберт тяжело вздохнул.— Теперь вопрос покаяния. Я доволен, что ты сознаешь свою вину и раскаиваешься. Поэтому я прощаю тебя — с условием, что подобное никогда больше не повторится. Позднее мы еще поговорим о том, к чему может привести твой поступок. Аббат Секорим ужинает со мной сегодня, и я буду ждать тебя к трапезе. Однако перед тем ты должен еще понести наказание за свое поведение. Есть предложения?

Джаван покачал головой.

— Что ж, ладно. Во-первых, поскольку ты сам покаялся в своей ошибке, не пытаясь ничего отрицать, я буду настолько любезен, что поступлю с тобой как с мужчиной, а не испорченным ребенком. С ребенка следовало бы попросту спустить штаны и как следует выпороть.

Джаван позволил себе чуть заметный вздох облегчения.

— Тем не менее,— продолжил Хьюберт,— поскольку ты нанес мне оскорбление как архиепископу, не взирая на то, что обязан мне покорностью, ибо пребываешь под моей крышей, наказание тебе будет назначено такое же, как всякому брату-мирянину, блюдущему устав сего Дома. Если бы нечто подобное совершил кто-то из монахов, он получил бы двадцать плетей.— Джаван вздрогнул, когда «малый учитель» стегнул его по плечу.— Удары могут быть до крови, но шрамов не оставят. Принимаешь ли ты это наказание?

С трудом сглотнув, Джаван все же кивнул. Он опасался худшего.

— Принимаю, ваша милость.

— Тогда подтверди это лобзанием «учителя».— И Хьюберт ткнул плеть ему под нос.— Словесно же ты должен молвить: *Deo gratias*.

— *Deo gratias*, — покорно повторил Джаван и склонил голову, стараясь не смотреть на узлы, завязанные на концах плети.

— Быть по сему. И пусть Господь поможет тебе раскаяться и выдержать наказание, как подобает мужчине. — Плеткой Хьюберт начертал крест у принца над головой. — *In nomine Patris, et Filii, et Spiritus Sancti. Amen.*

— Аминь, — прошептал Джаван, не дожидаясь команды архиепископа.

— Очень хорошо. Тогда я оставлю тебя ненадолго, чтобы ты мог подготовиться, — сказал ему Хьюберт. — Когда братья войдут, ты поднимешься им на встречу. Они попросят у тебя прощения, и ты ответишь согласием. Затем ты обнажишься до пояса и преклонишь колени, раскинув руки в стороны, подобно Господу нашему на кресте, о чьих страданиях ты должен помнить во время наказания. Братья эти весьма многоопытны в своем деле и точно умеют соизмерять силу удара с тем, сколько, по их мнению, ты способен выдержать без крика. Если ты все же закричишь, то за каждый раз будет добавлено по удару. Прошу, сделай так, чтобы мы обошлись без этого.

Он вышел, прежде чем Джаван успел ответить хоть что-то. От звука закрывающейся двери внутри у него все перевернулось. Но как скоро придут монахи?.. Он поднялся с колен и невольно вскрикнул — так сильна была боль в ногах. Ухватившись за поручень молитвенной скамееки, чтобы пощадить большую ступню, он принялся растирать сперва одно колено, затем другое. Хьюберт обещал, что шрамов не останется, но вот ноги — дело другое! Боль обожгла его, когда кривообращение наконец восстановилось

— и вмиг исчезла, когда кто-то негромко постучал в дверь, а затем отодвинул засов.

Перед испуганным Джаваном возникли двое монахов *Custodes*, причем тот, что повыше, нес ведро с двумя торчащими из него рукоятками. У обоих были подняты капюшоны, а факел горел сзади, так что принц не мог разглядеть их лиц, но догадался, что это не те же самые, что привели его сюда. Когда монах поставил ведро на пол, он ощутил резкий запах уксуса. Оба опустились на колени.

— Просим простить нас, ваше высочество, за то, что нам придется совершить, во имя спасения вашей души,— промолвил тот, что пониже ростом.

Джаван кивнул и, запинаясь, отозвался:

— Я... охотно прощаю вас.

Ему, однако, не удалось самому ослабить завязки на шее, и высокий монах пришел ему на помощь. Верхняя часть одеяния, скрепленного на пояске веревкой, мягкими складками упала вниз, обнажая торс.

— Приподнимите подол рясы, когда встанете на колени, ваше высочество,— посоветовал один из монахов вполголоса, подводя его к молитвенной скамейке перед фреской с Христом.— Чем хуже будет ногам, тем легче не думать о спине.

Удивленный, Джаван повиновался и, морщась от боли, опустился на резную деревяшку,— но это хотя бы была привычная боль. Запах уксуса стал острее, когда монахи вытащили плети из ведра, и его тут же затошило.

— Упритесь грудью в поручень, прежде чем поднимите руки,— велел один из *Custodes*.— И прикусите вот это.— Прямо у него перед лицом вдруг оказалось что-то плоское, бурого цвета. Зажав это в зубах, он понял, что это свернутый кусок толстой кожи.

— А теперь давайте все молча прочитаем «Отче наш», — негромко предложил другой монах. — И пусть с каждым ударом вина ваша уменьшается, дабы вы вновь обрели благодать Господню и милость Его.

Джаван молился так, как никогда прежде, раскинув руки и уставившись прямо перед собой, на надпись над головой распятого Христа. Выполненная золотом, она блестела в свете факела...

Должно быть, он закончил молитву куда быстрее монахов, поскольку первого удара пришлось ждать бесконечно... Он был скорее неожиданным и мокрым, чем болезненным. Второй тоже, однако третий обжег, как укус шершня, а от четвертого кожа начала гореть огнем. Еще немного — и он возрадовался, что в зубах у него зажат кусок кожи. К середине наказания он уже и не чаял, что вытерпит до конца.

Второй десяток он и сам не знал, как смог перенести. Помогла лишь сила воли, не давшая закричать. Руки его тряслись, словно он и впрямь висел на кресте, как Тот, что бы перед ним, — и все же не издал ни звука. Со счета он давно сбился и осознал, что все кончено, лишь услышав, что монахи складывают плети в ведро.

— Неплохо держался, парень, — прошептал коротышка ему на ухо. — Руки теперь можешь опустить, но зубы лучше пока не разжимай.

У него так дрожали руки, что он даже не уловил смысла этих слов, — но вскоре все понял, когда монах помог ему ухватиться за поручень перед собой. Он задохнулся от боли, когда второй плеснул ему на спину остатки уксуса, и кислая жидкость заставила каждый рубец вспыхнуть с новой силой. Он не мог понять, кровь это течет у него по спине, или все тот же уксус.

Однако боль неожиданно отступила благодаря такому обращению, и он смог унять дрожь. Низкорослый монах помог ему натянуть на плечи рясу и подняться.

— Вы делаете честь вашему роду, мой принц,— промолвил монах негромко.— Я встречал мужчин, которые кричали и от куда меньшего.

Джаван поморщился и ухватился за поручень, не глядя на своего мучителя.

— Странно, что вы не были так, чтобы я действительно закричал. Разве не в этом весь смысл?

— Лишь до определенного предела,— без утайки отозвался тот.— Истинный смысл в том, чтобы испытать вашу власть над собой, довести вас до грани, но не сломить. Наказание должно быть достаточно суровым, чтобы причинить сильную боль, сколько человек способен выдержать, но не унизить и не искалечить. Думается, вы запомните сей урок — как и то, что испытали себя самого до предела, и даже дальше. Это воспитывает характер, а не портит его.

— Теперь мы отведем вас к себе, ваше высочество,— сказал высокий.— Паж поможет вам принять ванну и переодеться. Его милость будет ждать вас через час.

• • •

Несколько часов спустя, когда главное блюдо давно уже унесли безмолвные монахи-служки, Джаван, против воли, все еще оставался гостем за столом архиепископа. После он так и не смог бы вспомнить, чем их угощали, но еда свинцовым слитком легла на желудок, и помимо всего прочего, в зале было слишком натоплено. Хьюберт усадил его поближе к камину — обычно, знак уважения к гостю, но сегодня Джаван воспринял это едва ли не как издевательство.

Если верить Карлану, к утру вся спина будет в синяках, но хотя бы крови не было. Он даже похвалил искусство монахов, проводивших наказание.

— Вам повезло, ваше высочество, эти парни точно знали, что делали,— заявил паж хозяину. Он осторожно обмыл рубцы, подсушил и смазал их бальзамом.— Думаю, навряд ли у вас много опыта в таких делах... принцев ведь не порют, как пажей... но, право, выглядит не так уж скверно. Если позволите, я мог бы дать вам пару советов, как человек, с кем такое уже не раз случалось. В ближайшие пару дней носите мягкую одежду, спите на животе и садитесь на сиденья без спинки.

С первым советом было проще всего: для нынешнего вечера они сочли наиболее уместной простую черную тунику из тонкой ткани; второй он проверит нынче ночью; с третьим же Хьюберт все решил за него, предоставив принцу удобный табурет. В остальном он никоим образом не вспоминал сегодняшнее происшествие, и Джаван не знал, в курсе ли всего этого Секорим, хотя аббату, конечно же, должны были обо всем донести и те из его людей, кто был у реки, и те, кто наказывал принца. Во время ужина архиепископ с аббатом говорили лишь на самые невинные темы, а принц, вообще, почти не открывал рта.

Однако после ужина Хьюберт налил всем троим крепкого вина, и Джаван понял, что больше избегать разговора о сегодняшних событиях не удастся — и точно так же невозможно ему стало забыть о своей спине. Какой бы мягкой ни была туника, он чувствовал, как ткань липнет к коже — от пота, несомненно, но ему все время казалось, будто это кровь. Вид кроваво-красного вина в бокале, что поставил перед

ним архиепископ, никоим образом не улучшил его настроения.

— Итак...— Хьюберт откинулся в кресле и оперся о подлокотники, зажав меж пальцев серебряный кубок тончайшей работы.— Почему бы вам не рассказать отцу Секориму все, что вам известно об этом Реване, и почему вы уверены, что это новое крещение, что он проповедует, не есть угроза для матери Церкви?

Джаван стиснул бокал в ладонях, тщательно взвешивая слова. Вина он почти не пил, из опасений, что оно слишком развязает ему язык,— чересчур уж крепкое, он в этом сразу убедился. Хотя искушение осушить кубок и попросить еще было велико... может, хоть так удалось бы заглушить боль в спине!

— Ну... я даже не знаю, с чего начать, отец Секорим,— помолчав, заметил он.— Я льщу себя мыслью, что не так уж мало знаю, но я не богослов. Однако меня всегда учили, что наш Бог — любящий и милосердный, и Он не может видеть страданий Своих детей.

— Он также справедливый Бог, ваше высочество,— парировал аббат,— и не может видеть, чтобы неправедные избегали наказания.

Джаван поспешил кивнуть, стараясь соображать побыстрее.

— Разумеется. Но меня учили, что когда грешник раскаивается — когда он отворачивается от прежних грехов, решает изменить свою жизнь и вернуться к Богу,— Господь прощает его. Пастырь радуется возвращению блудных овец Своих. Отец приветствует блудного сына и принимает его в Свои объятия. Нигде в Священном Писании я не нашел, чтобы Пастырь резал найденных овец, или Отец поразил бы смертью сына.

— Да, но Писание дает множество примеров, когда неправедные несут кару в день Страшного Суда,— отрезал Секорим.— Надеюсь, столь слабыми доводами вы не пытаетесь защищать Дерини?

Джаван вздохнул, старательно изображая отвращение при одной этой мысли.

— Я не защищаю Дерини, отче. Но возможно, есть и другой путь для заблудших овец, кроме бойни. Если они навсегда откажутся от прошлой жизни — тем более, если у них, вообще, не будет возможности к этой жизни вернуться,— разве это не лучше, чем казнить их? Я не знаю, смогу ли я стерпеть, когда на моих глазах казнят еще одного невинного, или хуже того, женщин и детей, повинных лишь в том, *кем* они родились.

— И вы считаете, будто этот мастер Реван предлагает иной выход, несмотря даже на то, что он проповедует обряд, идущий вразрез с учением святой матери Церкви?

— Я не вижу в его обряде святотатства,— поспешил возразить Джаван.— Он же не утверждает, что это замена церковному крещению. Это просто очищение... для совершенно определенных случаев.

— Ага, так значит, он берет на себя власть очистить тех, кто придет к нему,— недобро усмехнулся Секорим.— Но кто же дал ему эту самую власть? Церковь тут ни при чем, спешу заметить.

Джаван покосился на бокал в руках. Он прекрасно видел расставленную аббатом ловушку.

— Отче, он не просто *утверждает*, будто способен делать это,— промолвил он, обходя опасный вопрос о власти.— Если бы все это было притворством и не влекло за собой никаких последствий для того, кто подвергся сему обряду, вы были бы вправе привлечь его к суду за святотатство, за обещание даровать ми-

лость, над коей он не властен... Однако он, *на самом деле*, очищает Дерини. Он стирает их прошлое и дает возможность начать жизнь заново, освободившись от тяготевшего над ними проклятья. Это можно *доказать*, отче, и с куда большей достоверностью, нежели обычные церковные таинства.

Секорим не скрывал возмущения, но Хьюберт знаком велел аббату смолчать.

— Я вижу, придется получше просветить вас по вопросу о таинствах,— пробормотал архиепископ.— Но продолжайте. Поведайте аббату о своих «доказательствах»

Джаван бросил быстрый взгляд на Хьюберта, затем вновь повернулся к отцу Секориму. Он пытался понять, разозлился ли на него архиепископ за слова о таинствах. Ладно, потом разберемся... Он ведь уже сказал им, что он не богослов.

— Очень хорошо, ваша милость.— Он решил испробовать иной подход к аббату.— Отче, сегодня ваши монахи испытали двоих бывших Дерини меращей, и никаких последствий — все, как у самых обычных людей. Либо мы скажем, что мераша перестала быть надежным средством — лично я ужасаюсь при этой мысли,— либо будем вынуждены признать, что случилось нечто... Нечто такое, о чем, я уверен, мы все молились: Господь лишил Дерини их силы и направил на путь истинный.

— Лично я молился не за обращение Дерини,— прощедил Секорим сквозь зубы.— Я молюсь, чтобы все они были уничтожены!

— А я молился, чтобы избавиться от их влияния! — отрезал Джаван, зная, что нельзя дать волю гневу, иначе все потеряно.— Я молился об избавлении, и сегодня мои молитвы исполнились.

Аббат хмыкнул презрительно.

— Каким же образом?

Он весь дрожал от внутреннего напряжения, спина горела огнем... Джаван усилием воли отставил бокал с вином подальше и сцепил руки на столе.

— Отче, я не искушен в богословии, но точно знаю, что я видел и чему стал свидетелем,— произнес он негромко.— Не знаю, кто дал право мастеру Ревану проповедовать, но могу сказать, что было со мной сегодня. Я пришел к нему с верой в сердце, но готовый воспротивиться всеми силами души, если в словах его услышу ложь... Но лжи там не было.— Глядя Секориму прямо в глаза, он осмелился совсем немного использовать свой дар.— Идя к нему, я мог лишь *надеяться*, что найден способ остановить все эти убийства; и *понял*, что я был прав, когда поговорил с ним лицом к лицу.

Помолчав, он продолжил:

— Отче, моя семья больше имела дело с Дерини, чем ко бы то ни было. Но когда мастер Реван завел меня в воду, я ощутил, как эта скверна растворяется, исчезает... Такое было чувство, будто солнечный свет окутал меня всего, омыл мою душу и уничтожил всю грязь, накопленную годами.— Склонив голову, он посмотрел на аббата.— Они больше не смогут причинить мне вреда, отче. Впервые в жизни я свободен от них. Но я не желаю им зла. Напротив, если мастер Реван способен спасти из от самих себя — вот и слава Богу! Разве не этого желает Церковь? Вернуть заблудших овец в стадо?..

Секорим хмыкнул, разрушая хрупкие чары Джавана, и глотнул вина.

— Хьюберт, я потрясен,— пробормотал он, отставляя пустой бокал.— Ты и правда вознамерился сотворить священника из... *этого*?

Джаван ощетинился от гнева, с трудом удерживая себя в руках. Хьюберт криво усмехнулся и также отодвинул свой кубок.

— Успокойся, Секорим. Принц Джаван слишком юн и порой не понимает смысла того, что говорит. Однако отчасти я склонен с ним согласиться. Оставим пока в стороне чисто богословские вопросы и поговорим о делах насущных. Если, как мы всегда утверждали, Дерини и впрямь суть зло и должны быть уничтожены, значит, должен быть способ достичь этого. Мы не довели дело до массовых казней отчасти и потому, что народ начал протестовать, когда детей и женщин убивали вместе с мужчинами. Однако если привести Дерини к гибели можно так, чтобы не возмущать противников насилия, да еще и руками самих Дерини... то, выходит, мы все равно достигнем своей цели. Как совершенно справедливо заметил принц Джаван, перед тем как спуститься в лагерь виллимитов, Господь желает, чтобы все Его овцы вернулись в стадо. Может статься и так, что позднее некоторые из них найдут свое место на бойне — но это дело будущего.

Секорим гнусно захихикал при этих словах, подливая вина себе и Хьюберту и поднимая бокал в знак согласия. У Джавана внутри все сжалось, и он постарался отвести взгляд и стиснуть трясущиеся руки между коленями. Они с союзниками-Дерини также обсуждали вариант, о котором только что упомянул Хьюберт, но Джаван надеялся, что архиепископ не додумается до этого так скоро. Ведь понятно, что любой, о ком известно, что он бывший Дерини, с блокированными способностями будет так же беззащитен, если его схватят, как обычный человек — и даже более, если Церковь все же решит, что лишь ог-

нем, а не водой можно очистить врожденную греховность Дерини.

Если только у них будет пару лет, чтобы все бывшие Дерини могли сменить местожительства, уехать туда, где никто ничего о них не знает — лишь тогда они будут в безопасности. Это был огромный риск, но Джорем, Ивейн и все остальные решились на него — за весь свой народ — и успех зависел теперь лишь от того, дадут ли Ревану свободу действий хотя бы на несколько месяцев или лет.

— Моя мысль не поспевает за вами, ваша милость, — пробормотал он. — О таком я и не думал. Но сейчас почему бы просто не подождать и не наблюдать за этим Реваном, раз уж он все равно уничтожает Дерини? Конечно, за ним надо следить. Может быть, еще раз испытать его, если вы все же опасаетесь, что это какой-нибудь скрытый Дерини, или если он начнет проповедовать что-то такое, что вас не устроит. Расправиться с ним никогда не поздно.

— Да, звучит соблазнительно, — согласился Хьюберт.

— Вот как? — Секорим не скрывал возмущения. — Позволить ему продолжать эти незаконные крещения, подвергая угрозе души тех, кто *не является* Дерини?

Хьюберт задумчиво фыркнул, потягивая вино.

— Хм-м, сомневаюсь, чтобы тут крылась какая-то опасность, мой дорогой Секорим. Джаван верно заметил, что если все это лишь притворство, то нет никакой беды в том, что творит этот Реван. Зато это поможет успокоить людей. И тем сильнее будет потом их гнев, если мы разоблачим его как мошенника.

Именно эта возможность более всего пугала Джавана, и он почти не принимал участия в дальнейшей беседе. Он надеялся, что Хьюберт отнесет это на счет усталости и боли в спине. Позднее, когда Секорим наконец оставил их и отправился к себе, Джаван вдруг обнаружил, что все это время архиепископ раздумывал, как ему поступить со ставшим вдруг слишком независимым принцем.

— Будь у меня хоть капля здравого смысла, я бы запер вас на недельку-другую на хлебе и воде, дабы убедиться, что вы как следует усвоили нынешний урок,— заявил он, пристально разглядывая Джавана.— Вы начали слишком много брать на себя — опасная черта для лишнего принца.

Перепуганный, Джаван упал перед Хьюбертом на колени, гадая, осмелится ли он испытать свои силы на нем сейчас, когда тот в полном сознании.

— Если... если вы сочтете это необходимым, ваша милость, я готов,— прошептал он.— Вы дали мне много поводов для раздумий — и я, действительно, заслужил наказание.

Он сделал вид, будто давится слезами и попытался поцеловать подол хьюбертовой рясы,— и тот по-немногу начал оттаивать и смягчился. Теперь, если архиепископ сделает то, что обычно...

— Ну, будет, будет, мой мальчик, не унижайся так передо мной.— Хьюберт небрежно опустил руку ему на голову.— Ведь я твой духовный отец и забочусь лишь о твоем благе...

— *Тогда засни — ради моего же блага!* — мысленно приказал Джаван, заставляя архиепископа повиноваться. *Засни, и забудь обо всем...*

Через несколько мгновений унизанная перстнями рука соскользнула с его макушки — Джаван поспешил схватить ее, чтобы удержать контакт,— и

Хьюберт негромко захрапел, откинув голову на высокую спинку кресла. По-прежнему стоя на коленях, принц зажал его руку в ладонях и приник к ней щекой, дабы, если кто вдруг заглянет в комнату, он не заметил неладного. Затем очень осторожно проник в сознание архиепископа.

Долго удерживать связь было невыносимо трудно, ибо рыться в мозгу у Хьюберта было все равно, что копаться в выгребной яме. Тени, мелькавшие на обочине сознания, пугали и внушали отвращение,— но он все же заставил себя довести дело до конца.

— *Итак, похоже, принц Джаван все же готов решиться,— внушал он архиепископу.— Я боялся, что на это уйдет целая вечность, но думаю, нам все же удалось избавить его от всякой симпатии к Дерини — не в последнюю очередь, благодаря этому Ревану. Очень странной человек — и вероятно, мне стоило бы с ним разделаться, пока он не стал опасен,— но пока он как будто играет нам на руку. Так что стоит дать ему немного свободы, посмотреть, что из этого выйдет,— но, конечно, плотно следить за ним. Потом я всегда смогу с ним покончить, если он станет нам неудобен.*

Ну а пока, мой загадочный юный принц... Я уверен, что рано или поздно Джаван будет с нами всем сердцем, но пока... да, терпение — лучшая политика. Он примет религиозную жизнь, если я не стану на него давить. Он еще станет мощной фигурой в моих руках, рано или поздно.

Когда он закончил, Джавана едва не стошнило от столь продолжительного контакта, но заставил себя еще раз все тщательно проверить и убрал все следы своего вмешательства, чтобы Хьюберт никогда не заподозрил, что эти мысли — не его собственные. Затем он позволил архиепископу прийти в себя, едва

не плача от отвращения... но тому должно было показаться, что это слезы раскаяния.

— О, как вы можете терпеть меня рядом с собой, ваша милость,— всхлипнул он.— На ваше доверие я ответил дерзостью. Я был таким неблагодарным...

— Ну, будет, сын мой, не надо слез. Я знаю, у вас был трудный день.— Хьюберт даже не удивился, как ладонь его, которую он только что вроде бы клал принцу на голову, вдруг оказалась у того в руках.— Да, вам пришлось сегодня очень нелегко, и, возможно, я был слишком супротивен. Ведь вы все-таки еще мальчик — хотя и выдержали наказание, как мужчина. Я горжусь вами.

Джаван, весь дрожа, изнывая от боли в спине, постарался овладеть собой.

— Умоляю, ваша милость, не отсылайте меня прочь, как нашкодившего мальчишку. Я... мне многому предстоит научиться, и я готов учиться у ваших ног. Только позвольте мне остаться в Валорете, прошу вас.

— Учиться в Валорете? — пробормотал Хьюберт.— Неужто я улавливаю желание поближе познакомиться с религиозной жизнью?

— Ну... я хотел бы рассмотреть такую возможность, ваша милость. Однако я пока не готов принести обеты и...

— Постоянные — конечно, нет. Разумеется. Вы слишком юны для этого. Но, возможно, вы могли бы пожить здесь как брат-мирянин год-другой. О, конечно не как обычный прислужник, но... скажем, как ученик перед семинарией. Я лично бы руководил вашими занятиями. Однако мне бы хотелось, чтобы вы все же принесли временные обеты. Так заложено и братьев-мирян, даже в вашем возрасте... ну, точнее, с четырнадцати лет, но не станем же мы ме-

лочиться из-за одного года. В любом случае, временные обеты можно легко с себя сложить если... если вдруг вы окажетесь нужны в столице.

Джаван с трудом сглотнул, испуганный такой перспективой. Любые обеты — пусть даже не постоянные — пугали его, но он отдавал себе отчет, что ему придется пойти на такую уступку.

О том, что он может оказаться «нужен в столице», он предпочел не думать — это означало бы, что его брат-король мертв.

— А я смогу... смогу время от времени ездить в Ремут, чтобы навестить братьев? — спросил он. Очень важный вопрос — особенно если он хотел сам пропледить за благополучием Алроя.— Мы никогда прежде не разлучались надолго, и, боюсь, я буду очень скучать.

— Конечно, сын мой, конечно.— Хьюберт благородно потрепал принца по волосам.— Только заранее предупредите меня. Ну, скажем, за месяц.

— За месяц?

— Ну, да, Джаван, месяц — это не так уж долго, особенно в аббатстве. Если вы хотите испытать на себе монастырскую жизнь, следует подчиняться тем же правилам, что и вся братия. Здесь нет места кипризам, однако всегда можно что-то спланировать заранее. Кроме того, мы же не можем прерывать ваше обучение, не так ли?

— К-конечно, ваша милость.— Ладно. Образование, в любом случае, пойдет ему только на пользу.

— Вот и славно. Тогда я отдам нужные распоряжения. Конечно, мне придется обсудить это с другими регентами, но не думаю, что они станут возражать. О, и имейте в виду, что формально дать обеты вы будете вправе лишь в начале августа — до той поры всякое введение в сан запрещено, а мы же не хо-

тим, чтобы позднее кто-то нас уличил, что в вашем случае были допущены отклонения от правил... *если* вы все же удостоверитесь в своем призвании,— добавил архиепископ с масляной улыбкой.— Однако соблюдать устав вы можете начать немедленно. Прямо с завтрашнего дня, если пожелаете.

Слава Богу, хотя бы небольшая отсрочка! Джаван склонил голову.

— Благодарю вас, ваша милость. Могу ли я провести пару дней в уединении, дабы поразмысльить над этим?

— Разумеется, мой мальчик!

Хьюберт настоял затем, чтобы они вместе помолились у него в молельне. Всего несколько минут — но они показались принцу часами. Все то время, что они стояли рядом на коленях, Джаван подавлял в себе искушение ринуться в Портал и сбежать — куда угодно, лишь бы подальше от Хьюберта. А ведь он только что обрек себя провести долгие годы бок о бок с ним, в постоянном притворстве, играя в очень, очень опасную игру.

Но все это ради благой цели, сказал он себе. У его союзников-Дерини больше нет выхода на регентов; а у Джавана есть. Точнее, только на одного из регентов, но и с Хьюбертом будет непросто справляться в ближайшие годы. А самая мысль о том, чтобы пытаться повлиять на Мердока или Рана, казалась невозможной на данном этапе игры. Смягчить хотя бы отчасти религиозный фанатизм Хьюберта будет нелегко, тут понадобится огромная ловкость и осторожность. Прежде Джаван и не подозревал в себе таких способностей, но после сегодняшнего он наконец поверил в себя. Если он преуспеет, то сможет сделать хоть что-то для спасения Дерини...

Кроме того, за эти годы он должен как можно больше узнать о холодном, бездушном мире политики, где ему придется вращаться, если он надеется стать королем. В монастырской тиши ему будет легче сделать это. Джорем и Ивайн придут в ярость, когда узнают, на что он решился, ибо даже временные обеты сделают куда более осязаемой угрозу, что со временем Хьюберт может попытаться против воли запереть его в какую-нибудь отдаленную обитель... и убрать таким образом еще одного принца, так же, как они могут убрать беднягу Алроя — хотя для короля смерть будет единственным исходом.

И все же он должен рискнуть. Как должен был рискнуть и с Реваном, чтобы дать их плану наибольший шанс на успех. Это оправдывало и боль, и унижение от наказания, если только он выиграл для Ревана хоть немножко времени... а похоже, он все-таки добился своего!

У Джавана нещадно саднило все тело, когда Хьюберт наконец отпустил его, и он едва не рыдал от боли, когда Карлан снимал с него рубаху и смазывал раны. На сей раз паж взял другой бальзам, он успокаивал и притуплял боль, и почти усыпал Джавана. Перед тем, как погрузиться в беспамятство, принцу показалось, что кто-то еще стоял рядом с Карланом, помогая ему...

Чужое сознание коснулось его с материнской лаской, даря понимание и утешение, и слезы облегчения выступили на глазах у принца. И спасительная тьма наконец окутала его.

Глава двадцать седьмая.

И всякое пророчество для вас то же, что слова в запечатанной книге¹

, вы бы видели его! — с восторгом восхликал Ансель Мак-Рори, когда они с Джессом Мак-Грегором ворвались в зал Совета Камбера тремя днями позже.— Как он был великолепен, наш принц! Я знаю, ты был против, Джорем, но он все отлично рассчитал, лучше всех нас. Это был триумф! Люди просто обезумели. Теперь они сотнями стекаются послушать проповеди Ревана и принять крещение. Мы с Джессом за два дня насчитали не меньше дюжины Дерини, верно, Джесс?

Улыбаясь до ушей, тот бросил пару пропыленных седельных мешков рядом с креслом, и они с Анселем заняли места за столом, по обе стороны от пустующего кресла Тависа.

— Да, и вы можете гордиться вашими парнями из Трурилла, леди Ивейн,— добавил Джесс.— Они подхватывали окрещенных, едва те выйдут из воды, и сразу отправляли их в безопасные места.

Ивейн не отозвалась, и Джорем покосился сперва на Кверона, а затем на Ниеллана, самого старшего по возрасту, но младшего из членов Совета, давая ему знак продолжать.

¹ Исаия 29:11

— А что с Торквиллом де ла Марчем? — спросил Ниеллан.— Когда той ночью мы связались с Сильвением, он сказал, что *Custodes* одурманили его мерашей, но он реагировал, как обычный человек. Нашим удалось забрать его оттуда?

Ансель кивнул, внезапно притихнув, чувствуя что-то неладное.

— Да. Конечно, сразу вернуть ему его способности было невозможно. Такая доза мераши... у него тут же начались бы конвульсии, но... послушайте, в чем дело? Что-то стряслось, чего мы не знаем? Все ведь было замечательно, пока мы были там! Или эти проклятые регенты...

— «Проклятые регенты» на сей раз ничего особого не сделали,— отозвался Кверон негромко.— Точнее, *сделал* лишь один из них,— поправился он.— Все будет в порядке... я так думаю... но что вы там говорили о триумфе принца Джавана? Вы хоть знаете, во что ему это обошлось?

Пораженные, молодые люди переглянулись, затем уставились на Джорема в ожидании объяснений.

— Ну,— не выдержал наконец Ансель.— Скажете вы нам, или нет?

Джорем застывшим взором уставился на свои сцепленные руки.

— Почему бы вам не спросить Ивейн? Она видела его.

— *Видела его?* — Джесс не верил собственным ушам.— Как? Где? Вы тоже был у реки? Так что, мы с Анселем зря рисковали там жизнью?

— Прекратите! — Ивейн сорвалась на крик.— Я не обязана отчитываться перед вами, и — нет, я не была у реки!

— Э, так не пойдет, тебе придется им ответить,— возразил Джорем.— Ты по-прежнему член Совета и

обязана ответить нам всем. Расскажи, где ты видела его — и попробуй оправдать свое совершенно безответственное поведение.

— Джорем, не смей прилюдно отчитывать меня, пользуясь тем, что ты мой брат! У меня были причины поступить таким образом — и оказалось, я сделала все правильно, потому что иначе мы бы так и не узнали насчет Джавана.

— *Что там насчет Джавана?* — не выдержал Ансель. — С ним все в порядке? Боже, они ведь не *убили* его?

— Нет, ничего такого ужасного, — успокоительно промолвил Кверон. — Но вы же заметили, что они с архиепископом повздорили, прежде чем Джаван спустился к реке?

— Да, конечно. Но мы думали, все обошлось, когда Хьюберт потом тоже сошел вниз и отпустил Торквилла с Реваном.

Джесс нетерпеливо вмешался:

— Пусть леди Ивейн расскажет. Что случилось с принцем?

— Он останется на несколько лет в Валорете, — отозвалась она спокойно. — Как брат-мирянин при *Custodes Fidei*.

— Что?

— Он сам так решил, — отрезала Ивейн. — Судя по всему, нашего доброго архиепископа огорчили не сами доводы Джавана, но то, что тот бросил ему вызов на людях. Поэтому ему показалось недостаточно, что принц подчиняется ему лишь как духовному наставнику. Для начала он предложил ему то же наказание, что полагается за непослушание мирянам, живущим по уставу аббатства: двадцать ударов «малым учителем». Это...

— Я знаю, что это такое! — взорвался Ансель.— Ты хочешь сказать, Хьюберт отдал приказ *высечь* принца крови, как какого-нибудь...

— С ним все в порядке,— перебила его Ивейн.— Его наказали даже не до крови. Монахи отлично знали свое дело. Это весьма распространенное наказание в монастырях.

— Верно,— согласился Джорем.— Встречается довольно часто.

Ансель хмыкнул.

— Если это такое обычное дело, то почему вы все в таком бешенстве?

— Он злится, потому что я отправилась в Валорет и узнала об этом,— пояснила Ивейн, вертя кольцо на указательном пальце правой руки — кольцо Иодоты.— Он злится, потому что я для этого приняла чужое обличье и воспользовалась Порталом в молельне Хьюberta. Признаю, это было небезопасно.

Ансель, чей старший брат погиб в чужом обличье — наведенном Ивейн и Райсом — внезапно осел в кресле, весь его запал угас. Джесс, которому лишь доводилось слышать о таком, но не видеть собственными глазами, задумчиво поджал губы.

— Я уже использовала эту маску,— продолжила Ивейн смущенно.— Молодой монах, я его называю «братьем Джоном». Раньше он был михайлинцем, но теперь я превратила его в одного из *Custodes*. Дворец архиепископа просто кишит ими, и уж тем более никто бы не заподозрил во мне Дерини.

— Да, но Портал архиепископа...— выдохнул Джесс.

— Джаван первым осмелился его использовать,— возразила Ивейн.— И, полагаю, сделает это еще не раз, когда появится возможность. Что касается меня, то... в общем, после того, как Сильвен рассказал

нам, что произошло у реки, я решила, что архиепископ, скорее всего, вернется в опочивальню очень поздно. Я прошла через Портал и случайно подслушала разговор Хьюберта с Джаваном и главой *Cistodes* — они ужинали рядом, в гостиной. Остальное я прочла позже в воспоминаниях Джавана, он даже не узнал об этом... В целом, мне кажется, что принцу нелегко придется в ближайшие пару лет, однако он все же принял разумное решение, учитывая все обстоятельства. Пусть остается в Валорете, учится там всему, чему возможно, усиливает свое влияние на Хьюберта... думаю, он сможет сделать очень многое, чтобы помочь нам. И, поверьте, он настоящий мужчина. Не считайте его ребенком. Я слышала, как он спорил с Хьюбертом и Секоримом; я видела его спину, когда архиепископ наконец отправил его спать. Я также говорила с одним из монахов, наказывавших его. Тому наш принц пришелся очень по душе... Джаван ни разу не вскрикнул.

Ансель хмыкнул.

— Это долго не продлится. Теперь он во власти Хьюберта. Тот рано или поздно его сломает.

— Нет, я думаю, скорее, Джаван со временем сломает Хьюберта,— возразила Ивайн, улыбнувшись впервые за все это время.— Он даже внушил архиепископу пару мыслей, после ухода Секорима. Ничего слишком резкого, иначе другие регенты заметят неладное, даже если тот сам ничего не заподозрит... и все же это поможет принцу облегчить жизнь себе — и Ревану. Рано или поздно, мне кажется, настанет час, когда ему придется зайти куда дальше — но пока что он хотя бы дал некоторым из Дерини шанс уцелеть.

Ансель покачал головой.

— А может, он зайдет еще дальше, чем ты думаешь? Предположим, к примеру, что с архиепископом произойдет несчастный случай...

— Ради Бога, Ансель! — выпалил Ниеллан.— Ты говоришь об убийстве. Мальчику же всего тринадцать лет!

Тот фыркнул, откидываясь в кресле.

— Тетя Ивейн только что утверждала, что он уже мужчина. Кроме того, он принц. И он уже убил человека.

— Это была самозащита,— холодным тоном возразила Ивейн.— И я не собираюсь предлагать ему такое. Кроме того, если с Хьюбертом что-то случится, пока Джаван под его кровом, на него тут же налетят ищейки-Дерини с мерашей и всем прочим...

— Именно поэтому и я не воспользовался Порталом, чтобы свернуть архиепископу его жирную шею,— добавил Джорем.— Мало что доставило бы мне такое удовольствие, но это только все испортило бы, и для Джавана, и для всех Дерини.

— Но... не можем же мы так и сидеть сложа руки!

— взорвался Джесс.

— А мы и не сидим «сложа руки»,— оборвала его Ивейн.— Реван делает то, что может, и Джаван тоже. Мы все что-то делаем, Джесс... даже если пока нам чаще приходится просто выжидать. Так что... постарайся просто набраться терпения.— Она развела руками.— Мы *все* делаем то, что можем.

* * *

— Вы сегодня были слишком строги к юному Джессу,— сказал Кверон Ивейн. Как всегда за последние дни, он застал ее перебирающей свитки и древ-

ние артефакты, что они добыли в гробнице Орина.—Что случилось? Не можете заснуть?

Со вздохом покачав головой, Ивейн взяла кольцо Орина и продела в него один из жезлов слоновой кости. Второе кольцо с той памятной ночи она носила, не снимая. Металл блеснул в отблесках свечей, когда она, держа жезл горизонтально, подтолкнула кольцо Орина, и оно закрутилось с тихим шорохом вокруг оси.

— Нет. Я не знаю, что со мной такое, Кверон. Просто какое-то странное чувство. Как будто я вот-вот найду то, что ищу, но... впервые в жизни моя сила пугает меня. Она может убить меня — не говоря уже о вас с Джоремом. Дети останутся сиротами, без отца и матери. А мы, возможно, так и не добьемся успеха. И пожертвуем жизнью впустую.

Кверон пожал плечами и с ласковой, чуть грустной улыбкой уселся напротив.

— Вы одна можете решить, приемлем ли такой риск. Если скажете да, то мы пойдем с вами до конца. Если нет, то все кончено. Я лично не собираюсь вас подталкивать ни в ту, ни в другую сторону. И Бог свидетель, Джорем тоже.

Ивейн, кивая, позволила кольцу соскользнуть на стол, и принялась бесцельно крутить в руках костяной жезл.

— Хотела бы я, чтобы все был так просто. Если бы только я могла не думать о *нем*, я без труда приняла бы решение. Но я не могу.— Она бросила взгляд назад, на тело отца, завернутое в саван.

— Я должна сделать это для *него*, Кверон, разве вы не понимаете? Даже если мы не сможем вернуть его к жизни, а просто отпустим душу на волю, мы должны попытаться.

— Но ведь он сам выбрал такой путь, Ивайн, вполне сознавая возможные последствия. И не думаю, что он бы желал таких жертв с вашей стороны...

— Не говорите мне о жертвах! — взорвась она. — Это он пожертвовал всем, в надежде, что я сумею вернуть его к жизни, к незавершенной работе. Если я не сумею... Ну, разве вы согласились бы приготовить собственного отца к заточению в беспомощном теле, на веки вечные? Там не просто пустая оболочка, Кверон. — Она указала на тело жезлом. — Вот тело Райса — оно пустое. Я не могу ничего с этим поделать, и я это принимаю. Я и не пожелала бы вернуть его душу обратно, ибо эта часть его существования завершена. Кроме того, частичка Райса всегда со мной, и пребудет со мной, пока не придет конец моему телу, и мы с ним вновь не станем одним целым.

— А Камбер, значит, не с вами? — негромко спросил Кверон.

— Нет, не в этом смысле. Это одновременно и слабее, и гораздо острее. Порой кажется, будто он совсем, совсем рядом. Но между нами туман, и я не могу через него пробиться. Это не та вуаль, что разделяет миры. Видит Бог, сквозь нее мне порой удавалось заглянуть. Но с отцом... это нечто совсем иное. Другими словами не опишешь. И ответ в одном из этих свитков, я уверена. Просто я еще не отыскала ключ.

С ласковой улыбкой Целитель коснулся ее запястья.

— Почему бы вам не поспать немного, Ивайн. Вы совершенно истощены. Сколько вы, вообще, спали с той ночи, когда видели принца Джавана?

— Не очень много.— Она тоже улыбнулась в ответ и накрыла его руку своей ладонью.— Но я пока еще не готова лечь, и нечего пытаться обмануть меня вашими целительскими фокусами. Не забудьте, я ведь была женой Целителя.

— Да, и он был лучшим Целителем, чем мне когда-либо суждено стать. Но скажите, вы намерены перечитать сегодня *все* свитки?

— Простите, Кверон.— Она опустила глаза, стыдясь своей резкости.— Нет, конечно, нет. Я просто хотела проверить пару мест.

— На полчаса работы? — предложил Кверон.

— Не больше, обещаю.

— Хорошо.— Похлопав ее по руке, Кверон со вздохом поднялся.— Добрых вам снов, когда ляжете. И не забудьте — полчаса.

— Полчаса, — согласилась она.

Когда он ушел, несколько минут она рассеянно смотрела на свечу, затем вновь вернулась к рассыпанным на столе свиткам. Большая часть еще оставалась в защитных футлярах, обвитых разноцветными лентами, на которых тайнописью было выведено их название: Протоколы Орина. Ответы, наверняка, были в одном из них. Вот только в каком?

Не в Зеленом, он имел отношение к Целительству. Не в самом основном Алом, где содержались подробнейшие указания к чтению мыслей, установке защит и сооружению Порталов. Желтый — также маловероятно, хотя заклятые, содержащиеся в нем, и имели отношение к смерти: как принять облик умершего, как прочитать его воспоминания и принять в себя память. Но Камбер ведь не мертв, она была уверена в этом.

Возможно, тогда Синий — к которому она совсем недавно получила доступ? Но хотя Кверон об-

наружил там много полезного о блокировании способностей и смог передать это Тавису с Сильвеном, Ивейн все эти сведения были совершенно бесполезны — равно как и изучение звезд и луны.

Тогда оставался Черный Протокол, чьими советами они пользовались не раз, когда нужно было придать мертвцу чужой облик... но опять же, Камбер ведь не умер! Исходя из этого, совершенно бесполезен будет описанный здесь обряд воскрешения трупа — хотя по теме это ближе всего. Кроме этого, Черный Протокол касался вызова разных потусторонних существ,— практика весьма опасная как для вызывающего, так и для объекта внимания этих существ, а потому Ивейн никогда в эти дебри не углублялась.

Вздыхая, Ивейн развернула Черный Протокол, пробежала взглядом содержание и наконец отложила свиток в сторону. Оставалась последняя возможность: *Codex Orini*. На него она возлагала большие надежды, уповая на то, что там содержатся рабочие заметки Орина. Однако оказалось, что там, по большей части, речь идет лишь о медитации и о трудной и весьма малоизвестной эзотерической дисциплине, именуемой иногда Общением со Святым Ангелом-Хранителем. В иных обстоятельствах эта тема на долго приковала бы к себе ее живейшее внимание — и отец бы очень обрадовался находке,— но, к несчастью, к ее нынешней проблеме то не имело ни малейшего отношения.

«Общение со Святым Ангелом-Хранителем — одно из благороднейших и достойнейших упоминаний любого преданного служителя Света,— прочитала она уже в шестой или седьмой раз.— Взыскиющий истины, настойчивый в достижении этого самого благословенного контакта с Духом, коснется самого тайного устройства Вселенной и

достигнет невыразимого блаженства на пути к единению с Божеством, что составляет цель всех просвещенных, развивающихся существ.

Со вздохом она отпустила край свитка, позволив ему вновь скрутиться. Искушение встать на путь изысканий, предложенный Орином, было велико, но ей нельзя отвлекаться от поставленной цели. Она должна отыскать способ прервать действие чар, удерживавших отца между жизнью и смертью.

Отодвинув в сторону жезлы, медальон, свитки и кольцо Орина, а также торк Иодоты, она встала и подошла к катафалку с телом Камбера. Они завернули его в шираловый саван, но не активировали сеть. Сглатывая слезы, Ивейн накрыла ладонью его руки — тонкие, аристократические, собранные на груди так, словно он боялся пролить что-то очень ценное.

Плоть его была прохладной, но не слишком. Даже когда они отыскали его в снегу, рядом с трупом Джебедии, он и тогда не был ледяным. Тогда они с Джоремом оба были вне себя от горя и не обратили на это внимания, или просто отнесли это на счет недавней смерти, но с тех пор они это заметили. Реальность этого факта зачаровывала обоих, не позволяя ни на миг забыть о том, что не смерть отняла его у них, но нечто иное — и любовь, осторожность и, возможно, некая жертва, помогут вернуть его в мир живых, дабы он продолжил свою работу.

— Я сделаю то, что должна, — прошептала она, всматриваясь в его спокойное лицо затуманенными от слез глазами. — Я постараюсь вернуть тебя — или отпустить, если так суждено, — но ты должен мне помочь. Сама я не справлюсь.

Через несколько минут, по-прежнему не получив никакого ответа, она опустилась на колени, а затем села, поджав ноги, прямо у саркофага, одной рукой

ухватившись за сеть с кристаллами ширала. Камешки приятно холодили щеку. И очень скоро она задремала — и увидела сон.

Ей снилось, она стоит на залитой солнцем равнине, где-то высоко над миром. Небо здесь казалось ближе, а воздух был наполнен теплым ароматом тронутой росой травы, колосьев и цветов, и разогретой земли. Она наслаждалась этим чудом жизни, любви и, вскидывая руки к небесам в безмолвной благодарности, вдруг со смехом закружилась, запрокинув голову, впитывая солнечные лучи.

От этого странного танца у нее все смешалось в голове, и пришла странная, пьянящая легкость и чувство покоя, что задержались в душе, даже когда она остановилась. Она устремила взгляд к горизонту, уловив так какое-то движение, и у нее перехватило горло в благоговейном восхищении при виде приближающейся фигуры.

По ковру разнотравья, усыпанному мелкими белыми и желтыми цветочками, к ней двигалось исполненное величия создание, не мужчина и не женщина, окутанное радужным зеленовато-золотистым сиянием. Мягко вьющиеся каштановые волосы падали на плечи, обрамляя лицо столь невыразимой красоты и силы, что Ивейн зарыдала при одном взгляде на него. Существо остановилось в нескольких шагах, сочувственно взирая на женщину, а затем внезапно развело руки в стороны, и из одной ладони в другую устремился с нежным, музыкальным звоном поток сверкающих серебристых колец.

— Но что это означает? — вопросила она той частью сознания, что наблюдала за происходящим словно откуда-то из-за пределов сна.

Существо вновь развело руки, проливая ливень колец, каждое с ладонь величиной... и еще раз, и

еще, пока все внутри у нее не запульсировало в едином ритме с этой серебристой музыкой, и она рухнула на колени, одну руку прижимая к голове, а другую умоляющее простирая вперед.

— Покажи мне еще раз,— попросила она. — *Чего ты хочешь от меня?*

С выражением безграничного терпения, существо повторило свое представление, и вновь полетели по воздуху кольца, — только теперь они были сомкнуты в цепь. Раз за разом оно поднимало их за верхнее кольцо, поднимало и опускало. Повторив это загадочное действие трижды, существо внезапно сжало всю цепочку в ладонях и протянуло ее Ивейн.

Вся дрожа, та подняла руки, чтобы принять дар, стараясь не думать о возможных последствиях. Касание этого потустороннего создания оказалось прохладным и ласковым, однако то, что оно вложило Ивейн в правую руку, жгло, как огонь. Она задохнулась и отдернула руку, во мгновение ока переходя от сна к бодрствованию, — и, открыв глаза, обнаружила на ладони совершенно реальный отпечаток чего-то круглого, размером с ноготь большого пальца... И услышала металлический звон, когда некий предмет покатился по полу.

Она бросилась на звук, точно кот за мышью. Это оказалось кольцо Иодоты, к своему изумлению обнаружила она, поднеся его к свету. Но ведь до того она носила его на пальце: там до сих пор оставался след.

Однако был и другой след — на ладони. Четкий белый круг, не просто отпечаток, если прижать кольцо к коже, но скорее похожий на ожог, как ей это и запомнилось во сне. И он был точно по размеру кольца. Ивейн в задумчивости села, опираясь спиной о катафалк, и принялась крутить кольцо в ру-

ках, разглядывая крохотные кресты и прочие символы, выгравированные по внешней стороне, и впервые обратила внимание, что на ободке имеются странные, несоразмерные отметины.

Любопытно. Но почему она этого раньше не видела? И что означало ее видение? Серебряные кольца... Она прикрыла глаза, стараясь вновь вызвать в памяти эту картину.

Серебряные кольца, образующие цепь. Сцепленные между собой кольца. Кольца. Несколько, а не одно. Кольцо Иодоты и...

Орина! Она распахнула глаза, вспомнив о другом кольце, принадлежавшем Орину, точь-в-точь таким же, как это, у нее на ладони. Вскочив на ноги, она пошатываясь, устремилась к столу, заранее уверенная, что и там отыщет эти странные царапины. И как могло случиться, что никто из них не заметил этого прежде?

Поднеся оба кольца к свету, она убедилась в своей правоте. На ободке кольца Орина, действительно, имелись отметины! И теперь, когда она держала их рядом, Ивейн вдруг осознала, что их можно совместить — не сцепить, но вложить одно в другое, и они совпадут в точности!

Пытаясь унять дрожь в руках, она принялась разглядывать кольца, пытаясь разобраться, как это лучше сделать. Теперь она не сомневалась, что если сложить их правильно, то меты образуют некую надпись — и у нее будет лишь один шанс угадать верный вариант. Если она ошибется, отметины исчезнут — и кто знает, удастся ли когда-нибудь вернуть их обратно?

На самих кольцах не было ни малейших подсказок. Символы по внешней стороне были одинаковыми, но не совпадали в последовательности расположения.

жения. Ничего не дали и попытки просто мысленно сравнять отметины, не соединяя кольца.

— Ладно. Ладно. Придется положиться на нечто большее, чем обычное зрение. Возможно, сами кольца ей что-то подскажут? К примеру, их полярность... вполне вероятная возможность, учитывая то, как высоко ценили Орин и Иодота понятие равновесия, пронизавшее все их труды.

— Полярности. Противоположности. Положительное и отрицательное. Чёрное и белое. Левое и правое. Мужское и женское...

Кивнув сама себе, Ивейн взяла кольцо Орина в правую руку, а Иодоты — в левую, взвешивая не просто их физическую субстанцию, но стремясь разумом проникнуть куда глубже, в самую сокровенную суть.

— Полярности. Держи кольцо Орина неподвижно и ощущи его направленность. Войди в его структуру и ощущи дух прежнего владельца.

Она зажмурилась, чтобы обострить все чувства и избавиться от телесного зрения, ничего не ведавшего о конечном равновесии сил.

— А теперь удерживай первое равновесие и сосредоточься на кольце Иодоты. Оно другое. Тоже уравновешено, но по-иному. Такое же, и не такое одновременно.

Повернув в пальцах второе кольцо, она осознала, что существует лишь один-единственный способ соединить их.

— Поверни его, как монетку, — орел или решка? Один выбор верный, другой нет. Если Орин — орел, то должна ли Иодота в дополнение тоже идти орлом, или, напротив, обернуться решкой? Где точка равновесия? Как они сбалансированы? Орел... решка...

И внезапно они уравновесились — и все сомнения исчезли. Глубоко вздохнув, Ивейн открыла глаза

и медленно выпустила воздух, не отрываясь глядя на два кольца у нее на ладонях. Затем без колебаний подхватила меньшее, более легкое колечко Иодоты и положила его поверх Оринова, осторожно поднажав, чтобы совместить их. Все произошло беззвучно, ей скорее показалось, чем она и впрямь расслышала тишайший шорох металла о металл. Соединенные кольца она опустила на стол, затем переложила на развернутый *Codex Orini*, чтобы лучше разглядеть их на фоне желтоватого пергамента. Отметки никуда не делись, и она стала медленно вращать кольца, пока царапины не сложились в буквы, образовавшие четыре латинских слова.

— *Domine, fac me vitrum...* Господи, сделай меня стеклом...

Покрутив кольца еще немного, на другой стороне она обнаружила остаток надписи: *...ut tibi incendam*. Дабы я горел для Тебя.

— Сделай меня стеклом, дабы я горел для тебя,— шепотом повторила она, думая над каждым словом.— Стекло... При чем тут стекло?

Она вновь посмотрела на кольца, лежавшие на краю пергамента, затем, взглянувшись попристальнее, внезапно заметила, что внутри их воздух словно подернут пурпурной дымкой.

— Нет, не стекло. Линза! — воскликнула она, торопливо поднося кольца к исписанной части свитка. И засмеялась от радости, когда новые строки стали возникать в промежутках.— Линза, клянусь Богом! Линза!

Она торопливо принялась разворачивать свиток к началу и поместила кольца между самых первых строк. Написанное явно принадлежало руке Орина — тот же уверенный, четкий почерк,— и буквы про-

должали гореть алым цветом на пергаменте, даже когда она отводила кольца.

— Да, горит,— прошептала она, оценив игру слов.— И правда, горит!

Она сама не знала, плакать ей, или смеяться, по мере того как смысл написанного доходил до нее при переводе с этого таинственного древнего языка, которому научил ее отец так много лет назад... а теперь, возможно, именно благодаря этому языку она сумеет освободить его из магической ловушки!

«Приветствую тебя, о Читатель, что продвинулся так далеко в своей работе, через неведомую толщу лет, ибо мы братья в великом Труде. Но лишь если нужда твоя и впрямь велика, то читай дальше, ибо знания, что я оставляю в сих строках, могут таить огромную опасность как для самого действующего, так и для того, на кого его действия направлены. Ниже я намерен разделить с тобой тайну о том, как сохранять жизнь и после смерти... и возможно, если достанет тебе отваги,— как возвращать мертвых в мир живых...»

Глава двадцать восьмая

**Не буду сидеть вдовою,
и не буду знать потери детей¹**

15

есь сокровенный смысл прочитанного дошел до Ивейн не с первого и даже не со второго раза. Собственно, ее первой заботой стало сохранить с таким трудом добытые строки, и весь следующий час она потратила на то, чтобы переписать таинственную рукопись, явленную через призму магических колец. Все это время ее терзал страх, что она не успеет, что слова начнут исчезать... и с рассветом эти опасения оправдались, все исчезло бесследно. Больше она не сумела вызвать из небытия ни единого слова, как ни старалась.

Однако к тому времени она успела переписать все до буквы и теперь могла спокойно поразмыслить над этим,— хотя смысл текста тревожил ее тем сильнее, чем больше она вдумывалась в то, что читает. Вот почему она так и не показала его целиком Джорему с Квероном, а лишь представила отредактированную вторую копию, предварительно уничтожив оригинал,— что, впрочем, не имело значения, поскольку строки намертво впечатались ей в память. А воспоминания она закрыла от самых дотошных дознавателей, какими могли бы оказаться ее брат и Кверон.

¹ Исаия 47:8

Конечно, это не уберегло ее от их вопросов, когда она наконец предъявила им рукопись и наброски предлагаемого обряда.

— Весьма любопытный материал, но откуда он взялся? — полюбопытствовал Целитель. — Большая часть объяснена прямо и доступно, однако о некоторых моментах я никогда прежде не слыхивал.

— У вас есть все необходимое, — возразила Ивайн, не глядя на него.

— Иными словами, — вмешался Джорем, — у нас есть все то, что лично *тебе* кажется необходимым. Ты ведь показала нам далеко не все, верно? — обвиняющим тоном добавил он. — Что там было еще? Что ты скрываешь от нас?

— Не имеет значения, — отозвалась она, глядя в пустоту. — Довольно и того, что кто-то один будет волноваться об этом.

И позже она больше не позволяла им возвращаться к этому вопросу.

• • •

Однако должно было пройти еще несколько недель, прежде чем они могли начать работу — а речь шла именно о *работе*, не об обычном заклинании, чтобы обратить вспять чары, наложенные Камбером в тот холодный январский день. Подготовка заключалась не только и не столько в том, чтобы собрать все необходимое для проведения обряда. Прежде всего, должны были подготовиться участники ритуала, с помощью долгого поста и медитации.

И ни в коей мере нельзя было забывать о смертельной опасности, угрожавшей им в случае неудачи. В душе, Ивайн была уверена, что Джорему с Квероном ничего не угрожает, весь риск придется на ее долю.

лю. Смерть сама по себе не пугала ее, ведь в мир иной ушел и ее муж, и первенец, однако если она погибнет, то не сможет увидеть, как растут другие ее дети.

И все же если удастся вернуть отца, чтобы он мог продолжить свою работу... скольким чужим детям будет грозить преждевременная смерть, если она не преуспеет в задуманном?

Мыслями Ивейн вновь вернулась к самому Камберу. Если им все-таки не удастся оживить его,— независимо от того, останется ли он по-прежнему пленен между жизнью и смертью, или обретет освобождение в мире ушедших,— кульб его как святого должен уцелеть. Кверон, основатель этого поклонения и ордена Слуг святого Камбера, подобно самой Ивейн, был убежден в этом. Все же чудеса имели место, и пусть даже святой не был во плоти вознесен на Небеса, как они верили прежде, но многие, многие обычные люди и Дерини черпали в этом культе надежду и вдохновение.

Джорем был не так в этом уверен, но даже он согласился, что если тайное почитание Камбера будет продолжаться, это лишь усилит воздействие того, что делает Реван для спасения Дерини.

— Но ведь это же все основано на лжи! — не выдержал он однажды, во время очередного спора с Квероном и Ивейн.— Святой Камбер, крещение Ревана — это все ложь!

— Точно также, замечу, как и причины, по которым преследуют Дерини,— возразил Кверон.— Ведь нельзя же уничтожить целый народ, лишь потому что в прошлом отдельные его представители в неправедных целях использовали свое могущество. Иначе, по справедливости, стоило бы уничтожить и род человеческий!

— Некоторых бы стоило,— ответил Джорем упрямо.

— Да, но и некоторые Дерини заслужили свою судьбу. Но судить можно только каждого в отдельности — что регентов совершенно не устраивает. Именно поэтому мы вынуждены предпринять хоть что-то в ответ. Будь то надежда, которую дарует нашей расе святой Камбер, или блокирование способностей, чтобы Дерини могли начать новую жизнь — все это во благо, во спасение, и не требует кровопролития. Если бы на пролитую кровь мы отвечали тем же самым, то были бы ничем не лучше наших гонителей.

— Которые считают нас не то дьяволами во плоти, не то их ближайшими союзниками.— Джорем повесил голову и сцепил руки на коленях. Знаете, Кверон, порой мне даже трудно служить мессу — я все думаю о том, а вдруг все же правы Хьюберт и его приспешники? Вдруг мы и впрямь оскверняем все, чего касаемся? Может быть, Дерини недостоин быть священником? Может быть, я лишь обманываю себя, думаю, будто могу попытаться хоть что-то изменить?..

— Мы все недостойны, Джорем,— отозвалась Ивейн негромко.— Однако, достойный или нет, но кто-то должен рано или поздно встать и сказать: «Довольно!» — а потом попробовать сделать хоть что-нибудь. Мы хотя бы пытаемся — в отличие от большинства наших сородичей, давно оставивших всякую надежду. Что плохого в том, что кто-то будет считать отца святым? Были и прежде святые, и будут впредь, чья святость покойится на весьма шатких основаниях. И многим из них ты сам молишься.

В конце концов, хотя Джорем наотрез воспротивился вслух признать, что Камбер был святым, в действительности, он все же согласился притворяться,

будто верит в это и дал обещание поддерживать кульп святого Камбера, если им не удастся повернуть вспять заклинание. В завещании, многократно измененном и переписанном за эти дни, Джорем аккуратно повторил то, что было им сказано на собрании епископов, которое позднее канонизировало Камбера,— что именно он, Джорем Мак-Рори, а не небесные посланцы убрал и перепрятал тело отца из фамильного склепа в Кайрори... что, впрочем, ничего не меняло в тех чудесах, что приписывали святыму. Далее Джорем признавал, что спустя годы все же начал склоняться к мысли, что его отец и впрямь был святым. В подтверждение своей веры он заявлял, что готов извлечь останки Камбера из могилы и передать для сохранения и почитания тем набожным людям, которые пообещают проповедовать те высокие принципы, коих при жизни придерживался его отец.

Это было чрезвычайно важным заявлением и гарантировало возрождение культа святого Камбера, после того как с этим завещанием ознакомятся посторонние, помимо тех троих, кто знал, как обстоит дело в действительности. Даже пока он писал это, Джорем сомневался, стоит ли делать это знание общественным достоянием, но утешало его лишь то, что у него еще будет время как следует все обдумать, если только они не погибнут все втроем, пытаясь вернуть Камбера к жизни,— а эту возможность Джорем считал маловероятной. Если же это все-таки произойдет, он запечатал завещание особой печатью, настроенной на одного только Ниелмана, которому, как они решили, придется стать главой Совета в случае их гибели. Свои завещания приложили сюда также Кверон и Ивейн.

Для Ивейн эти дни подготовки оказались вдвое — не тягостны, ибо ее смерть повлекла бы за собой проблемы совсем иного рода, чем у обоих священников, и к этому следовало подойти со всей ответственностью. Она проводила с детьми как можно больше времени, сознавая, что это могут быть их последние дни...

По утрам она теперь неизменно занималась с Райсил. Девочке должно было сrovняться восемь в ноябре, но она уже была умна не по годам и проявляла склонность к ученым занятиям,— на это обратил внимание Ивейн еще Реван... это было в Кайрори, кажется, тысячу лет назад!.. Каждый день они с малышкой читали стихи и иные сочинения, с которыми некогда знакомил дочь сам Камбер, когда она была в том же возрасте. Иногда к их занятиям присоединялся, по просьбе Ивейн, и епископ Дермот, получивший схожее классическое образование. Возможно, он продолжит учить девочку, если Ивейн не станет...

Потом приходил черед Тиега, с которым уже очень скоро придется заниматься особо,— Тиег, обладавший огромными целительскими способностями и умевший блокировать чужой дар. Играя в «медвежат» с сыном, Ивейн гадала, как сложится его обучение в дальнейшем,— ведь школ Целителей в Гвинне не существовало.

И наконец приходил черед Иеруши, крохи, которую, возможно, Ивейн так и не доведется никогда узнать по-настоящему. Подобно отцу и брату, Иеруша вполне могла стать выдающейся Целительницей,— а возможно, она также была наделена талантом блокирования. Но пока, в свои восемь месяцев, она оставалась счастливым, смеющимся младенцем, сдва-сдва пытавшимся вставать на ножки, взираю-

щим на мир широко раскрытыми, полными радостного удивления глазами. И уже сейчас она считала матерью Фиону Мак-Лин, а не саму Ивейн.

— Она обожает тебя,— прошептала Ивейн, глядя, как малышка укладывается спать, цепко ухватив в кулачок пальцы Фионы.— Если даже она никогда меня больше не увидит, то не будет скучать.

— Глупости! Ты — ее мать.— Фиона недоуменно покосилась на нее.— Ивейн, в чем дело? У тебя такой вид, будто ты уходишь куда-то и не собираешься возвращаться.

— Прости. Должно быть, я просто устала.

— Нет, я же чувствую,— возразила Фиона.— Тебя что-то тревожит вот уже несколько недель. Я все собиралась расспросить тебя, но... ты же не больна?

— Нет, со мной все в порядке.

— По твоему виду так не скажешь.— Заволновавшись, Фиона высвободила руку из пальчиков Иеруши.— Порой ты выглядишь так, что краше в гроб кладут. Ты похудела, под глазами круги... я-то надеялась, ты сможешь отдохнуть, когда с Реваном все устроится.

— Фиона, прошу тебя, не читай мне нотаций. Джорем мне выговаривает, Кверон мне выговаривает...

— Вот толку от этого что-то немного,— возразила молодая женщина.— Если ты вознамеришься работой загнать себя до времени в могилу, пожалуйста. Это не мое дело. Я ведь просто приглядываю за твоими детьми. С какой стати тебе делиться со мной своими проблемами?

Глаза защипало от слез, и Ивейн поспешила отвернуться.

— Прости,— прошептала она.— Ты и правда, единственная из всех, имеешь право знать правду... на-

сколько я осмелюсь рассказать. Дело в том, что... некто, очень важный для нашего дела — он угодил в ловушку. И освободить его может быть очень сложно и очень опасно.

— И ты можешь не вернуться... — Фиона, потрясенная, опустилась на стул.— О, Ивейн, а я и не знала.

— Да и откуда? Я так старалась сохранить все в тайне. И прошу, не спрашивай, о ком идет речь, ибо я не вправе сказать тебе.

— Обещаю.

— Как бы то ни было, не смерть пугает меня. Я лишь тревожусь, что дети останутся сиротами. Стоит лишь подумать об этом, и я...

Закрыв лицо руками, она попыталась хоть немного овладеть собой. Фиона нежно обняла ее за плечи.

— О, Ивейн, дорогая моя сестра, не плачь,— прошептала она, поглаживая волосы Ивейн.— Конечно, я не так образована и не так талантлива, и не смогу ничем помочь в том, что ты задумала. Но я уверена, ты бы и не помышляла об этой затее, если бы не была уверена, что это чрезвычайно важно для всех нас. И я обещаю стать хорошей матерью твоим детям — если... если ты не вернешься. Об этом не нужно даже просить.

— Я знаю,— отозвалась Ивейн.— но спасибо, что утешила меня. Бог свидетель, я не хочу оставлять их, но... О, Фиона, если бы ты только знала, как это важно!

— Но я знаю. Ты только что мне сама сказала.— Фиона еще крепче прижала ее к себе.— Ну, не плачь. Все будет хорошо.

Шли дни, и подготовка двигалась полным ходом, как физическая, так и духовная. Весь месяц все трое

придерживались строгих ограничений в пище, чтобы очистить свое тело для Работы, намеченной на начало августа. Теперь, к исходу июля, Ивейн добавила еще периоды полного поста и увеличила время медитаций, дабы усилить способности к сосредоточению.

Одно из оставшихся дел она откладывала почти до самого конца — это свидание с Джаваном. Она ни словом не обмолвилась об этом Джорему с Квероном, опасаясь, что они могут запретить ей это. Не стала она на сей раз и принимать чужое обличье, дабы сохранить в неприкосновенности запас энергии для Работы, до которой оставалось всего два дня. Помимо всего прочего, она теперь регулярно не высыпалась, ибо прочитала, что недостаток сна помогает обострить восприятие адепта.

Она решила наведаться в Валорет во время вечерни, когда Хьюберт едва ли окажется в своих покоях, зато Джаван вполне может там быть. Хотя она стерла у него из памяти воспоминания о своем прошлом визите, но оставила в сознании стремление как можно чаще оказываться в молельне архиепископа в ожидании возможной встречи. Как она и надеялась, присутствие принца она ощущала сразу, едва прошла через Портал, — и больше в апартаментах не было ни души. Удача! Джаван стоял на коленях на молитвенной скамеечке, почти невидимый в своем черном одеянии. Он глубоко ушел в себя, однако тут же тревожно вскинул голову, ощущив действие Портала.

— Господи Иисусе, вам нельзя здесь показываться! — выдохнул принц, когда она обернулась и откинула капюшон, чтобы он мог видеть ее лицо.

— Почему, разве вы не надеялись все это время, что кто-то из нас придет? — улыбнулась она и присела на корточки напротив него.

— Но это опасно!

Сочувственно улыбнувшись, Ивейн опустила руку ему на плечо.

— Вы ведь попросили Хьюберта позволить вам остаться в Валорете, это правда?

— Кто вам это рассказал? — Джаван был потрясен.

— И кроме того, вы, кажется, дали согласие принести обеты?

— *Временные обеты!*

— И все же это обеты. Что, впрочем, не так уж плохо само по себе.— Она подняла руку, предотвращая его возражения.— Скажу больше, вероятно, вы подыскали для себя самое безопасное место на ближайшие пару лет, пока вы еще слишком уязвимы. А если вы и впрямь будете соблюдать эти обеты, забыв о личных недостатках человека, кому вы их принесли, то эти годы могут стать для вас временем большого духовного роста и взросления. Но вам нужно быть очень, очень осторожным.

Он взглянул на нее со смесью обиды за нравоучения — и радости, что она все же пришла навестить его.

— Я знаю, что делаю.

— Не сомневаюсь в этом. Главное, чтобы не узнал Хьюберт. Но вы ведь уже предприняли кое-какие шаги...

Он смущенно отвел глаза, осознав внезапно, насколько хрупко и ненадежно его влияние на Хьюберта.

— Я вложил ему в сознание кое-какие... поправки. Но много менять не решился, иначе кто-то со сторо-

ны может заметить неладное — даже если он *сам* ничего не заподозрит.

— Именно так я и сказала всем нашим.— Она улыбнулась.— Но вам ни к чему мои нотации. Так когда это случится?

— Через два дня, после полудня,— шепотом откликнулся Джаван.— Но... откуда вы все-таки узнали?

— Подслушивала ваш разговор здесь, под дверью.

— Вы были здесь, а я даже не знал?! — принц был потрясен.— Но как...

— Тс-с. Когда Сильвен в ту ночь нам рассказал, как все прошло у Ревана, он поведал и о вашей стычке с Хьюбертом. Я решила, что он непременно решит вас наказать сразу по возвращении в Валорет. Подумала, что спать он, скорее всего, ляжет нескоро... чем бы там у вас с ним все ни закончилось — и рискнула. Мне повезло, что вы оказались здесь, в гостиной.

— Ну, здесь мы оказались не сразу...— Джаван опустил глаза и поморщился, вспомнив о наказании, которому подверг его архиепископ.— Полагаю, вы знаете о небольшой комнатке в одной из башен — ее еще называют *disciplinarium*.

Она безрадостно кивнула.

— Знаю и о бичевании — и что вы выдержали его со всей отвагой. И все-таки вам следует быть очень осторожным. Когда вас с Хьюбертом свяжут принесенные вами обеты — пусть даже и временные — он будет вправе еще более сурово наказывать вас за любое неповиновение. Я надеюсь, что ранг поможет вам сохранить жизнь, если только вы не сделаете чего-то такого, что уж совсем выходит за пределы здравого смысла,— но есть много способов наказать так, чтобы человек сам возжелал смерти.

— Он не посмеет!

— К несчастью, боюсь, что Хьюберт Мак-Иннис *посмеет* все, что угодно, ради собственной выгоды. Но мы зря тратим драгоценное время. Он скоро может вернуться, а мне еще нужно сказать вам нечто важное. Я... мне предстоит исполнить трудную задачу. Судьбе было угодно распорядиться так, что это случится в то самое время, как вы будете приносить свои обеты. Поэтому, раз уж я не смогу быть рядом, я хотела попросить вас, Джаван, молиться за меня — и молитесь блаженному Камберу, моему отцу, чтобы он помог нам обоим.

— Что... что вы собираетесь сделать? — шепотом спросил ее принц. — Это опасно?

— Немногим более, чем то, что задумали вы сами — в каком-то смысле. — Она улыбнулась. — Но каждый из нас делает то, что должен. Прошу, не спрашивайте меня больше ни о чем.

— Хорошо. — Он склонил голову в знак согласия. — Но я... мы скоро увидимся вновь?

— Если только это будет в моих силах, то я обещаю, мой принц. А если не смогу я, то придет кто-то еще. Мы не оставим вас.

Он почувствовал, как слезы подступают к глазам, и поспешил отвернуться, чтобы не расплакаться.

— Вы умрете?

— Рано или поздно мы все умрем, Джаван.

Принц едва удержался, чтобы не накричать на нее. Сдерживая гнев и страх, он стиснул кулаки так, что ногти вонзились в ладони.

— Это мне известно! — Он заставил себя взглянуть ей прямо в глаза. — И вы знаете, что я спросил совсем о другом. То дело, которые вы должны исполнить — вы можете погибнуть из-за этого?

Он успел заметить блеснувшие в ее глазах слезы, прежде чем Ивайн опустила голову.

— Да. Отчасти и поэтому я пришла к вам сегодня.

— Попрощаться?

— Да,— шепотом ответила она.— И еще чтобы передать вам некоторые знания. Они могут рано или поздно пригодиться вам, если... если потом меня не будет рядом. Когда вы станете королем.

Эти слова ударили его, как кулаком под ложечку, вызывая смутные воспоминания о той ночи, когда умер его отец. Они не хотели, чтобы он вспомнил, хотя вместе с Тависом Джавану удалось восстановить какие-то обрывки происшедшего,— достаточно, чтобы понять, что над ним и его братьями совершили некий магический обряд. То была магия его отца. Магия Дерини.

И если он когда-нибудь станет королем, эта магия будет принадлежать ему. Отчасти это уже случилось, ко всеобщему удивлению... Он вперился горящим взором в Ивейн, ухватившись за поручень.

— Что случилось со мной в ту ночь, когда умер отец? — Он уже столько раз задавал этот вопрос, что уже почти не рассчитывал услышать от нее ответ. Но строгое, торжественное выражение ее лица подсказали, что на сей раз все может быть иначе.

— Я не смею дать вам эти воспоминания в открытую, но я вложу их глубоко в память, чтобы они вышли наружу, когда придет их час.— С этими словами она положила руки ему на плечи.— Боюсь, это не получится сделать мягко — увы, на щадящий подход у нас просто нет времени. Ведь Хьюберт может в любой миг прервать нас.

— Понимаю,— прошептал он, не сводя с нее взгляда.— Сделайте все, что нужно. Во мне нет страха.

— Конечно.— Она улыбнулась.— Вы самый смелый юноша из всех, кого я знаю. Теперь расслабь-

тесь и откроитесь передо мной. И не забудьте, что обещали за меня молиться.

Безмолвно кивнув, он закрыл глаза, чувствуя, как ее пальцы коснулись висков. Он пытался сделать все, как она сказала, но слезы жгли глаза, и никак не удавалось очистить мысли.

— *Не тревожьтесь ни о чем, мой принц*, — раздался ее голос в сознании. — *Если нам не суждено большие встретиться в этой жизни — помните, за что мы боролись. Всё и я, и Тавис, и Райс, и все остальные... и сделайте все от вас зависящее, дабы восторжествовал Свет.*

— *Обещаю!* — сумел он ответить.

— *Да благословит и да хранит вас Бог, ваше высочество. А теперь — идите глубже и обретите знания о своей судьбе.*

И она стала передавать ему воспоминания, сознавая, что причиняет юноше боль, но не в силах смягчить посып, опасаясь не уложиться в срок... ибо Хьюберт мог вернуться в любой момент. Джаван лишился чувств в самом начале — и это было к лучшему, поскольку теперь она могла действовать еще быстрее, не опасаясь больше за него.

Затем она заблокировала все воспоминания, кроме своей просьбы молиться за нее. Но теперь у принца появился шанс — даже если ему придется занять трон без поддержки Дерини. Она оставила его с туманным воспоминанием о своем приходе и в последний раз любовно поцеловала в щеку. Она успела исчезнуть через Портал как раз в тот момент, когда у дверей послышались шаги...

Пусть Джаван молится за нее — это поможет ей выдержать грядущее испытание. И послужит напоминанием о тех, за кого она готова отдать свою жизнь... независимо от того, будет ли принята эта жертва.

Глава двадцать девятая

Кто сотворил семизвездие и Орион, и претворяет смертную тень в ясное утро¹

15 назначенный день Джаван проснулся с ноющей головной болью, истомленный снами, припомнить которые он не мог, и с сосущим чувством голода, поскольку Хьюберт уже три дня перед церемонией держал его на хлебе и воде. Карлан должен был прийти будить его еще только через час, но спать принцу больше не хотелось. Он попытался вспомнить свои ночные видения... кажется, там было что-то насчет леди Ивейн, и он ощутил смутную тревогу. На всякий случай, он решил помолиться за нее. Вот так, на коленях, в ночной рубахе, и обнаружил его чуть позднее Карлан, решивший, будто его набожный молодой господин молится перед сего-днешним действом.

— Прошу прощения, ваше высочество,— неуверенно окликнул его паж.— Я не хотел бы вам мешать, но пора собираться к мессе. Должно быть, вы очень тронуты тем, что вам предстоит?

Джаван ничего не ответил и не стал поправлять Карлана. Пусть думает, что хочет,— и донесет архиепископу. Это пойдет принцу только на пользу.

¹Амос 5:9

И все же, несмотря даже на все его смущенное шпионство, Джаван знал, что ему будет недоставать Карлана. Сегодня тот покинет его, ибо даже принц, принося монастырские обеты, терял право иметь прислугу. Они уже простились накануне. Карлану теперь предстояло занять место при короле,— хотя, если повезет, они с Джаваном будут встречаться раз в месяц, чтобы тот рассказывал принцу последние придворные новости. Эту уступку он выторговал у архиепископа, и тот с готовностью согласился, настолько рад был, что Джаван все же решился примириться к религиозной жизни. Впрочем, стоит ему принести обеты, и, возможно, все обещанные привилегии поспешат отменить.

Но сейчас не стоит тратить силы и волноваться понапрасну. У него и без того хватало поводов для тревоги — например, не попытается ли Хьюберт обмануть его, вставив в текст клятвы какую-нибудь совершенно невинную на первый взгляд фразу, но которая затем сделает расторжение обета невозможным. Конечно, это маловероятно, но он не доверял Хьюберту. Хотя он и успел сделать некоторые шаги, чтобы контролировать архиепископа, но его власть над ним была пока еще настолько призрачна, что об этом не стоило и говорить.

Однако нельзя позволить Хьюберту и остальным навсегда превратить его в монаха, будь то силой или хитростью. Его брат Алрой выглядел совсем скверно, когда они виделись в последний раз, и вполне может умереть, не оставив наследника — наследника, который бы с самого рождения сделался игрушкой в руках регентов, на гибель всему Гвиннеду.

Так что лучше уж Алрою умереть без потомства, чем сыграть регентам на руку, подарив им нового короля,— ибо Джаван был уверен, что дни брата бу-

дут сочтены, как только новый принц крови явится на свет. Он не знал, подобрали ли уже королю невесту... И, кстати, любопытно, будут ли сегодня здесь Алрой или Райс-Майкл? Он просил, чтобы им позвоили приехать, хотя церемония должна быть закрытой, и даже сам послал приглашение, вместе с письмом, где пытался объяснить, что заставило его принести эти обеты.

Но ему было неведомо, дошли ли письма по назначению и как сильно они могли измениться по пути. Регенты подды и хитроумны. Они пойдут на все, чтобы достичь своих целей.

Звон колоколов вырвал его из задумчивости и заставил себя следить за ходом мессы, как подобает. Он заметил, когда подняли гостию, а затем и чашу — впервые он увидел это пару недель назад,— как их окутало слабое сияние. Интересно, знают ли об этом Хьюберт и все остальные? Едва ли... Когда-нибудь, если представится возможность, он спросит об этом у отца Джорема. Дерини должны видеть такие вещи — хотя вопрос, почему он сам видит это, даже не пришел ему в голову.

Привычная магия Святых Даров на сей раз не давала утешения, ибо во время причастия Хьюберт обошел его стороной. Ему не позволяют причаститься, пока он не исповедуется и не даст обеты. Поэтому на выходе из часовни внутри Джавана ощущал холод и пустоту, ведь уже много дней он ни разу не начинал день без евхаристии.

Кроме того, архиепископ обошел его своим благословением во время службы и сразу отправился завтракать вместе с братией *Custodes Fidei*, не приглашая Джавана присоединиться к ним. Не задержался и Карлан — поклонился с блестящими от слез глазами, поцеловал руку принцу,— и удалился. Вместо

этого двое монахов, которых Джаван никогда прежде не видел, отвели его в узкую, душную комнату, где монах-цирюльник коротко обрезал ему волосы кружком, как носили большинство клириков. Тонзуру ему выбреют позже, во время церемонии, и Джавана сия перспектива отнюдь не радовала, хотя Хьюберт уверял, что это всего лишь символ и никоим образом не привяжет его навечно к религиозной жизни.

Затем его отправили в другую комнату, без окон, освещенную лишь лучинами на глиняных подставках. За тяжелым шерстяным занавесом серого цвета, чуть темнее каменных стен, клубился пар — Джавана ожидало ритуальное омовение, обязательное для всех послушников перед пострижением. Как символ очищения, в его глазах, это мало чем отличалось от того, что делал Реван, хотя Хьюберт пришел бы в ужас, услышав от принца такое сравнение.

Впрочем, через нечто подобное проходили и будущие рыцари перед посвящением, и Джаван утешил себя этой мыслью. Он и станет рыцарем, разве что служить будет Свету, а не какому-то земному владыке... хотя придется на словах еще и хранить верность архиепископу, по крайней мере, сейчас.

Как его научили заранее, он с поклоном промолвил: *«Deo gratias»*, когда монах отдернул занавес и жестом велел ему войти и разоблачиться. Комнатенка оказалась крохотной и влажной, там горела единственная лучина в угловой нише. Сама ванна была деревянной, круглой; края бадью доходили Джавану до груди; от воды густо валил пар. Когда занавес опустили, принц поспешил раздеться и сложил тунику и штаны на трехногий табурет у входа. Ни полотенца, ни сменной одежды он не обнаружил, но не сомневался, что их принесут, когда придет время.

Единственное, что его огорчило, это необходимость снять сапог, специально сделанный для его хромой ноги,— хотя Хьюберт обещал, что завтра он получит свою обувь обратно. Архиепископ отлично знал, насколько болильно и тяжело Джавану ходить без такой поддержки, но исключений быть не могло: даже принц обязан идти к пострижению босиком. Больная нога едва не подвела его, когда он перелезал через бортик,— а погрузившись в воду, Джаван не смог сдержать стона. Слишком горячо для жаркого августовского утра!.. Пытаясь не обращать на это внимания, он заставил себя несколько раз нырнуть под воду с головой, чтобы смыть отстриженные волоски. Ему послышались чьи-то шаги снаружи, и как будто кто-то приподнял и опустил занавес. Об этом он тоже постарался не думать.

Хьюберт сказал, что на омовение у него будет почти час времени, но Джаван покончил с этим вдвое быстрее. Выбравшись из бадьи, весь мокрый, он ничуть не удивился, обнаружив, что кто-то заменил его мирское платье на тонкую черную рясу длиной до щиколоток, подобную той, что была на нем в *disciplinarium'e*. Оставалось лишь надеяться, что посещение этого места не входит в обряд пострига. И кстати, ему не только не дали ни пояса, ни веревки, чтобы подвязать на поясе, но не предоставили даже нижнего белья.

Дрожа от холода, он натянул балахон, прекрасно сознавая, что все это намеренно рассчитано для того, чтобы заставить послушника чувствовать себя обделенным и уязвимым — и разозлился на себя самого, потому что это подействовало именно так. На гвозде, вбитом в стену, он обнаружил гребень и постарался привести остриженные волосы хоть в какое-то подобие приличествующей клирику прически, хотя

здесь не было зеркала, чтобы удостовериться в результате своих трудов.

Вскоре за ним явились еще двое монахов. Воздух снаружи показался прохладным, в сравнении с купальней, и Джавана тут же охватил озноб. Ковыляя, он проследовал босиком за своими провожатыми в другую комнату, где незримый священник за деревянной ширмой приготовился выслушать его исповедь. Голос, приветствовавший его во имя Господа и призвавший покаяться в грехах, принадлежал не Хьюберту, и не Секориму, и никому другому из знакомых принцу *Custodes*, однако он не сомневался, что исповедь его принимает член этого ордена — равно как и в том, что любой из *Custodes* с легкостью нарушит тайну исповедальни, если только это будет в их интересах.

Так что Джаван покаялся лишь в мелких грехах, список которых подготовил себе загодя — общая исповедь, которая никого не смутит и не заинтересует. Перенеся вес с хромой ноги на здоровую, он опустился на колени перед решеткой, вделанной в ширму, склонил голову и перекрестился, произнося ритуальные слова:

— Благослови меня, отче, ибо я грешен. Прошел один день с моей последней исповеди, и за это время я не совершал сознательно никаких грехов. Но поскольку нынче я намерен принести священные обеты, то хотел бы сделать общую исповедь, охватывающую всю мою жизнь целиком. Вот мои грехи...

* * *

Трое других также пришли к исповеди этим утром, но не потому что готовились к пострижению — ибо двое из них и без того были священниками,—

но дабы укрепиться духом перед любыми опасностями, что могли грозить им сегодня. Джорем с Квероном исповедовали друг друга в прохладные рассветные часы, прежде чем приступить к подготовке обряда, а Ивейн обратилась с той же просьбой к епископу Ниеллану после утренней мессы в убежище. Подобно Джавану, она не во всем доверилась своему исповеднику, хотя, в отличие от принца, твердо знала, что тот надежно сохранит ее тайны. И все же она сказала ему больше, чем осмелилась поведать даже двоим своим соратникам.

— Я соглашаюсь с Джорем и Квероном, отче,— прошептала она, задержав взор на пурпурной епитрахили у священника на плечах.— Я сказала им, что в задуманном нами деле нет особенных опасностей. Если бы я сказала им правду, они не позволили бы мне продолжать. Но я обязана сделать это.

Ниеллан медленно кивнул. Его серо-стальные глаза за прикрытыми веками не выдавали никаких чувств. Они сидели сейчас в келье епископа, для безопасности окруженной мощными защитами.

— Эта опасность, о которой ты говоришь,— промолвил наконец Ниеллан,— ...грозит ли она тебе одной, или им тоже?

— Для них угроза очень невелика, они знают о ней и готовы рискнуть. Для меня опасность куда больше.

— А готова ли *ты* рисковать?

— Да, отче.— Она устремила на него взор своих синих глаз.— Я не могу иначе. И если потребуется жертва, я должна принести ее. Неужели я не имею права сама сделать выбор?

Ниеллан как-то странно посмотрел на нее, мрачно сжав губы, и на миг Ивейн усомнилась, верно ли поступила, рассказав ему обо всем.

— Полагаю, ты долго и тщательно обдумывала свой замысел,— промолвил он наконец, после долгого молчания.

— Да, отче, и я молилась, чтобы чаша сия миновала меня. Но если она все же будет мне поднесена, я изопью ее до дна.

— А твои дети тоже будут вынуждены ее испить, если ты погибнешь?

— Это для меня самое трудное,— прошептала она, отворачиваясь.— Сознавать, что они могут осиротеть из-за моих действий. И все же я вынуждена рисковать. Я... сделала все необходимые приготовления на тот случай, если меня не станет.— Она протянула ему запечатанный конверт.— Фиона присмотрит за малышами и будет им куда лучшей матерью, чем я могла бы стать, если бы решила отказаться от того, что велит мне сердце. Но я просто не могу поступить иначе. Вы понимаете, Ниеллан?

Помолчав немного, он прикрыл глаза и кивнул, а затем взял ее руки в свои.

— Не до конца, дитя мое, но я вижу, что у тебя есть очень веские основания поступить таким образом. Я не стану больше ни о чем допытываться у тебя, ибо чувствую, как поблизости собираются Силы, превосходящие все то, что я мог бы вообразить.— Он с печалью взглянул на Ивейн.— Ты позволишь мне хотя бы помолиться за тебя?

— Да, конечно,— отозвалась она с дрожащей улыбкой.— И есть еще одно одолжение, о чем я хотела бы вас попросить.

— Все, что только в моей власти, дорогое дитя.

— Я бы хотела, чтобы вы дали мне последнее присущество, на случай, если моя дорога заведет меня... дальше, чем нам обоим хотелось бы. Это стало бы для меня большим облегчением.

Ниеллан поморщился, словно она ударила его, но через несколько секунд все же напряженно кивнул.

— Если ты, и вправду, этого хочешь, конечно, я сделаю это. Однако ты должна сознавать, что Джорем с Квероном могут это почувствовать. Священники с их опытом способны ощутить такие вещи.

— У них и без того хватает забот сегодня утром,— отозвалась она, думая обо всем, что еще предстоит сделать.— К тому времени, как они заметят неладное, будет слишком поздно останавливать меня.

— Что ж, хорошо. Подожди тогда здесь, я принесу миро и дароносицу из часовни.

Когда он ушел, она опустилась на колени и, склонив голову, принялась молиться.

* * *

Ровно в полдень монахи явились препроводить принца Джавана Халдейна в часовню *Custodes Fidei*. Весь предыдущий час он провел в *disciplinarium*'е на коленях, читая «Отче наш» и прочие молитвы, назначенные исповедником. По счастью, покаяние не потребовало от него ничего более серьезного. Пришедшие за ним монахи помогли принцу натянуть поверх черной вторую, белую рясу из тонкой шерсти и вручили зажженную восковую свечу, после чего вывели в коридор.

Джаван отчетливо сознавал свою хромоту и чувствовал себя маленьким и уязвимым, ковыляя вниз по лестнице к дверям часовни. *Custodes* использовали для этой цели бывшую трапезную, лишенный окон зал со сводчатыми потолками, суровый в убранстве, зато достаточно просторный, чтобы вместить всех священников, рыцарей и служек ордена, желавших

посмотреть на его пострижение. Вместо распятия, стену украшала огромная фреска с изображением Христа Пантократора, то есть Творца всего сущего, на царском троне, преисполненного величия, каким Он должен явиться в конце времен, дабы судить мир. Глаза его, темные и гипнотические, искусно были отделаны золотом, так что казалось, будто они смотрят прямо на Джавана, застывшего в дверях часовни. В левой руке Он держал открытое Евангелие со знаками Альфы и Омеги, а правая была поднята не то для благословения, не то в осуждение. Подобное изображение Христа Джавану доводилось видеть и прежде, и он сомневался, что может ожидать хоть какого-то милосердия от тех, кто служит Ему.

Двое рыцарей ордена стояли у дверей на страже — застывшие, грозные фигуры в черных панцирях и подбитых алым плащах. Внутри помещения одетые в черное *Custodes* заполняли весь зал, через который предстояло пройти принцу; у всех у них на поясе красовался алый с золотом кушак, какой скоро вручат и Джавану, а на плечах — короткие накидки с алым подбоем, украшенные символом ордена — львом с ореолом.

Полин Рамосский, верховный настоятель ордена, ожидал в конце прохода, вместе с верховным инквизитором и отцом Секоримом, аббатом этого капитула *Custodes*. Посох Полина блестел в свете свечей, а меч в львиной лапе сверкал в лучах, лишний раз напоминая Джавану о том, какой властью обладает этот человек над множеством невинных душ. Слева держался архиепископ Хьюберт, в митре и парадном одеянии, он восседал на подобном трону кресле, с одобрением взирая на происходящее. Джаван весь дрожал, когда миновал наконец эту толпу людей, готовых, как ему было прекрасно известно, в любой

момент уничтожить все то, что ему особенно дорого,— и монахам пришлось помочь ему подняться с колен после поклонения алтарю.

— Джаван Джешан Уриен Халдейн.— Полин произнес его имя так, словно выносил смертный приговор, и ткнул в принца навершием посоха, словно обвиняющим стальным пальцем.— Чего желаешь ты от *Ordo Custodum Fidei*?

Горло у него пересохло, сердце вот-вот готово было вырваться из груди, но Джаван все же сумел изобразить подобающий случаю поклон с прижатой к сердцу правой рукой,— в левой он по-прежнему держал зажженную свечу.

— С Божьей помощью, отец-настоятель,— уверенным голосом ответил он,— я желал бы испытать свое призвание в этом Доме.

* * *

В тот самый миг, когда заклятый враг Дерини взял свечу из рук принца с просыпающимися талантами Дерини, деринийская колдунья остановилась у подножия возвышения, на котором стоял саркофаг из четырех черных и четырех белых кубов. Это был не тот, деревянный, что они соорудили с Джоремом и Квероном в комнатке под *килем*, но другой, более торжественный, на котором раньше покоилось тело Орина. Они давно решили, что не стоит предпринимать никаких действий слишком близко от зала Совета, иначе те, кто находятся там в постоянном ожидании вестей от Тависа с Сильвеном, могут заметить что-то неладное. Кроме того, в этом зале Камбер может найти вечное упокоение, если они все же потерпят неудачу.

Втроем они перенесли сюда его тело прошлой ночью и уложили на саркофаг под шидаловую сеть. Вокруг установили защиты. Утром Джорем с Квероном вернулись сюда, чтобы довести приготовления до конца, позволил Ивейн использовать эти оставшиеся часы для самоуглубления и медитации.

Джорем обернулся к ней, заметив, что сестра словно бы замешкалась у ступеней, и Кверон также вышел ей навстречу. Ради такого случая, на Целителе были белоснежные гавриилитские одежды, а на плечах — одна из старых зеленых накидок Райса. Джорем одел традиционный наряд михайлинцев — синюю рясу и плащ, белый рыцарский кушак и перевязанный узлами алый пояс. На боку у него висел отцовский меч. Позади, едва заметные в слабом свете простых белых свечей, установленных по углам возвышения, виднелись черные кубы саркофага, а над ними едва угадывались очертания лежащего тела.

— Все еще уверена, что хочешь пройти через все это? — спросил ее Джорем. Она двинулась навстречу, приподнимая подол черного платья.

Каменные плиты холодили босые ноги, а черно-белый мрамор помоста оказался еще холоднее. Она ничего не ответила Джорему, не сводя взора с тела наверху саркофага. Шидаловую сеть уже убрали. Бедра его укутывала белоснежная повязка, но в остальном он был обнажен. Михайлинскую рясу они сняли с Камбера, чтобы дать Кверону доступ к ранам, что привели его на грань смерти и могут убить вновь, если срочно не заняться ими, как только он вернется к жизни... *если* вернется. Раны, даже по прошествии столь долгого времени, казались совсем свежими, но крови не было. Взглянув на его лицо, спокойное и невозмутимое, в обрамлении серебристых волос, Ивейн почти могла бы поверить, что ее отец

всего лишь спит. И руки... они по-прежнему были стиснуты на груди, словно удерживали нечто очень ценное.

— Это порез на боку внешне кажется самым скверным,— заметил Кверон, встав рядом с ней.— Однако рана на бедре куда серьезнее. Через нее он потерял очень много крови. Придется погружаться на большую глубину, чтобы с этим справиться, и работать быстро. Прочие раны скорее поверхностные, однако общая потеря крови огромна. Если бы наш случай не был столь необычен, я бы сказал, что без второго Целителя нам не справиться,— добавил он с усмешкой.

При виде ран Ивейн нахмурилась, хотя видела их и прежде, когда помогала Джорему обмывать тело перед похоронами. Однако сейчас, взглянув на них вновь, впервые усомнилась, а сумеет ли Кверон исцелить Камбера, даже если ей удастся вырвать его из ловушки.

— У меня все получится,— ответил тот на вопрос, который она не осмелилась задать.— Думайте лишь о том, что вам самой предстоит сделать, и не волнуйтесь понапрасну. Когда все будет кончено, я приведу и вас в порядок, если потеряете слишком много сил.

Выражение лица Джорема яснее слов говорило о его сомнениях, однако он отвернулся, прежде чем Ивейн успела взглянуть на него. Медленно вдохнув, она подняла голову к высокому сводчатому потолку, изгоняя прочь всякую неуверенность и тревогу, затем так же медленно выдохнула, вновь обретая душевное равновесие. На шее у нее красовался торк Иодоты, и, обернувшись к своим спутникам, она ощутила, как тот давит ей на горло.

— Никто из нас не станет зря терять силы,— промолвила она уверенно.— Мы двинемся вперед по ша-

жочку, как обычно. Полагаю, начать следует, как положено, с защиты круга. Давайте сперва образуем центр.

Она должна будет действовать с юга, ибо нужно стоять лицом к северным вратам, чтобы Призвать ушедшего. Но пока она двинулась на восток, где дымилась курительница, источая аромат благовоний, чуть отличавшихся от тех, что обычно используют при литургии. Кверон также переместился на восток, ибо ему надлежало стоять в изголовье саркофага, готовому в надлежащий миг применить Целительскую магию. Он протянул Ивейн кропило из еловых лап на рукояти миртового дерева, в серебряном ведерце со святой водой. Джорем, заняв свое место с западной стороны, обнажил меч и опустил его к подножию саркофага. Он ни разу не взглянул на Ивейн, до тех пор пока она не повернулась на восток, прижимая кропило к сердцу.

— *Terribilis est locus iste*, — начала она чуть погодя негромким голосом. — *Hic domus Dei est, et porta coeli*... — Ужасно место сие, ибо это дом Божий, и врата Небесные, и назовут его местом суда Божия.

— Аминь, — отозвался Кверон, а за ним и Джорем.

Начертав кропилом крест в воздухе, Ивейн повернулась направо и начала проводить первый круг, выпевая слова древнего гимна.

— *Asperges me, Domine, hyssopo, et mundabor; lavabis me, et super nivem dealbabor*... — Окропи меня, Господи, иссопом, и стану я чист; омой меня, и стану я белее снега...

С полузакрытыми глазами она совершила полный круг, чувствуя, как начинает нарастать энергия. Покой снизошел на нее, когда круг был прочерчен святой водой, и сверкающий туман поднялся от раз-

брьзганных капелек, устремляясь ввысь по четырем сторонам света, где она останавливалась для молений.

Когда эта часть обряда была завершена, концентрация ее достигла предела, и страх отступил окончательно. Она знала, что Кверон ощущал это, когда она брызнула на него святой водой,— прочла это в его глазах, когда он принял у нее кропило, дабы сделать то же самое и с ней.

— *Пади на нас, роса небесная*,— раздался в ее сознании мысленный шепот Кверона, как знак одобрения, ибо он подозревал, через что придется пройти Ивейн, даже хотя она ни слова им не сказала. Его благословение сопровождало ее и дальше, когда она перешла окропить Джорема, и тот склонил голову, чтобы принять очищение, и скрестил на груди руки,— живое воплощение уравновешенной гармонии.

Труднее было повернуться к отцу, но она не позволила мыслям отвлечься и крест-накрест окропила святой водой распостертое тело. Затем Ивейн вернулась к востоку и отставила священные предметы. Кверон, пока она возвращалась на свое место, в южном углу, подложил еще благовоний в кадило и начал повторный круг, окруженный клубами сладковатого дыма.

— *Dirigatur, Domine, oratio mea, sicut uncensum, in conspectu tuo...*— Подобно благовонному дыму, пусть молитвы мои вознесутся к Тебе, Господи; когда я воздену руки, да примешь Ты это как вечернюю жертву...

* * *

Запах благовоний, только более резкий и прямой, щекотал также ноздри Джавана, когда он опус-

тился на колени перед Полином Рамосским и отцом Секоримом. Полин взял у него свечу и поставил на алтарь. Ему поведали все об обязанностях и ответственности клирика, ныне же пришел черед тонзуры. Не полной тонзуры, как при вступлении в орден — ведь от прочих братьев-мирян подобное, вообще, не требовалось,— но Хьюберт с Секоримом решили, что это станет важным символом, и Полин согласился.

— Ты явился по доброй воле, дабы пройти посвящение,— прочел Полин по толстой книге, что держал перед ним один из монахов... не совсем правда, но Джаван ничего не мог с этим поделать.— Поскольку грядущие годы станут для тебя временем испытания твердости твоего призвания, которое еще не до конца осознано и сформировано,— продолжал Полин,— то ныне надлежит тебе отделиться от мира и его соблазнов. Символом этого станет сия ряса, сменившая твои мирские одежды. А как залог твоей приверженности сему пути, избранному добровольно, мы срезаем локон твоих волос,— как внешний знак жертвы частички плоти на верность трудам во славу Господа.

Джаван закрыл глаза, когда верховный настоятель взял с подноса золотые ножницы. Огромного труда ему стоило вынести касание Полина, который, как ему показалось, срезал у него с макушки огромный клок волос. Он заставил себя стерпеть, не поморщившись, когда ножницы зловеще клацнули у самой кожи.

На самом деле, прядь была не толще пальца,— он это заметил, когда Полин укладывал локон в подставленную монахом серебряную чашу. Но тут же возобновились молитвы, и Джавану пришлось вновь склонить голову.

— Господи, укрепи слугу Твоего Джавана в решимости стать достойным послушником и исполнить то, к чему Ты призвал его...

* * *

Круг мерцал у подножия помоста, и Ивейн также вознесла молитву, дабы Бог укрепил ее в своей решимости. Третий и последний круг Джорем прочертил своим мечом, устанавливая чары с поистине михайлинской деловитостью и тщанием. Тут же над головами у них вспыхнул фиолетовый купол, надежно защищающий тех, кто внутри, от вторжений любых сил, даже если их носители — Дерини.

Теперь предстояло установить ритуальные защиты, взывая к четырем великим архангелам, правящим природными силами. Они заранее решились, что эту задачу возьмут на себя Джорем с Квероном, а Ивейн тем временем сможет вплести их заклинания в собственную защитную сеть. Она повернулась лицом на восток, готовая впитать без остатка вызываемые силы, — и Кверон, также глядя на восток, поднял руки, дабы призвать золотой огонь и возжечь с его помощью восточную свечу, посвященную Хранителю Воздуха.

— Се Таинство Воздуха — и Рафаил, жизнедарующий, распахивает крыла ветра и бурь. Приди, великий Рафаил, даруй нам свое присутствие и покровительство!

Ивейн не могла видеть Существо, возникшее в этот миг за восточной свечой, но знала, что Оно здесь. Образ возник в ее сознании — светлые волосы, развеивающиеся на ветру, полупрозрачные трепещущие одеяния цвета бледного золота, окружающие хрупкую, и одновременно исполненную силы фигу-

ру, прямую и гибкую, как ивовый прут. Разумеется, образ этот не имел ничего общего с Рафаилом, у которого не было телесного воплощения. И все же она склонила голову, дабы приветствовать явленный *ей* образ, а затем повернулась к югу, и то же самое сделал Джорем, обойдя саркофаг в направлении движения солнца и встав рядом с сестрой.

— Се Таинство Огня — и Михаил, освящающий, в языках пламени вечного, — произнес Джорем, следя установленной Квероном формуле и возжигая алой молнией южную свечу. — Приди, великий Михаил, даруй нам свое присутствие и покровительство!

Ивейн показалось, она зрит огненные крылья, хотя на физическом плане они не источали ни света, ни жара, — и сама воссоздала телесный облик Существа — суровый лик, пламенеющие волосы, перехваченные золотым обручем; золотые доспехи, все из крохотных чешуек, словно кожа саламандры; огненный меч, похожий на тот, что украшал михайлинскую эмблему Джорема. О, да, Михаила она знала хорошо.

Поприветствовав его, они с Джоремом повернулись затем к западу, где Кверон уже вызвал сине-зеленый светошар и метнул его вперед, словно маленькую комету.

— Се Таинство Воды — и Гавриил, очищающий, несущий прохладу морей и озер, и летнего дождя. Приди, великий Гавриил, даруй нам свое присутствие и покровительство!

Лик Гавриила возник перед ее мысленным взором почти мгновенно — голубовато-зеленые струящиеся одежды с оттенком лилового; крылья его сверкали, как и у других архангелов, но по ним струилась вода, словно озаренный солнцем водопад. Она низко поклонилась Гавриилу, также Вестнику святой

Девы, и прошептала ему особую молитву о заступничестве.

Джорем покинул ее и перешел на север. Образ заледеневших, заснеженных равнин встал перед ней — а не залитых теплым солнцем — когда она устремилась внутренним взором к северу, ибо она давно уже знала, что в конце концов ей предстоит иметь дело именно с этим суровым владыкой.

— Се Таинство Земли,— шепотом произнес Джорем, и голос его чуть дрогнул, ибо в тот миг, когда он призвал зеленый огонь, это осознание настигло и его тоже.— И Уриил, укрепляющий, владыка самоцветов и пещер глубочайших, что призывает всех нас на Иной Берег. Приди, великий Уриил, почти нас своим присутствием и покровительством!

Отголоски грома донеслись до них, и даже воздух внутри круга стал тяжелым и давящим, и слабо пахнуло серой. Ивейн показалось, она заметила краешек переливчатой черно-зеленой мантии, но лица своего Уриил ей не открыл. И все же он явился, она чувствовала это. И знала, что очень скоро ей предстоит бросить ему вызов.

Скрестив дрожащие руки на груди, Ивейн в последний раз поклонилась востоку, завершая круг. Она постаралась унять колотящееся сердце. Несколько раз глубоко вздохнув, она заставила себя успокоиться, сознавая, что ее спутники ждут от нее продолжения обряда, и начала произносить древние фразы, наверняка многократно звучавшие уже в этом зале, черпая силу и утешение из знакомых слов.

— Мы стоим вне времени, и не в мире земном,— произнесла она, зная, что на сей раз это правда.— Как завещали нам наши предки, мы соединимся и станем единым целым.

Три разума соединились в единую цепь, и древнее заклинание Джорема еще более закалило их связь:

— Во имя Твоих благословенных евангелистов, Матфея, Марка, Луки и Иоанна, во имя всех Твоих святых ангелов, во имя Сил Света и Тени, мы взыываем к Тебе о защите от всяких опасностей, о Высочайший!

— Так есть и так было,— подхватил Кверон.— И пребудет так вовеки веков. *Per omnia saecula saeculorum.*

Их слитное «Аминь» словно запечатало заклинание и сомкнуло единство, а кресты, начертанные на груди, стали панцирями, надежно защищавшими от всего, кроме лишь Воли самого Господа. Укрепленная этим знанием, Ивейн вскинула руки и провозгласила *exortio*, как личное утверждение своих намерений:

— Теперь мы соединились. Теперь мы едины. Взгляните на Древние Пути. Мы больше не ступим на них. Да будет так.

— Да будет так,— отозвались ее спутники, прижимая правую руку к сердцу.

В ответ Ивейн сложила руки на груди и поклонилась им, затем опустилась на табурет, который они оставили для нее на юной стороне, и извлекла из-под него потертый кожаный мешочек с защитными кубиками, принадлежавший некогда отцу. Пока она высypала их на колени, Кверон перешел к изголовью катафалка и легко коснулся пальцами висков Камбера, погружаясь в легкий Целительский транс.

Когда Ивейн разделила кубики, взяв белые в правую руку, а черные — в левую, Джорем отошел и встал левее, у самой границы круга с северной стороны, положив руки на крестовину меча,— точно также он уже стоял однажды, в ночь, когда умер король,

готовясь открыть врата... хотя на сей раз он куда лучше сознавал смысл своих действий и грозящую им опасность. Ивейн погасила вспыхнувшую в душе искорку раскаяния при взгляде на брата — милый, мягкий, упрямый Джорем, всегда веривший в нее, даже когда не ободрял или не понимал чего-то,— и помолилась, чтобы он не судил ее слишком строго, когда все будет кончено. Когда он стоял вот так, в мерцающем пламени свечей, склонив бледное лицо над скрещенными руками, он был очень похож на того человека, что покоился сейчас на саркофаге.

Она создала крохотный столп из черных кубиков, выстроив их на черном квадрате, под углом слева от того, где стояла ее левая нога. Четыре белых встали на белом квадрате, под углом от себя, справа. Затем, с силой втянув в себя воздух, она выпрямилась, упираясь ладонями в колени, и на пару ударов сердца задержала воздух в легких, прежде чем наконец медленно выпустить его.

Итак. Перед ней оказался символ того, что ей предстояло совершить, почти детский в своей простоте,— к чему все прочее было лишь предвестьем.

Единственно силою своей воли, ради спасения человека, кто и научил ее этой волей владеть, она должна теперь превратить эти маленькие символические колонны в истинные, овеществленные Столпы Храма — храма Внутренних Мистерий, чьи коридоры сообщались с самим Божеством, с жизнью и смертью, на уровнях, почти недоступных смертным в их телесном обличье.

Меж этих Столпов она должна пройти, и даже миновать Пурпурную Вуаль, если хочет попытаться вернуть отца.

Глава тридцатая

Где ангел Уринил, что пришел ко мне первым?¹

Душная тьма окутала Джавана, когда он опустился на колени перед верховным настоятелем *Custodes Fidei*. Это ему всего лишь натянули через голову черный монашеский наплечник, но принцу на миг показалось, будто это кто-то душит его подушкой.

— Прими сей символ нашего ордена как защиту против козней сил зла,— затянул Полин, и Джаван догадался, что он говорит о Дерини.— Будь стоец в борьбе с врагами Господа, и однажды сменишь его на небесный ореол.

Небесный ореол, скажите на милость! Секорим спустился помочь Полину расправить наплечник, и Джаван помимо воли вспомнил о Гизеле Мак-Лин. Эта невинная душа ныне и впрямь осияна ореолом, упокоенная в деснице Господней, но ее убили люди, что преследуют те же темные цели, что и *Custodes*. И архиепископ Хьюберт, так величественно наблюдающий сейчас за церемонией, если лично и не приложил руку к ее гибели, так повинен в смерти множества других Дерини и в создании *Custodes*.

Джаван сразу возненавидел этот жесткий, оторченный алым наплечник ордена; но, по крайней мере, его украшал только крест брата-мирянина на гру-

¹ 2-я Ездры 10:28 (Апокриф.)

ди, а не полноценная эмблема *Custodes* в виде льва с нимбом. И все равно, он обрек себя на то, чтобы носить его ежедневно, неизвестно, как долго,— и это еще не все. Позже, когда он принесет обеты, ему еще должны вручить витой алый с золотом пояс-вервие, как символ связующей силы этой клятвы. Цели ордена оскверняли священные цвета дома Халдейнов, и за это Джеван ненавидел *Custodes* с удвоенной силой.

Однако перед этим оскорблением ему еще предстояло простереться перед алтарем для молитвы, а в какой-то момент один из монахов подал ему серебряную чашу с его собственным локоном,— и Джеван осознал, что пришло время для еще одной жертвы. Полин с Секоримом отступили, освобождая проход к алтарю, и Джеван с содроганием поднялся на ноги... чья-то рука поддержала его под локоть.

— *Introibo ad altare Dei*,— затянули *Custodes*.— И взойду я к алтарю Божьему, что дарует радость душе моей.

Но никакой радости не было в сердце Джевана Халдейна, когда он поднялся по ступеням к алтарю. Нарисованные глаза Пантома словно пронзали его насеквоздь, когда он преклонил перед ним колени, и Джеван задумался, далеко не в первый раз, каким образом *Custodes* ухитряются оправдывать перед самими собой все те гнусности, что творят во имя Еgo. Как ему и было велено, он поднял чашу обеими руками и склонил голову перед Высшей Силой, далеко превосходящей того Бога, как его рисовали в своей узости мышления святоши *Custodes*. Молитва его, когда он поставил свое приношение на алтарь, была проста: «Господи, избавь меня от врагов и сделай достойным служить Тебе.»

Эти слова он повторял в мыслях и в сердце, пока спускался по ступеням, припадая на хромую ногу, а затем вновь распростерся на полу, раскинув руки, в позе распятия,— принося себя самого в дар Господу. После долгого, долгого молчания хор начал петь гимн Духу Святому, и Джаван, наслаждаясь пением, погрузился в себя.

* * *

Закрыв глаза, Ивейн также уходила все глубже и глубже в транс — контролируя дыхание, концентрируя энергии, медленно начиная возводить мысленные образы внутренних слоев. Мысленным взором она видела все: крохотные кубики на месте будущих Столпов, саркофаг за ними, где в полированных черных гранях отражалось ее бледное лицо и фигура, на фоне мерцающей пурпурной дымки южной защиты. Прямая, напряженная и величественная, сейчас она напоминала какую-то богиню древних времен.

Тело отца словно парило на темных волнах; белоснежная ткань ниспадала с его чресел до самого пола. Кверон, стоявший в изголовье, казался серебристым холодным столпом силы и моцки; энергия Исцеления вихрилась вокруг его рук и головы. Позади виднелась фигура Джорема, сурогового воина в ми-хайлинском синем одеянии,— у черной стены севера. Да, там ее ждал самый главный вызов... за северными вратами. Там таился тот, кому ей придется скоро бросить вызов, ради спасения отца.

Глубоко вздохнув и целиком уходя в Инаковость, потребную для подобной работы, Ивейн вернулась мыслями к Столпам, заставляя их расти, наливаться силой, до самых границ защитного круга. В мире те-

ней, где Ивейн пребывала сейчас, эти колонны были столь же реальны, как пол под ногами,— созданные силой, превосходящей пространство и время физического мира. Чем прочнее они становились, тем сильнее сгущался туман между Столпами, и наконец она в астральном теле покинула свою телесную оболочку и приблизилась.

Кверон, очевидно, ощущил это, ибо тут же подошел к Ивейн и положил руки ей на плечи. Целитель должен был убедиться, что плоть ее, даже оставленная духом, не перестанет дышать, а сердце — биться. Несколько мгновений она с любопытством наблюдала за тем, как он делает это, ибо внезапно осознала, что на такую глубину не уходила никогда прежде, даже когда работала вместе с Райсом.

А когда повернулась, то прямо между Столпами она узрела *Eго*. Легкий ветерок, казалось, разевал тончайшие одежды, желтые, зеленоватые, красные и черные, и едва заметные полупрозрачные крылья, трепал рыжеватые кудри, обрамляющие до боли прекрасный лик. Ей показалось, что был ангел из ее видения о кольцах, но Ивейн не была в этом уверена. Глаза тогда, во сне, не показались ей столь жгучими — желтовато-зеленые, цвета травы, они проницали ее до самых потаенных глубин души.

— *Мое почтение Тебе, о Сияющий, и Тому, кому Ты служишь*, — выдохнула Ивейн, осмелившись наконец приветствовать это существо, прижав к сердцу правую руку, как она приветствовала владык Сторон Света.

Небесное создание склонило голову в знак того, что принимает ее слова, однако никак не отозвалось на них. Вместо колец, на сей раз в руках его внезапно оказались две серебряные чаши. Одну он поднял над другой и чуть наклонил, так что содержимое,

сверкая и переливаясь всеми цветами радуги, хлынуло вниз, разливаясь у ног существа.

— Ты явил мне радугу,— молвила Ивейн.— Символ Божьего обещания, что Он никогда больше не уничтожит мир водой.

— Верно,— прозвучал голос в ее сознании.— Водой дарует Он миру спасение, и святым крещением, и тем обрядом, что может спасти твой народ. Крещение дано всем, и людям всякой веры, в различной форме; второй же обряд пребудет недолго, но спасет многих.

— Так значит, Ревану осталось мало времени? — Боль и отчаяние затуманили надежду в душе Ивейн.— И невинные будут и дальше гибнуть от рук Слепцов?

— Слепцы также прозреют... однажды,— отзывалось существо.— Содеянное вами не пропадет втуне, и жертвы ваши не будут напрасны. Дух супруга твоего будет ждать тебя, когда ты окончишь свои земные труды. Твое служение исполнено на славу. Ничего более не просят от тебя.

На миг ей почудилось, будто рядом оказался Райс, совершенно реальный, как и все в этой комнате, точь-в-точь такой, каким он был в молодости — в зеленых одеждах Целителя, он смеялся и протягивал к ней руки с любовью и гордостью. Она потянулась коснуться его, но он растаял прямо перед глазами. И лишь теперь смысл других слов ангела дошел до нее, и Ивейн едва удержалась от крика.

— Нет! Осталось еще кое-что! Зачем искушаешь ты меня отказаться от цели, что я поставила перед собой?

— Она указала на тело отца, зримое даже сквозь небесное существо.— Мой труд не будет закончен, пока он не обретет свободу!

Существо словно удивилось, услышав такое, и, задумчиво склонив голову набок, поднесло серебряные

чаши к груди; радужное облако по-прежнему мерцало у его ног.

— *О твоих поисках мне известно, Дитя Земли*, — промолвил наконец ангел. — *И я знаю, кого ты ищешь. Но ты не можешь пойти за ним.*

— *Так это ты удерживаешь его в плену?* — осмелилась спросить Ивейн.

— *Не я, Дитя Земли, однако он пленен.*

— *Так могу ли я увидеть его?*

— *Сие не в моей власти.*

— *Тогда позволишь ли ты мне пройти?*

— *Это слишком опасно для смертных — даже для твоей расы.*

— *Я знаю об опасности. Ты даровал мне ключ, чтобы я смогла все прочесть об этом!* — воскликнула Ивейн. — *Но он тоже смертный, и я знаю, что он так и не обрел свободы.*

— *Он сам выбрал свою судьбу*, — возразило существо.

— *Да, но он не знал точно, что именно он выбирает. Позволь мне освободить его! Удерживать его бессмысленно.*

Очень долгое время существо молча взирало на Ивейн; на прекрасном лице застыло безграничное сострадание. Глубокий взор его проникал в самое сердце, отрицая всякое притворство, обнажая все сильные и слабые стороны ее натуры.

Когда Ивейн показалось, что более она уже не сможет этого вынести — хотя и отстраниться было бы немыслимо, — мерцающие глаза опустились к чашам.

Ивейн протянула руки, когда серебряные сосуды с мелодичным звоном качнулись к ней, и поймала в ладони нечто легковесное, почти неощутимое, словно паутина. Постепенно оно обрело очертания шелковистого кушака, однако так и не приняло единого

цвета, продолжая мерцать в ее руках, ниспадая до самой земли, одновременно леденя и обжигая кожу... Ивейн искательно заглянула существу в глаза.

— *Прими сие в знак того, что ты миновала врата с моего благословения,—* молвил ангел. — *Тебе надлежит отыскать Того, кто выше меня, и быть готовой заплатить Его цену. У тебя будет единственный шанс. Если ошибешься — погибнешь безвозвратно, с тем, кого пришла спасти, и с теми, кто помогает тебе. Равно может стоять вам всем жизни, если ты устремишься вперед, не расчитав силы, и не сумеешь дойти до конца. Лишь ты одна можешь пройти сим путем, но пострадаешь не одна, если потерпишь неудачу. Понимаешь ли ты это?*

Кивнув, Ивейн прижала радугу к груди, опасаясь теперь лишь за Джорема с Квероном. Страха за себя больше не было.

— Я понимаю, — прошептала она. — Что я должна делать?

Вместо ответа, существо лишь попятилось с печальной улыбкой и исчезло меж Столпов в сверкающей вспышке света.

Ладно. Ответ был ей известен. Она и прежде знала, что придется пройти между Столпами Мощи и Милости, превратив собственную душу и плоть в Срединный Столп Равновесия. Лишь достигнув совершенной гармонии, совершенного равновесия, она может осмелиться предстать перед тем Высшим, о ком говорил ее наставник. Лишь тогда она сможет испросить помощи у той Силы, что удерживала ее отца между мирами.

Набросив радугу на волосы, подобно вуали, она приготовилась шагнуть между Столпами. Там клубился туман, но она не обращала на него внимания, устанавливая внутреннее равновесие. Туман обнял ее холодом, едва она сделала первый шаг, а за ним и

второй, и Ивейн охватило головокружение, но это быстро прошло. Сперва она ничего не могла разглядеть вокруг, но затем дымка начала таять...

Она стояла на краю бесконечной равнины под усеянным звездами небом. От мороза словно сам воздух потрескивал вокруг, но Ивейн не чувствовала холода. Вдали, у самого горизонта, что-то темное заслоняло звезды. Тень становилась все больше, по мере приближения, и все труднее было переставлять ноги.

Постепенно тень приняла очертания массивного дольмена — два огромных стоячих камня, и третий, лежащий поверх них. Чем-то это напомнило ей ниши между колоннами в *кииле*, и Ивейн решила, что, возможно, строителей вдохновлял именно этот образ. Она продолжала идти, и теперь с каждым шагом казалось, будто ей приходится двигать саму Землю под ногами, — и наконец она осознала, что приблизилась к самим Земным Вратам.

А за этими вратами лежало царство Архангела Земли, великого Уриила, в чьей власти лежали не только горы и пещеры, и скалистые уступы, но и все изобилие роста, и цикл смертей и возрождений плоти — ибо он был завершителем жизни и проводником в Мир Иной, где души ожидал последний суд. Именно перед Уриилом надлежало ей предстать — перед Уриилом, который не явил ей свой лик, когда они устанавливали защиты круга, ибо он ждал, когда она *сама* придет к нему.

Так она и поступит — ведь разве не за тем она явилась сюда, дабы бросить вызов той Силе, что пленила ее отца, и добиться для него освобождения? Проход внутри дольмена служил вратами в Иное царство. Помолившись об отваге, она скрестила руки на груди и шагнула вперед. И закрыла глаза, ибо

знала, что Ангел не явит себя ни взору ее, ни слуху, распахнула сознание навстречу безмолвию и приготовилась ждать.

Давление. Сила. Гнетущее, душащее чувство, словно она заточена в недра живого камня, стискивающего, давящего — а затем — пустота. Она не пыталась сопротивляться, но лишь полностью открылась земным ритмам, слилась с потоками силы в пассивном ожидании...

Через какое-то время вопрос возник в ее сознании. Как осмелилась она явиться сюда? На что надеялась? Тот, кого она ищет, вполне счастлив здесь, хотя и менее властен над собой, чем если бы сумел верно сплести энергии. Он не сумел перейти в Мир Иной, к истинной смерти, но и не смог вернуться на землю. Но он и не пожелал бы вновь стать простым смертным теперь, вкусив нового могущества, хотя и был ограничен в своем движении и мог лишь изредка пересекать великий Предел.

Ивейн попыталась осознать все это, лишь постепенно приходя к пониманию того, что же, на самом деле, содеял ее отец. Заклинание сработало — но лишь отчасти. Камбер обошел Смерть, но это слишком дорого стоило ему. В обмен на право хотя бы изредка перемещаться между мирами, дабы дух его мог продолжать работу, на которую более неспособно было израненное тело, он отрекся, по крайней мере, на время, от потрясающего экстаза единения со Вседержителем. Если бы он сумел лучше сплести чары, он мог бы получить и то, и другое — право пребывать с Господом и одновременно приходить в мир смертных как его посланец.

Но Камбер не вполне осознавал действие заклинания, в этот миг неминуемой гибели. Нет, смерть не сумела связать его. И все же он оказался в плену.

Благодаря своей невероятной воле, ему все же удавалось время от времени пробиться в земной мир и явить там свое присутствие, но это давалось ему лишь огромной ценой, в полной мере очевидной лишь тем, кому дано было узреть Лик Господа — или быть лишенным этого права. И пока равновесие не будет восстановлено кем-то, готовым заплатить требуемую цену, этот Лик останется навеки запретен для Камбера Мак-Рори.

Ивейн даже не задумывалась над принятым решением. Она давно догадывалась, что все придет именно к этому. Вернуть Камбера к жизни, конечно же, невозможно, а обычная смерть лишь вернет его на Колесо перерождений, чтобы начать цикл сначала и утратить всю мудрость, накопленную в прошлом... разумеется, для столь продвинутой души как Камбер это не было неодолимым препятствием, и все же для людей и Дерини, ради блага которых он так долго и преданно трудился, это стало бы невосполнимой потерей.

Это значит, что она должна освободить его для исполнения той грандиозной цели, что избирают для себя величайшие adeptы, призванные научить человечество, как приблизиться к Богу. Для нее самой этот выбор означал гибель тела, ибо смертной плоти не под силу выдержать того потока энергии, который ей придется пропустить через себя, чтобы дать ей необходимый толчок для перехода в иное измерение; но она заранее знала об этой жертве. Ради благой цели другие тоже бесстрашно шли на смерть в прошлом — и она последует за ними.

А там ее будет ждать Райс, и ее любимый первенец Эйдан — и прочие друзья и спутники по Великому Танцу, павшие во имя Света. Это был не плохой конец. Более того, это вовсе не было концом.

В смирении она явила свое решение Тому, кто судил ее сейчас. Мир снизошел на ее душу, вместе со знанием о том, как это надлежит исполнить. В полной гармонии, она вернулась в свое тело, одновременно сообщая о своем решении Кверону и запретив ему пытаться помешать ей. Руки Целителя дрогнули на ее плечах, но он даже не поднял голову, лишь помогая Ивейн сохранить нужную степень сосредоточения, когда она наконец открыла глаза и взглянула на брата.

— Я готова, Джорем,— молвила она негромко, и любовь к нему переполнила ее сердце. Он изумленно взглянул на нее.— Открой врата на Север, и все будет кончено. Вспомни ночь, когда умер Синхил. И прошу, не спорь. Просто сделай, как я сказала.

Кровь отлила у него от лица, когда она встала и медленно приблизилась к телу отца, на сей раз с легкостью миновав Столпы которые лишь внешне выглядели маленькими кубиками из черного дерева и слоновой кости. Она знала, что Кверон не сумел пройти следом, хотя телесно он и оставался рядом.

Джорем не стал спорить. Он открыл было рот, словно хотел что-то сказать, но тут же закрыл его и, склонив голову, взял меч в правую руку и обернулся к северу. Затем уперся кончиком клинка в ту точку, где мерцающий купол смыкался с помостом, и медленно повел лезвие вверх и по кругу, образуя арку в ткани круга. Сгусток мрака обнажился по ту сторону врат, и порыв ледяного ветра занес вовнутрь стайку сухих листьев — совершенно настоящих!

Вид их потряс Джорема, но он по-прежнему не произнес ни слова и лишь неохотно отодвинулся влево, открывая проход. Мечом он уперся в землю и прислонился к крестовине щекой, все так же не глядя на сестру. Должно быть, он ожидал, что Камбер

пройдет сейчас сквозь проход. Она могла лишь надеяться, что он не слишком рассердится, когда вместо этого вперед выступит она сама.

Ивейн с улыбкой отвернулась от отца и мысленно велела Кверону отстраниться, посылая ему последнее ласковое «прощай».

Склонив голову в знак согласия, он отошел за саркофаг, опустив руки, даже не пытаясь больше делать вид, что готов исцелить раны Камбера.

Она ощутила, как напрягся Джорем, но брат не оглянулся — и она была благодарна ему за это.

Собрав воедино всю свою любовь, надежду и силу, она опустила ладони на руки отца, сложив их в точности, как у него, а затем мягко разомкнула их. В тот же миг она устремила свое сознание в сеть заранее сплетенных чар, нащупывая связующие точки, ощущая, что он осознает, что она делает, и убеждая его, что выбор сделан ею добровольно, из любви к нему и ради служения их общей цели.

— Ты пойдешь дальше, и я пойду, и пусть пока наши пути разойдутся, но рано или поздно мы соединимся в Свете, — сказала ему Ивейн. — Так должно быть. Так будет правильно. Тебя ждет твоя работа, меня — моя. Я люблю тебя, отец, но другой человек ожидает меня, и мы с ним были в разлуке слишком долго.

Она не позволила ему воспротивиться, ибо уже ощутила приход Иного с той стороны круга — Иного, уже знакомого ей, Того, Кто ждал, как и в ту ночь, когда скончался король. Время пришло. Она была готова.

Закрыв глаза, она зачерпнула из источника сил, открывшегося ей, — и устремилась к сосредоточению энергий, под самым его сердцем, через которое он был привязан к физическому плану существования. Все было так просто...

Ей оставалось лишь выправить равновесие, мысленно тронув нужную точку — вот так...

Она превратилась в живой канал для струящейся силы, направляя ее через свои руки в *его* плоть. Мощь нарастала, нарастала, и она еще подталкивала ее, все увеличивая давление, хотя и сознавала, что непоправимо губит свое тело.

Но боли не было. Она черпала энергию из защит круга, из кубов саркофага, из самых глубин своей жизненной силы — и за их пределами. Истощение пришло внезапно и было полным, словно низкая органная нота прошла через все тело, или отзвуки гонга прозвучали в тишине после благословения.

На краткий миг ей удалось уловить последний образ: невыразимо близкое лицо отца, исцеленного, совсем молодого, который распахнул глаза и улыбнулся ей с любовью, состраданием, пониманием, прощением и благодарностью за ту невероятную жертву, что она принесла ради его освобождения.

А потом он просто исчез, и она обернулась к вратам в круге, за которым тянул к ней руки возлюбленный, с растрепанными рыжими волосами и смеющимися янтарными глазами, а у него на плечах висел хохочущий девятилетний мальчуган...

Она даже не вспомнила о теле, которое мягко опустилось на руки Кверону, подобно опавшему парусу. Она видела перед собой лишь мужчину, и мальчика, а затем — ослепительный Свет, что обнял ее за порогом теней, в трепете черно-зеленых крыл.

Джорем не заметил ее ухода, ибо смотрел лишь на тело сестры, не обратив внутренний Взор вовне, но Кверон *видел*. Он оставался слеп ко всему остальному миру еще три дня — и помнил об увиденном до самого смертного часа.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ХРОНОЛОГИЯ ЦИКЛА КЭТРИН КУРТЦ «КАНОН ДЕРИНИ»

«Легенды о Камбере Кулдском»

Камбер Кулдский
Святой Камбер
Камбер еретик

«Наследники Святого Камбера»

Скорбь Гвиннеда
Год короля Джавана
Принц бастард

• «Хроники Дерини»

Вознесение Дерини
Игра Дерини
Властитель Дерини

«Истории короля Келсона»

Наследник епископа
Королевское правосудие
В поисках святого Камбера
Невеста короля Келсона

«Потомки Моргана»

(трилогия анонсированна к выходу
в США с 2002 года)

Отдельные произведения

Архивы Дерини (сб. рассказов)
Магия Дерини (эзотерический трактат)
Кодекс Дерини (рассказы, эссе, стихи)
(анонсирована к выходу в США в 2002 году)

Список персонажей трилогии «Наследники святого Камбера»

Аарон, брат — имя, под которым *Клерона* знали *виллимиты*.
Аврелиан, отец — юный гавриилитский Целитель, укрывшийся вместе с *Грегори* в *Трекале*.

Агнес Мердок, леди — восемнадцатилетняя дочь *Мердока Картанского*, супруга регента *Рана*.

Адриан Мак-Лин, лорд — внук сестры *Камбера Эйслинн* и отец *Камбера-Эллина* (он же *Камлин*); убит вместе с сыном *Райса* и *Ивейн Эйдаком* в *Трурилле*, солдатами регентов (*).

Айвер Мак-Иннис — сын *Манфреда*, взял в жены леди *Ричелдис Мак-Лин*.

Алана д'Ориэль — супруга пленного Целителя *Ориэля*.

Алоизий, отец — каноник Валоретского собора.

Алрой Беренд Брион Халдейн, король — двенадцатилетний владыка *Гвиннеда*, брат-близнец *Джаэана*.

Альберт, лорд — глава *Equites Custodum Fidei*; в миру — *Питер Синклер*, бывший граф Тарлтонский, вместе с *Раном* участвовал в разграблении *аббатства св. Неота*; брат *Полина Рамосского*.

Альфред Вудборнский — епископ Ремутский, бывший исповедник короля *Синхила*.

Анна Квиннел, принцесса — дочь князя *Эмберта Кассанского*, супруга *Фейна Фитц-Артура*. (*)

Ансель Айрил Мак-Рори, лорд — 18 лет; младший сын покойного Катана, внук *Камбера*.

Арион Торентский, король — 18 лет; недавно коронованный правитель *Торента*. (*)

Бартон, отец — священник *Custodes Fidei*.

¹ Знак (*) означает, что персонаж лишь упоминается в романах.

Бонифаций, отец — священник в базилике св. Хилари в Ремуте; переписчик и каллиграф.

Боннер Синклер, лорд — граф Тарлetonский, девятнадцатилетний сын *Питера Синклера*, бывшего графа Тарлetonского (ныне лорда Альберта, главы *Equites Custodum Fidei*); племянник епископа Полина.

Варнарты — adeptы *Дерини*, ученые, основавшие в *Грекоте* прообраз университета в конце VII — начале VIII вв.; от этого ордена в 745 г. отделились гавриилиты.

Виллум, святой — ребенок, якобы замученный *Дерини*; святой покровитель движения *виллимитов*; младший брат св. Эркона.

Виллимиты — анти-деринийское движение, практически уничтоженное во времена правления короля *Имре*, вновь возникшее при короле *Синхиле* как фундаменталистская религиозная секта, ставящая своей целью силой заставить *Дерини* отказаться от своих способностей и принять покаяние.

Вильям де Боргос, лорд — владелец лучшего рысака в Одиннадцати Королевствах. (*)

Гавриилиты — священники и Целители ордена св. Гавриила, деринийского эзотерического братства, основанного в 745 г. и базировавшегося в *аббатстве св. Неота* вплоть до 917 г., когда орден был разогнан, а большинство братьев убиты; особенно славился своими Целителями.

Гвейр Арлисский, лорд — бывший помощник Элистера Келлена, один из основателей ордена Слуг св. Камбера. (*)

Гизела Мак-Лин — 12 лет; племянница *Иена*, графа Кирнийского.

Гиллеберт — *виллимит*, бывший *Дерини*.

Годри — *виллимит*, бывший *Дерини*, последователь *Ревана*.

Гонория Кармоди — супруга Целителя *Деклана Кармоди*.

Грегори Эборский, лорд — *Дерини*, граф Эборский, один из первых членов Совета Камбера; отец *Джесса*.

Грэхем Мак-Эван, лорд — одиннадцатилетний сын и наследник *Эвана*, герцога Клейборнского.

Давет Неван, епископ — покойный епископ без кафедры. (*)

Деклан Кармоди — *Дерини*, служивший регентам; один из двоих *Дерини*, принужденных к участию в разграблении *аббатства св. Неота* регентом *Раном*, державшим в заложниках его жену и двоих сыновей.

Дерини — раса, наделенная сверхъестественными способностями.

Дермот О'Бирн, епископ — изгнанный и объявленный вне закона епископ Кашиенский.

Дескантор, епископ Кай — см. *Кай Дескантор*.

Джебедия Алькарский, лорд — *Дерини*, покойный глава ордена св. Михаила; один из основателей Совета Камбера. (*)

Джаван Джешан Уриен Халдейн, принц — 12 лет; младший брат-близнец короля *Агроа*; хромой от рождения.

Джейми Драммонд, лорд — внучатый племянник *Камбера*, второй муж овдовевшей *Элинор*; отец *Миказла* и *Катана*.

Джесс Мак-Грегор, лорд — *Дерини*, старший сын и наследник графа *Грегори*; член Совета Камбера.

Джеффрай, архиепископ — *Дерини*, покойный архиепископ Валоретский. (*)

Джокал Тиндурский — *Дерини*, Целитель и поэт. (*)

Джон, брат — личина *Ивейн*

Джоревин Кешельский — *Дерини*, автор мистических текстов. (*)

Джорем Мак-Рори, отец — младший сын *Камбера*; брат *Ивейн*; священник и рыцарь ордена св. Михаила; один из основателей Совета Камбера.

Джоффри Мак-Лин, лорд — покойный младший брат *Иена*, отец *Ричарда* и *Гизели*. (*)

Драммонд — см. *Катан*, *Элинор*, *Джейми* и *Миказла Драммонд*.

Дуалта Джерриот, лорд — рыцарь-михайлинец. (*)

Ивейн Мак-Рори Тури, леди — *Дерини*, дочь *Камбера*; сестра *Джорема*; *вдова Райса Турина*; одна из основателей Совета Камбера.

Иен Мак-Лин, лорд — граф Кирнийский; отец покойного *Адриана Мак-Лина*; племянник *Камбера*. (*)

Иеруша Ивейн Турин — новорожденная дочь *Ивейн* и *Райса*; будущая Целительница.

Имре, король — пятый и последний король *Гвиннеда* из рода *Фестилов* (годы правления 900-904); отец *Марка Фестила*, от своей сестры *Эриеллы*. (*)

Иоахим, брат — *виллимит*, основной последователь *Ревана*.

Иодота Карнедская — *Дерини*, ученица Великого *Орина*. (*)

Кай Дескантор, епископ — *Дерини*, епископ без кафедры, погибший при попытке уничтожить Портал в ризнице Валоретского собора. (*)

Кайрил — религиозное имя *Камбера*.

Камбер Кайрил Мак-Рори, святой — бывший граф Кулдский; отец *Джорема* и *Ивейн*; канонизирован как св. Камбер в 906 г.; канонизация отменена Рамосским Советом в 917 г.

Камлин Мак-Лин, лорд — 11 лет; сын покойного *Адриана Мак-Лина* и его законный наследник; выжил, будучи распятым солдатами регентов в *Труриле*; он же Камбер-Эллин Мак-Лин.

Карлан — паж *Джавана*.

Катан Драммонд — 8 лет; сын Элифор и Джейми Драммонда.

Катан Мак-Рори — покойный старший сын Камбера, отец Анселя и погибшего Девина. (*)

Кверон Киневан, отец — бывший гавриилитский священник и Целитель, основатель ордена Слуг св. Камбера; позднее — член Совета Камбера.

Келлен, епископ Элистер — см. Элистер Келлен.

Кенрик, отец — беглец-гавриилит, нашедший приют у епископа Никлана.

Китрон — Дерини; автор манускрипта «Principia Magica». (*)

Конкеннон, отец Марк — см. Марк Конкеннон.

Коннор — валоретский стражник, на службе регентов.

Кронин, брат — аббат обители св. Марии-на-Холмах.

Кустодес Фидеси (*Custodes Fidei*) — Хранители Веры; религиозный орден, основанный Полином Рамосским, с целью реформировать религиозное обучение в Гвиннеде и уничтожить Дерини.

Лиор, отец — священник *Custodes Fidei*; помощник верховного инквизитора.

Лирин Удаут, леди — двенадцатилетняя дочь Коннетабля Гвиннеда, невеста Ричарда Мердока.

Льютерн — Дерини, автор мистических текстов. (*)

Маири Мак-Лин, леди — вдова Адриана, мать Камлина.

Мак-Грегор, епископ Эйлин — помощник Хьюберта в Валорете.

Мак-Дара, Имонн — деринийский поэт родом из Меара, автор поэмы «Дух Ардала». (*)

Мак-Иннис — см. Эдвард, Хьюберт и Манфред Мак-Иннис.

Мак-Лин — см. Адриан, Эйслин, Камлин, Фиона, Джоффри, Гизела, Иен, Маири и Ричелдис Мак-Лин.

Мак-Рори — родовое имя Камбера; см. Ансель, Камбер, Катан, Девин, Ивайн и Джорем Мак-Рори.

Манфред Мак-Иннис, лорд — новый граф Кулдский, позднее — регент Гвиннеда; старший брат архиепископа Хьюберта; отец епископа Эдварда.

Марк Конкеннон, отец — канцлер *Custodes Fidei*, руководящий всеми семинариями и иными учебными заведениями Гвиннеда.

Марк Фестил, принц — сын Имре и Эриеллы, последний представитель рода Фестилов. (*)

Мердок Картанский, лорд — граф Картанский; один из пятерых регентов короля Аэрова.

Микаэла Драммонд — 10 лет; дочь Элифор и Джейми

Михайлины — священники, рыцари и братья-миряне ордена св. Михаила, объединявшего воинов и ученых, преимущественно *Дерини*; основан во времена правления короля Беренда Халдейна для борьбы с нашествием мавров и защиты побережья; уничтожен регентами короля *Алрога*.

Неван, епископ Давет — см. *Давет Неван*.

Ниева Фитц-Артур, леди — супруга *Таммарона*, мать четверых его сыновей; вдова покойного графа Тарлетонского, мать его сына *Петера* (впоследствии — *Альберта*) и *Полина Рамосского*.

Ниеллан Трей, епископ — *Дерини*; объявленный вне закона епископ Дхасский; позднее — член Совета Камбера.

Никарет — *Дерини*, вдова, кормилица новорожденной дочери *Ивейн Иеруши*. (*)

Норрис — стражник в *Балорете*, на службе у *Рана*.

О'Бирн, епископ Дермот — см. *Дермот О'Бирн*.

О'Нилл, лорд Тавис — см. *Тавис О'Нилл*.

Ордо Верби Деи (*Ordo Verbi Dei*) — орден Слова Господня.

Ордо Вокс Деи (*Ordo Vox Dei*) — орден Гласа Господня.

Орин — адепт *Дерини*, мистик; автор «Протоколов Орина», свитков, содержащих особо могущественную деринийскую магию. (*)

Орисс, архиепископ Роберт — архиепископ Ремутский; бывший верховный настоятель *Ordo Verbi Dei*.

Ориэль, мастер — Целитель на службе у регентов, большей частью — *Хьюберта* и *Таммарона*, которые держат в заложниках его жену и новорожденную дочь.

Парган Ховиккан — см. *Ховиккан, Парган*.

Патрик, брат — *виллимит*, бывший *Дерини*, один из последователей *Ревана*.

Полин (Синклер) Рамосский, епископ — младший сын графа Тарлетонского, пасынок графа *Таммарона*; основатель ордена Братьев св. Эркона (912 г.); первый епископ Стэвенхемский; отказался от этого поста, чтобы основать *Custodes Fidei*.

Радан — оружейник в Ремутском замке.

Райс-Майкл Элистер Халдейн, принц — младший сын короля *Синхила*; 10 лет.

Райс Малахия Тури, лорд — покойный Целитель *Дерини*; супруг *Ивейн*; отец *Райсилы*, *Тиеги* и *Иеруши*; один из основателей Совета Камбера. (*)

Райсил Джослин Тури — восьмилетняя дочь *Райса* и *Ивейн*.

Ран Хортнесский, лорд — прозванный Безжалостным; граф Шиильский, один из пятерых регентов короля *Алрога*.

Реван — бывший наставник детей *Райса* и *Ивейн*; участник плана Совета Камбера по спасению *Дерини* путем блокирования их способностей.

Рикарт, отец — гавриилит, домашний Целитель епископа *Ниеллана*.

Ричедис Мак-Лин — 13 лет, племянница *Иена*, графа Кирнийского.

Роберт Орисс, архиепископ — см. *Орисс, архиепископ Роберт*.

Рондел — рыцарь на службе лорда *Манфреда*.

Руадан Дхасский — *Дерини*, автор труда «*Liber Sancti Ruadan*». (*)

Рэмси, капитан — один из стражников *Хьюберта*, принявший «крещение» *Ревана*.

Секорим, отец — аббат Валоретского капитула *Custodes Fidei*.

Серафин, брат — верховный инквизитор *Custodes Fidei*.

Сигер, лорд — граф Марлийский; дядя *Грэхема Мак-Эвана*.

Сильвен О'Салливан — Целитель в доме *Грэгори*.

Синклер — родовое имя графов Тарлetonских.

Синхил Донал Ифор Халдейн, король — покойный владыка *Гвиннеда* (годы правления 904-917); отец *Алроя, Джевана и Райса-Майкла*. (*)

Ситрик — второй из ищеек-Дерини *Рана*.

Стефан, отец — священник Валоретского собора.

Сулиен Р'Кассанский — великий адепт *Дерини* древности, автор «*Анналов*». (*)

Тавис О'Ниал — бывший Целитель принца *Джевана*, обладающий талантом блокировать способности *Дерини*; позднее — член Совета Камбера.

Таммарон Фитц-Артур, граф — канцлер *Гвиннеда*; один из пятерых регентов короля *Алроя*.

Тиег Джорем Турин — 3 года; сын *Райса* и *Ивейн*, будущий Целитель.

Тирнан, брат — монах в *аббатстве св. Марии-на-Холмах*.

Торквилл де ла Марч, лорд — *Дерини*, барон, исключенный из королевского совета регентами.

Трей, епископ Ниеллан — см. *Ниеллан Трей*.

Турин — родовое имя *Райса*; см. *Эйдан, Ивейн, Иеруша, Райс, Райсил и Тиег*.

Удаут, лорд — Коннетабль *Гвиннеда*.

Урсин О'Кэррол — *Дерини* на службе у *Манфреда*; бывший соученик Тависа, неудавшийся Целитель.

Фейн Фитц-Артур, лорд — старший сын графа *Таммарона*, супруг наследницы *Кассана*.

Фиона Мак-Лин — младшая сестра покойного *Адриана Мак-Лина*, внука сестры Камбера *Эйслинн*.

Фитц-Артур — см. *Фейн, Ниева и Таммарон*.

Флайн — виллиmit, последователь *Ревана*.

Халдейн — родовое имя королей *Гвиннеда*.

Ховиккан, Парган — классический поэт *Дерини*. (*)

Хоррик Истмаркский, лорд — граф Истмаркский; младший брат регента *Эвана* и дядя *Грэхема*.

Хьюберт Мак-Иннис, архиепископ — примас *Гвиннеда*, архиепископ Валоретский, один из пятерых регентов короля *Алроя*; младший брат графа *Манфреда* и дядя епископа *Эдварда*.

Эван, герцог — герцог Клейборнский, вице-король *Келдора*; один из пятерых регентов короля *Алроя*; сын *Сигера*, первого герцога *Гвиннеда*.

Эдвард Мак-Иннис Арнемский, епископ — двадцатилетний сын графа *Манфреда*, племянник архиепископа *Хьюберта*; епископ Грекотский после *Элистера Келлена*.

Эдуард, отец — *Дерини*, автор труда «*Haut Arcanum*». (*)

Эйдан Турин — погибший первенец *Райса* и *Ивейн*, убит в *Труриле* в возрасте 10 лет солдатами регентов, ошибочно принявшими его за *Камлина Мак-Лина*. (*)

Эйлин Мак-Грегор, епископ — см. *Мак-Грегор, епископ Эйлин*.

Эйрсиды — древнее братство *Дерини*, до 500 г. РХ. (*)

Эйслинн Мак-Рори Мак-Лин, леди — покойная сестра *Камбера*, погибшая в *Труриле*, вдовствующая графиня Кирнийская, мать *Иена*, нынешнего графа. (*)

Эквитес Кустодум Фидеи (*Equites Custodum Fidei*) — Рыцари Хранителей Веры; военное подразделение ордена *Custodes Fidei*; ими было получено «Благословение Мечи», оправдывающее любые убийства.

Элинор Мак-Рори Драммонд, леди — вдова *Катана Мак-Рори*, мать его сыновей *Анселя* и *Девина*; супруга *Джейми Драммонда*, мать его детей *Микаэлы* и *Катана*.

Элистер Келлен, епископ — *Дерини*, бывший верховный настоятель ордена св. Михаила; епископ Грекотский и канцлер *Гвиннеда* при короле *Синхиле*; на короткое время — архиепископ Валоретский и Примас *Гвиннеда*; альтер-эго *Камбера*; основатель Совета Камбера.

Эмберт Квиннел Кассанский, князь — правитель *Кассана*, княжества к северо-западу от *Гвиннеда*; тесть *Фейна Фитц-Артура*, наследника *Таммарона*. (*)

Эмрис, отец — знаменитый гавриилитский Целитель; аббат монастыря св. *Неота*, был убит там при попытке уничтожить Портал. (*)

Энском Тревасский, архиепископ — *Дерини*, покойный Примас *Гвиннеда*. (*)

Эрен — виллиmitка, чьего больного сына исцелили *Реван* и *Кверон*.

Эрисла Фестил, принцесса — покойная старшая сестра бывшего короля *Имре* и мать его сына *Марка*. (*)

Эркон, святой — старший брат св. *Виллима*; принял мученическую смерть при попытке отыскать убийц брата; покровитель Братьев св. Эркона, ордена, основанного *Полином Рамосским*. (*)

Эстеллан *Мак-Иннис*, леди — новая графиня Кулдская; супруга *Манфреда*.

Юрис, отец — гавриилитский Целитель-беглец, нашедший приют у епископа *Ниеллана*.

Географические названия

Аббатство св. Марии-на-Холмах — затерянный монастырь в горах Куди, где нашли убежище *Джорем* и *Ивейн*.

Аббатство св. Неота — оплот ордена св. Гавриила Архангела, эзотерического деринийского ордена Целителей; расположено в Лендорских горах; уничтожено войсками регента *Рана* в конце 917 г.

Валорет — столица *Гвиннеда* при *Фестилах* с 822 по 904 гг.

Гвиннед — центральное из Одиннадцати Королевств, находившееся под властью *Халдейнов* с 645 г., когда первый король из рода Халдейнов начал объединение земель; находилось под правлением *Фестилов* с 822 по 904 гг. Реставрация рода Халдейнов была осуществлена в 904 г. с восшествием на престол *Синхила Халдейна*.

Грекота — университетский город, где находилась варнаритская школа; резиденция епископа Грекотского.

Долбан — местность, где находилась основная обитель ордена Слуг св. Камбера, уничтоженного в конце 917 г.

Дхасса — вольный город в Лендорских горах; резиденция епископа Дхассского, традиционно соблюдающего нейтралитет в политике.

Истмарк — графство, владение *Хоррика*, среднего сына герцога *Сигера Келдорского*.

Кайрори — основное поместье *Камбера*, графа Кулдского, в нескольких часах езды к северо-востоку от *Валорета*; ныне резиденция *Манфреда Мак-Инниса*, нового графа Кулдского.

Картан — графство *Мердока*.

Кассан — небольшое княжество, владение князя *Эмберта Квиннела*.

Келдор — вице-королевство, отколовшееся от *Келдора* после его захвата герцогом *Сигером* и королем *Синхилом* в 906 г.

Келдиш — небольшое королевство к северу от *Гвиннеда*, славится своими тканями и коврами.

Кешиен – епископская резиденция, ранее принадлежавшая епископу *Дермоту О'Бирну*.

Кирни – графство к северу от Кулди.

Клейборн – столица *Келдора*, владение *Эвана*, герцога Клейборнского.

Коннаит – варварское королевство на западе, знаменитое своими наемниками.

Кор Кулди – наследная резиденция графов Кулдских, близ города Кулди, на границе *Гвиннеда* и *Меары*.

Лланнед – королевство к юго-западу от *Гвиннеда*, союзник *Ховисса*.

Марли – небольшое графство, отделенное от *Истмарка* во владение *Сигера*, младшему сыну герцога *Сигера*.

Марлор – баронство *Манфреда Мак-Инниса*.

Меара – королевство-княжество к северо-западу от *Гвиннеда*.

Порти – местность, где в древности располагалась давно исчезнувшая школа Целителей.

Рамос – аббатство к юго-западу от *Валорета*, место рождения *Полина Синклера*; место сбора Рамосского Совета зимой 917-918 гг.

Ремут – древняя столица *Гвиннеда* при *Халдейнах*; перемещена в период правления *Фестилов*; восстановлена при *Синхиле* и *Аире*.

Рендалл – озеро к северу от *Гвиннеда*; титул наследника герцога Клейборнского.

Стэвенхем – епископская резиденция *Полина Рамосского*.

Собор Всех Святых – резиденция архиепископа Валоретского, примаса *Гвиннеда*.

Тарлевильт – владение графа *Таммарона* на реке *Эйриан*, в нескольких днях езды от *Ремута*.

Temprium Archangelorum – разрушенное древнее аббатство деринийских адептов; местонахождение не указано.

Торент – королевство к востоку от *Гвиннеда*, откуда берет начало род *Фестилов*, младшей ветви правящего Дома Торента, глава которого – король *Арион*.

Тревалга – новое владение графа *Грегори в Коннаите*.

Трурилл – замок лорда *Адриана Мак-Лина*; уничтожен войсками ренгтов зимой 917-918 гг.

Хортнесс – баронство *Рана Безжалостного*.

Ховисс – королевство к юго-востоку от *Гвиннеда*, союзник *Лланнеда*.

Шиил – усадьба *Райса* и *Ивейн* к северу от *Валорета*; позднее – резиденция графа Шиильского.

Эбор – графство к северу от *Валорета*, владение *Грегори*.

Эрихем – место рождения епископа *Эдварда Мак-Инниса*.

Краткий гlosсарий религиозных терминов, встречающихся в романе

Отечественному читателю посчастливилось довольно давно познакомиться с замечательными романами Кэтрин Куртц, хотя до сих пор весь сериал о Дерини так и не был издан до конца. Однако с русскими изданиями писательница везло далеко не всегда — исключением можно считать разве что перевод В. и М. Шубинских, изданный в 1991 году.

Бессспорно, К.Куртц весьма трудна для перевождения на русский — и тексты ее делаются все сложнее с каждым новым романом, демонстрируя эволюцию от почти детской прозрачности языка первых «Хроник Дерини» до философской глубины и изысканного слога «Историй короля Келсона». Среди сложностей, подстерегающих переводчика, и подробные технические описания магических обрядов, и, главное, множество деталей религиозного быта и терминов, зачастую малопонятных читателю без особого пояснения. И поскольку романы К.Куртц предполагают близкое знакомство читателя с церковной терминологией, переводчиком был составлен данный небольшой гlosсарий.

Аббат — настоятель мужского монастыря, возглавляющий монашескую братию.

Аббатство — территория или здание независимого монастыря, возглавляемого аббатом (не менее 12 монахов); имущество или рента, принадлежащие монашескому ордену.

Алтарь — 1. главная, восточная часть христианского храма, огражденная иконостасом, где совершаются важнейшие таинства; знаменует обитание Бога и место, откуда Христос шел на проповедь, где страдал, умер на кресте, воскрес и вознесся на небеса, поэтому входит в А. Могут лишь священнослужители. 2. Стол, на котором совершается жертва мессы.

Амвон — возвышенная площадка в церкви перед алтарем.

Аналой — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы, книги.

Антифон — песнопение, исполняемое поочередно двумя хорами, или солистом и хором.

Апокриф — произведение раннехристианской, либо иудейской литературы, признаваемое недостоверным и отвергаемое Церковью; неканонические книги Ветхого Завета..

Базилика — античная и средневековая постройка (храм) в виде удлиненного прямоугольника с двумя продольными рядами колонн внутри.

Дискос — блюдо на подножии с изображением младенца Иисуса, на которое во время проскомидии полагаются агнец и частицы из пропсфор. Во время канона на Д. совершаются освящение и преосуществление агнца.

Елей — растительное, преимущественно оливковое масло, употребляемое в церковном обиходе.

Епископ — высшее духовное звание в христианской церкви, присваиваемое обычно главе духовного округа.

Епископат — 1. Сан епископа, пребывание кого-либо в этом сане; 2. Церковный округ, возглавляемый епископом (также — епархия).

Епитимья — церковное наказание, могущее включать в себя посты, длительные молитвы, и т.п.

Епитрахиль — одно из обрядовых облачений священника в виде передника с крестами, надеваемого на шею и спускающегося ниже колен. Символизирует благодатные дарования священника как священнослужителя.

Ересь — вероучение, отклоняющееся от догматов господствующей религии.

Инквизиция — следственный и карательный орган Церкви, преследовавший ее противников.

Исповедь — таинство примирения грешника с Богом через исповедание и отпущение грехов.

Кадило — металлический сосуд, в котором на горящих углях воскуривается ладан.

Канонизация — причисление к лику святых.

Каноник — член капитула Церкви

Капитул — 1. Коллегия священников, участвующих в управлении епархией; 2. Общее собрание членов монашеского или духовно-рыцарского ордена.

Клир — 1. Совокупность всех духовных лиц Церкви, за исключением архиепископов, а также совокупность церковнослужителей при храме; 2. Церковный хор.

Клирик — член клира, священнослужитель.

Клирос — место для хора в христианском храме.

Крещение — первое и основополагающее христианское таинство, означающее очищение от первородного греха, духовное рождение и

обновление; юридическое и сакральное включение в лоно Церкви, приобщение к Телу Христову.

Кропило — пушистая кисть для кропления святой водой при совершении религиозных обрядов.

Ладан — ароматическая смола, употребляемая для курения при богослужении.

Лампада — небольшой сосуд с фитилем, наполняемый маслом и зажигаемый перед иконами.

Литургия — христианское церковное богослужение.

Месса — 1. Католическое богослужение; 2. Многоголосное хоровое музыкальное произведение на текст литургии.

Миро — благовонное масло, употребляемое в христианских обрядах.

Митра — головной убор высшего духовенства, надеваемый при полном облачении.

Неф — вытянутая в длину, обычно прямоугольная в плане часть базилики, крестово-купольного храма, собора и т.п. помещений, разделенных в продольном направлении колоннадами или аркадами.

Орден — монашеская или рыцарская организация с определенным уставом.

Паникадило — большая люстра, большой подсвечник в церкви.

Придел — особый, добавочный алтарь в храме.

Примас — первый по сану или по своим правам епископ в стране.

Причастие — главное таинство Христианства, восходящее к Тайной Вечере; пресуществление хлеба и вина в Тело, Кровь, Душу и Божественную сущность Христа.

Псалом — название религиозных песнопений, входящих в Псалтырь.

Риза — облачение священника для богослужения.

Ризница — помещение при церкви для хранения риз и церковной утвари.

Ряса — верхнее облачение духовенства и монашества — длинная до пят одежда, просторная, с широкими рукавами.

Семинария — специальное среднее учебное заведение для подготовки духовенства.

Собор кафедральный — храм, где богослужение совершает епископ.

Трансепт — поперечный неф или несколько нефов, пересекающие под прямым углом основные (продольные) нефы в церкви.

Хоры — открытая галерея, балкон в верхней части храма.

Составитель и переводчик Н. Баулина

Оглавление

СКОРБЬ ГВИННЕДА

Перевод Натальи Баулиной

Пролог	7
Глава первая	15
Глава вторая	33
Глава третья	53
Глава четвертая	72
Глава пятая	88
Глава шестая	100
Глава седьмая	115
Глава восьмая	128
Глава девятая	140
Глава десятая	158
Глава одиннадцатая	175
Глава двенадцатая	194
Глава тринадцатая	212
Глава четырнадцатая	223
Глава пятнадцатая	246
Глава шестнадцатая	261
Глава семнадцатая	276
Глава восемнадцатая	297
Глава девятнадцатая	317
Глава двадцатая	339
Глава двадцать первая	357
Глава двадцать вторая	372
Глава двадцать третья	390
Глава двадцать четвертая	416
Глава двадцать пятая	436
Глава двадцать шестая	458
Глава двадцать седьмая	480
Глава двадцать восьмая	497
Глава двадцать девятая	511
Глава тридцатая	532
<i>Наталья Баулина Приложение</i>	545

По вопросам оптовой покупки книг
«Издательской группы АСТ» обращаться по адресу.
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги «Издательской группы АСТ» можно заказать по адресу
107140, Москва, а/я 140, АСТ – «Книги по почте»

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Куртц Кэтрин
Скорбь Гвиннеда
Роман

Художественные редакторы О. Адаскина, И. Богданов
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Верстка: Л. Андресева
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Общероссийский классификатор продукции
OK-005-93. том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
“Самарский Дом печати”
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Кэтрин Куртц — автор, без которой жанр «классической фэнтези» попросту не вошел бы в одну из самых любопытных своих фаз — в фазу «маньеризма». Речь тут идет уже даже не о культовом статусе (хотя нельзя обойтись и без этого), даже не о «золотом фонде» стиля «литературной легенды» (хотя это тоже важно), не о славе, не о призах — и даже не о книгах, на которых выросли целые поколения читателей даже, но — ПОЧИТАТЕЛЕЙ. Речь идет о книгах УНИКАЛЬНЫХ. До предела изысканных — и до предела ОРИГИНАЛЬНЫХ...

«Хроники Дерини». Уникальная сага — «фэнтези», раз и навсегда вписавшая имя Кэтрин Куртц в золотой фонд жанра «литературной легенды».

«Хроники Дерини». Сказание о мире странном, прозрачном и прекрасном, о мире изощренно-изысканных придворных интриг, жестоких и отчаянных поединков «мечи и колдовства», о мире прекрасных дам, бесстрашных кавалеров, порочных чернокнижников и надменных святых. Сказание о мире, силою магии живущем — и магию за великий грех считающем.

Настоящие поклонники фэнтези!

«Хроники Дерини» должны стоять на вашей книжной полке — между Толкиным и Желязны. Особенno — ПОЛНЫЕ «Хроники Дерини»!

ISBN 5-17-009328-4

9 785170 093281